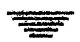
Н. А. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАЯ

КРУШЕНІЕ

(АРМІЯ)



ИЗДАТЕЛЬСТВО »ГЛАГОЛЪ«
1922

Н. А. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАЯ

КРУШЕНІЕ

(АРМІЯ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГЛАГОЛЪ»
1922

Авторскія права закрѣплены.
Alle Rechte, insbesondere das Uebersetzungsrecht, vorbehalten.
Tous droits réservés.
Copyright by the author.

Тебѣ — обливаемая кровью и слезами Россія, я благоговѣйно посвящаю этотъ трудъ.

Coming events cast their
shadows before. *)

I.

Солнце склонялось къ западу, заливая багряными лучами небосклонъ. Въ поѣздѣ стояла удушливая жара и пыль. До Яссъ оставалось нѣсколько станцій, но поѣздъ такъ медленно шелъ и такъ долго стоялъ на каждой станціи, что, казалось, не будетъ конца этому безконечному мучительному путешествію.

Заплеванныя, загаженныя станціи, набитыя грязными отрепанными солдатами, толпами снующими по платформѣ и набивающимися кучами въ залахъ перваго и второго класса, имѣли отвратительный видъ. Въ буфетахъ кромѣ мутнаго чая безъ сахара ничего нельзя было достать. Въ особенности послѣ станціи Унгени сталъ замѣтнымъ острый недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ.

Поѣздъ, наполненный исключительно военными, послѣ долгой стоянки на предпослѣдней станціи, медленно подходилъ къ Яссамъ. Князь Сергѣй Суровъ, въ тужуркѣ цвѣта „хаки", запыленный, не имѣвшій возможности умыться, такъ какъ поѣздъ сутки шелъ безъ воды, сложивъ чемоданъ, книгу и пледъ, съ нетерпѣніемъ глядѣлъ въ окно, ожидая конца усталостному путешествію.

*) Приближающіяся событія бросаютъ впереди себя тѣни.

— Яссы? — спросилъ онъ у проходившаго кондуктора.

— Это разъѣздъ. Будемъ стоять часа два или три.

— А до города далеко?

— Версты три, не больше.

— Нельзя ли тутъ лошадей достать? Невыносимо сидѣть еще три часа, — раздосадованный непредвидѣнной задержкой, допытывался князь Суровъ.

— Никакихъ тутъ лошадей не найдете. Поѣздъ опаздываетъ каждый день изъ-за загрузки пути. Ничего не подѣлаешь, — флегматично отвѣтилъ кондукторъ и ушелъ, хлопнувъ дверью.

Суровъ досадливо провелъ рукой по волосамъ и покорно сѣлъ въ уголъ дивана, глядя въ открытое окно, откуда виднѣлись темнѣющія фіолетовыя дали, подернутыя легкимъ туманомъ пыли, розовѣющей подъ лучами заката.

— Князь Сергѣй Владиміровичъ Суровъ не здѣсь ли находится? — Неожиданно услышалъ онъ чей то голосъ изъ корридора и вышелъ изъ купэ.

— Кто меня спрашиваетъ?

— Главнокомандующій прислалъ за вами автомобиль. — Передъ Суровымъ стоялъ опрятный солдатъ, вѣжливо прикладывая руку къ козырьку.

— Какъ это хорошо! — встрепенулся Суровъ. — Вѣдь поѣздъ будетъ стоять тутъ цѣлую вѣчность. Я думалъ, что только къ ночи попаду въ Яссы.

— Такъ точно. Поѣздъ опаздываетъ каждый день. Тутъ адъютантъ главнокомандующаго васъ дожидаются. Пожалуйте ваши вещи.

Суровъ поспѣшно распрощался со своими спутниками-офицерами, ѣхавшими на Румынскій фронтъ, передалъ вещи солдату-шофферу и поспѣшно спрыгнулъ съ высокой ступеньки вагона.

Молодой адъютантъ небольшого роста, привѣтливый и добродушный, весело представился Сурову и повелъ его къ стоявшему въ отдаленіи щегольскому черному лакированному „Лимузину“ главнокомандующаго.

Послѣ трехъ сутокъ пыли и удушливой жары въ вагонѣ, Суровъ съ наслажденіемъ вдыхалъ волны вѣтра, несущаго свѣжесть вечерней прохлады. Сѣли въ автомобиль. Сумерки быстро сгущались, и фіолетовыя тѣни темнѣли. На ихъ фонѣ сталъ выплывать силуетъ бѣлаго города, съ небольшими садиками подлѣ особняковъ живописной архитектуры, съ колоннами и портиками.

Оранжево-алая полоса, какъ мазокъ гигантской кисти, окрашивала часть горизонта, оставляя другую ея сторону прозрачно-бездонно голубой. Зажигались первыя звѣзды и острыми лучами низко мерцали надъ бѣлымъ, какъ флеромъ окутаннымъ пылью, — городомъ.

Тянулись длинные обозы, съ сѣрыми запыленными солдатами; оглушительно грохотали грузовики. Было что то безпорядочное и ненужно-постороннее въ этихъ сѣрыхъ, неколоритныхъ, пятномъ выдѣлявшихся атрибутахъ войны. Вечеръ былъ такъ хорошъ, такъ мирно закатывалось въ багряныхъ брызгахъ солнце, такъ благоговѣйно теплились въ вечернемъ небѣ звѣзды, что князю Сурову, утомленному долгой дорогой и бурными переживаніями революціонной весны, хотѣлось смахнуть

всѣ впечатлѣнія минувшаго и хоть на время забыть, что послѣдній актъ міровой трагедіи еще не пришелъ къ концу.

Подъѣхали къ большому отелю „Траянъ", занимающему часть, уже тонувшей въ сумеркахъ, площади. Широкія каменныя ступени тянулись вдоль всего фасада отеля. Адъютантъ ловко выпрыгнулъ изъ автомобиля, велѣлъ помощнику шоффера взять вещи князя и повелъ его въ заранѣе приготовленную для него комнату. Большой красивый отель носилъ слѣды раззоренія и захудалости. На лѣстницѣ мелькали военныя формы офицеровъ и ихъ деньщиковъ

Открыли дверь большой, сплошь устланной коврами комнаты, казавшейся въ первую минуту красивой и комфортабельной, но при болѣе внимательномъ осмотрѣ это впечатлѣніе пропадало: на ней, какъ и на всемъ отелѣ лежалъ отпечатокъ неряшливости, вносимой военнымъ положеніемъ.

На мраморномъ прекрасномъ умывальникѣ стояли фаянсовая чашка и кувшинъ съ отбитой ручкой; у зеркальнаго шкафа плохо закрывалась дверка; плюшевая голубая скатерть на большомъ кругломъ столѣ посреди комнаты была въ пятнахъ отъ пролитаго кофе или чего то жирнаго; на небольшомъ туалетномъ столикѣ краснаго дерева, съ подвижнымъ зеркаломъ, лежалъ слой пыли; подъ мягкимъ шелковымъ стеганнымъ одѣяломъ оказалось плохо выстиранное, неглаженное постельное бѣлье.

— Ровно черезъ полъ часа я за вами, князь, заѣду: главнокомандующій ждетъ васъ съ ужиномъ.

— Черезъ полъ часа? Такъ скоро? Я едва успѣю привести себя въ порядокъ. Ну что же дѣлать, — пріѣзжайте. Я потороплюсь.

Адъютантъ вышелъ. Суровъ разпахнулъ ставни большихъ оконъ. Сквозь запыленныя занавѣски повѣяло въ душную комнату легкой прохладой, и густыя сумерки наполнили ее мягкими, теплыми тѣнями. Князь, забывшій усталость пути, поспѣшилъ открыть чемоданъ и дорожный несессеръ. Облившись холодной изъ кувшина водой, онъ почувствовалъ бодрость и подъемъ утомленныхъ нервовъ. Переодѣвшись во все свѣжее, онъ тщательно причесался, проведя аккуратный проборъ сбоку, побрызгалъ голову végétal'емъ, наскоро провелъ замшевой щеточкой по ногтямъ и, когда раздался въ дверь стукъ пріѣхавшаго адъютанта, онъ былъ совершенно готовъ и неузнаваемо-свѣжъ и оживленно бодръ.

Опять сѣли въ автомобиль и помчались по опустѣлымъ улицамъ Яссъ. Кое гдѣ мелькалъ въ окнахъ свѣтъ. Не смотря на сравнительно ранній часъ — было половина десятаго, — жизнь уже замерла. Проѣхавъ нѣсколько прямыхъ пустыхъ улицъ, автомобиль въѣхалъ за рѣшетку полисадника и остановился у нарядной бѣлой виллы съ четырьмя колоннами. Въ спустившейся надъ городомъ вечерней тьмѣ, яркіе потоки электрическаго свѣта, лившіеся изъ оконъ и разпахнутыхъ дверей виллы, ослѣпляли глаза. Вошли въ просторный вестибюль, крытый алымъ сукномъ, гдѣ дежурили два рослыхъ бравыхъ ординарца, и оттуда въ большую, ярко освѣщенную красивую комнату въ стилѣ Empire, съ громаднымъ стѣннымъ зеркаломъ въ золоченой рамѣ и бархатными алыми скамьями вдоль бѣлыхъ стѣнъ, украшенныхъ лѣпной работой.

— Очень радъ васъ видѣть, князь . . . здравствуйте. Какъ доѣхали? — Передъ Суровымъ, привѣтливо по-

жимая руку, стоялъ высокій, статный, съ благородной осанкой генералъ, главнокомандующій Румынскимъ фронтомъ. Продолговатое лицо, съ сѣдѣющими усами, большимъ открытымъ лбомъ и гладко зачесанными назадъ темными волосами, было пріятно и красиво. На шеѣ висѣлъ большой бѣлый Георгій. Суровъ сразу отмѣтилъ отсутствіе золотыхъ генералъ-адъютантскихъ аксельбантовъ, еще недавно украшавшихъ стройную фигуру генерала.

Вошли въ сосѣднюю комнату-гостиную, тоже всю бѣлую съ лѣпнымъ потолкомъ и стѣнами, нарядно обставленную золоченой мебелью, обитой свѣтлымъ шелкомъ. Дверь на террасу была разпахнута и темная звѣздная ночь стояла на порогѣ ярко освѣщенной комнаты.

— А-а, князь! Здравствуйте. Устали, я думаю? Путешествіе ужасное . . . Сегодня узналъ отъ Дмитрія Григорьевича, что вы пріѣзжаете, и вотъ очень радъ васъ видѣть, — говорилъ большой плотный блондинъ, лѣтъ около пятидесяти, единственный штатскій среди большой группы военныхъ, которыхъ главнокомандующій-генералъ Щербачевъ представилъ князю Сурову. Это былъ нашъ посолъ въ Румыніи Козельскій — умный и тонкій дипломатъ, съ обманчиво добродушной и простой манерой, легко могущей ввести въ заблужденіе мало наблюдательнаго собесѣдника. Умное лицо, привѣтливая манера и мягкая улыбка сразу располагали въ его пользу.

Хозяинъ пригласилъ гостей къ ужину. Черезъ Hall прошли въ просторную столовую, гдѣ былъ накрытъ большой длинный столъ, заставленный всевозможными закусками.

Посрединѣ длиннаго края стола помѣстился Щербачевъ, указавъ князю мѣсто напротивъ. На правую руку Сурова сѣла молоденькая, недавно вышедшая замужъ, дочь Щербачева — Валина, мужъ которой состоялъ въ штабѣ фронта. Маленькая, худенькая, нѣжная, прозрачная блондинка, она была миловидна своей юностью и большими сѣрыми глазами, въ которыхъ вспыхивалъ огонекъ горделивой нѣжности каждый разъ, когда взглядъ ихъ былъ устремленъ въ сторону отца. По лѣвую руку князя сѣлъ Козельскій. Дальше размѣстились генералы, полковники генеральнаго штаба и два адъютанта главнокомандующаго.

— Какъ видите, у насъ тутъ есть и бѣлый хлѣбъ, и сахаръ и вино . . . Мы слышали, что Петербургъ начинаетъ ощущатъ недостатокъ во всемъ этомъ? — Обратился къ Сурову Щербачевъ, подергивая правымъ плечомъ и глазомъ — всегдашній нервный тикъ.

— Да, бѣлой муки у насъ почти совсѣмъ нѣтъ, и съ сахаромъ положеніе начинаетъ осложняться.

— Этого и здѣсь вы не найдете . . . всѣ кафэ закрыты, въ ресторанахъ ни хлѣба, ни сахара; только армія снабжена, — нѣжнымъ голоскомъ проговорила дочь главнокомандующаго.

— Вы надолго къ намъ, князь? — спросилъ Щербачевъ.

— Какъ разрѣшите, Дмитрій Григорьевичъ.

— Въ такомъ случаѣ я предлагаю вамъ завтра же проѣхать къ вашему брату. Его корпусъ находится въ деревнѣ Паунештахъ и какъ разъ туда направляется полковникъ, — Щербачевъ указалъ на высокаго, похожаго на англичанина, худого кавалерійскаго полков-

ника, загорѣлаго, съ сильно выдавшимся подбородкомъ, длинной шеей, маленькой головой, самоувѣреннаго въ тонѣ и сдержаннаго въ манерахъ. — Я васъ поручу полковнику; онъ васъ благополучно доставитъ въ восьмой корпусъ, а возвращеніемъ обратно въ Яссы озаботится вашъ братъ.

— Если бы мнѣ было разрѣшено, то я съ удовольствіемъ проѣхалъ бы въ Галацъ на обратномъ пути. Говорятъ, что красивый и интересный городъ.

— У насъ теперь большія затрудненія съ автомобилями: ихъ такъ истрепали всѣ эти депутаты, что многіе стали негодными къ употребленію, а потому арміи зачастую не имѣютъ свободной машины. Во всякомъ случаѣ до Галаца васъ доставятъ на автомобилѣ, а оттуда вы сможете вернуться сюда по желѣзной дорогѣ.

— Конечно. Очень вамъ благодаренъ Дмитрій Григорьевичъ, что разрѣшаете проѣхать въ глубь.

— Отчего же?! Очень радъ. Погостите у насъ. Мы вамъ покажемъ что возможно. Очень жаль, что мы въ Яссахъ, а не въ Бухарестѣ. Прелестный городъ. Маленькій Парижъ.

Генералъ Щербачевъ съ большимъ тактомъ совмѣщалъ престижъ и достоинство главнокомандующаго, умѣя оставаться для своего штаба и для всѣхъ окружающихъ свѣтскимъ человѣкомъ и радушнымъ хозяиномъ. Подчиненные, приглашенные къ столу главнокомандующаго, чувствовали себя гостями. Не было натянутости и ранговой подавленности, царившихъ во многихъ штабахъ, гдѣ командующій генералъ ни на секунду не переставалъ являть собой обликъ начальства.

— Разскажите намъ, что дѣлается сейчасъ въ вашей революціонной столицѣ? — обратилъ къ князю полное, улыбающееся тонкой улыбкой, лицо его сосѣдъ посолъ Козельскій, къ которому Суровъ чувствовалъ большую симпатію, помимо личнаго отношенія, какъ къ извѣстному дипломату съ тонкимъ тактомъ и умѣньемъ ликвидировать ненужныя и вредныя тренія. Князь зналъ, что Козельскій былъ назначенъ въ Румынію именно на основаніи этихъ, нужныхъ въ данное время, дипломатическихъ качествъ. — До насъ вѣсти газетныя доходятъ довольно туго, — продолжалъ онъ, передавая князю соусникъ съ провансалемъ.

— Да все тоже, — отвѣчалъ князь, съ удовольствіемъ, послѣ трехдневней голодовки въ поѣздѣ, принимаясь за майонезъ. — Митинги, безъ конца митинги и, за нослѣднее время, довольно бурные, такъ какъ Ленинъ всенародно громитъ временное правительство, требуетъ сверженія Милюкова, который недавно произнесъ на Маріинской площади рѣчь, покрытую громомъ рукоплесканій той же толпы, что требовала его сверженія.

— Да, да не вѣдаютъ что творятъ, — задумчиво произнесъ главнокомандующій.

— А въ наступленіе арміи у васъ тамъ вѣрятъ? — спросилъ Козельскій.

— Кто вѣритъ въ краснорѣчіе новаго военнаго министра Керенскаго, тотъ вѣритъ и въ наступленіе, — уклончиво отвѣтилъ Суровъ.

— Лично я не оправдываю ухода Гучкова въ такой критическій для Россіи моментъ, — продолжалъ Козельскій. — Керенскій врядъ ли сможетъ путемъ мыль-

ныхъ пузырей своего сомнительнаго краснорѣчія воздѣйствовать на сильно деморализованную армію.

— Я съ вами согласенъ, Витольдъ Казиміровичъ, — отозвался Щербачевъ. — Если арміи двинутся впередъ, то благодаря верховному генералу Брусилову, а не Керенскому. Солдатъ въ боевой обстановкѣ, да еще въ такой мѣрѣ деморализованный, не признаетъ престижа чернаго сюртука: онъ уважаетъ военный мундиръ.

Разговоръ до конца вечера велся на тему политики и войны. Послѣ ужина, вкуснаго и обильнаго, перешли на террасу подлѣ гостинной. Ночь была темная, теплая и звѣздная. Суровъ, удобно усѣвшись въ плетеномъ креслѣ, съ папиросой въ зубахъ, сразу почувствовалъ сильное утомленіе. Начинало клонить ко сну, и онъ дѣлалъ большое усиліе, чтобы не давать замѣтить все болѣе и болѣе охватывавшую его усталость.

— Однако, скоро двѣнадцать, а вамъ, князь, придется рано встать, такъ какъ полковникъ уѣзжаетъ завтра въ восемъ часовъ, — обратился къ Сурову главнокомандующій. — Вѣдь вы, полковникъ, направляетесь завтра прямо въ Текучъ?

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство.

— Передъ отъѣздомъ, зайдите все таки ко мнѣ. У меня будутъ кое какія дѣла для первой арміи. А вамъ, Владимиръ Александровичъ, — продолжалъ главнокомандующій, обращаясь къ адъютанту Пряжкову, привезшему съ поѣзда Сурова, — я поручаю завтра утромъ напоить князя кофеемъ въ штабѣ.

Вслѣдъ за главнокомандующимъ всѣ поднялись со своихъ мѣстъ и стали прощаться.

— Пожалуйста, князь, возвращайтесь черезъ недѣлю обратно, — прощаясь съ Суровымъ, проговорила дочь Щербачева. — Ровно черезъ шесть дней день моего рожденія; у меня будетъ вечеръ, и я васъ приглашаю.

— Благодарю васъ, я буду непремѣнно, если полковникъ возьметъ на себя трудъ доставить меня своевременно въ Галацъ.

— Я въ вашемъ распоряженіи, князь. — Полковникъ, не измѣняя застывшаго выраженія лица, сдѣлалъ легкій оффиціальный поклонъ.

Добродушно-привѣтливый адъютантъ Пряжковъ доставилъ князя обратно въ отель „Траянъ", проводилъ до комнаты и распрощался.

Князь валился съ ногъ отъ усталости. Онъ живо раздѣлся, улегся, затушилъ на ночномъ столикѣ электрическую лампочку подъ ярко-алымъ абажуромъ, заложилъ руки подъ голову, хотѣлъ о чемъ то подумать, но не успѣлъ, такъ какъ мгновенно заснулъ крѣпкимъ, глубокимъ сномъ.

II.

Выѣхали изъ Яссъ, какъ было условлено, въ восемъ часовъ утра. Солнце еще не жарило, но пересохшая почва, избитая десятками тысячъ колесъ и копытъ, точно дымилась отъ мелкой, застилавшей облакомъ пыли, окутывавшей автомобиль, какъ только выѣхали на шоссе, по которому, нескончаемой грязной, какъ червякъ извивающейся, вереницей тянулись военные обозы. Встрѣчные грузовики оставляли въ воздухѣ неподвижную желто-сѣрую тучу пыли, отъ которой

князь Суровъ плотнѣе запахивалъ защитнаго цвѣта непромокаемый плащъ и надвигалъ на самые глаза такого же цвѣта фуражку съ козырькомъ. Однако, онъ чувствовалъ, что пыль проникала за воротъ, подъ козырекъ фуражки, въ рукава плаща.

Прямое шоссе тянулось однообразной полосой среди невоздѣланныхъ, буро-желтыхъ полей. Природа, унылая однообразіемъ ровныхъ степныхъ пространствъ, казалась еще болѣе унылой отъ вида безжизненно-сухихъ полей и диссонирующихъ, ненужныхъ, непонятныхъ на фонѣ голубыхъ небесъ — военныхъ обозовъ, съ вооруженными солдатами.

Полковникъ Галинскій, далеко протянувъ длинныя худыя ноги въ свѣтло-желтыхъ, выцвѣтшихъ ботфортахъ и упираясь ими въ свой порыжѣлый потертый отъ времени и путешествій кожанный чемоданъ, отвалясь въ уголъ автомобиля, надвинувъ чуть ли ни на самый носъ козырекъ фуражки и выставляя острый, выдавшійся впередъ худой квадратный подбородокъ, полузакрывъ глаза, съ миной снобирающаго англичанина, молчалъ, вѣжливо извиняясь передъ княземъ каждый разъ, какъ глубокія выбоины шоссе, встряхивая машину, наталкивали его въ сторону Сурова. Князь тоже молчалъ. Онъ недостаточно выспался послѣ трехъ сутокъ сквернаго путешествія въ вагонѣ. Ему хотѣлось дремать, но прыжки и толчки автомобиля мѣшали. Говорить не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что полковникъ Галинскій сразу произвелъ на него впечатлѣніе „poseur'a“ выкроившаго себя „подъ англичанина“. Послѣ девяти лѣтъ жизни въ Лондонѣ и Америкѣ въ качествѣ военнаго агента, полковникъ Галинскій стремился походить

болѣе на англичанина, чѣмъ на русскаго. Князь Суровъ, по натурѣ простой и безискусственный, не любилъ въ людяхъ ломанья.

— Если вы, князь, плохо напились кофе, то вамъ придется поголодать, такъ какъ ранѣе двухъ или трехъ часовъ дня намъ не удастся нигдѣ закусить, — прервалъ молчаніе Галинскій.

— Развѣ на нашемъ пути не будетъ деревень, гдѣ бы можно было что нибудь достать?

— Деревни будутъ, но достать въ нихъ ничего невозможно, — тутъ форменный голодъ. Кромѣ кукурузы — буквально ничего: ни хлѣба, ни молока, ни овощей, ни яицъ. Съѣдено все союзной арміей. Крестьяне мрутъ отъ голода, отъ цынги, отъ сыпного тифа.

— Какія же причины подобнаго истощенія страны въ такой непродолжительный срокъ войны? — удивился Суровъ.

— Румынія, снабжая до войны воюющія державы, теперь обнищала до крайнихъ предѣловъ. Вы сами увидите въ какомъ видѣ деревни.

Солнце начинало сильно печь. Автомобиль двигался въ густомъ облакѣ рыжевато-сѣрой пыли. По обѣ стороны шоссе тянулись пустыя невоздѣланныя пространства, обсаженныя по краямъ низкорослыми кустами, покрытыми плотнымъ бѣлесоватымъ пыльнымъ налетомъ.

— Какая унылая природа! — замѣтилъ Суровъ. — И такъ будетъ до конца?

— О, да. — Полковникъ Галинскій „да“ выговаривалъ на англійскій ладъ: въ буквахъ „д“ и „т“ онъ упиралъ конецъ языка не въ зубы, а въ небо.

Послѣ многихъ часовъ путешествія они подъѣхали къ небольшой загрязненной и закопченной станціи, гдѣ находился питательный пунктъ. Въ нестерпимо душномъ, герметически закупоренномъ баракѣ, князь съ удовольствіемъ утолилъ голодъ незатѣйливымъ, но вкуснымъ обѣдомъ. Прислуживали румынки-сестры милосердія. Одна изъ нихъ, съ тонкимъ профилемъ и вырисованными чорными бровями, особенно была мила въ бѣлой, легко спадавшей складками, косынкѣ.

Человѣкъ сорокъ сидѣвшихъ за узкими деревянными столами, по большой части, румынъ въ военной и штатской формѣ, ѣли молча, изрѣдка перекидываясь отдѣльными фразами и вытирая платками и салфетками красныя вспотѣвшія лица.

Допивъ изъ стакана вкусное, холодное пиво, Суровъ поспѣшилъ разсчитаться за обѣдъ, чтобы вырваться изъ душнаго барака на свѣжій воздухъ. Онъ прошелъ къ автомобилю и сѣлъ на свое мѣсто. Изрѣдка проходили со станціи черезъ крошечную площадь румынскіе солдаты. Маленькое мѣстечко казалось вымершимъ. Вскорѣ появился Галинскій, а затѣмъ шофферъ.

Поѣхали дальше. Опять пыльное шоссе, унылыя невоздѣланныя равнины, обозы и обозы безъ конца. Подкрѣпивъ себя ѣдой, Галинскій сдѣлался болѣе общительнымъ, и мало по малу завязался интересный разговоръ о жизни въ Америкѣ, о психологіи и политикѣ американцевъ, о положеніи русскихъ, переселившихся въ Америку. Галинскій стряхнулъ съ себя снобирующій тонъ, сталъ проще, а потому симпатичнѣе. Вторая часть пути прошла незамѣтно. Былъ седьмой часъ вечера, когда начали доноситься заглушенные про-

странствомъ звуки орудiйной стрѣльбы, глухiе, не тревожащiе воображенiе, потомъ — болѣе отчетливые, яркiе, тяжелые и опредѣленно-грозные.

— Опять обстрѣливаютъ! — обернулся къ Галинскому шофферъ.

— Да, каждый день.

Въѣхали въ улицы маленькаго городка Текучъ, съ бѣлыми, чистыми, красивыми домиками. Городокъ тонулъ въ зелени. Улицы были пусты. Кое гдѣ изъ оконъ выглядывали лица военныхъ.

— Какъ разъ попали въ обстрѣлъ, — заговорилъ полковникъ. — Противникъ силится обстрѣлять штабъ. Здѣсь стоитъ штабъ первой румынской армiи. Смотрите, князь: вотъ это воронка отъ тяжелаго снаряда. Нѣсколько дней тому назадъ здѣсь проѣзжалъ король: едва онъ проѣхалъ, какъ позади его автомобиля разорвался снарядъ. Минутой раньше и отъ него ничего не осталось бы.

Суровъ увидѣлъ посреди улицы глубоко вырытую въ видѣ воронки яму, сильно вздутую по краямъ.

— А вотъ это штабъ армiи, — продолжалъ Галинскiй. — Разрѣшите на минуту остановиться: я узнаю гдѣ вамъ комнату отвели. Распоряженiе было дано по аппарату съ утра.

Автомобиль остановился передъ двухэтажнымъ бѣлымъ, небольшимъ, плоскаго вида, зданiемъ. Въ открытыхъ окнахъ мелькали военные.

Раздался сухой, внезапный, оглушительный звукъ. Совсѣмъ по близости разорвалась шрапнель. За ней другая, третья . . . Изъ подъѣзда штаба съ озабоченнымъ лицомъ выбѣжалъ Галинскiй:

— Пожалуйста, князь, выйдите изъ автомобиля. Перейдемте поскорѣе улицу и, прошу васъ, зайдите ко мнѣ, пока не прекратится обстрѣлъ.

— Если вы хлопочете обо мнѣ, то, увѣряю васъ, это совсѣмъ не такъ страшно, — картавя проговорилъ князь.

— Нѣтъ — нѣтъ, князь, прошу васъ. Вы поручены мнѣ главнокомандующимъ, и я отвѣчаю за васъ.

— Въ такомъ случаѣ — повинуюсь. — Князъ вышелъ изъ автомобиля. Они пересѣкли неширокую улицу и черезъ полисадникъ, усыпанный гравіемъ, прошли на площадку съ колонами хорошенькаго одноэтажнаго домика. Небольшая кучка офицеровъ и два-три солдата-деньщика толпились на ней, спокойно переговариваясь о томъ, куда должны попадать снаряды.

— Мѣтятъ въ зданіе штаба, да только неудачно: то перелетъ, то недолетъ.

Галинскій предложилъ князю пройти въ его комнату, чтобы немного освѣжиться и выпить чаю. Онъ рѣшительно отказался сопровождать Сурова въ отведенную для него комнату, пока не прекратится обстрѣлъ или, по крайней мѣрѣ, пока не измѣнятъ направленіе.

Комната Галинскаго, свѣтлая, залитая лучами заходящаго солнца, выходила высокими окнами въ полисадникъ, изъ котораго заглядывали вѣтви деревца съ упруго-блестящими, сочными листами, бросая на полъ колеблющуюся длинную свѣто-тѣнь.

Домъ, принадлежавшій очевидно зажиточному хозяину, сохранилъ еще отпечатокъ нѣкоторой роскоши въ видѣ зеркалъ, оправленныхъ въ золоченныя рамы,

разрисованныхъ по стѣнамъ „пано“ и низкихъ банкеткахъ, обитыхъ малиновымъ бархатомъ въ небольшомъ бѣломъ зальцѣ со стеклянными дверями.

Денщикъ подалъ на жестяномъ подносѣ два стакана чаю. Галинскій досталъ изъ чемодана послѣдніе остатки печенья „Альбертъ“. Пока они, сидя у небольшого столика подлѣ окна, пили чай и разговаривали, снаряды продолжали разрываться надъ городкомъ. Наконецъ полковникъ согласился провести князя въ отведенную для него комнату. Они быстро обогнули кварталъ и вышли на улицу, запруженную толпой, сбившейся въ одно унылое молчаливое стало. Это были рекруты. Они стояли, лежали подлѣ рѣшетки полисадника, сидѣли подъ кустами, запыленные, сѣрые. Опять усыпанный гравіемъ маленькій полисадникъ, на колонкахъ крылечко бѣлаго домика съ нѣсколькими каменными ступеньками и, уже темнѣющія въ надвигавшихся сумеркахъ, двѣ комнаты. Одна изъ нихъ вродѣ Hall'я, и рядомъ съ ней совсѣмъ маленькая угловая комнатка, отведенная для князя. Здѣсь ярко сказывались слѣды раззорѣнія, слѣды грубаго отношенія къ чужому добру смѣняющихся постояльцевъ.

— Я сейчасъ иду въ штабъ арміи, князь, и распоряжусь, чтобы вамъ оттуда прислали ужинъ. Если разрѣшите, то послѣ десяти я зайду и сообщу планы на завтрашній день. — Галинскій приложилъ руку къ козырьку, щелкнулъ шпорами и ушелъ.

Деньщикъ Галинскаго, шедшій вслѣдъ за ними, внесъ чемоданъ и дорожный несессеръ князя. Въ комнатѣ не было умывальника, ни даже табурета съ миской и кувшиномъ. Пыльный и утомленный долгимъ

переѣздомъ, князь чувствовалъ неодолимое желаніе хорошенько умыться холодной водой. Онъ попросилъ деньщика разыскать кого нибудь, кто прислуживаетъ въ этомъ домѣ. Деньщикъ ушелъ. Оставшись одинъ, князь осмотрѣлся:

Въ надвигавшихся сумеркахъ, съ полузакрытыми ставнями на окнахъ, маленькая комнатка тонула въ полумракѣ. Низенькій диванчикъ и два такихъ же кресла, обитыхъ обтрепавшимся, загрязненнымъ пестрымъ плюшемъ, посреди комнаты — овальный столъ на витой ножкѣ, стѣнное зеркало съ узкой мраморной доской, разшатавшійся вѣнскій стулъ и никелевая кровать, съ затрепаннымъ покрываломъ ручной работы въ видѣ прошивокъ съ шелковыми темно малиновыми полосами, — все это, затертое и загрязненное, внушало брезгливое чувство. На стѣнахъ, обитыхъ темными обоями, висѣла единственная фотографія въ деревянной рамкѣ, изображавшая миловидную невѣсту и молодцоватаго жениха.

Постучали въ дверь, не имѣвшую ни ключа, ни задвижки, ни даже мѣдной ручки, на мѣстѣ которой виднѣлось круглое отверстіе и ободранный край двери. Вошла женщина, съ немолодымъ нѣжнымъ лицомъ, черными глазами, густыми темными волосами, робкими движеніями и начинающимъ проваливаться носомъ. На ней было ситцевое заношенное платье и стоптанные башмаки. Она вошла съ бѣлой большой миской, наполненной водой, безшумно поставила ее на подоконникъ, поклонилась Сурову и что то спросила по румынски. Суровъ, зная итальянскій языкъ, добился того, что она поняла его желаніе и принесла ему полное

ведро съ холодной водой, подушки и неглаженную наволочку и простыню. Долго и трудно было добиться, чтобы она поняла что нужно купить свѣчу. Наконецъ она поняла, обрадовалась этому, замахала рукой, взяла деньги и скрылась. Только что князь началъ раздѣваться, какъ опять постучали въ дверь и вошелъ низкорослый, загорѣлый, черный какъ жукъ, солдатъ румынъ съ деревяннымъ подносомъ, на которомъ были разставлены тарелки съ ужиномъ, стаканъ и полъ бутылки кисловатаго бѣлаго вина.

Поужинавъ на краю стола, заставленномъ дорожнымъ несессеромъ, при тускло-уныломъ освѣщенiи оплывавшей свѣчи, вставленной въ горлышко бутылки и умышленно оставивъ часть ужина въ пользу солдата, Суровъ остался одинъ. Не прекращающiеся, тяжелые, потрясающiе воздухъ, разрывы снарядовъ начали удручающе дѣйствовать на князя. Въ одинокую, неуютную раззоренную комнату эти звуки врывались зловѣщими неумолимо-настойчивыми и угрожающими. Князь неожиданно для самого себя понялъ, что его спокойное равнодушiе къ этимъ звукамъ было искусственно, что далеко въ глубинѣ они тревожили и смущали душу. Хотѣлось покоя въ сознанiи безопасности слѣдующей минуты, но покоя не было: глухой, грозный разрывъ снаряда подымалъ какую то муть со дна души, рождалъ какiе то клочки образовъ и воспоминанiй видѣннаго или слышаннаго въ связи съ мыслью о смерти, посланникомъ которой они были.

Князь Суровъ плотнѣе закрылъ ставни открытыхъ оконъ, въ которые дышала надвигавшаяся темная и теплая ночь, приставилъ къ незапиравшейся двери

стулъ, на которомъ лежалъ раскрытый чемоданъ, быстро раздѣлся, умылся и рѣшилъ привлечь, въ ожиданіи прихода полковника Галинскаго. Застеливъ шелковымъ халатомъ сомнителной чистоты подушку и простыню, онъ съ удовольствіемъ протянулся на кровати, устремивъ взглядъ на оплывавшую, горѣвшую колеблющимся свѣтомъ свѣчу. Въ ея тускломъ одинокомъ свѣтѣ, комната съ неопрятной мебелю еще краснорѣчивѣе разсказывала нѣмымъ языкомъ захудалости и опустошенія о томъ, что грозно и настойчиво подтверждали неумолкавшіе разрывы снарядовъ. Отяжелѣвшіе вѣки утомленныхъ глазъ смыкались, мерещилось что то знакомое и близкое, мозгъ готовъ былъ потонуть въ ласковыхъ баюкающихъ сновидѣніяхъ, но странный неожиданный гулъ мгновенно спугивалъ навѣянные дремотой легкія и тонкія какъ облако сновидѣнія, и князь, широко открывая глаза, съ удивленіемъ, не понимая въ первое мгновеніе гдѣ онъ, смотрѣлъ на унылую, вставленную въ темно-зеленую бутылку свѣчу, на низенькій ободранный диванчикъ, раскрытый чемоданъ и жестяное ведро подлѣ миски съ неубранной водой.

— Да, вѣдь я на фронтѣ . . . въ Румыніи . . . ѣду къ брату Олегу. Ахъ, если бы прекратились эти разрывы! — подумалъ князь и сейчас же опять тонкая-тонкая паутина окутала его мозгъ . . . Въ лицо повѣялъ ароматный вѣтеръ; замелькали поля, лѣса луга, бѣлыя избушки. — Я васъ прошу, милый князь, скажите мнѣ что нибудь ласковое, хорошее . . . иначе я не могу докончить моей картины, — слышитъ онъ чей то делекій и какъ будто бы знакомый голосъ. Онъ оборачивается: Подлѣ него стоитъ красивая женщина съ рыже-бронзо-

выми волосами; радостно и возбужденно блестятъ ея сѣро-зеленые глаза. Князь улыбается, хочетъ что то сказать, но вдругъ вспоминаетъ, что ея любовь мѣшаетъ его удачѣ въ картахъ. Онъ холодно сдвигаетъ брови . . . — Князь, твоя сдача . . . бита! . . — передъ нимъ уже не Вероника Кампіони, а добродушно-безпечное лицо Томскаго. Карточный столъ, вино . . . Сандро Валинскій, тонко улыбаясь, лукаво ему подмигиваетъ: — что, опять бита? Я же говорилъ тебѣ, что удача въ любви и картахъ несовмѣстимы, — слышитъ онъ его пѣвучій вкрадчивый голосъ. — Князь, князь! . . — настойчиво звучитъ голосъ, и онъ знаетъ, что это зоветъ его женщина съ рыже-бронзовыми волосами. Гнѣвный, онъ встаетъ. Его карта опять бита. Въ досадѣ онъ съ силой отбрасываетъ всторону стулъ и просыпается отъ стука.

Князь, князь! . . вы спите? . . — Кто то стучится въ дверь.

Князь вскочилъ. Оплывшая свѣча на половину догорѣла. Тѣни, дрожа, скользили по потолку, по стѣнамъ.

— Гдѣ я? — изумленно спросилъ себя Суровъ.

— Князь, вы спите?

Суровъ узналъ голосъ полковника Галинскаго. Онъ набросилъ на себя халатъ и подошелъ къ двери:

— Войдите, полковникъ. Я неожиданно заснулъ.

— Какъ вы крѣпко, однако, спите. Я минуты три стучусь въ вашу дверь, — проговорилъ Галинскій, входя въ комнату. — Извиняюсь, что обезпокоилъ, но дѣло въ томъ, что я снесся съ командиромъ восьмого корпуса. Завтра въ восемъ часовъ утра намъ будетъ вы-

сланъ автомобиль. Мы попадемъ на маленькое торжество: въ Паунешты прiѣдетъ наслѣдный принцъ. Генералъ просилъ васъ не опоздать къ его прибытiю, т. е. къ двѣнадцати часамъ, и для этого намъ надо выѣхать не позже девяти.

— Очень радъ, Николай Лаврентьевичъ. Буду готовъ къ девяти обязательно. Присядьте, пожалуйста.

— Благодарю васъ. Я пойду спать, такъ какъ очень усталъ, и вамъ желаю спокойной ночи. А вѣдь, обстрѣлъ удался, — остановился въ дверяхъ полковникъ. — Станцiю разнесли основательно. Нащупали и начали гвоздить. Путь испорченъ, и вагоновъ пострадало много.

Галинскiй, казавшiйся еще выше и худѣе въ крошечной комнаткѣ, озаренной мерцавшимъ пламенемъ свѣчи, напомнилъ Сурову изображенiе Донъ Кихота на знакомой гравюрѣ.

Послѣ его ухода, князь затушилъ свѣчу. Тишина окутывала темную ночь. Онъ съ облегченiемъ вздохнулъ, перекрестился, вспомнилъ имя матери и опять легъ. Сквозь щелку неплотно запертой ставни мерцали далекiя звѣзды. Вспомнивъ отрывки сна, мерещившагося ему передъ приходомъ Галинскаго, Суровъ удивился, что ему снилась Вероника Кампiони, о которой онъ давно ничего не слышалъ и не вспоминалъ. Почему здѣсь, въ этой далекой обстановкѣ, ничего общаго не имѣвшей съ его столичной жизнью, ему приснилась художница и поѣздъ, мчавшiйся по залитымъ солнцемъ лѣсамъ и полямъ, поѣздъ, въ которомъ онъ впервые встрѣтился съ ней? Встрѣча, кажется, роковая для нея, ненужная для него . . . Мысли князя мало по

малу начали путаться и тонуть въ тишинѣ ночи. Благодатный покой окуталъ его мозгъ, и крѣпкій, здоровый сонъ, сомкнувъ вѣки, унесъ далеко въ міръ неясныхъ и хрупкихъ сновидѣній.

III.

Суровъ проснулся отъ ослѣпительнаго солнечнаго луча, сквозь щель ставни проникшаго въ комнату и больно рѣзавшаго глаза сквозь сомкнутыя отяжелѣвшія вѣки. Не сразу понявъ гдѣ онъ находится, онъ, вспомнивъ наконецъ предыдущій день и наказъ полковника быть готовому въ девяти часамъ, протянулъ руку къ лежавшимъ подлѣ на стулѣ часамъ: было половина девятаго. Слегка досадуя, что полковникъ Галинскій не прислалъ деньщика разбудить, Суровъ поспѣшно принялся одѣваться. Кругомъ было тихо. Изъ открытаго окна видѣнъ былъ пустой, залитый солнцемъ полисадникъ и за нимъ узкая, тоже пустая, будто вымершая улица. Послышался гудокъ. У рѣшетки полисадника остановился автомобиль и черезъ минуту въ дверь постучалъ солдатъ-шофферъ:

— Пожалуйте-съ. Полковникъ Галинскій васъ ждетъ.

Поѣхали къ штабу первой Румынской арміи. Въ пелеринѣ защитнаго цвѣта вышелъ Галинскій, съ надвинутымъ до носа козырькомъ, еще болѣе воскресившій въ памяти князя образъ Донъ Кихота.

— Можно ѣхать, князь? — обратился онъ къ Сурову безъ улыбки, съ оффиціальнымъ поклономъ прикладывая руку къ козырьку.

— Сдѣлайте одолженіе: я готовъ. — Князь мысленно посмѣивался надъ снобирующимъ тономъ пол-

ковника, по привычкѣ поддѣлывавшагося „подъ англичанина“.

Питешествіе было мало интересно. Полковникъ, выполняя распоряженіе главнокомандуюшаго беречь князя, вмѣсто того, чтобы ѣхать прямо по шоссе, которое считалось опаснымъ въ виду частыхъ обстрѣловъ непріятелемъ, взялъ дорогу въ объѣздъ, не мощеную, пыльную, выбитую рытвинами, все время извивающуюся, такъ что не смотря на карту, нѣсколько разъ сбивались съ пути. Приходилось давать машинѣ задній ходъ, проваливались въ ухабы, наскакивали на кусты, чуть не попали въ канаву. Никонецъ выѣхали въ долину рѣки Середъ, голую, выжженную, не живописную. Машина, окутанная столбами пыли тонула въ сыпучемъ пескѣ. Князь сѣтовалъ на полковника за излишнюю осторожность: дорога по шоссѣ равнялась трети того, что ѣхали въ объѣздъ. Галинскій озабоченно поглядывалъ на часы: было половина двѣнадцатаго, а впереди оставалось еще верстъ десять. Накопецъ переѣхали на другую сторону рѣки и, по прямому шоссѣ, быстро проѣхали оставшіяся версты.

Мелькнули два-три унылыхъ деревянныхъ домика-въѣхали въ опустѣвшую деревню Паунешты, завернули за уголъ и сейчасъ же остановились, не доѣзжая крытой галерейки одноэтажнаго деревяннаго домика, передъ которымъ на ослѣпительномъ солнцепекѣ стояла группа генералитета въ походной формѣ защитнаго цвѣта. Вдоль узкой деревенской улички выстроены были солдаты въ ожиданіи наслѣднаго принца. Странно было видѣть нарядныя формы генераловъ съ орденами на груди, съ золотымъ оружіемъ, блестящую на солнцѣ

мѣдь трубачей и весь этотъ парадный видъ въ обстановкѣ сѣрости и запустѣнія.

Изъ группы генераловъ отдѣлилась высокая, худощавая фигура корпуснаго командира генерала Ельчанинова и начальника штаба — брата князя Сурова — Олега, издали улыбавшагося, дѣлавшаго брату привѣтствѣнный жестъ рукой, обтянутой въ бѣлую перчатку.

— Здравствуйте, князь. Отлично, что попали къ намъ на торжество. Если хотите почиститься и освѣжиться, сдѣлайте одолженіе пройдите въ мою комнату. Сейчасъ, вѣроятно, прибудетъ принцъ. Вы, князь, проводите брата? — обратился генералъ Ельчаниновъ къ князю Олегу, который, взявъ брата подъ руку, бодрымъ шагомъ военной выправки, повелъ его по крытой галерейкѣ въ комнаты генерала. Когда они вошли въ низкую комнату, заставленную тяжелой неуклюжей мебелью, съ маленькими квадратными оконцами, князь Олегъ заперъ за собой дверь и быстро обернувшись, стремительно обнялъ брата:

— Еремка, милый Еремка здравствуй! Цѣлыхъ три года не видились. Покажись какой ты сталъ? Все тотъ же...

Князь Олегъ, моложе брата на пять лѣтъ, крупнѣе и выше его, тоже брюнетъ,но съ сѣрыми очень умными и выразительными глазами, пошедшій по линіи матери и потому не сохранившій слѣдовъ монгольскаго типа, который былъ ярко выраженъ въ лицѣ князя Сергѣя, но все же имѣвшій съ братомъ много родственнаго сходства въ манерахъ и въ игрѣ лица, — положивъ ему обѣ руки на плечи, смѣялся радостно и любовно, всматриваясь въ него и называя именемъ, выдуманнымъ для брата съ дѣтскихъ лѣтъ.

— Зд'гавствуй, Олегъ, зд'гавствуй милый! Какой гы сталъ б'гавый гене'галъ! . .

— Ахъ ты Е'гемка! . . Б'гавый гене'галъ! . . — передразнилъ брата Олегъ и засмѣялся тѣмъ же мальчишескимъ звонкимъ смѣхомъ, которымъ смѣялся и его братъ. — Однако, живѣй! Какъ разъ принцъ Кароль подкатитъ. Ты его знаешь?

— Знаю хорошо.

— Представлялся королю и королевѣ?

— Тепе'гь? Нѣтъ. Вѣдь я же и сутокъ въ Яссахъ не п'гобылъ. Когда ве'гнусь. Ну, я готовъ. Идемъ. Какъ я 'гадъ, Олегъ, что наконецъ мы свидились. Вѣдь т'ги года!

— А мама?

— Мама — ничего . . . привезъ тебѣ письмо отъ нея и ящикъ съ посылочками.

— Ну, потомъ наговоримся въ моей клѣтушкѣ. Покажись еще. Милый Еремка! А генералъ то нашъ: Какъ ты его нашелъ?

— Постарѣлъ до того, что я не узналъ бы. Только тлаза остались тѣже: голубые и насмѣшливые.

— Да сдалъ, сильно сдалъ. Трудно здѣсь теперь. Нервы очень расшатаны у насъ всѣхъ.

Едва вышли изъ комнаты и спустились по тремъ деревяннымъ расшатаннымъ приступкамъ галерейки, какъ въ облакѣ пыли по мягкой дорогѣ безшумно подкатилъ лакированный, какъ игрушка изящный, автомобиль, съ развѣвавшимся впереди мотора флажкомъ королевскаго дома.

Оттолкинувъ колесо руля, легко и эластично спрыгнулъ на землю высокій статный юноша, гибкій и ловкій,

въ стальной каскѣ и стального цвѣта курткѣ, блондинъ съ свѣтло-сѣрыми прозрачными глазами, прекраснымъ цвѣтомъ лица и породистымъ, съ чистой линіей, носомъ. Вслѣдъ за нимъ вышли адъютантъ, молодой сильный брюнетъ и полковникъ съ просѣдью.

Принявъ рапортъ отъ старшаго генерала, принцъ прошелъ подъ звуки Румынскаго марша по рядамъ солдатъ. Идя широкимъ охотничьимъ шагомъ въ группѣ генераловъ рядомъ съ корпуснымъ командиромъ, онъ, поровнявшись съ княземъ Сергѣемъ, стоявшимъ съ братомъ, узналъ его, привѣтливо протянулъ руку и заговорилъ на хорошемъ французскомъ языкѣ:

— Вы давно въ Румыніи, князь?

— Второй день.

— Вы изъ Петербурга?

Во главѣ съ принцемъ всѣ двинулись по жаркой и пыльной уличкѣ къ небольшому деревянному зданію — офицерскому собранію, гдѣ былъ сервированъ въ довольно большой комнатѣ, съ некрашеннымъ поломъ и бревенчатыми стѣнами, громадный столъ покоемъ, идущій вдоль стѣнъ. Столъ былъ убранъ цвѣтами и покрытъ свѣжими глянцевитыми скатертями — большая роскошь для фронта, гдѣ сказывался недочетъ въ кускѣ мыла.

Изъ комнаты, прилегающей къ передней, неслись торжественно-ярко и гулко звуки духового оркестра.

Среди русскихъ военныхъ въ формѣ защитнаго цвѣта, принцъ и сопровождавшіе его полковникъ и адъютантъ выдѣлялись мягкимъ тономъ сѣро-стальныхъ мундировъ. Генералъ Ельчаниновъ, высокій, съ облысѣвшимъ черепомъ, съ сильно выдавшимся продолго-

ватымъ, большимъ бритымъ подбородкомъ и насмѣшливыми голубыми глазами, привѣтливый, со сдержанными манерами, съ улыбкой свѣтскаго человѣка, означавшей радость, сознаніе торжественности минуты, радушіе хозяина, и въ то же время, почтеніе къ высокому гостю, — говорилъ негромкимъ, какъ бы вуалированнымъ звукомъ голоса, предупредительно выслушивалъ то, что говорилъ ему принцъ, въ то же время указывая почетному гостю на мѣсто посреди широкой части стола противъ себя. Рядомъ съ принцемъ противъ брата было мѣсто князя Сергѣя Сурова.

Оркестръ прекрасно исполнялъ симфоническія номера.

— J'adore la musique et l'art, mais malheureusement je suis dépourvu de tous les talents, — обратился принцъ къ князю Сергѣю, котораго не разъ видѣлъ въ Бухарестѣ во дворцѣ, когда тотъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ недолгое время секретаремъ миссіи.

Князь Сергѣй, ни на минуту не забывая близкое и родственное присутствіе брата и чувствуя все время настойчиво устремленный на себя взглядъ, привыкшій къ умѣнью соединять этикетъ съ непринужденностью, велъ легкую и пріятную бесѣду съ принцемъ и съ полковникомъ Гаванеску, бывшимъ руководителемъ принца въ его военномъ образованіи.

Завтракъ былъ обильный и даше роскошный, такъ какъ было мороженое и вино, т. е. то, что уже давно отсутствовало во всей странѣ. Начались рѣчи и тосты. Генералъ Ельчаниновъ въ сжатой, но краснорѣчивой формѣ привѣтствовалъ высокаго гостя, сдѣлавшаго честь корпусу своимъ пріѣздомъ. Онъ поднялъ бо-

калъ въ честь его, въ честь короля и королевы. Оркестръ игралъ тушъ. Чувствовался общій подъемъ. Блестѣли глаза, лица горѣли румянцемъ оживленья.

Князь Сергѣй понялъ устремленный на него взглядъ брата, въ которомъ краснорѣчиво сказывалась щемящая тоска монархиста объ утерянной радости услышать отвѣтный тостъ принца за нашъ царствующій домъ, вслѣдъ за которымъ вылилось бы могучее ура и торжественно-стройные звуки русскаго гимна полились бы, поплыли бы въ сіяніи жаркаго лѣтняго дня . . . Князь Сергѣй отвѣтилъ брату такимъ же краснорѣчивымъ грустнымъ взглядомъ, подавилъ вздохъ и едва замѣтно поднялъ свой бокалъ, мысленно чокаясь за здоровье отрекшагося, заключеннаго царя.

До конца завтрака онъ не могъ смахнуть налета грусти. Мысли о Россіи и несомнѣнной катастрофѣ, разраставшейся съ каждымъ днемъ надъ расшатанной у основы государственностью, невольно толпились въ головѣ князя. Онъ зналъ, что Румынскій фронтъ съумѣлъ при помощи осторожной дипломатіи нашего главнокомандующаго генерала Щербачева и его штаба сохранить дисциплину въ арміи и тѣмъ спасти ее отъ разрухи, уже захватившей всѣ фронты въ Россіи.

Генералъ Ельчаниновъ, поглядѣвъ на часы, освѣдомился когда угодно принцу ѣхать на позиціи. Рѣшено было выѣхать черезъ четверть часа. Только что Ельчаниновъ, лицо котораго ни на минуту не покидала пріятно-почтительная улыбка, опять наполнилъ шампанскимъ бокалъ принца, князя и свой, и только что собирался сказать нѣчто пріятное, какъ незамѣтно подошедшій адъютантъ, нагнулся изъ за спины генерала и что то осто-

рожно проговорилъ ему на ухо. Князь Сергѣй уловилъ выраженіе досады и мгновенной тревоги, мелькнувшей въ глазахъ генерала.

— Monseigneur, je vous demande la permission de quitter la table pour un instant, — обратился онъ къ принцу, вернувъ лицу ту же улыбку. Принцъ, вмѣсто отвѣта, сдѣлалъ широкій красивый жестъ рукой. Суровъ взглянулъ на брата, очевидно слышавшаго докладъ адъютанта. По вспыхнувшимъ огонькамъ въ сѣрыхъ глазахъ и дрогнувшимъ ноздрямъ брата, онъ понялъ, что произошло что то непріятное, вызвавшее его гнѣвъ. Насколько онъ самъ былъ уравновѣшенно спокоенъ и замкнуто-сдержанъ, настолько князь Олегъ отличался пылкостью, экспансивностью и нежеланіемъ подавлять проявленія своихъ чувствъ. Въ особенности онъ могъ быть несдержанъ въ припадкахъ гнѣва, который стремительно овладѣвая имъ, толкалъ на крайніе порывы, но такъ же быстро и покидалъ. Князь Олегъ, очевидно, съ трудомъ подавляя гнѣвъ, присоединился къ разговору съ наслѣднымъ принцемъ. Какъ и братъ, прекрасно владѣя французскимъ языкомъ, онъ съ непринужденностью и легкостью рѣчи, привыкшаго вращаться въ высшемъ кругу, поддерживалъ свѣтскій разговоръ, скользившій съ предмета на предметъ, но не затрогивавшій острыхъ политическихъ вопросовъ, которые неотступно у всѣхъ были на умѣ.

Принцъ говорилъ о томъ, что онъ страстно любитъ музыку, что ему хорошо знакомы произведенія Чайковскаго и Рубинштейна и сожалѣлъ, что мало знакомъ съ новѣйшими русскими композиторами.

Я очень люблю вашего поэта Пушкина, его вся Румынія знаетъ, — говорилъ принцъ Каро́ль, отпивая большими глотками шампанское изъ бокала, все время пополнявшагося заботами сосѣда. — Это происходитъ оттого, что Пушкинъ долгое время жилъ по сосѣдству съ нами въ Бессарабіи . . .

Минуты бѣжали. Готовый исчерпаться разговоръ возобновлялся снова. Прошло болѣе полу-часу съ того момента, какъ хозяинъ покинулъ гостя. Начиналась чувствоваться неловкость положенія, которую окружавшіе принца всѣми силами старались замять. Въ глазахъ Олега Сурова вспыхивали знакомые князю Сергѣю предвѣстники бурнаго гнѣва. Онъ вопросительно посмотрѣлъ на него. Князь Олегъ уловивъ удобную минуту, когда принцъ говорилъ въ сторону своего другого сосѣда, успѣлъ осторожнымъ шопотомъ бросить въ сторону брата: комиссаръ вызвалъ . . . Суровъ мгновенно понялъ въ чемъ дѣло: Комиссары намѣренно подчеркивали свою власть надъ команднымъ составомъ, выбирая для этого наиболѣе выгодные для себя моменты. Негодованіе и обида залили его мозгъ. Сосѣдъ князя Олега — маленькій толстый генералъ, съ лоснящимся лицомъ и умными смѣлыми глазами, осторожнымъ шопотомъ переговаривался со своимъ сосѣдомъ — тоже генераломъ. Чувствовалась сдержанная досада и возмущеніе въ ихъ отрывистыхъ словахъ и жестахъ. Что то громко хрустнуло: ножка, зажатаго въ кулакѣ князя Олега бокала, была сломана. Лицо его пылало, и нервная судорога кривила красивую линію яркаго рта.

— Олегъ! — тихо и вразумительно обозвалъ брата Суровъ, чувствуя что тотъ пересталъ владѣть собой.

Князь Олегъ разжалъ кулакъ, выпустилъ сломанную верхнюю часть бокала и, тяжело дыша, оперся кулакомъ о край стола.

Принцъ, какъ бы невзначай, скользнулъ взглядомъ по сломанному бокалу и улыбнулся. Казалось, онъ не замѣчалъ царящей неловкости и отсутствія хозяина. Въ эту минуту въ дверяхъ показалась высокая, худая фигура генерала Ельчанинова. Въ одной рукѣ онъ несъ запыленную бутылку, въ другой — небольшую открытую коробку. Лицо его улыбалось все той же улыбкой, хорошо знакомой людямъ, бывавшимъ при дворѣ:

— Excusez, monseigneur, — обратился онъ къ принцу, усаживаясь на свое мѣсто. — J'ai dû faire de la politique . . . — пожалъ онъ небрежно плечами и, не давая времени что либо отвѣтить, поставилъ передъ гостемъ принесенную бутылку и ящикъ. — Это, ваше высочество, великолѣпнѣйшій старинный коньякъ. Я знаю, что вы большой охотникъ и знатокъ стараго коньяку. А это — мнѣ только что передали посылку изъ Петербурга отъ жены: здѣсь конфекты, — теперь большая рѣдкость.

Генералъ Ельчаниновъ наполнилъ рюмки коньякомъ. Удрученное настроеніе сразу ослабѣло. Принцъ хвалилъ коньякъ и конфекты. Казалось, что ничего не произошло. Черезъ нѣсколько минутъ генералъ предложилъ ѣхать на позиціи.

— А вы, князь, ѣдете съ нами? — любезно освѣдомился принцъ.

— Если, ваше высочество, разрѣшитъ . . .

Вслѣдъ за принцемъ всѣ поднялись отъ стола. Полковникъ Галинскій, подойдя къ князю, церемонно

пожелалъ ему пріятнаго дальнѣйшаго путешествія. Всѣ направились къ выходнымъ дверямъ. Ѣхавшіе на передовыя позиціи размѣстились въ двухъ автомобиляхъ: впереди, указывая дорогу, ѣхалъ генералъ Адріановъ — начальникъ 14-ой дивизіи, полный, небольшого роста, съ короткой шеей, подвижной, некрасивый, съ необыкновенно располагающимъ умнымъ лицомъ и простой привѣтливой манерой. Онъ предложилъ князю Сергѣю мѣсто рядомъ. За ними на нѣкоторомъ разстояніи, чтобы не обдавать пылью слѣдовалъ автомобиль принца. У руля, по обыкновенію, сидѣлъ онъ самъ, рядомъ съ нимъ, — генералъ Ельчаниновъ, позади — адъютантъ и полковникъ Гаванеску.

Опять пыль, опустѣлыя поля, захудалыя вымершія деревушки. Князь Сергѣй сразу почувствовалъ большую симпатію къ умному генералу, въ рѣчахъ котораго сквозило много сердечности, теплоты къ родинѣ и тоски въ сознаніи ея неминуемой гибели. Неловкій и простоватый съ виду, онъ, однако, съ первыхъ же словъ давалъ чувствовать свою внутреннюю культуру. Черезъ нѣсколько минутъ разговора князю казалось, что онъ давно знакомъ съ этимъ милымъ человѣкомъ неуклюже покачивавшимся изъ стороны въ сторону на эластичномъ сидѣньѣ автомобиля, и отирающимъ большимъ пахнувшимъ о-де-колономъ носовымъ платкомъ обильный потъ съ лоснящагося красноватаго полнаго лица съ узкими глазами и короткимъ носомъ, похожаго на китайскаго божка.

— Видите, князь, во что обратилась эта еще недавно цвѣтущая счастливая страна, — говорилъ генералъ Адріановъ, сокрушенно качая головой, въ то

время какъ они проѣзжали черезъ опустѣвшую деревушку. — Тутъ свирѣпствуетъ сыпной тифъ. Несчастныя дѣти мрутъ десятками ежедневно. Вотъ видите этотъ дворъ? Здѣсь третьяго дня осколками снаряда наповалъ убило мать съ ребенкомъ на рукахъ. Она только что вышла изъ избы, какъ среди двора разорвало гранату. Священникъ каждое утро обходитъ всѣ дворы, стучится въ дверь и спрашиваетъ, нѣтъ ли покойника . . . Мнѣ безконечно жаль Румынію, и я чувствую на себѣ долю вины Россіи, втянувшей ее въ эту несчастную войну.

— А что вы скажете, генералъ, о Румынскихъ войскахъ?

— Молодцы! Насколько они въ первое время были никуда негодны, настолько теперь они достойны полнаго уваженія: дисциплинированы, выносливы и храбры. Помните, bon mot, пущенное о румынахъ послѣ неудачныхъ попытокъ на боевомъ полѣ?

— Да, какъ же, — улыбнулся князь. — Это Государь сказалъ: ce n'est pas une nation, c'est une profession.

— А вотъ поучились у французовъ и образовалась отличная армія. Дерутся какъ львы и своимъ примѣромъ и вліяніемъ спасаютъ здѣсь нашу армію отъ конечнаго зараженія революціонной и соціалистической міазмой. Да, князь, скверно, очень скверно! . . — вздохнулъ генералъ Адріановъ, перегибаясь за край автомобиля, чтобы разглядѣть за облакомъ пыли, не отстала ли машина принца.

Проѣхавъ верстъ пять или шесть, остановились подлѣ поля, густо заросшаго кустарникомъ.

— Это какой пунктъ, генералъ?

— Четырнадцатой дивизіи на высотѣ 370 метровъ.

Подкатилъ бѣлый автомобиль принца, и всѣ двинулись по открытому полю. Присоединились два офицера, ожидавшіе прибытія принца. Пройдя небольшое пространство узкими ходами сообщенія, вышли по выбитымъ въ землѣ ступенькамъ на холмикъ съ просторнымъ, легко сколоченнымъ шалашикомъ доминирующимъ надъ широко разстилавшимся отлогимъ пространствомъ полей. Посреди шалаша, залитаго солнцемъ, на деревянномъ столѣ были разложены карты, по которымъ загорѣлый полковникъ-артиллеристь принялся обстоятельно и толково знакомить принца съ позиціей. Принцъ отъ карты переходилъ къ зрительной трубѣ, прося подробныхъ поясненій. Онъ намѣтилъ цѣлью огня зданіе школы, отчетливо въ нее видѣвшейся.

Адріановъ провелъ князя къ другой зрительной трубѣ. Установивъ ее по глазамъ, Суровъ, прислушиваясь къ условной командѣ, даваемой полковникомъ по полевому телефону, напряженно смотрѣлъ впередъ, гдѣ далеко, за пять или семь верстъ синѣла полоса рощи и подлѣ нее виднѣлось зданіе бывшей школы.

Мелькнулъ огонекъ, за нимъ другой, донесся тупой, точно игрушечный звукъ далеко разорвавшагося впереди снаряда, и зданіе школы окуталось сине-сѣрымъ дымкомъ.

— Браво! — произнесъ принцъ. - Какая точность.

На лицѣ загорѣлаго полковника мелькнула улыбка удовлетворенія.

— Можно ли еще разъ въ ту же цѣль? — спросилъ принцъ.

— Пожалуйста.

Опять условная команда по полевому телефону, минута общаго выжидательнаго молчанія, отдаленный слабый звукъ разрыва снаряда и опять дымокъ возлѣ зданія школы.

— Въ верхній этажъ . . . Снесло уголъ стѣны . . . браво! — проговорилъ по французски принцъ.

Полковникъ, довольный, улыбаясь, почтительно поклонился и съ не особенно чистымъ произношеніемъ, замѣтно затрудняясь, продолжалъ на французскомъ языкѣ объяснять по картѣ расположеніе позицій. Опершись однимъ колѣномъ о сидѣнье стула и положивъ большую, красивой формы бѣлую руку на разложенную на столѣ карту, принцъ Кароль внимательно слушалъ объясненія полковника, взглядывая узрѣдка въ сторону князя, стоявшаго напротивъ него у края стола.

Ароматный вѣтеръ, неся запахи полей, колебалъ свѣсившійся со стола край карты; какъ будто осторожными пальцами перебиралъ свѣтлые, на проборъ расчесанные волоса принца, улетая дальше въ большое отверстіе шалаша къ полямъ и лѣсамъ, синѣвшимъ на горизонтѣ чуть замѣтной чертой. Кругомъ стояла торжественная тишина. Синее небо дышало тепломъ на поля, цосылавшія ему свои ароматы. Нигдѣ не было замѣтно признаковъ человѣческой души: все спряталось, даже птицъ не было видно.

Суровъ, заложивъ руки за спину, отошелъ отъ группы у стола. Онъ смотрѣлъ на раскинувшійся передъ нимъ просторъ земли и небесъ, окутанный, пронизанный благодатными лучами тепла и свѣта, и тоска духа, тоска высшей мудрости передъ ничтожествомъ и грязнымъ дѣяніемъ человѣка, заполнила всѣ его мысли.

Только что видѣнный имъ, издали казавшійся игрушечной забавой, блеснувшій огонекъ и дымокъ тяжелаго снаряда, уголъ оторванной отъ школы стѣны... Къ чему это? Кому это надо? Ни одному въ отдѣльности взятому человѣку не только не нужна, но враждебно чужда эта разрушительная сила. Она выливается изъ нѣдръ отвлеченно-собирательной массы. Разрушается школа, въ которую каждое утро бѣгали беззаботные, теперъ разогнанные голодные и несчастные дѣти, родители которыхъ строили ее на сбереженія долгихъ трудовъ. Школу эту освящали... торжественно и радостно звучали рѣчи о насажденіи культуры... Разрушены села, деревни, города, памятники искусства, храмы... пролиты рѣки крови... Зачѣмъ? Кому это надо?

— Идемте, князь, — обозвалъ Сурова генералъ Адріановъ.

Князь стряхнулъ осаждавшія его голову мысли и послѣдовалъ за нимъ къ ходамъ сообщенія.

Теперъ мы поѣдемъ въ Волынскій 53-й полкъ. Переѣздъ на автомобилѣ будетъ невеликъ, но придется долго идти въ гору. Предупреждаю васъ, что мы попадемъ въ зону обстрѣла. Вы хорошій ходокъ, князъ?

— Я охотникъ, генералъ, слѣдовательно могу идти безконечное количество верстъ.

— C'est comme le prince Karol, — отозвался полковникъ Гаванеску, шагавшій вмѣстѣ съ княземъ и генераломъ — il est un chasseur infatigable, acharné.

Заговорили объ охотѣ. Полковникъ Гаванеску, умный и образованный, былъ очень пріятнымъ собесѣдникомъ.

Свернули въ сторону, спустились и поднялись на горку, гдѣ были собраны солдаты, участвовавшіе въ послѣднихъ жаркихъ сраженіяхъ. Большая часть изъ нихъ имѣла на груди Георгія. Они встрѣтили принца дружнымъ, единодушнымъ ура. Корпусный командиръ въ сжатой, понятной для солдата рѣчи, объявилъ имъ, что въ присутствіи наслѣднаго принца онъ свидѣтельствуетъ о ихъ геройской храбрости въ недавнихъ бояхъ, завершившихся побѣдой. Принцъ сказалъ небольшую рѣчъ, переведенную на русскій языкъ генераломъ Ельчаниновымъ. Раздалосъ ура, далеко покатившееся вспыхивавшими звуками внизъ по полю. Солдаты качали принца, качали своего корпуснаго командира, генерала Адріанова и полковника Гаванеску.

Князь Сергѣй всматривался въ загорѣлыя туповатыя лица солдатъ и не могъ опредѣлить: выливается ли это ура изъ глубины радостной души, или же они кричатъ по заказу, и въ слѣдующую минуту, если понадобится, тѣми же руками, сейчасъ бережно подбрасывающими принца, задушатъ, сомнутъ, искалѣчатъ его и всѣхъ тѣхъ, кто сейчасъ стоитъ передъ ними.

... Братцы, вмѣстѣ съ Румыніей мы защитимъ Россію отъ врага ... вмѣстѣ съ Румынскими солдатами мы отбросимъ врага за предѣлы этой страны ... — звучали, полные искренняго подъема слова генерала Ельчанинова. — Передъ принцемъ я свидѣтельствую, что нашъ восьмой корпусъ не сдастъ. Вѣрно ли, братцы?

— Вѣрно! ... вѣрно! ... ура ... ура ... ура! ... — опять дрожали въ воздухѣ могучіе звуки изъ широко и ритмично открывавшихся ртовъ. Казалось, что эти

рты открывались, движимые какимъ то скрытымъ механизмомъ, и звукъ вылѣталъ не изъ нихъ, а изъ иного, невидимаго громаднаго рта.

Принцъ благодарилъ солдатъ, жалъ имъ руки. Ближайшаго отъ себя георгіевскаго кавалера — браваго солдата, загорѣлаго почти въ коричневый цвѣтъ, съ молодцовато заломанной на бекрень фуражкой, наслѣдникъ трижды поцѣловалъ, прося передать его поцѣлуй всѣмъ остальнымъ.

Опять раздалось ура. Солдаты начали, передавая поцѣлуй, топтаться и неловко подставлять другъ другу вспотѣвшія красныя лица.

По незамѣтному знаку корпуснаго командира принцъ былъ подхваченъ ими на руки и такимъ образомъ донесенъ до автомобиля.

— Стадо ... тупое стадо! ... — думалъ Сергѣй Суровъ. — Сегодня качаютъ, на рукахъ носятъ, а вчера, подстрекаемые друзьями анархіи, готовы были свергать короля чужой страны и насаждать въ ней нашу смуту ...

Послѣ короткаго переѣзда, долго шли по отлогому, постепенно идущему въ гору лугу, то и дѣло изрытому овражками, воронками отъ снарядовъ, перерѣзанному нѣсколькими рядами окоповъ. Идти было очень жарко, но всѣ бодро шагали, слѣдуя за принцемъ и генераломъ Ельчаниновымъ. Завернули за полуразвалившійся плетень, отъ котораго начиналась захудалая, покинутая деревушка. Только что миновали ее, какъ надъ головами раздался отчетливый свистъ шрапнелей и тяжелое шуршанье гранатъ. Очевидно непріятель съ близкой позиціи замѣтилъ группу генералитета. Эти странные, ни съ чѣмъ не схожіе звуки стремительнаго полета

тяжелой стали, несущей смерть и разрушеніе, не вызывали никакого тревожнаго чувства въ спокойно подвигавщихся къ своей цѣли людяхъ.

— Странно, — подумалъ князь Сергѣй, — отчего вчера вечеромъ эти самые свистящіе и шуршащіе звуки подымали въ душѣ моей какую-то смутную, тупую тревогу, а сейчасъ я совершенно безразличенъ къ нимъ? Неужели — стадность? Вечеромъ я былъ одинокъ, и мой мозгъ, изолированный въ своемъ мышленіи, вѣрно оцѣнивая происходившее, поддавался, вполнѣ гармонируя, переживаніямъ души. Сейчасъ, мозгъ работаетъ съ той же логикой, но наружное спокойствіе окружающихъ какъ бы парализуетъ истинную оцѣнку положенія и заглушаетъ и отвлекаетъ душевныя переживанія.

— Tiens, voici des cerises! En voulez vous, mon prince? — Полковникъ Гаванеску стоялъ подъ небольшимъ вишневымъ деревомъ, силясь пригнуть упругую осыпанную вишнями вѣтку. Князь помогъ полковнику. Они нарвали нѣсколько гроздей спѣлыхъ некрупныхъ вишенъ, оказавшихся кисловатыми; было жарко и потому пріятно освѣжить ими пересохшее отъ ходьбы и жары горло.

Шуршанье гранатъ, свистъ шрапнели и яркіе, какъ будто радостные и торжествующіе, разрывы снарядовъ совсѣмъ близко — стали учащаться. Занятые срываньемъ вишенъ князь Сергѣй и румынскій полковникъ отстали отъ всей компаніи, скрывшейся за овражкомъ передъ лѣсомъ. Только что они отошли отъ дерева и направились къ овражку, какъ подбѣжалъ запыхавшійся молодой солдатъ и передалъ, что корпусный командиръ проситъ полковника и князя пройти въ лѣсъ стороной,

такъ какъ снаряды одинъ за другимъ падаютъ въ овражекъ.

Князь перевелъ полковнику порученіе генерала Ельчанинова.

— Какъ вамъ угодно полковникъ, такъ и пойдемъ. Лично я предпочитаю идти кратчайшимъ путемъ. Впрочемъ, подчинюсь съ удовольствіемъ вашему рѣшенію.

Пошли все таки черезъ овражекъ. Гаванеску разсказывалъ интересный эпизодъ изъ боевой жизни и, переходя опасное мѣсто, князь забылъ, что каждую минуту взметнувъ густой столбъ земли и каменьевъ, подлѣ нихъ можетъ упасть снарядъ. Отъ овражка подымался довольно круто въ гору высокій стройный и прямой лѣсъ, пронизанный теплыми золотисто-алѣвшими лучами склонявшагося къ закату солнца. Прошли еще немного и неожиданно передъ глазами князя Сергѣя открылась феерическая картина:

На небольшой прогалинѣ лѣса, на фонѣ прямыхъ, высокихъ сосенъ, стволы которыхъ, подъ теплыми алыми отблесками заходящаго солнца, казались колонадой, вылитой изъ темной бронзы, были выстроены въ строгомъ молчаніи войска въ стальныхъ, отливавшихъ яркими бликами, шлемахъ. Передъ ними свѣтлый юноша съ свѣтло-сѣрыми глазами, въ стальномъ шлемѣ и стального цвѣта курткѣ, въ черныхъ „галифэ", поставивъ одну ногу на короткій обрубокъ пня, говорилъ имъ корячія и убѣдительныя слова. Тихо покачивались верхушки могучихъ сосенъ, какъ бы сквозь дремоту прислушиваясь къ свисту и шуршанью пролетавшихъ надъ ними снарядовъ, не пугавшихъ воображеніе представленіемъ о смерти, въ этой гармоніи тишины и красокъ.

Князь Сергѣй остановился: въ совокупности всей картины было что то героическое, торжественное. Невольно вспомнились оперы Вагнера. Въ стройномъ силуэтѣ принца князю померешился образъ Лоэнгрина...

Въ виду близости непріятельскихъ позицій, соблюдалась полная тишина, вполнѣ гармонировавшая съ торжественной величавостью могучаго лѣса, охранявшаго загорѣлыхъ, закаленныхъ воиновъ въ стальныхъ шлемахъ.

Изъ предосторожности, изъ лѣсу вышли не скучившись. Принцъ, помахивая стэкомъ и все время насвистывая, далеко ушелъ впередъ, шагая широкимъ размашистымъ шагомъ охотника и легко перепрыгивая черезъ рытвины и линіи заброшенныхъ окоповъ.

Подлѣ ожидавшихъ на дорогѣ автомобилей собралась небольшая группа женщинъ и дѣтей изъ сосѣдней полузаброшенной, полуразрушенной деревушки. Онѣ стояли тихія и молчаливыя, съ понурыми головами, блѣдныя, истощенныя, обнищавшія. Дѣти больныя, изнуренныя, невеселыя дѣти...

— Какая скорбная картина! — вполголоса замѣтилъ князь Сергѣй стоявшему подлѣ него генералу Адріанову, въ то время какъ принцъ приблизился къ этимъ печальнымъ, ничего непросящимъ, покорнымъ своей долѣ людямъ.

— Имъ нечего ѣсть. Несчастныя дѣти умираютъ ежедневно десятками... Не раздавайте имъ денегъ, князь, — это безполезно, такъ какъ имъ нечего купить на эти деньги, — остановилъ генералъ князя, протянувшаго близь стоявшимъ къ нему женщинамъ нѣсколько румынскихъ лей.

Князь Сергѣй, испытывая острое щемящее чувство тоски, ласково провелъ рукой по чернымъ, слегка вьющимся волосамъ дѣвочки лѣтъ четырнадцати, съ прелестнымъ овальнымъ лицомъ и великолѣпными скорбными глазами. Это было лицо мадонны съ полотна итальянскихъ мастеровъ. Мать дѣвочки, замѣтивъ вниманіе князя, подошла къ нему. Вздыхая и скорбно качая головой, она дотронулась пальцами до черныхъ и глубокихъ, какъ тьма, глазъ дочери и движеньемъ руки дала понять, что эти бездонныя печальныя глаза маленькой мадонны — незрячи.

— На почвѣ истощенія несчастныя дѣти заболѣваютъ какимъ то недугомъ, который лишаетъ ихъ зрѣнія, — пояснилъ генералъ Адріановъ.

Князь Суровъ, садясь въ автомобиль, подавилъ вздохъ. Кому нужны эти страданія, эта нищета, эта гибель сотенъ тысячъ людей? — еще разъ мысленно задалъ онъ вопросъ, на который некому было отвѣтить; да врядъ ли и нашолся бы на это отвѣтъ...

IV.

Печальныя сумерки начали спускаться надъ печальными безмолвными деревушками раззоренной страны, когда подъѣхали къ покосившимся воротамъ небольшого дворика деревни „Фиціонешты", поднялись по расшатаннымъ приступкамъ на крошечную терраску деревенскаго домика, въ которомъ помѣщался штабъ полка и утомленные жаркимъ днемъ и большими переходами съ удовольствіемъ сѣли къ приготовленному, едва умѣщавшемуся на терраскѣ простому деревянному столу, покрытому грубой, не первой свѣжести скатертью, и

убогой походной сервировкой. Полковникъ и два офицера радушно встрѣтили именитаго гостя и свое начальство, хлопоча, заставляя столъ угощеніемъ. Проголодались, и все казалось необыкновенно вкусно. Никто не обращалъ вниманія на бѣдность сервировки, на то, что чашки не имѣли блюдцевъ, что тарелки смѣнялись блюдцами, что вмѣсто рюмокъ — вино и коньякъ, до котораго принцъ былъ большой охотникъ, наливалось въ стаканы, что вкусное національное сладкое блюдо, похожее на варенье изъ сливъ, было подано въ эмалированной кружкѣ, за неимѣніемъ вазочки.

Совсѣмъ стемнѣло. На столъ подали двѣ свѣчи, вставленныя въ бутылки. Налеталъ прохладный вѣтерокъ, колебалъ, пригибалъ въ сторону синевато-оранжевый лепестокъ пламени, порхая, задѣвалъ пряди волось, ласкалъ мимолетной лаской загорѣлыя лица и летѣлъ прочь въ темноту надвигавшейся ночи къ убогимъ жилищамъ обездоленныхъ, голодныхъ, осиротѣлыхъ людей... Надъ крестомъ бѣлой церковки четко вырисовался на темно-синемъ куполѣ небесъ молочно-зеленоватый серпъ молодого мѣсяца. Въ ночной прохладѣ носились запахи какихъ то острыхъ прянныхъ травъ... Неожиданно гулко бухнулъ въ тишинѣ разорвавшійся гдѣ то недалеко снарядъ...

— Смерть... опять смерть!.. — тоскливо вынырнула въ мозгу князя мысль среди общаго оживленнаго разговора. Сидя рядомъ съ принцемъ, князь Сергѣй внимательно вглядывался въ его лицо: оно было оживленно и безпечно спокойно.

— Онъ слишкомъ еще молодъ, — подумалъ князь, — чтобы проникнуться трагедіей человѣческаго безразсудства, совершающейся вокругъ насъ . . .

Былъ поздній вечеръ, когда поднялись отъ стола. Генералъ Ельчаниновъ очень довольный удачнымъ пріемомъ наслѣднаго принца, удачной стрѣльбой на позиціи и бравымъ видомъ Волынскаго 53-го полка, пожимая руки полковникамъ, спустился вслѣдъ за принцемъ съ крылечка терраски и, пройдя впередъ къ машинамъ, велѣлъ ѣхать со всей осторожностью, не зажигая фонарей, могущихъ привлечь вниманіе близкаго отъ позиціи непріятеля.

Князь Сергѣй, утомленный впечатлѣніями, закрывъ глаза, забившись въ уголъ автомобиля, молчалъ, подставляя лицо свѣжему ночному вѣтру. Ѣхали осторожно, нащупывая неровную, часто сворачивающую пыльную дорогу. Электрическіе фонари, вспыхивая на мгновенье чтобы освѣтить путь, сейчасъ же гасли, прорѣзывая на мгновенье теплую неподвижную мглу ночи, раскинувшуюся густой пеленой надъ остывающими полями. Вскорѣ, ѣхавшій позади автомобиль принца свернулъ въ сторону къ мѣстечку, гдѣ помѣщался лазаретъ королевы и куда принца ждали къ ночи. Князь Сергѣй съ удовольствіемъ думалъ о ночлегѣ подъ одной крышей съ братомъ и о тихой бесѣдѣ послѣ разлуки долгихъ трехъ лѣтъ.

Подъѣзжая къ Паунештамъ, зажгли фонари, и рѣзкій, дерзкій свѣтъ, бросая далеко впередъ полукруглый снопъ лучей, слѣпилъ усталые глаза.

— Я подвезу васъ къ брату, князь, — обратился генералъ Адріановъ къ Сурову.

— Да, благодарю васъ, генералъ, и вообще благодарю васъ еще разъ за крайне интересный день.

Изъ густой темноты выплылъ передъ яркимъ свѣтомъ фонарей сѣрый заборъ со свѣсившимися че-

резъ верхъ вѣтвями худосочныхъ деревцовъ. Машина, треща моторомъ, остановилась. Въ густой рамкѣ ночной тьмы яркій блескъ озареннаго электрическимъ свѣтомъ пространства казался нестѣрпимо дерзкимъ, почти наглымъ. Каждый листокъ дрожавшей подъ вѣтромъ вѣтки, каждый кустъ, сѣрый досчатый заборъ, покрившаяся узкая калитка, распахнувшаяся внутрь двора, — все было освѣщено до ногаты.

Едва князь успѣлъ выдти изъ автомобиля, и прощаясь и еще разъ благодаря генерала, крѣпко пожималъ ему руку, какъ изъ невидимаго пространства точно вынырнула и рѣзко обрисовалась на фонѣ ночи фигура князя Олега, вышедшаго на встрѣчу брата.

— Я заждался тебя, Сергѣй. Здравствуй. Ну какъ проѣздился? Доволенъ? Видѣлъ нашихъ воякъ? У меня давно и чай и ужинъ готовъ. Павелъ Марковичъ, — обратился онъ къ генералу Адріанову, — пожалуйте ко мнѣ чай пить.

— Нѣтъ князь, — очень вамъ благодаренъ. Признаться, я изрядно усталъ и поскорѣе отправлюсь на боковую. Надо еще зайти въ корпусному командиру. Спокойной ночи . . .

Моторъ пересталъ трещать, и машина, плавно ускользая и оставляя за собой густую тьму. скрылась за поворотомъ.

— Усталъ! Очень радъ, что къ тебѣ добрался. Мы будемъ одни, Олегъ? Или у тебя кто нибудь есть? — спросилъ князь Сергѣй, идя подъ руку съ братомъ по небольшому, заросшему травой дворику.

— Всѣ мои служебныя дѣла сейчасъ кончены, и я принадлежу на всю ночь себѣ и тебѣ, если не случится

чего нибудь неожиданнаго, чего впрочемъ не предвидимъ.

— Вотъ и отлично. О, да какъ у тебя славно! Какая роскошная сервировка! — улыбнулся князь Сергѣй, входя въ низенькую деревянную дверцу, ведущую изъ сѣней избы въ комнату князя Олега.

Небольшая комната, съ вымазаннымъ глиной поломъ и чисто выбѣленными стѣнами, съ двумя маленькими оконцами и низкимъ потолкомъ, была привѣтливо озарена двумя свѣчами, стоявшими на покрытомъ скатертью столѣ. Кипѣвшій на немъ самоваръ, хлѣбъ, печенье, масло, яйца, все это давало впечатлѣніе простого и теплаго уюта. Двѣ походныя узкія кровати съ маленькими подушками были приготовлены для ночи. На деревянномъ табуретѣ въ углу стояла бѣлая фаянсовая чашка съ кувшиномъ а подлѣ жестянное ведро. На гвоздѣ висѣло чистое полотенце

— У тебя тутъ прелестно, Олегъ!

— Это тебѣ такъ кажется послѣ утомительнаго дня. Ну, садись къ столу. Будемъ пить чай и болтать. Я тебя заждался и хочу ѣсть.

— А я хоть и не голоденъ, но чаю выпью съ большимъ удовольствіемъ; а главное, я радъ, что теперь мы останемся наконецъ вдвоемъ.

Ты доволенъ впечатлѣніями дня?

— Очень доволенъ. Принцъ Кароль былъ очень милъ. Я нахожу, что онъ сильно похорошѣлъ. Солдаты наши имѣютъ отличный бравый видъ.

— Да, пока еще держатся.

Сѣли къ столу. Князь Олегъ налилъ чаю, намазалъ сѣроватую несвѣжую булку масломъ и подвинулъ брату.

— Разскажи мнѣ, во первыхъ, о мамѣ. Все разскажи. Какъ ея ноги? Очень ли постарѣла?

Началась безконечная бесѣда. Самоваръ давно потухъ. Свѣчи оплыли. Кругомъ стояла тишина, и было поздно, когда Сергѣй Суровъ поднялся отъ стола:

— Я буду раздѣваться, Олегъ. Чувствую, что очень усталъ. Какъ то сразу спать захотѣлось.

Онъ наскоро раздѣлся, легъ и закрылъ глаза, ожидая пока братъ, не спѣша раздѣваясь и переговариваясь, затушитъ свѣтъ. Наконецъ свѣчи были загашены. Олегъ распахнулъ маленькое оконце, выходившее на заросшій травой дворикъ.

— Подъ утро я проснусь и закрою, а то будетъ душно спать, да и воздухъ прекрасный, свѣжій.

— Да, очень хорошо, — отозвался Сергѣй. Его клонило ко сну. Твердая походная кровать казалась очень удобной. Заложивъ руки подъ голову и протянувшись на спинѣ, онъ минутами открывалъ глаза и видѣлъ передъ собой въ открытое окно, изъ котораго вѣяло прохладой, темно-синее небо и свѣтлую мигающую звѣзду.

— Какъ это все странно, Олегъ!.. — проговорилъ онъ, чувствуя въ усталомъ тѣлѣ и мозгу тотъ же покой, что былъ разлитъ во всей природѣ въ этотъ поздній ночной часъ.

— Что странно?

— Да вотъ, что война, а кругомъ такъ тихо и торжественно.

— Ты про это!.. Передумалъ и я на эту тему не мало всякихъ мыслей и въ концѣ концовъ, сознаюсь, пришелъ къ заключенію, que c'est une sale besogne вся

эта бойня, — отозвался Олегъ и по тону его голоса Сергѣй почувствовалъ, что онъ высказываетъ то, что у него наболѣло, надъ чѣмъ онъ долго и упорно думалъ.

— Такъ какъ же ты можешь въ такомъ случаѣ воевать? Значитъ ты идешь противъ себя?

— Теперь, — безусловно. Чувство долга и чести держатъ меня здѣсь, но мое внутреннее „я“ давно не участвуетъ въ этомъ дѣлѣ. А въ особенности теперь, когда подорвано все, на чемъ держалась дисциплина. Э, да не своитъ говорить! Ты сегодня самъ былъ свидѣтелемъ въ какое положеніе поставленъ командный составъ.

— Скажи, Олегъ, ты вѣришь въ благополучный исходъ войны?

— Откровенно отвѣчу и только тебѣ одному: нѣтъ, я не вѣрю, совсѣмъ не вѣрю, — глухо отозвался князь Олегъ.

— Что же будетъ? Неужели сепаратный миръ? Какой позоръ!..

— Чертъ его знаетъ что будетъ, но я не жду ничего хорошаго. Здѣсь еще кое какъ лавируемъ, а на нашемъ русскомъ фронтѣ идетъ полное систематическое разложеніе арміи. Командный составъ безсиленъ въ этой неравной борьбѣ. Будь трижды проклята эта революція, ничего не давшая намъ кромѣ разрушѣнія.

— А я вѣрю, Олегъ, вѣрю еще въ простую, но разумную силу нашего народа.

— Разумную?! — саркастически разсмѣялся князь Олегъ. — Ну, видно, что ты не сталкивался съ этой разумной силой народа въ образѣ солдата. Ничего кромѣ тупой психологіи врожденнаго раба!..

— Ты слишкомъ суровъ и несправедливъ.

— А ты идеализируешь, закрываешь глаза. Пятый мѣсяцъ послѣ революціоннаго переворота и кромѣ разрухи и никуда негодныхъ, глупыхъ словъ — ничего. А дальше будетъ еще хуже. Я всегда былъ сторонникомъ деспотическаго правленія, потому что давно понялъ психологію нашего народа, а ты все еще продолжаешь вѣрить въ какія то его скрытыя качества. Узду сорвали, свободу провозгласили, клѣтку открыли настежь и нечего удивляться, если выпущенный на свободу звѣрь все потопчетъ ногами и растерзаетъ зубами.

— А я еще вѣрю, что народъ нашъ опомнится, самъ опомнится...

— Вѣрь, вѣрь... — иронично протянулъ князь Олегъ. — Эхъ, милый Еремка, больно мнѣ признаться, но тебѣ — брату моему я скажу, что солдатъ теперешній, т. е. пришедшій на фронтъ народъ нашъ, глубоко оскорбилъ мое русское сердце. Въ немъ оказалась неисчерпаемая глубина звѣрской темноты.

— Куда же дѣвался въ такомъ случаѣ русскій народъ, воспѣтый въ нашей литературѣ? Неужели онъ существовалъ лишь въ воображеніи?

— Очевидно. Его считали кроткимъ и добродушнымъ, а онъ былъ только трусливъ. Занесенный надъ нимъ кулакъ разжался, и вмѣсто кротости въ немъ оказалась безмѣрная наглость. — Князь Олегъ нѣсколько разъ затянулся папиросой. Въ темнотѣ пыхнулъ красноватый огонекъ, освѣтивъ его красивое лицо и блестящіе глаза, напряженно смотрѣвшіе въ открытое оконце, въ которое, мигая, глядѣла съ темнаго неба

далекая звѣзда. — Ты что, Еремка, спишь уже? — спросилъ онъ помолчавъ.

— Да, засыпаю... смотрю на звѣзду, чувствую прохладу ночного вѣтерка, прислушиваюсь къ тишинѣ, вижу картины сегодняшняго дня и чувствую какую то путаницу въ мозгу отъ непонятныхъ, слишкомъ сложныхъ вопросовъ.

— Здѣсь нельзя думать о томъ, о чемъ мы думали съ тобой въ тихія лѣтнія ночи подъ вѣковыми дубами нашего парка, а то, пожалуй, можно и свихнуться... Усталъ я, Еремка, душой очень усталъ... — добавилъ князь Олегъ, подавивъ тяжелый вздохъ.

— Вѣрю тебѣ, милый. Мы съ мамой не разъ говорили о тебѣ именно такъ.

Наступило молчаніе. Сергѣй началъ засыпать. Князь Олегъ, услышавъ ровное дыханіе брата, понялъ, что тотъ заснулъ и замолчалъ. Онъ былъ счастливъ неожиданному его пріѣзду и радовался, что передъ нимъ еще двое или трое сутокъ возможности быть съ нимъ. Пріѣздъ князя Сергѣя взволновалъ его и потревожилъ придавленныя силой воли мысли и чувства, которымъ нѣтъ логическаго мѣста въ обстановкѣ, созданной войной.

V.

На третьи сутки оказался свободнымъ автомобиль, отправлявшійся въ шестую армію, стоявшую подъ Галацомъ, и князь, послѣ многихъ задушевныхъ бесѣдъ съ братомъ, сдерживая волненіе при послѣднемъ прощаніи, сѣлъ въ автомобиль и, сопровождаемый возвращавшимся въ шестую армію капитаномъ, опять по-

мчался пыльными дорогами по раззоренной Румыніи къ недавно еще веселому, жившему красивой и культурной жизнью — Галацу.

Капитанъ былъ очень скромный и сдержанный молодой человѣкъ. Разговоръ все время пути шелъ на больную, острую для каждаго военнаго тему — контроля командного состава нижними чинами, вмѣшательства комиссаровъ въ распоряженія, отдаваемыя начальствомъ и пріѣздовъ всевозможныхъ депутатовъ изъ Петрограда, ведущихъ опредѣленно вредную для дисциплины агитацію среди солдатъ. Сдержанный по природѣ капитанъ, старался говорить спокойнымъ тономъ, но лицо его покрывалось красными отъ волненія пятнами и съ его устъ срывались грубыя ругательства, за которыя онъ поспѣшно извинялся.

На полъ пути онъ, испросивъ разрѣшеніе у князя, остановился подлѣ маленькаго деревяннаго домика — штаба 30-й дивизіи четвертой арміи, чтобы передать служебныя бумаги. Суровъ остался ожидать въ автомобилѣ. Черезъ нѣсколько минутъ на деревянной галерейкѣ послышался звонъ шпоръ и, спустившись съ крылечка, къ автомобилю подошелъ бравый генералъ. Любезно раскланявшись и отрекомендовавшись, генералъ — бывшій командиръ Георгіевскаго баталіона — просилъ князя пройти въ ихъ штабную столовую.

— Мы только что отобѣдали, князь, и все еще въ горячемъ видѣ. Навѣстите насъ; я сердечно радъ дорогому гостю. Прошу васъ присядьте и не взыщите за нашу убогую обстановку и сервировку. Живемъ здѣсь отшельниками . . . — говорилъ генералъ, усаживаясь противъ князя на деревянной скамейкѣ передъ

длиннымъ узкимъ деревянномъ столомъ, конецъ котораго былъ покрытъ сѣроватой грубой скатертью. Завѣдывающій столовой — словоохотливый офицеръ радушно хлопоталъ, распоряжался и угошалъ князя вкуснымъ борщемъ, хорошо выпеченнымъ хлѣбомъ и котлетами съ картофелью.

Когда подали чай въ простомъ толстомъ стаканѣ и къ нему какое то давнишнее сухое печенье — рѣдкое угощеніе, капитанъ и офицеръ, о чемъ то переговариваясь, вышли. Генералъ, оставшись наединѣ съ княземъ, очевидно ожидая этого момента, заговорилъ о политическихъ событіяхъ, о томъ, что дѣлалось на фронтахъ, о своихъ опасеніяхъ за будущее Россіи. Подвижной, съ ясными голубыми глазами, въ которыхъ свѣтилась энергія и доброта, генералъ сразу располагалъ къ себѣ. Оперевъ на руку голову съ темными густыми волосами, онъ явно испытывалъ потребность излить передъ кѣмъ нибудь все, что наболѣло въ его сердцѣ, любящемъ свою отчизну. Онъ говорилъ въ полъ голоса, посматривая на входную дверь. Привыкшій къ выдержкѣ, къ умѣнью скрывать передъ подчиненными тревоги и опасенія, онъ изливалъ передъ Суровымъ всю боль души, и въ его красноватомъ сильно загорѣвшемъ лицѣ выражалось столько тоски и скорби, что Сергѣй Суровъ чувствовалъ къ нему неподдѣльную симпатію.

— Сидимъ вотъ въ этой глуши, князь, — говорилъ генералъ, обводя подернутыми тоской глазами убогую внутренность барака, — никого не видимъ, вѣсти доходятъ запоздалыя, догадываемся о многомъ, переносимъ оскорбительный контроль невѣжественныхъ людей, глумящихся надъ святымъ для насъ вопросомъ дисци-

плины, мѣсяцами не имѣемъ свѣдѣній о тѣхъ, кто далеко, кто дорогъ нашему сердцу и въ то же время чувствуемъ, что нѣтъ больше вѣры въ то, ради чего приносимъ всѣ эти великія жертвы . . . Царя мнѣ жаль, князь, невиразимо жаль! Я былъ всю жизнь и останусь преданъ ему до гроба. — Голось генерала дрогнулъ, и онъ умолкъ.

Солнце начало клониться къ западу, когда послѣ ряда разрушенныхъ опустѣлыхъ деревушекъ, автомобиль выѣхалъ къ открытому по обѣ стороны шоссе. Справа густо заросшій кустарникъ сразу обрывался. Черезъ зеленѣющую даль поля, на горизонтѣ синѣла линія лѣса, гдѣ былъ непріятельскій фронтъ. Открытое для прицѣла шоссе на пространствѣ десяти верстъ усердно за послѣдніе дни обстрѣливалось нѣмцами.

Капитанъ и солдатъ-шофферъ переговаривались о томъ, что наканунѣ автомобиль, ѣхавшій въ Галацъ, попалъ подъ обстрѣлъ и едва спасся.

— Главное дѣло, что шоссе очень изрыто и нельзя пустить машину полнымъ ходомъ, а во время обстрѣла ѣхать иначе — это навѣрняка угодить подъ снарядъ, — говорилъ шофферъ. — На прошлой недѣлѣ мы съ полковникомъ тутъ попались: только половину шоссе проѣхали, „онъ" какъ началъ жарить по насъ, такъ всю душу у меня вымоталъ, потому пустить полнымъ ходомъ — машину сломаешь, не пускать — прямо подъ гранаты угодишь. Ужь мы и такъ и этакъ. Осколкомъ два раза царапнуло машину. Кое какъ выскочили. Хуше какъ въ банѣ побывалъ: всего вспарило.

Только что выѣхали изъ за кустовъ и хотѣли пуститься по ровно убѣгающему вдаль по прямой линіи

шоссе, бѣлѣющему подъ розоватымъ отблескомъ заката, какъ вслѣдъ за гулкимъ взрывомъ, впереди на разстояніи полу версты, взметнулся высокій густой столбъ земли и дыма.

— Вотъ легокъ на поминѣ! Чортъ бы его подралъ! — выбранился шофферъ, давъ машинѣ задній ходъ, чтобы отъѣхать за линію кустовъ.

— Этого надо было ожидать, — отозвался капитанъ. — Обстрѣлы начинаются регулярно съ закатомъ солнца. Чтожь теперь будемъ дѣлать? Неужели ждать? Вы что скажете, князь?

— Пожалуйста, капитанъ, дѣйствуйте такъ, какъ будто бы меня не было. Я никакихъ рисковъ не боюсь.

— Ты какъ думаешь, Федоровъ: проѣдемъ или обождать?

— Надо пообождать: можетъ угомонится. Что зря ѣхать!

— Хорошо, обождемъ. Досадно, если надолго задержитъ: я имѣлъ въ виду показать вамъ, князь, именно въ этотъ часъ заката очень красивую картину сліянія Дуная съ Серетомъ.

Закурили папиросы и, стоя подъ защитой кустовъ, терпѣливо выжидали конца обстрѣла. Но непріятель не унимался: снаряды, каждыя три, четыре минуты, разрывались то не долетая, то перелетая, то взрывая шоссе. Подъѣхалъ еще автомобиль съ двумя офицерами и военнымъ чиновникомъ, постоялъ нѣсколько минутъ и повернулъ обратно. Затѣмъ, быстро разрѣзая воздухъ, съ трескомъ промчался мотоциклистъ. Ни на минуту не останавливаясь, не смущаясь грозными

разрывами снарядовъ, онъ, со вздувшейся на спинѣ отъ вѣтра рубашкой, пустился впередъ.

— Это рисковано, — проговорилъ князь, напряженно слѣдя за убѣгающей по шоссе, быстро уменьшающейся въ точку, фигурой мотоциклиста.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, князь: очень рѣдки случаи, чтобы при такой быстротѣ снарядъ попалъ въ мотоциклетку.

Простоявъ больше полу часу и тщетно ожидая конца обстрѣла, рѣшено было взять путь въ объѣздъ, что очень удлинняло путешествіе и лишало возможности видѣть красивую картину сліянія двухъ рѣкъ. Солдатъ-шофферъ замѣтно колебался ѣхать на встрѣчу опасному риску.

Дорога въ объѣздъ оказалась скучной и трудной, такъ какъ по пескамъ шла въ гору. Солнце зашло въ алыхъ перистыхъ облакахъ, будто наляпанныхъ смѣлой кистью по нѣжно-бирюзовому фону. Когда въѣхали въ Галацъ, то сразу стѣмнѣло, и бѣлые особняки съ пышными кустами зелени, колонками и террасками едва бѣлѣли на фонѣ сгущавшихся сумерекъ. Зажглись звѣзды. Черезъ открытыя двери ресторановъ кое гдѣ мерцали огоньки зажженныхъ на столахъ свѣчекъ. Въ окнахъ домовъ свѣту не было. Капитанъ объяснилъ, что Галацъ, въ виду обстрѣла, вынужденъ съ заходомъ солнца пребывать въ темнотѣ. Свѣчей достать было очень трудно и по баснословно высокой цѣнѣ. Электричество давалось только въ штабъ корпуса.

Пока капитанъ ушелъ справиться объ отведенной для князя комнатѣ, Суровъ занялъ столикъ въ малень-

комъ, слабо освѣщенномъ нѣсколькими свѣчами ресторанчикѣ заграничнаго типа и заказалъ ужинъ для себя и для капитана.

Небольшой залъ былъ полонъ публики, сидѣвшей за круглыми столиками. Неровный свѣтъ, съ робко трепещущими скользящими по стѣнамъ и потолку тѣнями отъ колыхавшагося пламени свѣчей, былъ фантастиченъ. Лица присутствовавшихъ тонули неясными очертаніями въ мягкомъ полусвѣтѣ. Стойка буфета, съ разставленными на ней тарелками съ ягодами и всякими яствами, дразнила аппетитъ. Князь былъ голоденъ и съ удовольствіемъ ожидалъ ужина. Облокотясь о столъ, онъ оглядѣлъ довольно пеструю публику: было нѣсколько румынскихъ франтоватыхъ офицеровъ, съ блестящими черными глазами и загорѣлыми лицами; нѣсколько русскихъ офицеровъ — очевидно штабныхъ; двѣ-три красивыхъ румынки, нарядныхъ, съ манящими глазами и манерами. Князь сразу окунулся въ теплую, привѣтливую, слегка двусмысленную атмосферу ресторана, съ его мерцавшимъ освѣщеніемъ и неясными очертаніями силуэтовъ гостей. Тѣлу, усталому отъ долгой тряски въ автомобилѣ, было спокойно и хорошо въ застывшей неподвижности. Думая о чемъ то расплывчатомъ и неясномъ, слегка полузакрывъ глаза, не замѣчая устремленныхъ на него лукавыхъ глазъ сидѣвшей неподалеку румынки съ подрисованными глазами и слишкомъ яркимъ ртомъ, — онъ отдавался настроенію красочной обстановки, въ которую, гармонируя, вливались доносившіеся откуда то издали неясные звуки рояля. Онъ не замѣтилъ какъ прошло около получаса, и вошелъ сопровождавшій его капитанъ.

— Князь, вамъ отведена комната въ лучшей гостинницѣ „Метрополь“, какъ разъ рядомъ съ этимъ ресторанomъ. Я распорядился, чтобы ваши вещи внесли въ комнату; вотъ извольте отъ нея ключъ.

Капитанъ сѣлъ къ столу. Подали ужинъ очень вкусный и обильный. Галацъ былъ въ болѣе выгодныхъ условіяхъ чѣмъ Яссы и достать въ немъ можно было какіе угодно продукты, хотя и по очень возвышенной цѣнѣ. Ужинали, одва перекидываясь отдѣльными фразами. Князь чувствовалъ себя усталымъ, капитанъ — сдержанный и вѣжливый, замѣтивъ его вялость, говорилъ мало. Послѣ ужина, проводивъ Сурова въ его комнату и передавъ ему, что корпусный командиръ проситъ его на другой день къ завтраку въ штабъ корпуса и что къ часу за нимъ изъ штаба будетъ автомобиль, — онъ раскланялся и ушелъ, оставивъ князя на порогѣ большой комнаты, отведенной ему въ бельэтажѣ. Лакей-румынъ принесъ короткую толстую свѣчу, поставилъ ее на овальный, стоявшій среди комнаты столъ и вышелъ. Суровъ закрыль дверь и потушилъ свѣчу. Въ открытыя окна глядѣлъ рогъ нарождавшагося мѣсяца. Князь раздѣлся, раскрылъ нессесеръ, досталъ туалетныя принадлежности, наскоро умылся и легъ. Повернувъ голову къ окну и глядя на блѣдный мѣсяцъ, онъ думалъ о братѣ: о тѣхъ его немногихъ словахъ въ первую ночь его пріѣзда, въ которыхъ вылилась глубокая горечь и обида за безцѣльно принесенныя жертвы и страданія во имя родины, которую свой же народъ началъ оплевывать и толкать въ бездну позора.

— Неужели армія погибла? Неужели солдаты разбѣгутся? Что же впереди?! Позоръ и пораженіе!...

Почему то именно въ эти минуты полнаго покоя и тишины князь впервые понялъ, постигъ весь надвигавшійся на Россію ужасъ, если не случится чего то неожиданнаго, большого. Онъ почувствовалъ въ сердцѣ холодъ, сѣлъ на кровати и сдавилъ пальцами виски:

— Неужели же это такъ?! Господи, не попусти... Господи, вразуми ихъ... — началъ онъ молиться, но сердце сжималось, слова молитвы падали мертвыми. Гнетущее предчувствіе сковало душу и мозгъ. Онъ долго лежалъ безъ сна, съ широко открытыми глазами, какъ будто силящимися проникнуть во тьму грознаго будущаго Россіи, которое, какъ страшный призракъ, уже смутно вырисовывалось въ мутной пеленѣ ночи.

VI.

На другой день князь проснулся поздно. Подойдя къ окну, онъ увидѣлъ оживленно двигавшуюся публику по неширокой залитой солнцемъ улицѣ. Дамы были въ бѣлыхъ туалетахъ и нарядныхъ шляпкахъ, что не вязалось съ мыслю о томъ, что непріятель совсѣмъ близко, каждую минуту можетъ продвинуться и обстрѣлять хорошенькій городокъ.

Суровъ велѣлъ отельному лакею принести изъ сосѣдняго ресторана кофе, и, не спѣша, принялься за свой туалетъ. Было жарко, и онъ рѣшилъ не выходить до присылки за нимъ штабного автомобиля; къ тому же было уже и достаточно поздно.

Около часу съ шумомъ подъѣхалъ большой автомобиль и черезъ секунду постучались въ дверь: вошелъ адъютантъ корпуснаго командира, съ приглашеніемъ къ завтраку.

Опять штабъ, генералы, адъютанты, завтракъ въ громадной столовой прекраснаго большого особняка, реквизированнаго для штаба, любезный командиръ четвертаго Сибирскаго корпуса, съ живыми глазами, полный энергіи, любви къ жизни и къ женщинамъ; красивая сестра милосердія — завѣдывавшая мѣстнымъ лазаретомъ краснаго креста, приглашенная тоже къ завтраку; очевидная атмосфера легкаго флирта вокругъ ея женственной миловидности; вкусный завтракъ, потомъ поѣздка съ двумя генералами и адъютантомъ къ батареѣ, расположенной верстахъ въ восьми отъ города, прогулка пѣшкомъ къ наблюдательному пункту, — все это, залитое горячимъ солнцемъ юга, было колоритно, ярко и не соотвѣтствовало красками голубыхъ небесъ, зеленью разстилавшихся внизу луговъ и переливами блестѣвшаго подъ солнцемъ Серета, мыслямъ о войнѣ, со всей той мутью на душѣ, которая вызывается видомъ ея послѣдствій.

Послѣ осмотра батареи и стрѣльбы по позиціямъ противника изъ пушки „Канэ“, — опять быстрая ѣзда въ автомобилѣ къ живописной долинѣ, гдѣ сливаются Серетъ и Дунай, горячій, жужжащій въ уши, бьющій въ лицо вѣтеръ, потоки свѣта, тепла и яркихъ переливовъ зелени, загорѣлыя лица встрѣчныхъ солдатъ, убогія, разрушенныя, опустошенныя деревни, съ избами безъ крышъ, съ выбитыми стеклами въ окнахъ. Потомъ кафэ, сочная, разрѣзанная большими ломтями, со льда принесенная маслянично-желтая дыня, съ хрустящимъ на зубахъ крупнымъ сахарнымъ пескомъ, все тѣ же разговоры на тему внутренней политики, боязливо обрывающіеся при приближеніи лакея или новаго посѣти-

теля; потомъ опять штабъ корпуса, простой, но вкусный и обильный обѣдъ, обмѣнъ прощальныхъ привѣтствій, гудокъ автомобиля, вокзалъ — неряшливый, какъ всѣ вокзалы въ военное время, жаркое купэ перваго класса съ деревянными скамейками въ виду гигіеническихъ условій и озорства русскихъ солдатъ, ободравшихъ со всѣхъ мягкихъ дивановъ плюшъ, еще разъ привѣтственныя слова и рукопожатія со штабнымъ адъютантомъ, свистокъ локомотива, — и поѣздъ тронулся, громыхая, медленно подвигаясь впередъ и безпрестанно останавливаясь на маленькихъ станціяхъ, залитыхъ косыми, розовато-алыми лучами заходящаго солнца.

Нѣсколько времени Суровъ былъ одинъ въ купэ, но вскорѣ оно начало наполняться публикой. Кромѣ него всѣ были румыны. Какъ жукъ черный, загорѣлый, съ сѣдыми висками полковникъ съ красивой молодой женой. Вся въ черномъ, съ тонкимъ оваломъ печальнаго лица и нѣжными узкими руками, она была трогательно-женственна. Изъ ихъ разговора на французскомъ языкѣ князь понялъ, что полковникъ везъ жену къ дѣтямъ, вывезеннымъ изъ раззореннаго имѣнія. Противъ Сурова помѣстилась молодая, со сдержанными манерами и изящнымъ парижскимъ произношеніемъ румынка — сестра милосердія, ѣхавшая съ пожилой, очень подвижной дамой, просто и изыскано одѣтой въ черный шелковый костюмъ. Потомъ сѣла маленькая, щупленькая особа съ птичьимъ лицомъ, забилась въ уголъ, прижала щекой къ стѣнкѣ вагона маленькую подушку и сейчасъ же заснула.

Солнце сѣло. Сразу стемнѣло. Въ открытое окно вагона вмѣстѣ съ ароматнымъ воздухомъ полей про-

никалъ робкій свѣтъ мѣсяца. Было тяжело, утомительно и неудобно сидѣть цѣлую ночь на твердыхъ скамьяхъ. Всѣ старались разговорами и выходами на остановкахъ сократить ночь. Однако, усталось брала свое и, мало по малу, каждый изъ пассажировъ начиналъ дремать, убаюкиваемый тихимъ ходомъ поѣзда.

Къ утру поѣздъ подошелъ къ Яссамъ. Князь Сергѣй чувствовалъ себя совершенно разбитымъ. Съ пожелтѣвшимъ лицомъ и отяжелѣвшими членами, не найдя носильщика, онъ самъ взялъ свой чемоданъ и нессесеръ, нашелъ извозчика и поѣхалъ въ отель „Траянъ“, гдѣ не оказалось ни одной свободной комнаты. Голодный и усталый, онъ едва добился оффиціальнаго телефона въ штабъ и былъ счастливъ, когда услышалъ привѣтливый яркій голось начальника штаба румынскаго фронта, всегда бодраго, энергичнаго, еще молодого, умнаго и всѣхъ располагавшаго къ себѣ — генерала Головина.

— Сію секунду я пришлю за вами, князь, автомобиль. Пріѣзжайте ко мнѣ пить кофе; а тѣмъ временемъ вамъ отведутъ комнату. Васъ встрѣтитъ адъютантъ, такъ какъ, очень извиняюсь, но я долженъ немедля идти къ главнокомандующему. Адъютантъ васъ напоитъ кофеемъ и покормитъ; навѣрное вы чертовски устали? Я знаю эту проклятую дорогу изъ Галаца. Мое почтеніе, князь. Покорно прошу пожаловать обѣдать ко мнѣ въ штабъ. Генералъ Щербачевъ обѣдаетъ тоже здѣсь. У насъ гость будетъ. Интересная женщина.

— Можно узнать кто?

— Нѣтъ, князь. Я хочу заинтересовать васъ и не скажу. Я увѣренъ, что вы должны ее знать хотя бы по имени.

— Я адски усталъ, а потому не любопытенъ, генералъ.

— Ну такъ до скораго свиданія. Автомобиль ѣдетъ за вами въ отель „Траянъ“.

Едва князь пересѣкъ площадь и взошелъ на каменную площадку отеля, какъ подъѣхалъ автомобиль начальника штаба.

Черезъ часъ этотъ же автомобиль доставилъ князя Сурова обратно въ отель „Траянъ“, гдѣ ему была отведена маленькая комната, съ бьющимъ изъ высокаго окна яркимъ свѣтомъ и шумомъ многолюдной площади. Усталый и разбитый до послѣдней крайности отъ безсонной ночи, проведенной на твердой скамкѣ вагона, князь, освѣженный холодной водой, съ чувствомъ наслажденія протянулся на чистой простынѣ пружинной никелевой кровати. Хотя изъ открытаго окна, завѣшаннаго лишь одной бѣлой шторой, билъ утренній свѣтъ и врывался гомонъ улицы съ грохотомъ тяжелыхъ грузовиковъ, автомобильными гудками и трескомъ колесъ, однако, закрывъ глаза, князь облегченно вздохнулъ и, ни о чемъ не думая, отдаваясь смутному отрадному преддверію сна, сразу отлетѣлъ отъ дѣйствительной жизни съ ея шумомъ улицы и голосами за дверью.

Этажомъ ниже, въ другой сторонѣ того же отеля, передъ большимъ туалетнымъ столомъ, въ голубомъ, отдѣланномъ кружевными прошивками пеньуарѣ, сидѣла Вероника Кампіони, тщательно укладывая въ прическу распущенные, цвѣта коричневой мѣди — волоса. Пріѣхавъ два дня тому назадъ въ Яссы на зовъ своей пріятельницы, дочери генерала Щербачева — Вероника успѣла отдохнуть, кое что осмотрѣть, побывать въ

окрестностяхъ города, познакомиться съ гостепріимнымъ штабомъ главнокомандующаго и набросать нѣсколько эскизовъ. Полная разнообразныхъ впечатлѣній, оживленная и радостная, она спѣшила докончить свой туалетъ, чтобы быть готовой къ часу, назначенному королевой для ауденціи. Ауденція ее интересовала не только какъ встрѣча съ утонченно-красивой женщиной, какой была королева Марія, но и какъ съ тонкой художественной натурой. Вероника была артистична и и многогранна и ей не могли импонировать дворцы, мишура ихъ блеска и мимолетная благосклонность коронованныхъ особъ.

Докончивъ прическу, Вероника надѣла свѣжее бѣлое батистовое платье, большую панаму, отдѣланную легкимъ фіолетовымъ муслиномъ и, погладывая на часы, въ ожиданіи гудка автомобиля, открыла толстую продолговатую тетрадь въ сѣрой холщевой обложкѣ. Перелистывая накануне набросанные эскизы и дополняя ихъ легкими штрихами керандаша, она не замѣтила, какъ пробѣжало время и подъ окнами раздался отрывистый призывной гудокъ. Отбросивъ тетрадь, она перегнулась черезъ окно и увидѣла щегольской лакированный автомобиль, присланный за ней Козельскимъ изъ миссіи, съ шофферомъ и лакеемъ въ придворной формѣ.

Натянувъ перчатки и внимательно осмотрѣвъ себя въ зеркало, Вероника сошла внизъ.

VII.

Послѣ взятія нѣмцами Бухареста, дворъ переѣхалъ въ Яссы, и королева Марія съ дочерьми занимала особнякъ, предоставленный ей однимъ изъ приближенныхъ

къ двору вельможъ. Особнякъ былъ небольшой, на скорую руку приведенный въ порядокъ, безъ всякой роскоши и блеска.

Въ бѣломъ залѣ, куда привелъ Веронику придворный лакей, поднялась ей на встрѣчу, сидѣвшая у открытаго окна съ работой въ рукахъ, дежурная статсъ-дама, вся въ черномъ, съ черной же, какъ у сестеръ милосердія, повязкой на головѣ. Темные, блестящіе глаза на синеватомъ влажномъ бѣлкѣ были красивы, выразительны и печальны. Очевидно она была въ траурѣ по комъ нибудь изъ близкихъ, преждевременно погибшихъ на міровой бойнѣ. Статсъ-дама просила Веронику присѣсть въ ожиданіи королевы, еще не вернувшейся изъ своего лазарета, который она аккуратно посѣщала каждое утро. Статсъ-дама съ осторожнымъ тактомъ разспрашивала художницу о сильно тревожившихъ Румынію политическихъ движеніяхъ въ Россіи. Вероника охотно освѣщала тѣ запутанныя стороны русской внутренней политики, которыя многихъ иностранцевъ вводили въ заблужденіе.

— Pouvez-vous, madame, m'expliquer le rôle de ce fameux Rasputine, frappé à mort par la main de ceux qui ont voulu sauver la Russie? Etait-ce un clairvoyant? Un occultiste ou un saint?

— Il n'était qu'un simple paysan, rusé, dépravé, sale et appartenant à une secte malpropre.

— L'avez-vous vu?

— Oui, deux fois.

— Oh, racontez moi . . .

Только что Вероника открыла ротъ, чтобы разсказать привѣтливой статсъ-дамѣ свои впечатлѣнія отъ

встрѣчи съ темной личностью развратнаго колдуна, грубая власть котораго во многомъ подвинула судьбы Россіи къ наклонной плоскости, какъ появившійся въ дверяхъ лакей далъ понять, что королева принимаетъ. Статсъ-дама извинилась, прошла черезъ залъ и скрылась за дверью. Вероника огдядѣлась: залъ былъ большой, съ лѣпнымъ потолкомъ, пестрыми, цвѣта павлиньяго пера, шелковыми драпировками на дверяхъ и окнахъ, съ золотыми, обитыми бѣлымъ шелкомъ стульями по стѣнамъ, роялемъ въ углу и очень длиннымъ на козлахъ простымъ деревяннымъ столомъ, занимавшимъ пространство двухъ оконъ, съ грудой деревянныхъ ящиковъ на столѣ и у стѣны подлѣ. Очевидно это были вещи, присланныя для лазарета королевы. Во внутренней обстановкѣ занимаемаго королевой помѣщенія чувствовалось, что все было приспособлено на время.

Черезъ нѣсколько минутъ открылась въ глубинѣ зала дверь и появившаяся на порогѣ статсъ-дама жестомъ пригласила Веронику войти.

Художница переступила парогъ тонувшей въ мягкомъ полусвѣтѣ большой комнаты. Зеленыя рѣшетчатыя ставни снаружи оконъ были опущены. Стройная женская фигура, сдѣлавшая навстрѣчу вошедшей Вероникѣ нѣсколько быстрыхъ шаговъ, была картинно-прекрасно на матовомъ фонѣ полусвѣта, въ пестрой рамкѣ тяжелыхъ драпировокъ, мягкой глубокой мебели, ковровъ и пышныхъ букетовъ цвѣтовъ, живописно разставленныхъ на столахъ въ фарфоровыхъ вазахъ.

Королева Марія — отъ головы до пятъ вся въ бѣломъ — въ костюмѣ сестры милосердія, съ картинно обрисовывавшей ее изящный овалъ лица, — бѣлой ко-

сынкой, низко до самыхъ бровей надвинутой на лобъ, высокая, стройная, съ мягкими прекрасными линіями профиля и всей фигуры, легкой походкой приблизилась къ Вероникѣ, по англійски крѣпко пожала ей руку и опустилась на широкій турецкій диванъ, уютно помѣщавшійся въ простѣнкѣ между окномъ и дверью и заставленный шелковой ширмой. Она указала Вероникѣ на кресло подлѣ дивана. Разговоръ шелъ на французскомъ языкѣ, которымъ королева, хотя съ легкимъ англійскимъ акцентомъ, владѣла отлично.

Внимательно слушая и отвѣчая на ея вопросы, Вероника въ то же время съ радостнымъ чувствомъ художника вглядывалась въ ея женственно пластичныя движенія и жесты, въ прелестный изгибъ бровей, тонкую линію носа и губъ, улавливала красочность ея рѣчи и ласкающимъ блескомъ зеленыхъ глазъ окутывала, какъ будто изъ мрамора, выточенную фигуру королевы. прямо сидѣвшую передъ ней на краю дивана.

Сперва рѣчь шла все на ту же, вездѣ повторявшуюся тему политики, фронта, анархіи въ Россіи, бѣдствій Румынскаго народа, надеждъ на будущее и вѣры въ скорое успокоеніе. Затѣмъ рѣчь коснулась творчества. Передъ Вероникой сразу исчезла королева. Она услышала горячую, вибрирующую отъ внутреннихъ порывовъ интонацію живой, бьющейся, клокочущей внутренней жизни; она почувствовала, что передъ ней сидитъ существо родное ей по духу, умѣющее улавливать скрытыми силами творческаго духа тончайшіе изгибы, страданія, красоту и радости жизни. Королева Марія съ глубокимъ интересомъ разспрашивала Веронику о томъ, какъ она творитъ и въ свою очередь

рисовала ей картины своей творческой фантазіи, выливающейся въ формѣ разсказовъ и новеллъ.

Чуть-чуть сощуривъ глаза, Вероника съ безудержнымъ чувствомъ художницы, впитывала въ себя всю артистично-тонкую атмосферу протекавшихъ минутъ, когда, широкимъ, пластичнымъ жестомъ, положивъ руки на грудь, на которой ровно и крѣпко, какъ бы выточенный изъ мрамора, былъ завязанъ бѣлый полотняный бантъ, слегка подавшись впередъ, съ загорѣвшимися въ свѣтлыхъ глазахъ огоньками, не сознавая всей художественной гармоніи, царившей въ совокупности позы, колорита рѣчи и внутренней красоты, кроющейся не въ словахъ, а въ рождавшей ихъ силѣ, — королева Марія говорила глубокимъ, дрожавшимъ искреннимъ волненіемъ голосомъ:

— Vous comprenez qu'étant princesse et puis reine, je n'ai jamais pu connaître la vie, les hommes et la société comme une autre femme les connait, mais j'ai l'intuition qui me dirige. Une fois j'ai été frappée par une belle lumière verte et d'un coup j'ai senti en moi le germe de ce que j'ai écrit plus tard . . . (Поймите, вѣдь я королева и это мнѣ мѣшаетъ знать жизнъ, людей и общество, какъ ихъ знаетъ всякая женщина, но, когда я пишу, мной руководить интуиція . . . Однажды я была поражена красотой яркаго зеленаго освѣщенія, и, въ ту же минуту я почувствовала какъ зародилось въ моей фантазіи зерно того, что позже я написала).

Незамѣтно промелькнулъ часъ. Мраморная фигура царственной сестры милосердія поднялась, приблизилась къ большому письменному столу и протянула Веронике нѣсколько своихъ фотографій. Вероника испы-

тывала бѣшеное желаніе, откинувъ этикетъ, броситься къ прелестной мраморной фигурѣ и, рушивъ всѣ искусственныя преграды, воскликнуть: Милая, прелестная женщина, да благословитъ тебя Господь за то, что въ тебѣ трепещетъ и бьется живое горячее сердце и утонченный творческій духъ! — Но она этого не сдѣлала. Съ почтительной улыбкой она выбрала двѣ лучшихъ фотографіи съ автографомъ королевы.

Вошла старшая дочь — принцесса Елизавета. Высокая, крупная, красивая дѣвушка, очень похожая на мать и лицомъ и мягкой привѣтливой манерой.

Съ благодарнымъ поклономъ выслушавъ приглашеніе королевы быть у нее въ слѣдующій пріѣздъ въ Румынію, Вероника вышла въ пустой залъ, никого не встрѣтивъ, прошла черезъ прохладную столовую, въ которой былъ накрытъ къ завтраку большой столъ на много приборовъ, спустилась по неширокой, крытой бархатнымъ ковромъ лѣстницѣ въ вестибюль и вся подъ впечатлѣніемъ картиннаго образа бѣлой женщины, не замѣтила какъ лакей распахнулъ передъ ней дверь подъѣзда, дверцу автомобиля, машинально сѣла и очнулась лишь передъ рѣшеткой штабного полисадника, куда было дано распоряженіе генерала Щербачева привести Веронику въ обѣду.

Штабъ помѣщался въ одноэтажномъ домикѣ, похожемъ на бѣлую коробочку, окруженную небольшимъ полисадникомъ; онъ выходилъ фасадомъ на немноголюдную улицу и былъ отдѣленъ отъ нея желѣзной низкой рѣшеткой. Заднія окна выходили на предмѣстіе, и видъ изъ нихъ былъ великолѣпный: на синеватыя дали и фіолетово-розоватыя возвышенности холмовъ,

сливавшіяся мягкими извилистыми линіями съ всегда измѣнчивыми красками горизонта.

Черезъ небольшую прихожую, въ которой стоялъ дежурный ординарецъ, Вероника, съ несбѣгающей съ устъ улыбкой, быстро прошла въ слѣдующую послѣ передней комнату — свѣтлую, просторную, съ длиннымъ столомъ, накрытымъ на большое количество приборовъ. Комната была полна штабнымъ генералитетомъ, небольшими группами бесѣдовавшимъ въ ожиданіи завтрака.

Въ бѣломъ платьѣ и большой бѣлой панамѣ, перехваченной цвѣтнымъ шарфомъ, Вероника казалась большимъ яркимъ цвѣткомъ на фонѣ лишенномъ колорита военныхъ куртокъ и „френчей“ защитнаго цвѣта.

Изъ группы, стоявшей подлѣ открытаго окна, съ привѣтливой улыбкой подошелъ къ Вероникѣ начальникъ штаба фронта Николай Николаевичъ Головинъ, еще молодой генералъ съ академическимъ значкомъ, высокій, съ открытымъ и умнымъ лицомъ. Темные волоса, подстриженные ежикомъ, были безъ признаковъ сѣдины; взглядъ карихъ близорукихъ глазъ, смотрѣвшихъ сквозь стекла pince-nez, былъ пытливъ, наблюдателенъ и иногда насмѣшливъ.

— Здравствуйте, Вероника Антоновна. Это вы пріѣхали въ посольскомъ автомобилѣ? — Пожимая ея руку, съ присущей всѣмъ блузорукимъ манерой пристально вглядываться въ лицо, спросилъ Головинъ.

— Да, я.

— А-а, значитъ прямо изъ дворца? Какое же впечатлѣніе на васъ произвела королева?

— Прелестное!..

— Не правда ли? А короля вы не видѣли?

— Нѣтъ.

— Это жаль: настоящій джентельменъ. Я его очень люблю.

Вероника, перебрасываясь привѣтствіями, здоровалась съ присутствовавшими, съ которыми она за эти дни успѣла уже познакомиться.

— Какъ ваши ноги, генералъ? — обратилась она къ полному, слегка обрюзглому во всей фигурѣ генералу, съ моложавымъ красивымъ лицомъ, начальнику гарнизона.

— Да вотъ, приползъ сюда чуть ни на четверенькахъ. Навѣрное дождъ будетъ: стрѣляетъ въ обѣ ноги и въ руку... Вѣдь я самый вѣрный барометръ: въ ноги стрѣляетъ — къ дождю, въ головѣ сверлитъ — къ грозѣ, руки ломитъ — къ вѣтру... и такъ все, что хотите.

Генералъ Казакевичъ былъ весь прострѣлянъ, и это служило ему предлогомъ для неисчерпаемыхъ самому надъ собой остротъ.

— Какой чудесный у васъ видъ отсюда, — замѣтила Вероника, вглядываясь въ хрустально-чистыя голубыя и сиреневыя дали знойнаго лѣтняго дня.

— А у меня изъ оконъ кабинета еще лучше, такъ какъ не мѣшаетъ крыша этого дома. Вы не были у меня въ кабинетѣ? — спросилъ генералъ Головинъ, всматриваясь въ оживленное и подвижное лицо Вероники, казавшееся ему сегодня совсѣмъ инымъ, чѣмъ вчера вечеромъ.

Среди разговора и смѣха, Вероника не замѣтила какъ вошелъ ожидаемый къ завтраку главнокомандующій генералъ Щербачевъ.

— Какое здѣсь оживленіе!... Злравствуйте, Вероника Антоновна, — раздался за ея спиной низкій мягкій голосъ Щербачева. Она быстро обернулась, и вдругъ по ея лицу промелькнула цѣлая гамма отраженій переживаемаго, — ни то радости, ни то испуга, ни то удивленія: рядомъ со Щербачевымъ стоялъ князь Сергѣй Суровъ.

— Позвольте вамъ представить, — началъ Щербачевъ.

— Мы знакомы, — тихо проговорила Вероника, мѣняясь въ лицѣ и тшетно негодуя на себя за это.

— Зд'гавствуйте, Ве'гоника Антоновна! — услышала она знакомый картавый голосъ, въ одно мгновенье воскресившій въ ней все пережитое въ началѣ минувшей зимы.

— Никакъ не ожидалъ встрѣтить... Comme le monde est petit... — продолжалъ Суровъ, пожимая сразу похолодѣвшую отъ волненія руку Вероники.

— Да, я тоже никакъ не ожидала встрѣтить васъ здѣсь, — не твердымъ голосомъ отвѣтила Вероника, чувствуя въ то же время учащенное біеніе сердца.

— Разскажите намъ ваши впечатлѣнія сегодняшняго визита. Вы удовлетворены? — обратился къ Вероникѣ ничего не подмѣтившій Щербачевъ.

— Вполнѣ! Королева очаровательная женщина.

— Вы долго у нея пробыли?

— Больше часу.

— Ого! О чемъ же былъ разговоръ?

— Сперва, конечно, на тему политики, а потомъ объ искусствѣ, которое королева очень тонко чувствуетъ.

— О да, — отозвался князь Суровъ, усаживаясь къ столу по приглашенію Щербачева.

— Вы знаете королеву? — продолжалъ разговоръ Щербачевъ, поглядывая въ то же время на Веронику и неустанно дергая плечомъ и глазомъ, что, однако, не производило непріятнаго впечатлѣнія, какъ иные тики.

— Очень хорошо. Я ея большой поклонникъ.

— Да, вѣдь вы служили, кажется, въ Бухарестѣ?

— Какъ же: былъ секретаремъ миссіи до командировки въ Японію.

— Да, конечно. Я забылъ. А какъ ваша поѣздка — удалась? Какъ вы нашли брата? Понравился ли вамъ Галацъ? . . .

— Братъ постарѣлъ.

— Всѣ мы здѣсь старѣемъ, князь, — отозвался сидѣвшій подлѣ Щербачева генералъ Казакевичъ. — Это только одинъ я молодѣю, потому что отъ контузіи въ головѣ начинаю въ дѣтство впадать. Брата вашего я хорошо знаю. Онъ еще молодцомъ держится. А вотъ его начальство Ельчаниновъ — тотъ сильно подался.

— Я бы не узналъ его, до того постарѣлъ.

— Ушли брюнетами на войну, а вернемся кто sel et poivre и кто только sel. Одинъ нашъ начальникъ штаба — Николай Николаевичъ, чѣмъ больше ему хлопотъ и безсонныхъ ночей, тѣмъ онъ моложе становится. Не то что въ дѣтство впадаетъ вродѣ меня, а просто молодѣетъ. Какъ былъ брюнетомъ, такъ и остался.

— Честное слово я не крашу волосъ . . . — разсмѣялся Головинъ.

— Вѣримъ, вѣримъ! И хотѣли бы, такъ некогда.

— Слышалъ, что вы, князь, попали подъ обстрѣлъ тяжелой артиллеріи, — заговорилъ Щербачевъ. — Какое на васъ дѣйствіе произвела эта музыка?

— Никакого, пока я былъ въ компаніи милыхъ собесѣдниковъ, т. е. когда насъ обстрѣливали по дорогѣ къ Волынскому полку.

— Я именно объ этомъ случаѣ и слышалъ. Мнѣ уже успѣли сообщить, что вы были невозмутимы.

— Потому что я ровно ничего не испытывалъ, кромѣ интереса къ окружавщей обстановкѣ, и разрывы снарядовъ не производили на меня никакого впечатлѣнія.

— А между тѣмъ ваше хладнокровіе не могло не дѣйствовать подбадривающе на психологію солдатъ, такъ какъ въ васъ они видѣли чуждаго военному дѣлу, такъ сказать, пришлаго, да еще въ штатскомъ костюмѣ.

— Я очень радъ, если это такъ, тѣмъ болѣе, что мое мужество ровно никакихъ усилій мнѣ не стоило, — засмѣялся князь Суровъ, — а вотъ, долженъ сознаться, что во время обстрѣла Текуча дѣло обстояло иначе. Я почувствовалъ волненіе съ той минуты, какъ остался совершенно одинъ въ отведенной мнѣ комнатѣ, и невидимые разрывы снарядовъ все время порождали въ моемъ мозгу тяжелыя мысли о смерти.

— Да, на войнѣ оставаться одному всегда жутко, — задумчиво проговорилъ генералъ Казакевичъ, очевидно отдаваясь нахлынувшимъ воспоминаніямъ недавно пережитыхъ эпизодовъ, слѣдствіемъ которыхъ онъ оказался полнымъ инвалидомъ.

Вероника вполнѣ овладѣла собой послѣ неожиданной встрѣчи съ княземъ. Она ни разу не сталкивалась

съ нимъ въ столицѣ, послѣ его вечерняго къ ней визита, когда они такъ странно и неожиданно разстались. Теперь, продолжая непринужденный, ни на минуту не смолкавшій разговоръ, она въ то же время внимательно вглядывалась въ этого, такъ странно, такъ мимолетно ворвавшагося въ ея жизнь, человѣка, какъ порывомъ вѣтра сорвавшаго въ ней цѣлый ураганъ чувствъ для того, чтобы потомъ исчезнуть, оставивъ въ ея душѣ вопросъ, на который ни она сама, ни самъ Суровъ отвѣта дать не могли бы: зачѣмъ все это такъ случилось?

Да, онъ былъ все тотъ же, все съ тѣмъ же пафосомъ лились слова, къ которымъ онъ, казалось, самъ же прислушивался; все та же любезность, въ которой сквозила доля самоувѣренности и самомнѣнія; все та же неожиданная манера прерывать недосказанную мысль; чего то ищущій, разсѣянный взглядъ, смотрящій какъ будто въ ему одному видимыя дали... Вероника, щуря глаза, съ любезной улыбкой слушала обращенную къ ней рѣчь князя, и въ то же время напряженно прислушивалась къ тому, что творилось въ ней самой. Послѣ неожиданнаго остраго смущенія, такъ же неожиданно наступило острое и сосредоточенное выслѣживаніе каждаго движенія, каждаго слова, каждаго мимолетнаго выраженія въ лицѣ князя и того, что творилось въ ней самой: первое — была радость. Испугъ и радость вмѣстѣ. Затѣмъ было негодованіе на себя за эти вылившіяся наружу переживанія. Теперь же ей казалось, что она не испытывала ничего кромѣ любопытства въ анализѣ своихъ чувствъ, лишенныхъ той остроты и горячности, которыми они были преисполнены меньше чѣмъ годъ тому назадъ.

VIII.

Сейчасъ же послѣ обѣда за Вероникой заѣхали въ автомобилѣ для прогулки за городъ два знакомыхъ по Петербургу летчика. Она наскоро распрощалась, не зная, какъ и гдѣ снова увидится съ княземъ. День прошелъ незамѣтно. Къ шести часамъ она отправилась къ ожидавшей ее пріятельницѣ — дочери Щербачева. Въ небольшой столовой пили чай, говорили о военныхъ и придворныхъ новостяхъ, о предстоявшемъ большомъ вечерѣ, устраиваемомъ у себя молодой хозяйкой въ честь дня своего рожденія.

— Вы познакомитесь послѣ завтра вечеромъ съ румынскимъ военнымъ beau-mond'омъ, — говорила Вероникѣ дочь Щербачева — Валина. — Всѣ они очень милые и интересные люди. Надѣюсь, что князь Суровъ еще не уѣдетъ и тоже будетъ у меня. Вы знакомы съ нимъ, Вероника Антоновна?

— Да, я его знаю.

— Милый человѣкъ?

— Очень милый.

— Женатъ?

— Нѣтъ, не женатъ и вѣроятно никогда не женится.

— Почему?

— Говоритъ, что изжилъ всю сердечную энергію и кромѣ политики ничѣмъ и никѣмъ не можетъ интересоваться.

— Poseur! — съ пренебрежительной гримаской пожала плечами Валина. — Я увѣрена, что это только рисовка, своего рода фатовство.

— Возможно, — неопредѣленно произнесла Вероника.

— Я его немного знаю; онъ очень самомнителенъ, — замѣтилъ секретарь посольства, молодой человѣкъ, очень скромный, корректный, съ великолѣпнымъ проборомъ въ изсине-черныхъ лоснящихся волосахъ — Щербинъ. — Легкое фатовство не мѣшаетъ ему быть милымъ и пріятнымъ человѣкомъ, очень простымъ и любезнымъ, но когда онъ попадаетъ на свой пунктикъ — политику, то заносится въ такія облака и выси, что за нимъ не угоняешься.

— C'est un bon causeur, — примирительно замѣтила Вероника.

— Pour ça — oui, разсмѣялся Щербинъ. — Онъ влюбленъ въ образъ своего мышленія и когда говоритъ, то любитъ себя слушать... Я не согласенъ съ его теоріями. Онѣ вычурны, не жизненны, tirées par les cheveux.

— Какія теоріи? Разскажите, — медленно опуская вѣки на свѣтлые, будто слезой подернутые глаза, разсѣянно спросила Валина, сосредоточивая все свое вниманіе на бѣгущую изъ самовара струю воды. Боясь переполнить чашку съ чаемъ, она держала на готовѣ тоненькій розоватый пальчикъ, чтобы во время завернуть тугой кранъ серебрянаго самовара.

— Пусть онъ вамъ самъ разскажетъ; это будетъ интереснѣе.

— Ну хорошо, я наведу его на эту тему. Вы мнѣ поможете, Вероника Антоновна?

— Хорошо. Я кое что уже слышала отъ него на эти темы.

— Ну, что же: интересно?

— Мнѣ кажется, что Никита Константиновичъ правъ: въ его теоріяхъ мало жизненности. Впрочемъ, онъ

говорилъ вскользь . . . Быть можетъ, развитыя болѣе подробно . . .

— Онѣ окажутся еще болѣе вычурны, — разсмѣялся кто то изъ присутствовавшихъ.

Въ девятомъ часу Вероника вмѣстѣ съ хозяйкой дома отправились ужинать къ ея отцу. За ними заѣхалъ адъютантъ Пряжковъ.

— У насъ будетъ много гостей къ ужину? — спросила Валина.

— Какъ всегда: свои.

— А князь Суровъ будетъ?

— Нѣтъ, я только что отвезъ его къ Козельскому, онъ тамъ ужинаетъ.

— Очень жаль, — протянула Валина, устало опуская прозрачно-нѣжныя вѣки.

— Вы, кажется, очень заинтересованы имъ, Екатерина Дмитріевна? Я ревную . . .

— Да, очень, — улыбнулась она.

— Въ такомъ случаѣ разрѣшите вамъ доложить, что завтра вы его увидите, такъ какъ я знаю, что Козельскій будетъ вечеромъ звонить къ Дмитрію Григорьевичу, чтобы просить на завтра завтракать въ миссію васъ и Веронику Антоновну. Конечно и князь тамъ будетъ.

— Вотъ и отлично, — кокетливо растягивая слова, нѣжнимъ голоскомъ отвѣтила Валина. Забившись въ уголъ мягкаго, эластичнаго сидѣнья и подставляя вѣтру блѣдное худенькое личико, похожее на личико дѣвочки, она закрыла глаза и совсѣмъ умолкла.

За большимъ гостепріимнымъ столомъ главнокомандующаго было собрано многочисленное и оживлен-

ное штабное общество. Сосѣдъ Вероники — начальникъ штаба Головинъ весъ ужинъ велъ съ ней бесѣду на отвлеченныхъ темы потусторонняго міра и его таинственныхъ законовъ.

Послѣ ужина, проходя мимо большого простѣночнаго зеркала, Вероника взглянула на свое отраженіе и увидѣла поблѣднѣвшее и усталое лицо. Весь день и вечерь, проведенные на людяхъ, утомили ее. Она вскорѣ поднялась, чтобы распрощаться съ генераломъ Щербачевымъ, вполголоса о чемъ то разговаривавшимъ въ отдаленномъ углу гостиной и учащенно подергивавшимъ плечомъ. Съ порога террасы, окутанной тьмой, вынырнулъ адъютантъ Пряжковъ, скользнулъ торопливымъ шагомъ мимо сидѣвшихъ и стоявшихъ группъ и, вернувшись черезъ минуту, шепнулъ Вероникѣ, что автомобиль поданъ, и онъ готовъ проводить ее въ отель.

Стремительно и безшумно промчался черный лакированный „Лимузинъ", по совершенно опустѣлымъ улицамъ, остановился на площади, выбросилъ на отлогія ступени отеля окутанную чернымъ шелковымъ плащемъ фигуру Вероники и, бросая передъ собой струю рѣжущаго темное пространство свѣта, завернулъ и исчезъ за поворотомъ.

Вероника не успѣла подняться по многочисленнымъ ступенямъ, идущимъ вдоль всего фасада отеля, какъ услышала позади себя чьи то чоткіе шаги: черезъ минуту ее опередила худощавая, хорошо знакомая ей фигура князя.

-- Я и не зналъ, что мы съ вами подъ одной крышей, Вероника Антоновна?

— Я тоже не знала... вѣдь вы сегодня только пріѣхали?

— Да, но я уже пробылъ здѣсь сутки недѣлю тому назадъ.

Вошли въ вестибюль и, разговаривая, стали медленно подниматься по лѣстницѣ, крытой затрепаннымъ, когда то алымъ ковромъ. Остановились у двери Вероники. Забывъ усталость, она слушала, что ей говорилъ Суровъ и думала о томъ, что сейчасъ онъ казался ей какъ и утромъ совершенно инымъ, чѣмъ она помнила его въ Петербургѣ. Ей было странно и непонятно не испытывать волненія, которымъ она бывала такъ властно охвачена въ его присутствіи. Мелькнуло сожалѣніе, хотѣлось убѣдиться, провѣрить, прислушаться къ себѣ, поглубже заглянуть въ себя, въ его присутствіи осторожно дотронуться до струнъ пережитаго.

— Вы устали? Вы хотите спать? — прервала она его.

— Кажется нѣтъ. Вѣдь еще рано.

— Да, только что пробило одиннадцать. Зайдите ко мнѣ. У меня есть балконъ: можно еще посидѣть и поговорить. Хотите?

— Благодарю васъ. Я зайду не надолго. Какая у васъ прекрасная большая комната! Цѣлый салонъ.

— Садитесь, князь. Здѣсь очень хорошо. Ночь чудесная, мягкая... Будемьте болтать. О чемъ?

— О чемъ хотите.

— Только не о политикѣ и не о войнѣ. J'en ai assez, assez, assez... — откидываясь на спинку плетенаго кресла и закладывая руки подъ голову, протянула Вероника.

Отдаленный свѣтъ, единственнаго горящаго на площади, фонаря оставлялъ въ полутьмѣ эту часть отеля. Съ балкона видна была вся площадь, пустынная, тихая, съ совершенно темными, прилегающими къ ней улицами. Было очень тепло и звѣздно.

— Что касается политики, то это единственная область, которая меня интересуетъ. Для всего остального я умеръ.

— Да, я помню, — это вашъ конекъ.

— Что: политика?

— И политика и быть мертвымъ для всего остального, — слегка улыбаясь, глядя въ звѣздное небо, отвѣтила Вероника.

— Это такъ и есть, — я не позирую.

— Совсѣмъ вы не умерли! . . — пожала она плечами. — Ѣздили же вы къ брату, проѣхавъ для этого громадное разстояніе и терпя тысячи неудобствъ; навѣрное все время говорили съ нимъ о томъ, что творится въ арміяхъ, навѣрное страдали и страдаете отъ всего этого . . . Вы намѣренно отстраняетесь отъ жизни, а совсѣмъ не умерли.

— Да, и отстраняюсь

— Совершенно напрасно. Суживая горизонты, вы мельчаете ваше я.

— Служивая ихъ въ одномъ направленіи, я расширяю ихъ въ другомъ.

— Надо расширять во всѣхъ.

— Это невозможно.

— Я думаю, что не задаваясь никакими системами и предвзятостями, надо стремиться проникнуть во всѣ глубины жизни и чѣмъ больше извѣдаешь этихъ глу-

бинъ, тѣмъ шире взмахъ крыльевъ. Жизнь многогранна и переживанья наши должны быть многогранны. Но сейчасъ я думаю не объ этомъ, — прервала себя Вероника, — я думаю о прошломъ, о недавнемъ прошломъ, которое до сихъ поръ кажется мнѣ загадкой . . . теперь чуждой для меня загадкой, — добавила она, понизивъ голось и не отрывая взгляда отъ звѣзднаго неба.

— Теперь оно васъ удивляетъ?

— Меня удивляли вы, и до сихъ поръ я васъ не поняла: зачѣмъ вы разыграли тогда со мной эту странную роль? . . .

— Я не игралъ никакой роли, вы ошибаетесь. Я только не вѣрилъ вамъ и отошелъ отъ васъ. Въ прошломъ я пережилъ, Вероника Антоновна, такую душевную драму, что боюсь сильныхъ чувствъ и бѣгу отъ нихъ, гарантируя собственный покой, необходимый для яснаго мышленія.

— Положимъ, это не вѣрно: человѣкъ мыслитъ гораздо острѣе, и мысль его напрягается и становится болѣе яркой среди бурныхъ переживаній. Но не въ этомъ дѣло. Зачѣмъ, играя съ огнемъ, вы зажгли пожаръ, а затѣмъ убѣжали? Вы должны были потушить его.

— Я потушилъ. Не все ли равно какъ?

— Да . . . потушили . . . Впрочемъ нѣтъ: потушили его не вы, а я сама.

— Потому что я ушелъ и потому что никакого пожара не было. Если бы онъ былъ, то вы не могли бы такъ внезапно оборвать всякую связь со мной. Я былъ увѣренъ, что вы позвоните мнѣ, я ждалъ этого

звонка, и когда его не оказалось, то я еще разъ повторилъ себѣ, что былъ правъ, не довѣряя тому, что вы называете пожаромъ. Какъ художница, какъ артистка, вы принимаете за жизнь блестки, радуги, огонь вашего воображенія.

— Вы такъ думаете, князь? — съ оттѣнкомъ легкой насмѣшки протянула Вероника. Опустивъ сплетенныя на затылкѣ руки и охвативъ ими колѣни, слегка подавшись впередъ она смотрѣла па князя. Заложивъ ногу на ногу и держа потухшую забытую папиросу въ рукѣ, облокоченную о перила балкона, онъ блуждалъ усталымъ, задумчивымъ взглядомъ далеко передъ собой. Его характерное некрасивое лицо неожиданно показалось Вероникѣ тѣмъ самымъ милымъ притягивающимъ лицомъ, которое взволновало и взбудоражило ее прошлой осенью, когда поѣздъ мчался трое сутокъ съ юга на сѣверъ.

— Я въ этомъ увѣ'генъ, — услышала она тотъ же картавый голосъ, что билъ по ея нервамъ въ купэ.

— Напрасно! — Вероника подавила вздохъ. Наступила долгая пауза. Князь, раскуривая потухшую папиросу, внимательно посмотрѣлъ на умолкшую Веронику и мысленно подивился до какой степени быстро мѣнялось ея подвижное лицо: за минуту оживленное, теперь она казалось строгимъ, какъ будто постарѣвшимъ. Печальная, почти суровая складка между бровой указывала на напряженную мысль.

Князь почувствовалъ, что въ эти минуты она ушла далеко, что онъ былъ ей чуждъ и ненуженъ. Не смотря на всѣ свои увѣренія, какъ раньше такъ и теперь онъ понималъ, что онъ въ ея жизни сыгралъ не

малую роль, что пожаръ дѣйствительно былъ, и искры его, быть можетъ и теперь тлѣли гдѣ то глубоко подъ грудой пепла, нанесеннаго временемъ и иными переживаньями. Его мужскому самолюбію льстило это сознаніе, тѣмъ болѣе, что Вероника была интересна и, онъ зналъ, всегда окружена поклонниками.

— Знаете ли, князь, о чемъ я сейчасъ думала? Я не разъ выслушивала упреки, что я коварна, эгоистична и непостоянна. Однако, упреки эти ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, въ чемъ я могу обвинить мужчинъ, и въ частности васъ. Что можетъ причинить мужскому сердцу мое коварство или непостоянство? Обиду, пусть даже страданіе. Но это ничто рядомъ съ тѣмъ зломъ, что вы причинили творчеству, Да, творчеству, а не мнѣ. Какъ женщина я становлюсь всторону, потому что самое важное и главное во мнѣ конечно, — сила творческая. Женщинъ, князь, много, а творческихъ силъ мало. Почему вы отнеслись ко мнѣ какъ къ рядовой женщинѣ? Почему, вмѣсто того, чтобы оберечь священный огонь экстаза, питающій творческую силу, вы изъ мелкаго, эгоистичнаго желанія личнаго покоя, затушили этотъ огонь? Какое безразличіе къ экстазу того, кому дано творить!

— Что же я долженъ былъ дѣлать? Разыгрывать, какъ въ театрѣ, комедію?

— А хотя бы! . . Должны были . . . Неужели вы не знали и не знаете, что творчество внѣ обыденной жизни? Что въ творческой фантазіи зажигаются тысячи огней, тысячи пожаровъ, и бояться ихъ нечего: вспыхнетъ, загорится, запылаетъ, промчится вихремъ и угаснетъ, чтобы загорѣться опять, но иначе и для

иного. Неужели вы не понимаете, что изъ любви, изъ чувства долга къ творческой силѣ вы обязаны были дать цѣлую гамму тѣхъ красочныхъ цвѣтовъ, которыхъ надо было творчеству, чтобы оно, сплетая изъ нихъ вѣнокъ, бросило бы его толпѣ какъ огонь личныхъ переживаній, зажженный и поддерживаемый вашей рукой?! Не женщинѣ, а творческому таланту вы должны были принести этотъ даръ. Я достаточно красива и интересна, чтобы создать иллюзію сказки. Если бы я узнала, что какой нибудь художникъ, поэтъ или композиторъ влюбленъ въ меня, — я бы, не спрашивая своего сердца, бросила бы ему подъ ноги цѣлые груды самыхъ пышныхъ плодовъ моей фантазіи; я бы создала ему дивную сказку, такую волшебно-прекрасную, что онъ потонулъ въ ней, захлебнулся бы . . . Я бы разсыпала передъ нимъ драгоцѣннѣйшіе перлы, чтобы изъ нихъ онъ создалъ свое твореніе . . .

— Б'гаво! . . Б'гаво! . . Все это очень к'гасиво, но не жизненно, — спокойно проговорилъ князь, бросая докуренную папиросу черезъ перила балкона. Темно-красная точка тлѣющаго огонька, описавъ въ воздухѣ дугу, упала на каменную плиту мостовой и затухла.

— Что касается васъ, продолжалъ князь, то это не вѣрно потому, что прежде всего всѣ женщины, и въ особенности вы, въ отношеніяхъ съ мужчиной вычеркнуть свое женское я — не можете. Если художникъ, поэтъ или композиторъ, будь онъ самъ Пушкинъ, Д'Анунціо, Вагнеръ или Рафаэль, вамъ, какъ женщинѣ, будетъ противенъ, — то никакая ваша творческая фантазія не въ силахъ будетъ разсыпать передъ нимъ перлы или создавать радуги красокъ. Поэтъ останется въ

сторонѣ, а выплыветъ одинъ непріятный для васъ образъ мужчины, котораго вы прогоните отъ себя прочь.

Что же касается меня, то, не имѣя никакихъ творческихъ фантазій, я и не смогъ создавать тѣхъ садовъ Семирамиды, въ которыхъ ваше творчество могло бы срывать плоды и цвѣты, — это во первыхъ, а во вторыхъ, вы глубоко заблуждаетесь, предполагая, что подливаніемъ огня въ ваши экстазы поддерживается и питается ваша творческая сила. Не наоборотъ ли? То, что вы называете бережнымъ отношеніемъ къ экстазу, я назвалъ бы только удачно окончивающимся романомъ, обыкновеннымъ, какъ и всѣ романы, и ничего новаго для творчества не представляющимъ. Кто знаетъ, быть можетъ, я, не пошедши, какъ всѣ, вамъ навстрѣчу, далъ вамъ переживаній и больше, и глубже?! . . А помимо всего этого, — продолжалъ князь послѣ минутнаго молчанія, — я убѣжденъ, что въ вашихъ отношеніяхъ къ мужчинѣ первую роль играетъ ваше женское, а не творческое я. Для васъ важно и желательно, чтобы въ васъ цѣнили и любили женщину, а не талантъ. Я не повѣрю, чтобы игру актера, какъ бы утончена она ни была, вы бы не отличили отъ жизненной правды, и чтобы на эту игру могли бы отвѣчать сердцемъ. Мнѣ кажется, что вы думаете одно, а говорите другое.

— Я васъ не понимаю.

— Вы думаете: какъ это онъ не оцѣнилъ моего вниманія, не упалъ во прахъ передо мною — Вероникой Кампіони?! Какъ могъ онъ отойти, когда другіе были бы на верху блаженства?! Я — талантъ, я — извѣстность, интересная и избалованная женщина, и вдругъ онъ посмѣлъ! . . Вотъ что вы думаете.

Вероника разсмѣялась, потомъ тихонько, какъ кошка, потянулась и проговорила совсѣмъ другимъ, тихимъ и сердечнымъ голосомъ:

— Пожалуй, князь, вы и правы. Мысленно я сейчасъ провѣряла себя и то, что вы говорили. Да, творчество — это одно, а жизнь — другое, и одно отъ другого отстоитъ далеко. Жизнь съ ея переживаніями, конечно до нѣкоторой степени, вплетается въ творческую фантазію, но творчеству до жизни дѣла нѣтъ, и оно стоитъ совершенно обособленнымъ, чуждымъ жизни.

— Конечно. А потому еще разъ потворяю, что въ вашемъ пожарѣ по отношенію меня была фантазія, а не чувство. Кто знаетъ, можетъ быть ей и суждено когда нибудь вылиться въ творческую силу?! Тогда вы оцѣните мое поведеніе и найдете разгадку шарады, на которую сейчасъ не находите отвѣта.

— Можетъ быть... — устало отозвалась Вероника.

— Пора спать. — Князь поднялся и, потирая ладони, взглянулъ вверхъ, гдѣ темно-синее небо темнымъ куполомъ раскинулось надъ тихимъ, спящимъ городомъ.

— Такъ тихо и мирно вокругъ, а тамъ? . . . — князь неопредѣленно протянулъ руку, — тамъ воюютъ, льется кровь, стонутъ раненные . . . Ну, спокойной ночи. Вы, кажется, устали.

— Да, я вдругъ какъ то устала... вѣроятно отъ всѣхъ этихъ вашихъ словъ . . . вѣдь вы всегда говорите мнѣ наперекоръ.

— Я говорю то, что думаю, — разсмѣялся Суровъ и, подавъ Вѣроникѣ руку, перешагнулъ порогъ балкона.

— Завтра мы, кажется, вмѣстѣ завтракаемъ?

— Да, Козельскій просилъ пріѣхать въ Миссію. Милѣйшій онъ человѣкъ и умница. Спокойной ночи, князь.

Вероника заперла балконъ и стала раздѣваться.

— Да, не то... совсѣмъ не то. Или князь сталъ не тотъ, или я перегорѣла. Гдѣ былое волненіе? Гдѣ трепетъ? Онъ говоритъ, я слушаю, слушая вспоминаю то, что чувствовала прежде: но волненія уже нѣтъ... „проходитъ все и нѣтъ ему возврата". Теперь мнѣ не хочется, какъ бывало прежде, безъ конца пѣть романсъ „О нѣтъ, молю, не уходи"... А Асташевъ? Что онъ теперь дѣлаетъ? Гдѣ онъ? Не онъ ли помогалъ мнѣ задуть пламя мучительнаго пожара... Въ концѣ концовъ такъ лучше безъ пожара . . . — устало подумала Вероника, гася подлѣ кровати электрическую лампочку.

IX.

— И такъ завтра вы насъ покидаете, Вероника Антоновна? Это рѣшено безповоротно? — спрашивалъ начальникъ штаба генералъ Головинъ, подсѣвъ къ Вероникѣ на низенькій шелковый диванчикъ подлѣ открытаго окна, изъ котораго сквозь густыя, чуть-чуть вѣтромъ покачиваемыя вѣтки раскидистаго дерева, свѣтилась луна. Изъ ярко освѣщенной комнаты, гдѣ стоялъ сдержанный говоръ нарядной и оживленной публики, ночь казалась темнѣе и молчаливѣе.

Да, мнѣ пора ѣхать, уже конецъ Іюня. Отъ генерала Брусилова у меня есть телеграмма, дающая мнѣ разрѣшеніе пріѣхать къ нему въ Могилевъ.

— Вы его знаете лично?

— Да, въ прошломъ году я была у него въ Бердичевѣ. Тогда онъ командовалъ юго-западнымъ фрон-

томъ. Сколько перемѣнъ менѣе, чѣмъ за годъ!... вздохнула Вероника. — Тогда верховнымъ главнокомандующимъ былъ великій князь, потомъ государь... а теперь генералъ Брусиловъ... въ тѣхъ же покояхъ, гдѣ былъ Царь.

— Да, много перемѣнъ, слишкомъ много для такого короткаго времени, — задумчиво проговорилъ Головинъ.

— Я стараюсь поменьше думать обо всемъ этомъ и очень радъ, что по своей должности такъ заваленъ дѣломъ, что не успѣваю думать ни о чемъ постороннемъ; къ тому же здѣсь въ Румыніи все-таки меньше ощущается духъ революціонной арміи. Но и мы здѣсь виды видали, вѣроятно и еще увидимъ... Впереди намъ предстоитъ много пережить испытаній!

— Я вспоминаю слова Брусилова, когда онъ въ первыхъ числахъ Мая, пріѣзжая на совѣщаніе съ Временнымъ Правительствомъ въ Петроградъ, сказалъ: Это только начало; безкровныхъ революцій не бываетъ: впереди будетъ еще много крови.

— Конечно. Армія разлагается... она уже разложена — вотъ гдѣ весь ужасъ, — вздохнулъ Головинъ. — Какъ вамъ нравятся наши румынскіе генералы? — помолчавъ спросилъ онъ, указывая взглядомъ на сидѣвшихъ и стоявшихъ на другомъ концѣ комнаты трехъ генераловъ, съ умными, блестящими черными глазами и оживленной рѣчью на прекрасномъ французскомъ языкѣ. — Это начальникъ штаба короля, извѣстный Авереску, который на аэропланѣ перелетѣлъ черезъ Дунай въ районѣ Черноводы, наблюдая за боемъ своей арміи. —

— Очень милые и интересные люди.

— Вы не можете себѣ представить, какъ легко намъ съ ними ладить. Король — un parfait gentleman, вполнѣ довѣряетъ генералу Щербачеву. Никогда ни одного слова упрека въ случаѣ неудачныхъ операцій. Да, ужь что и говорить: очень мы виноваты передъ Румыніей, что втянули ее въ эту злосчастную войну.

Головинъ поднялся съ своего мѣста навстрѣчу подходившимъ двумъ дамамъ.

— Вероника Антоновна, съ вами желаетъ познакомиться madame Братіано, — обратилась къ ней дочь Щербачева.

— Etant à Pétersbourg j'ai beaucoup admiré vos tableaux, madame, — пожимая руку Вероники, заговорила крупная брюнетка среднихъ лѣтъ, съ гладко причесанными черными волосами и большими темными глазами подъ дугой ровно очерченныхъ бровей. Это была жена премьеръ министра Братіано, бывшаго передъ войной посланникомъ въ Россіи. Она фанатично любила свою родину и глубоко страдала за народъ.

Головинъ незамѣтно отошелъ къ группѣ румынскихъ генераловъ.

— Вы пріѣхали сюда прямо изъ Петрограда? — по французски обратилась къ Вероникѣ Братіано, медленно обвѣвая разгорѣвшееся лицо большимъ чернымъ вѣеромъ и опускаясь рядомъ съ ней на диванчикъ.

Въ черномъ шелковомъ платьѣ, слегка вырѣзанномъ на груди, простомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нарядномъ, съ ниткой крупнаго жемчуга на шеѣ, Братіано простой, сдержанной и въ то же время любезной манерой безошибочно производила впечатлѣніе женщины, привыкшей вращаться въ большомъ свѣтѣ. Она разспраши-

вала Веронику о новыхъ теченіяхъ въ революціонной столицѣ и, съ нескрываемымъ волненіемъ, говорила о могущихъ произойти бѣдствіяхъ какъ для Россіи, такъ и для Румыніи.

— Какъ можете вы предполагать, что Керенскій спасетъ Россію? — горячо протестовала Вероника. Здѣсь — въ Румыніи — его считаютъ абсолютно положительной величиной, а у насъ въ Россіи уже многіе отгадываютъ въ немъ политическаго авантюриста, который забросалъ Россію словами, одними только словами, гипнотизируя ее несуществующимъ авторитетомъ и властью. Керенскій не спасаетъ, а дурманитъ Россію.

— Вы такъ думаете? — тревожно и недовѣрчиво произнесла Братіано. — Такъ кто же, кто спасетъ положенье? Какъ вы думаете, князь? — обратилась она къ подошедшему Сурову. — Вы дипломатъ и ваше мнѣніе мнѣ очень интересно.

— Я думаю, что самъ народъ это сдѣлаетъ. Несмотря на многіе протесты, я всетаки вѣрю въ его разумную силу.

— Я вѣрю въ твердую, законную власть, — отозвалась Вероника.

— Moi de même — согласилась Братіано.

Князь Суровъ сѣлъ на свободное кресло. Онъ чувствовалъ, что Братіано ждетъ отъ него вѣскихъ мнѣній и готова увлечь его въ разговоръ о политикѣ; но именно сейчасъ ему не хотѣлось никакихъ умныхъ и спорныхъ разговоровъ, и онъ былъ доволенъ, что отошедшая къ группѣ дамъ хозяйка дома, праздновавшая день своего рожденія, и собравшая по этому случаю гостей изъ высшаго командного состава и Румынскаго

дипломатическаго корпуса, снова подсѣла къ нимъ и заговорила на другую тему.

Всѣ эти люди, собравшіеся въ небольшой квартиркѣ молоденькой и еще мало опытной хозяйки, вниманьемъ къ ея гостепріимству подчеркивали расположеніе къ ея заслуженному отцу, высокая фигура котораго выдѣлялась то въ одной, то въ другой группѣ бесѣдовавшихъ гостей. Чувствовалось, что главная пружина, двигавшая механизмъ затѣяннаго праздника, заключалась въ немъ.

— О чемъ это, князь, вы такъ сейчасъ горячо бесѣдовали съ генераломъ Авереску? — заговорила Валина, садясь напротивъ князя и устало складывая на колѣняхъ худенькія, блѣдныя, совсѣмъ дѣвичьи руки. Бѣлое муслиновое платье, перехваченное на таліи широкой бѣлой лентой, падало легкими и глубокими складками вокругъ ея тоненькой, легкой фигурки.

— Конечно, о политикѣ.

— Отчего же — конечно?

— Во первыхъ оттого, что теперь никто не говоритъ ни о чемъ кромѣ политики, а во вторыхъ оттого, что горячо я могу говорить лишь на эту тему.

— Это правда, madame Братіано? Вѣдь вы князя знаете давно.

— Давно, но мы съ нимъ не встрѣчались довольно большой промежутокъ времени. Князь всегда очень увлекался политикой, c'est sa profession.

— C'est ma vocation, — съ улыбкой поправилъ князь.

— Oh, je n'en daute pas!

— Какъ жаль, что я не могу говорить на политическія темы! Князь, я слышала, что вы говорите съ

большимъ увлеченіемъ, — заговорила Валина, медленно проводя тоненькими пальцами вдоль складокъ платья на колѣняхъ.

— Да, но всѣ мы такъ много говоримъ теперь о политикѣ, что наше краснорѣчье должно выдохнуться.

— Ваше краснорѣчье, князь, знакомо мнѣ не только въ вопросахъ политики, — улыбаясь одними глазами, проговорила Вероника. — Я помню одинъ поздній вечеръ, когда ваша рѣчь лилась, лилась безъ конца. Вы мнѣ говорили, что тѣ мысли были вамъ навѣяны на охотѣ видомъ умирающаго, увядающаго лѣса... Вы помните, князь, этотъ вечеръ?

— Да, я помню...

— A propos, что дѣлаетъ и гдѣ находится вашъ блистательный другъ?

— Валинскій уѣхалъ въ Швецію...

— Валинскій? Le beau Сандро Валинскій?... онъ все также красивъ? — спросила Братіано, въ то же время отвѣчая улыбкой и легкимъ наклоненіемъ головы на почтительный поклонъ издали секретаря посольства Щербины.

— Да, онъ мало измѣнился... — говоря это Суровъ почему то вспомнилъ вечеръ, когда, собираясь итти къ Томскому играть въ карты и тщетно ожидая телефона Вероники, онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ передъ каминомъ и переговаривался со своимъ другомъ Валинскимъ, забѣжавшимъ къ нему между обѣдомъ въ ресторанѣ и балетомъ и слегка подсмѣивавшимся надъ его побѣдой.

Онъ увѣрялъ, что успѣхъ у женщины парализуетъ удачу въ картахъ. Князь припомнилъ, что въ ту ночь

онъ очень много проигралъ. Онъ посмотрѣлъ внимательно на Веронику, силясь отгадать, какія у нея къ нему теперь мысли и чувства. Судя по недавнему разговору на балконѣ, — она остыла и относилась къ нему совершенно спокойно, а между тѣмъ что-то неуловимое въ ней самой подсказывало ему, что тлѣющая искра не потухла и стоитъ ему раздуть ее, какъ огонь разгорится.

— . . . Но зачѣмъ это? . . . — Не надо . . . — мысленно прервалъ онъ свои размышленія. Ея чувства слишкомъ бурны, а мнѣ нужно равновѣсіе.

Князь, какъ и всѣ мужчины, судилъ Веронику не вѣрно по внѣшнимъ проявленіямъ ея характера. Живость и порывистость ея натуры вводили въ заблужденіе, рождая предположеніе, что экзальтированность ея чувствъ окажется утомительной обузой. На самомъ же дѣлѣ послѣ перваго порыва наступала реакція, въ которой благоразуміе и острая критика поступковъ и поведенія обѣихъ сторонъ брала верхъ надъ разгоряченной фантазіей. Холодный анализъ, заглушая голосъ сердца, низводилъ въ область реальной жизни то, что рождалось въ облакахъ и, сдѣлавъ правильную расцѣнку, диктовалъ сердцу суровый законъ логики, т. е. охлаждалъ его порывы. Въ то же время ея натурѣ было присуще упрямство въ достиженіи намѣченной цѣли. Князъ Суровъ, самъ того не сознавая, поддерживалъ ея чувства къ себѣ тѣмъ, что съ первыхъ же шаговъ не пошелъ ей навстрѣчу.

Изъ сосѣдней комнаты раздались аккорды рояля. Адъютантъ Пряжковъ подошелъ къ Валиной и что-то тихонько сказалъ ей на ухо.

— Да, да, непремѣнно, — отвѣтила она и сейчасъ же обратилась къ Вероникѣ, прося ее пѣть.

— Это невозможно, — отговорилась Вероника, — у меня съ собой нѣтъ нотъ. Я всегда очень охотно пою и не заставляю себя просить. — Она положила руку на руку Валиной и выразительно пожала ее, давая понять, чтобы та не настаивала. — Попросите князя сѣсть къ роялю; онъ отлично играетъ вальсы.

Поглядѣвъ на свои миніатюрные часики, Братіано поднялась съ дивана:

— Мнѣ пора домой.

Вероника тоже поднялась и, взявъ со столика мягкій шелковый шарфъ, перекинула его на руку.

— Я съ удовольствіемъ подвезу васъ, — обратилась къ ней Братіано.

— Очень вамъ благодарна, если это вамъ по дорогѣ.

— Яссы такъ невелики, что все выйдетъ по дорогѣ.

Вероника знала, что если она откажется ѣхать съ Братіано, то, очевидно, вернется въ отель съ княземъ. Ей хотѣлось этого и въ то же время изъ какого-то непонятнаго ей самой чувства, она приняла предложеніе Братіано. Это же чувство удержало ее сказать князю, что завтра она уѣзжаетъ и что, быть можетъ, они не увидятся.

Прощаясь, она дала обѣщаніе Братіано быть у нея на другой день къ завтраку и тѣмъ самымъ отняла у себя послѣднюю возможность встрѣтиться съ княземъ за столомъ у командующаго арміей. Вероника поднялась въ свой номеръ и какъ была — въ накидкѣ, съ шарфомъ на волосахъ опустилась въ кресло подлѣ открытаго

балкона, откинула голову на спинку кресла, опустила руки на колѣни и, глядя передъ собой сквозь полуприкрытыя рѣсницы, застыла въ неподвижности.

Полумѣсяцъ ровнымъ, матовымъ сіяніемъ окутывая всю площадь и бѣлыя зданія на противоположной сторонѣ, осторожно, будто крадучись, вливался черезъ открытую дверь балкона и косымъ блѣднымъ лучомъ скользилъ у ея ногъ по ковру.

— Значитъ ничего и нѣтъ... — мысленно повторяла себѣ Вероника. — Вѣдь вотъ и вчера, и сегодня я не только не ищу встрѣчъ, я даже избѣгаю ихъ... онъ мнѣ ненуженъ... я спокойна... значитъ все кончилось... Завтра я уѣзжаю, увижу много новыхъ лицъ, будетъ много новыхъ впечатлѣній. Неизвѣстно гдѣ и когда опять встрѣтимся... я искать встрѣчи не буду... Зачѣмъ?! такъ спокойнѣе.

Въ отдаленіи на пустой площади послышались одинокіе шаги, четко отдающіеся въ тишинѣ ночи.

— Навѣрное это онъ... да конечно!... сейчасъ будетъ подыматься по лѣстницѣ... выйти на балконъ?... Попрощаться? Сказать, что завтра уѣзжаю?... — съ неожиданнымъ безпокойствомъ вдругъ замѣтались мысли, и Вероника вся подалась впередъ, готовая встать, но опять непонятное ей чувство протеста одержало верхъ, и она осталась сидѣть.

Шаги были все ближе и ближе. Отчетливо и гулко доносился ихъ звукъ, въ то время, какъ князь поднимался по отлогимъ каменнымъ ступенямъ.

Вероника ясно увидѣла въ своемъ воображеніи худощавое лицо, съ желтоватой кожей и темные глаза, съ, какъ будто, вопрошающимъ взглядомъ.

Внизу хлопнула тяжелая парадная дверь, и опять наступила тишина. Робкій свѣтъ полумѣсяца заглянулъ глубже внутрь комнаты, и бѣлыя лиліи на коврѣ у ногъ Вероники словно ожили и потянулись навстрѣчу лунному сіянію.

X.

Телеграммы, дважды посланной съ пути, въ домѣ князя получено не было, и онъ пріѣхалъ неожиданно съ опоздавшимъ на нѣсколько часовъ поѣздомъ. Княгиня, заслышавъ изъ столовой, гдѣ она завтракала, радостные возгласы старика лакея и затѣмъ яркій, дорогой сердцу голосъ сына, тяжело оперлась на палку и, съ присущимъ ея характеру спокойствіемъ, съ трудомъ волоча больныя отяжелѣвшія ноги, направилась въ переднюю. Слегка обрюзгшее лицо, картинно обрамленное серебряной сѣдиной еще достаточно густыхъ волосъ, сразу просвѣтлѣло отъ мягкой улыбки, дѣлавшей это старческое лицо необыкновенно привлекательнымъ и моложавымъ. Взглядъ свѣтлыхъ глазъ, очень напоминавшихъ глаза старшаго сына Олега, подъ темной дугой бровей, могъ быть строгимъ и властнымъ. Въ эту минуту онъ былъ смягченъ выраженіемъ ласки и радости.

Всегда оставаясь мягкой и привѣтливой въ обращеніи, княгиня въ то же время умѣла проявлять свою волю и, несмотря на преклонный возрастъ и недуги, сохранила авторитетъ, благодаря непокидавшей ее выдержкѣ и безстрашію къ обстоятельствамъ жизни.

— Сережа, другъ мой, какой сюпризъ! .. Здравствуй, мой дорогой! Телеграмма? Нѣтъ, ничего не по-

лучали. Я рада, что ты вернулся. Будемъ завтракать вмѣстѣ; я только что сѣла къ столу, — говорила княгиня, обнимая голову сына и нѣсколько разъ цѣлуя его то въ лобъ, то въ голову, въ то время, какъ онъ цѣловалъ ея руку.

— Какъ твое здоровье, мама? Какъ ноги? Въ домѣ все благополучно?

— Ну конечно! Кому мы, старики, нужны?! А Олегъ? Какъ онъ бѣдняга? — По лицу княгини скользнула тѣнь.

Олегъ здоровъ, выглядитъ бравымъ генераломъ, но въ мыслѣ душевной бодрости, кажется, сдаетъ.

— C'est inévitable, — съ легкимъ вздохомъ покорно пожала плечами княгиня.

Черезъ нѣсколько минутъ князь, наскоро освѣжившись, съ помятымъ, усталымъ отъ дороги, лицомъ сидѣлъ съ матерью въ столовой.

Она забрасывала его вопросами о старшемъ сынѣ, котораго не видѣла съ начала войны. Князь, проголодавшійся въ пути, съ аппетитомъ уничтожалъ то, что было подано и въ то же время съ оживленьемъ разсказывалъ матери всѣ подробности о братѣ и о своемъ путешествіи.

Окунувшись въ уютную атмосферу домашняго очага, всегда согрѣтаго глубокой материнской любовью, онъ чувствовалъ себя бодро и радостно. Несмотря на разницу лѣтъ, на нѣкоторыя несходства въ основныхъ чертахъ характера, князь считалъ своимъ лучшимъ другомъ мать, потому что чувствовалъ, что никто такъ глубоко и вѣрно не понималъ его, какъ она. Только съ ней онъ позволялъ себѣ быть вполнѣ

откровеннымъ, не тая порывовъ души, которымъ въ послѣднее время все чаще и настойчивѣе поддавался. Замкнутый, съ давнихъ поръ ушедшій въ себя, потерпѣвшій въ своемъ самолюбіи острыя пораженія, онъ, по свойству натуры, сохранялъ неизмѣнную пылкость, которую мать знала въ немъ и поддерживала. Материнскимъ всевидящимъ окомъ она безошибочно усматривала, что все болѣе и болѣе сдержанный, холодный и безстрастный на видъ князь Сергѣй таилъ въ душѣ своей почти юношескій пыль и способность смѣлыхъ размаховъ.

За послѣдніе мѣсяцы, послѣ революціоннаго переворота, будучи во главѣ союза служащихъ министерства иностранныхъ дѣлъ, князь съ горячимъ рвеніемъ выполнялъ возложенныя на него обязанности. Съ утра до поздняго вечера занятый, заваленный кипами бумагъ, отнимавшихъ у него день и часть ночи, онъ, до крайности усталый, увѣрялъ, что никогда не чувствовалъ себя такъ бодро, какъ въ это время. Мать понимала его, зная, что ему нужна дѣятельность, движимая импульсами его личной воли, въ которой могла бы выливаться его индивидуальность.

— Я очень радъ, что повидалъ Олега, что удалось побывать на фронтѣ въ Румыніи, но также я радъ, что вернулся домой къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, — говорилъ Суровъ, принимая изъ рукъ матери чашку съ кофе.

— Лишь на обратномъ пути я узналъ, что вы тутъ пережили скверные дни большевистскаго наступленія, — продолжалъ онъ. — Говорятъ, много убитыхъ и раненыхъ?

— Очень много. Даша ходила смотрѣть: убитые казаки на панеляхъ валялись . . . они приступомъ брали Литейный мостъ. Такая была пальба, что окна у насъ дрожали.

— А виновникъ всего — Ленинъ, скрылся?

— Скрылся или спрятали.

— Долженъ сознаться, что на свѣжій глазъ наша столица имѣетъ гнуснѣйшій видъ: на улицахъ ужасающая грязь, пыль, мусоръ . . . эти лотки со всякой дрянью на каждомъ шагу, сѣмячки, висящіе на подножкахъ трамвая цѣлыми гроздьями солдаты. Какъ будто стало еще хуже, чѣмъ было.

— Не знаю, мой другъ, я ни разу не выходила, а съ балкона видъ остается еще довольно приличный.

Послышался отдаленный трескъ телефоннаго звонка. Лакей доложилъ, что изъ Министерства справлялись, пріѣхалъ ли князь и просятъ его къ телефону.

— Мама, я сейчасъ тебя оставлю, — цѣлуя руку матери, проговорилъ князь, вернувшись отъ телефона. — Меня просятъ непремѣнно сегодня же побывать въ Министерствѣ. Я сейчасъ приведу себя въ порядокъ и поѣду. Лучше не жди меня съ обѣдомъ, а вечерній чай непремѣнно будемъ пить вмѣстѣ.

— Хорошо, другъ мой, дѣлай, какъ тебѣ удобно. — Княгиня проводила сына ласковымъ, полнымъ преданной любви, взглядомъ. Ея широкая, разумная любовь была лишена мелко-эгоистическаго чувства ревности и докучливыхъ проявленій безпокойства, которыя отравляютъ привязанность. Давъ сыну полную свободу, она съ достоинствомъ пользовалась проявленіями его любви, дружбы и уваженія, никогда не стѣс-

няя просьбами быть подлѣ нея, рѣшительно стоя въ сторонѣ отъ его личной жизни и зная только то, что онъ открывалъ ей самъ.

Вернулся князь Сергѣй поздно вечеромъ. Онъ прошелъ въ свой кабинетъ, просмотрѣлъ присланныя изъ Министерства бумаги и, узнавъ, что мать ожидаетъ его съ чаемъ, направился къ ней.

Матово свѣтлая, петроградская ночь спускалась надъ душной, пыльной, неугомонно-безпокойной революцiонной столицей. Въ ея бѣлесовато-мутныхъ колоритахъ было что-то тревожащее воображенiе, что-то неясное, подымающее со дна души какiе то печальные образы, печальныя настроенiя. Электричества, ввиду экономiи угля, не было, и князь, проходя по ряду большихъ комнатъ съ мебелью, картинами и люстрами, обтянутыми въ бѣлые чахлы, старался не поддаваться безпокойному настроенiю, навѣваемому видомъ комнатъ, тонущихъ въ мутномъ свѣтѣ бѣлой ночи. Въ большой гостинной стеклянная дверь была распахнута на балконъ, гдѣ въ мягкомъ креслѣ, съ ногами, покоящимися на большой триповой подушкѣ, сидѣла, съ черной мѣховой пелериной на плечахъ, старуха-княгиня передъ небольшимъ столикомъ, на которомъ былъ приготовленъ чай. Она встрѣтила сына улыбкой:

— Садись, Сережа, будемъ пить чай; я думаю, ты очень усталъ сегодня?

— Да, немного усталъ. О, какiя у тебя роскошныя угощенiя! Совсѣмъ не по времени, — улыбнулся онъ, увидя на столѣ вазочку, наполненную медомъ и сладкую, сдобную булку.

— Это намъ прислала Софи. Даша ѣздила на нѣсколько дней въ Тулу, чтобы привезти изъ деревни муки; была, конечно, у нашихъ. Тамъ всѣ здоровы и пока — благополучно. Даша разсказываетъ, что Софи каждый день въ церковь ходитъ молиться за Государя. Ты вѣдь знаешь, что всѣхъ ихъ увезли изъ Царскаго Села въ Тобольскъ?

— Да, дошли вѣсти до Румыніи.

— Очень боюсь за нихъ, — вздохнула княгиня. — Къ добру ли это?

— Я думаю, что это лучше, ввиду могущихъ тутъ быть осложненій. Далеко и въ глуши они будутъ меньше занимать праздное и враждебное любопытство.

— Но съ другой стороны, оторванные такъ далеко, они беззащитны... Гдѣ-то тамъ въ Тобольскѣ, въ заключеніи, за высокимъ частоколомъ! Quelle misère! Quelle détresse! Les malheureuses jeunes filles! Et ce pauvre garçon malade!... Я часто думаю о нихъ... Какая страшная кара за всѣ ошибки вольныя и невольныя... — Княгиня, положивъ руку на перила балкона, смотрѣла передъ собой, и взглядъ ея усталыхъ свѣтлыхъ глазъ блуждалъ въ такихъ же свѣтлыхъ, какъ будто тоже усталыхъ, ночныхъ небесахъ, сливавщихся прозрачно бѣловатыми тонами съ колоритомъ бѣлой ночи, окутавшей высокія громады зданій, идущихъ чуть замѣтнымъ полукругомъ вдоль соннаго канала.

По ту сторону канала зеленѣли деревья садовъ, далеко окаймляющихъ четко вырисовывавшуюся линію желѣзной рѣшетки. Тяжелое круглое зданіе цирка на противоположной сторонѣ, какъ разъ противъ балкона, казалось легче въ этомъ блѣдномъ свѣтѣ, такъ же,

какъ и перекинутый черезъ каналъ желѣзный мостъ. Отъ воды слегка вѣяло свѣжестью. Шумный городъ, засыпая, замиралъ, оставляя въ ночной атмосферѣ, какъ бы эссенцію тѣхъ безпокойныхъ, волнующихъ страсти и воображеніе мыслей, которыми полна была его дневная жизнь.

Нѣсколько минутъ оба молчали. Княгиня, глядя въ свѣтлую даль бѣлой ночи, думала о заточенной семьѣ Царя, о заточенныхъ по ту сторону Невы министрахъ и сановникахъ, блиставшихъ положеніемъ, роскошью и близостью ко двору. Многихъ она знала лично. Мысли ея, охватывая давно прошедшее и недавно минувшее, съуживались въ одну точку глубочайшаго сознанія, что жизнь съ ея мишурнымъ блескомъ обманчива, какъ миражъ, и ставшій по ту сторону ея ничтожныхъ вождѣленій обладаетъ наиболѣе цѣннымъ даромъ — спокойствіемъ души, которое, укрѣпляясь съ годами, ведетъ къ преддверію наивысшаго счастья — мудрости.

Князь вспоминалъ свое путешествіе, вспоминалъ брата и лицъ, съ которыми встрѣтился въ Румыніи.

— Ты помнишь, мама, я разсказывалъ тебѣ прошлой осенью о моемъ знакомствѣ съ художницей Кампіони?

— Какъ же, помню.

— Я ее встрѣтилъ въ Яссахъ у генерала Щербачева.

— Если не ошибаюсь, она, кажется, была очень увлечена тобой?

— Да, да, — разсмѣялся князь. — C'était un vrai coup de foudre. Тогда я не очень довѣрялъ ей, теперь же, приглядѣвшись къ ней, думаю, что она была искренна.

— Она по прежнему увлечена тобой?

— По всѣмъ даннымъ — нѣтъ . . . Она интересна, въ особенности съ точки зрѣнія своего внутренняго я.

— А я слышала, что она большая кокетка и что-то какъ будто не въ ея пользу . . . про какой то ея романъ слышала, ужъ не помню что.

— Это, вѣроятно, ты слышала отъ Крикуновой; она встрѣчалась съ нею гдѣ то. Но это не совсѣмъ такъ. Кампіони интересная и сложная натура.

— Можетъ быть, теперь ты увлеченъ ею?

— Что за мысль! — Князь искренно разсмѣялся. — Она немного занимаетъ меня: творческія натуры все же имѣютъ въ себѣ нѣчто неразгаданно-интересное. A propos, она передала мнѣ письмо для Грачевой, съ просьбой завести ей лично.

— Это кто же Грачева?

— Ты забыла развѣ? Марія Апполоновна Грачова, — другъ серца Быстрова.

— А помню, помню. Я слышала, что она до сихъ поръ не можетъ оправиться отъ поразившаго ее удара. Ты съ ней хорошо знакомъ?

— Встрѣчался нѣсколько разъ въ обществѣ, и у нея былъ раза два-три, не больше.

— Она интересна, красива?

— Да, ее считали въ нашемъ „мондѣ“ красивой. Лично мнѣ она нравилась очень мало.

Разговоръ оборвался, и нѣкоторое время оба молчали. Набережная канала совсѣмъ опустѣла, и въ свѣтлой дымкѣ бѣлой ночи силуэты зданій и очертанія убѣгающихъ къ набережной садовъ стали воздушнѣе и чище. Было совсѣмъ тихо. Лишь изрѣдка и из-

далека доносился звукъ запоздалой пролетки съ звонко цокающими въ тишинѣ ударами подковъ о каменную мостовую.

— Не прикрыть ли тебѣ, мама, ноги пледомъ? — спросилъ князь, откидываясь въ глубину кресла и отставляя допитую чашку.

— Нѣтъ, дружокъ, совсѣмъ вѣдь тепло... А ты не хочешь еще спать?

— Мнѣ такъ хорошо сейчасъ, что у меня прошелъ сонъ и какъ будто я и не усталъ. Ты не можешь себѣ представить, какъ меня бодритъ и обновляетъ работа, въ которой я чувствую свое отвѣтственное я, — заговорилъ опять князь послѣ короткой паузы. — Признаюсь тебѣ, мама, всѣ эти годы моей чисто показной службы я испытывалъ чувство человѣка, которому прикладываютъ къ носу усыпительное средство въ то время, какъ ему хочется бѣгать, шумѣть и кричать. Да, я устаю теперь, и въ то же время чувствую, что силы у меня не уменьшаются, а растутъ.

— Это очень хорошо, другъ мой.

— Мама, вѣришь ли ты, что я способенъ на большое, трудное и очень отвѣтственное дѣло? Вѣришь ли, что я взойду высоко не ради высоты и власти, а ради выполненія того, что мнѣ предназначено. Скажи, ты вѣришь?

— Другъ мой, я вѣрю въ тебя, — убѣжденнымъ, глубокимъ тономъ отвѣтила княгиня.

— Я зналъ, что ты такъ скажешь, мама. Да, я знаю, что для другихъ, для очень многихъ я только князь Сергѣй Суровъ. Я знаю, напримѣръ, что Сандро Валинскій, знающій меня съ дѣтства, въ своей благо-

склонной, дружеской suffisance считаетъ меня человѣкомъ чуть ли не ниже средняго уровня . . .

— Сандро Валинскій, котораго я очень люблю, всегда и исключительно занять собой, это всѣ мы знаемъ, — примирительнымъ тономъ вставила княгиня.

— Ну да, конечно, но я говорю это къ тому, что часто я бывалъ съ нимъ очень откровененъ, и онъ могъ бы знать меня поглубже, однако . . .

— Зачѣмъ тебѣ людская оцѣнка? Это не важно, если ты самъ умѣешь быть строгимъ критикомъ самого себя.

— Конечно, не важно, но невольно сопоставляешь то, что усматриваютъ въ тебѣ люди, съ тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ таится внутри. Если-бъ ты знала, мама, какую громадную энергію я ощущаю въ себѣ, сколько накоплено у меня душевной силы, сколько вѣры въ то, что мнѣ предназначено совершить на моемъ пути, трудномъ, отвѣтственномъ, для котораго я живу . . . Мало по малу я отхожу отъ забавъ суетнаго міра, потому что не хочу растрачивать силы, не хочу горѣть огнемъ, дающимъ тлѣнъ и пепелъ . . . Мнѣ нуженъ иной огонь: огонь, рождающій власть . . .

Хотя князь Сергѣй не возвышалъ голоса и не измѣнилъ спокойной, удобной позы, однако въ словахъ его звучала та страстная нота и торжественность, которую мать такъ любила въ немъ, когда еще мальчикомъ онъ, блѣднѣя отъ внутренняго порыва, декламировалъ ей стихи или читалъ прозу, надъ которой просиживалъ ночи и дни на пролетъ.

— Нѣтъ власти безъ величія духа. — медленно и вѣско проговорила княгиня, переведя взглядъ съ неба

на лицо сына. Въ этомъ взглядѣ было что-то строго испытующее, какъ бы взвѣшивающее глубины, замкнутыхъ для человѣческаго глаза, тайниковъ души.

— Я знаю, знаю, что не готовъ еще выполнить возложенную на меня миссію, — отгадывая мысли матери, глубокимъ, задушевнымъ голосомъ произнесъ князь, но я не устану шагъ за шагомъ подниматься по ступенямъ лѣстницы, которая приведетъ меня къ мѣсту моего истиннаго служенія.

— Другъ мой, эта власть будетъ у тебя тогда, когда она потеряетъ въ глазахъ твоихъ всякую цѣнность; когда, возложенная на тебя, она будетъ нужна не тебѣ, а для блага другихъ людей.

— Да, это будетъ такъ, — звенящимъ голосомъ произнесъ князь въ волненіи и, сжимая сплетенныя пальцы рукъ, поднялъ глаза къ небу, въ которомъ тонулъ взоръ его матери. Надъ пышными очертаніями зеленѣющихъ садовъ зажглась блѣдная звѣзда. На далекомъ горизонтѣ протянулась водянисто-розовая полоса умиравшей и зарождавшейся зари. Было тихо и торжественно. Въ душѣ князя подымались и опускались какія то волны. Что-то рвалось, что-то просилось вылиться. Но, не умѣвшій молиться, не знавшій полета души въ молитвенномъ экстазѣ, онъ не находилъ исхода этимъ встревоженнымъ волнамъ и, силясь подавить ихъ, сжималъ до боли похолодѣвшіе пальцы.

— Просвѣти его разумъ и его сердце, и да будетъ во всемъ воля Твоя, — мысленно, съ горячей вѣрой, повторяла княгиня, устремивъ взоръ на слабо мигавшую надъ розовымъ горизонтомъ отдаленную лампаду небесъ.

XI.

Въ гостинной, холодно обставленной карельской березой, въ которой нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ любимецъ заточеннаго Царя, министръ Быстровъ такъ часто бывалъ, интимно бесѣдуя о важныхъ государственныхъ дѣлахъ со своей подругой, а затѣмъ невѣстой, Маріей Апполоновной, и куда, толкнувшій Россію въ пропасть, безграмотный мужикъ подъ кличкой „старца" наѣзжалъ для совѣтовъ съ министромъ, и попивая крѣпкую, дорогую мадеру и отпуская плоскія шутки, выбалтывалъ ловкой хозяйкѣ дома нужныя ей свѣдѣнія, — теперь въ этой гостинной, казавшейся отъ чахловъ, покрывавшихъ мебель, еще болѣе неуютной, Марія Апполоновна, кутаясь, несмотря на лѣтнюю пору, въ большой черный шолковый шарфъ, съ ногами покрытыми пледомъ, одиноко сидѣла въ креслѣ подлѣ открытаго окна, лѣниво перелистывая англійскую книгу. Мимо дома, съ грохотомъ и лязгомъ промчался грузовикъ съ поклажей и нѣсколькими вооруженными солдатами. Марія Аполоновна опустила книгу на колѣни, откинула голову на мягкую шолковую подушку, закрыла глаза и тоскливо вздохнула.

Ея лицо, съ матовой нѣжной кожей, осунувшееся, съ темными кругами подъ глазами, хотя было еще красиво, но носило отпечатокъ болѣзненной и моральной усталости.

Съ правой стороны, въ пышно зачесанныхъ надо лбомъ волосахъ, появилась совершенно бѣлая прядь, красиво выдѣлявшаяся въ общей массѣ шатеновыхъ волосъ. Въ похудѣвшемъ тѣлѣ и во всей позѣ сказывалось утомленіе и апатія.

Стоило ей закрыть глаза, какъ передъ ней вставали одни и тѣ же образы, однѣ и тѣ же картины недавно минувшаго, казавшагося ей теперь золотымъ, волшебнымъ сномъ, которымъ она не успѣла насладиться, отъ котораго ее оторвала грубая и жестокая рука судьбы.

— Неужели во всей этой ужасной катастрофѣ — опять и опять спрашивала себя Мэри, — доля вины лежитъ и на ней? Зачѣмъ она такъ довѣряла уму и государственному такту Михаила Илларіоновича, котораго, какъ оказалось, было слишкомъ недостаточно для сложнаго механизма управленія страной... Онъ былъ такъ увѣренъ въ себѣ, казался такимъ большимъ, такимъ дерзновенно-смѣлымъ: она не только поддерживала, она толкала его впередъ, упиваясь его величіемъ... Неужели его сестра была права, когда передъ отъѣздомъ на фронтъ, остерегая ее, сказала, что у брата никогда не было и нѣтъ государственнаго ума. Какъ казалась она ей тогда близорука и смѣшна!.. Какъ могло все это случиться такъ неожиданно, такъ быстро, какъ ударъ молніи?!. И въ итогѣ — пустота, развалъ, крушеніе всѣхъ надеждъ и гибель всего, что дорого, для чего стоило жить... До свадьбы оставалось всего нѣсколько дней... Столько надеждъ, столько блеска и вдругъ — пустота и страданье... впереди что-то темное... Всесильный министръ, блестящій царедворецъ, баловень судьбы, — ея женихъ, который, протягивая ей руку, вводилъ ее наконецъ въ міръ заповѣдныхъ мечтаній, — міръ роскоши, блеска и власти, — теперь этотъ блестящій любимецъ двора, этотъ „charmeur" томится въ одиночной тюрьмѣ подъ тяжелыми сводами Петропавловской крѣпости... такъ близко и такъ далеко..

Мэри съ тоской открыла глаза, силясь отогнать мучительныя мысли и образы, но они, какъ липкая паутина, цѣплялись и неотвязно обволакивали мозгъ. Первый разъ въ жизни ей приходилось проводить лѣто въ пыльной, душной столицѣ, принявшей за послѣднее время отвратительный видъ, благодаря свободамъ, давшимъ дворникамъ право не убирать улицъ, а черному люду засыпать ихъ безконечнымъ количествомъ кожухи отъ подсолнечныхъ сѣмянъ, окурками папиросъ, комками бумаги и всякаго мусора.

Мэри тянуло уѣхать подальше отъ страшной арены политической катастрофы; но несмотря на присущій ей эгоизмъ, чувство долга по отношенію заточеннаго друга и жениха и тайныя надежды на возможность возврата къ прошлому заставляли откладывать свой отъѣздъ. Она знала, что единственнымъ близкимъ ему человѣкомъ осталась здѣсь она, такъ какъ Вѣра Илларіоновна была далеко на фронтѣ. Что же касается его всесильныхъ друзей, то большая часть изъ нихъ была, также какъ и онъ, въ заточеніи; остальные — скрылись. Съ тѣхъ поръ, какъ въ ужасный, памятный ей, первый день революціи она, перепуганная, уже предчувствующая недоброе, впопыхахъ сорвавшись съ постели, примчалась къ нему, чтобы предупредить о надвигавшейся бурѣ и застала его въ полной неосвѣдомленности, въ самомъ благодушномъ и безпечномъ настроеніи, — съ тѣхъ поръ она его больше не видала, и всѣ удары судьбы, посыпавшіеся на его голову, разбили и ея жизнь.

Стоя на порогѣ власти, блеска и большого богатства, она не стѣснялась и большую часть отложенной

за послѣдніе годы суммы истратила на приданное, помимо того, что ей давалъ для этой же цѣли ея щедрый другъ и женихъ.

Во время обысковъ, съ цѣлью найти у нея переписку и бумаги, имѣвшія отношеніе къ бывшему министру, у нея выкрали почти всѣ ея цѣнности и все серебро. Кромѣ дачи въ Финляндіи, — тоже подарка Быстрова, и незначительнаго капитала въ процентныхъ бумагахъ, у нея ничего не оставалось. Ей необходимо было возможно скорѣе раздѣлаться съ этой слишкомъ большой и роскошной для ея теперешняго положенія квартирой; но до сихъ поръ она не могла оправиться отъ нервнаго разстройства послѣ продолжительной болѣзни, приковавшей ее на два мѣсяца къ постели. Она сознавала, что ей необходимо что нибудь предпринять, чтобы спасти оставшееся. Надо было передать квартиру, распродать лишнюю обстановку и ненужное теперь роскошное приданное, продать дачу въ Финляндіи и въ концѣ концовъ, какъ совѣтовали ей друзья, уѣхать за границу, чтобы вести тамъ самую скромную жизнь. По всему ходу событій было ясно, что надеждъ на освобожденіе Быстрова было мало, несмотря на то, что слѣдственная комиссія признавала у него, по заявленію врачей, начало прогрессивнаго паралича, которымъ и объяснялись многія нелогичности и странности въ его министерской дѣятельности.

Насколько раньше день Мэри былъ заполненъ дѣлами, выѣздами и пріемами, настолько теперь ея день былъ одинокъ и пустъ. Всѣ ея поклонники и искатели куда то скрылись: одни явно избѣгали сношеній съ ней, другіе, подобно ей, выброшенные за бортъ, одиноко

переживали свое крушеніе. Изъ всѣхъ знакомыхъ дамъ, искавшихъ прежде ея дружбы или вниманія, ни одна даже по телефону не освѣдомилась о ея здоровіи. Единственной внимательной и доброй оказалась по отношенію ея Вероника Кампіони, съ которой у нея никогда не было ни дружбы, ни даже особенно близкихъ отношеній. Однако, съ самаго начала катастрофы и до конца ея болѣзни, Вероника выказала ей много человѣчнаго, теплаго участія и моральной поддержки. Съ отъѣздомъ Вероники, она почувствовала себя совершенно одинокой и никому не нужной.

— Вѣдь такъ просто умереть, — думала она, опять закрывая глаза и морщась отъ грохота вновь промчавшагося грузовика. — Неужели же я буду способна влачить какое то сѣренькое, пошлое существованіе послѣ той блестящей перспективы, которую судьба открывала мнѣ?.. Какъ могъ Мишель остаться жить?!.. Отчего онъ не покончилъ съ собой, когда понялъ, что все рухнуло? Онъ казался мнѣ такимъ дерзновеннымъ, смѣлымъ, такимъ недопускающимъ для себя даже мысли о паденіи. Я могла предположить все, что угодно, но только не то, чтобы онъ униженно, какъ затравленный звѣрь, отдался бы самъ въ руки своихъ враговъ. Знать, что онъ умеръ было бы для меня легче, чѣмъ знать, что онъ сидитъ въ тюрьмѣ.

Цѣпляясь за фантастическую возможность установить тайное сношеніе съ Быстровымъ, а еще больше ища точку опоры для дальнѣйшаго существованія, Мэри за послѣднее время начала допускать къ себѣ личностей, которыя въ прежнее время играли очень сомнительную и ничтожную роль факторовъ или посредни-

ковъ въ устройствѣ денежныхъ и всякихъ сомнительныхъ дѣлъ. Такіе люди оказывались въ данное время имѣющими ходъ къ новой власти. Мэри, умѣвшая сообразоваться съ обстоятельствами, теперь пробовала завербовать поклонниковъ въ этой средѣ. Приходилось ломать себя, отбрасывать самолюбіе и собственное достоинство.

Мэри вздрогнула. Углубленная въ мысли, она не слышала, какъ вошла горничная:

— Пришелъ господинъ Кацманъ и спрашиваетъ можете ли его принять?

— Хорошо, просите.

Барыня, мнѣ въ восемь часовъ надо уйти; чай подастъ Дуняша, — развязно заявила горничная, сильно измѣнившая тонъ со времени переворота.

— Въ такомъ случаѣ подайте самоваръ черезъ полчаса.

— Въ столовой накрыть?

— Подайте сюда.

Мэри плотнѣе закуталась въ черный шарфъ и повернула голову къ двери, откуда послышались медленные, тяжелые шаги. Мгновенно ея мозгъ пронизало воспоминаніе, какъ изъ-за этой же двери она слышала приближеніе легкихъ шаговъ элегантной походки, и на порогѣ появлялась статная фигура: .. — Мэри, вы заждались меня? Только пожалуйста, не браните меня: je tombe de fatigue ... цѣлый день на ногахъ ... — раздавался мягкій, слегка аффектированный голосъ ... Мэри подавила тяжелый вздохъ.

— Мое почтеніе. Какъ здоровье? Довольно вамъ нѣжничать и въ плэдъ кутаться ... — Передъ Маріей

Апполоновной стоялъ высокій, худой брюнетъ, съ отросшими курчавыми волосами, большимъ носомъ и непріятно-острымъ взглядомъ, веснущатый, въ потертомъ пиджакѣ, съ несвѣжимъ отложнымъ воротникомъ, небрежно повязаннымъ черным галстукомъ, въ видѣ мягкаго банта.

— Садитесь, Семенъ Борисовичъ, — протягивая руку, указала ему Мэри на стулъ противъ себя.

Кацманъ потрясъ слабую и блѣдную руку, мотнулъ отросшими волосами и сѣлъ, неловко развалясь и неуклюже выставляя, какъ жерди, длинныя ноги въ слишкомъ короткихъ панталонахъ, изъ подъ которыхъ видны были нечищенныя ботинки и сбившіеся грубые бѣлые носки.

— Я себя отвратительно чувствую: ужасная слабость и апатія . . .

— А вы плюньте и беритесь за дѣло. Отъ валянья вашего толка будетъ мало. — Кацманъ закурилъ безъ разрѣшенія папиросу, пуская передъ собою дымъ.

— Ну, какъ дѣла идутъ? — перебила его Мэри.

— Ничего. Понемногу развертываемся. Революція — дѣло не шуточное. Какъ ежъ: катится и колется, — ухмыльнулся Кацманъ и опять тряхнулъ волосами.

— Говорили — безкровная революція, а я только и слышу теперь, что о разгромахъ, грабежахъ и убійствахъ въ деревняхъ.

— Эка, чего захотѣли, барынька! Революція — то была безкровная, а теперь это уже воля народная, такъ сказать — эволюція.

— Да, конечно, безъ жертвъ не можетъ быть введена никакая крупная реформа, а тѣмъ болѣе такая

грандіозная идея, какъ соціализмъ, -- подлаживаясь подъ тонъ Кацмана, вяло проговорила Мэри. — Можетъ быть вы и не знали, но я всегда была сторонницей либеральныхъ идей и, въ сущности, никогда не сочувствовала образу монархическаго правленія.

Кацманъ съ замѣтной усмѣшкой скосилъ на нее глаза:

— Тэ-э-к-съ . . . — протянулъ онъ, причмокнувъ бритыми губами.

— А тутъ спокойно сейчасъ? Ничего не предвидится? — помолчавъ, спросила Мэри.

— Какъ можно, чтобы не предвидѣлось?! Многое предвидится. Вотъ на первомъ планѣ предвидится голодъ. Могутъ быть голодные бунты.

Неужели голодъ! — Мэри испуганно подняла глаза на Кацмана.

— Самый настоящій.

— Семенъ Борисовичъ, я надѣюсь, вы не оставите меня въ критическую минуту . . . Если будутъ бунты, пожалуйста, переѣзжайте ко мнѣ, — вѣдь я совершенно одна.

— А вотъ вы еще подольше поживите въ вашихъ хоромахъ съ золоченой мебелью да картинами, да люстрами. Теперь, барынька моя, мысли о равенствѣ крѣпко осѣли въ головахъ вашихъ прислугъ, швейцаровъ и дворниковъ. Думаете вы, они позволятъ вамъ нѣжиться и запасы хранить, коли имъ самимъ ѣсть будетъ нечего. Такихъ какъ вы и начнутъ обшаривать.

— Ну, что касается этого, то меня не мало уже ограбили, — съ горечью замѣтила Мэри.

— Никакъ нѣтъ-съ. Это еще только цвѣточки, ягодки впереди.

— Семенъ Борисовичъ, неужели вы все еще ничего не могли сдѣлать относительно моей просьбы?

— Это насчетъ вашего министра?

— Ну да, конечно.

— Врядъ ли это удастся. Да что вамъ надо? Къ чему это? Сидѣть тамъ ему хорошо, тепло, одѣтъ въ свое платье, съ голоду не умираетъ, — чего же больше? Пакостей умѣлъ надѣлать такихъ, что по гробъ вспоминать будемъ, а коли къ разсчету, то подай ему пуховики, да всякіе деликатессы... — Кацманъ ронялъ слова небрежно, покуривая папироску, какъ бы не придавая особеннаго значенія этому разговору.

— Семенъ Борисовичъ, я никакъ не ожидала, что именно вы такъ отнесетесь къ моей просьбѣ о Михаилѣ Илларіоновичѣ, который, по моему настоянію, оградилъ васъ въ свое время отъ очень большой непріятности.

— Это вѣрно. Если бы не онъ, опять бы въ тюрьму упекли, — улыбнулся Кацманъ.

— Почему же теперь, когда вы можете оказать ему услугу, вы остаетесь совершенно равнодушнымъ къ его прискорбному положенію? Я считала васъ болѣе человѣчнымъ.

— Не въ человѣчности тутъ дѣло, барынька, а въ томъ, что по принципу я все это сословіе придворныхъ фаворитовъ, тунеядствующихъ баръ и всѣхъ этихъ министровъ и ихъ прихвостней считаю зловреднѣйшимъ элементомъ и стою за уничтоженіе ихъ, а не за спасеніе и всякія тамъ поблажки.

— Однако Михаилъ Илларіоновичъ, имѣвшій такой же взглядъ на касту, къ которой принадлежали и вы, всетаки нашелъ въ своемъ сердцѣ достаточно доброты,

чтобы освободить васъ изъ тюрьмы, узнавъ отъ меня, что ваша мать и жена погибнутъ безъ васъ.

— Я былъ очень радъ, что онъ освободилъ меня, но это было доказательствомъ его сентиментальныхъ отношенiй къ борьбѣ съ врагомъ; одобрить такого образа дѣйствiй лично я не могу и считаю, что власть должна карать, а не сентиментальничать.

— Какъ бы то ни было, Семенъ Борисовичъ, но вы должны вспомнить, что когда вы меня просили, я помогала вамъ, — теперь я прошу весъ.

— Экъ, вы не хотите меня понять! Мои просьбы васъ ни съ какой стороны не могли скомпрометировать, а то, что вы сейчасъ просите, идетъ вразрѣзъ не только съ моими личными принципами, но прямо таки недопустимо съ точки зрѣнiя всего положенiя дѣлъ. Теперь самъ народъ сторожитъ своихъ бывшихъ палачей. Ну какъ же вы хотите, чтобы я, идущiй заодно съ этимъ народомъ, подкупалъ или насиловалъ его волю, добиваясь наладить незаконное, недопустимое сношенiе Быстрова съ вами.

— Передайте ему письмо какъ нибудь сами... — неувѣренно произнесла Мэри.

— Этого еще не доставало! — разсмѣялся Кацманъ. — Веревку для висѣлицы — это я могу ему принести, а что касается остального — слуга покорный!... Вотъ нѣсколько фунтовъ хлѣба — это, пожалуй, доставить вамъ могу, — продолжалъ Кацманъ, швыряя докуренную папироску мимо лица Мэри въ открытое окно. — Пришлите въ комиссарiатъ вашу прислугу завтра этакъ часовъ въ двѣнадцать.

— А муки или крупы вы не можете мнѣ прислать?

— Сейчасъ не могу, а тамъ будетъ видно.

Горничная, придвинувъ столъ къ креслу Маріи Аполлоновны, подала чай, на мелкіе куски нарубленный сахаръ въ маленькой хрустальной вазочкѣ, нѣсколько тонкихъ ломтиковъ хлѣба и небольшой кусокъ голландскаго сыра.

Только что Мэри налила двѣ чашки, и слабыми руками придвинула Кацману тарелочку съ хлѣбомъ и сыромъ, какъ изъ передней донесся слабый звонокъ, и вслѣдъ затѣмъ горничная подала Мэри визитную карточку.

— Просите . . . — Мэри растерянно отложила карточку. Неожиданный визитъ въ присутствіи Кацмана сильно смутилъ ее, но предотвратить его было невозможно, такъ какъ въ сосѣдней комнатѣ уже слышны были шаги. Вошелъ князь Суровъ. Хотя Мэри и старалась проглотить фамилію Кацмана, но князь разслышалъ ее также, какъ Кацманъ — титулъ и фамилію князя; это заставило его принять еще болѣе небрежную и неуклюжую позу. Онъ опять закурилъ папироску и, сѣвъ въ полуоборотъ къ князю, сталъ перелистывать взятый съ сосѣдняго стола иллюстрированный журналъ, въ то же время помѣшивая ложечкой чай и пуская клубы дыма, хотя курить ему вовсе не хотѣлось.

— Я привезъ вамъ, Марія Аполлоновна, письмо изъ Яссъ отъ Вероники Антоновны Кампіони. Она просила меня непремѣнно передать вамъ лично. — Князь протянулъ Мэри письмо.

— Какъ я вамъ благодарна, князь!

Кацманъ издалъ какой-то странный звукъ, похожій не то на короткое сопѣніе, не то на фырканье.

Мэри, понявъ что это было вызвано словомъ „князь“, внутренно вся насторожилась, боясь, чтобы ея свободомыслящій гость не перешелъ бы границъ приличія. Сергѣй Суровъ, сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ небрежнаго поведенія сосѣда, продолжалъ разговоръ:

— Это письмо съ короткой запиской было мною получено, къ сожалѣнію, послѣ отъѣзда Вероники Антоновны. Наканунѣ мы видѣлись съ ней, но я не зналъ, что на слѣдующій день она уѣзжаетъ.

— Куда она поѣхала?

— На юго-западный фронтъ.

— А вы, князь, что же дѣлали въ Яссахъ?

— Я навѣстилъ старшаго брата и ѣздилъ вглубь къ фронту.

— А что, тамъ спокойно?

— Да, пока дѣла идутъ хорошо.

Кацманъ опять отшвырнулъ окурокъ въ открытое окно и шумно подвинулся на стулѣ, продолжая перелистывать журналъ.

— Вы давно вернулись?

— Вчера днемъ, но уже успѣлъ окунуться въ сутолоку дѣлъ и повидать многихъ людей.

— Что слышно новаго?

— О, новаго бездна. Все, что есть теперь, все новое, но правда, не всегда пріятное. Вотъ, напримѣръ, только что я видѣлъ кое-кого изъ слѣдственной комиссіи, и меня очень огорчило, что больнымъ узникамъ Петропавловской крѣпости караулъ отказываетъ давать добавочную порцію или хотя бы два яйца. Вѣдь они переведены тамъ всѣ на солдатскій паекъ.

— Ахъ, Боже мой, какъ это ужасно! — всполошилась Мэри, подумавъ о Быстровѣ и представивъ себѣ его больнымъ и голоднымъ.

— Развѣ это такъ ужасно?... — отозвался вдругъ Кацманъ, поднимая голову отъ страницъ журнала. — Сколько сотенъ людей было сгноено этими же министрами въ тюрьмахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ клоповниковъ, умирало отъ побоевъ, отъ голода, и никто даже и не вспоминалъ о нихъ, а теперь квартиранты Петропавловской крѣпости почему-то вызываютъ такое участіе къ своей судьбѣ?!

— И тогда поступали дурно, и теперь, — примирительно отозвалась Мэри.

— А коли согласны, что поступали тогда дурно, то нечего жалѣть, что получаютъ теперь заслуженную кару, — рѣзко проговорилъ Кацманъ и засунулъ въ ротъ весь ломтикъ хлѣба, сложивъ его пополамъ.

— Развѣ вы думаете, Семенъ Борисовичъ, что зло нужно искоренять зломъ? — ласковымъ голосомъ продолжала Мэри.

— Зло надо уничтожать, что мы и намѣрены дѣлать, — огрызнулся Кацманъ.

— Скажите, князь, — обратилась Мэри къ Сурову, хранившему молчаніе, — гдѣ сейчасъ ваша кузина Ольга?

— Она была въ Царскомъ Селѣ при семьѣ Государя, а гдѣ сейчасъ, — не могу вамъ сказать.

— Я не знала, что она осталась при нихъ.

— Кузина очень предана всей семьѣ Царя и, я знаю, не покинетъ ихъ самовольно.

— Ну, вотъ хотя бы это взять, — опять заговорилъ Кацманъ, видимо раздражаясь отсутствіемъ

реплики со стороны князя, по адресу котораго, главнымъ образомъ, онъ изливалъ свою озлобленность. — Чего ради вся эта возня съ преступнѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ? Чего ради безпокоить караульныхъ солдатъ, смѣняя день и ночь стражу? Чего ради терпятъ его?... Самое радикальное было бы...

— Однако мнѣ пора, Марія Аполлоновна, — какъ бы не слыша того, что говорилъ Кацманъ, вставая, перебилъ его князь. Онъ сухо, почти оффиціально подалъ руку Мэри, поклонился, не глядя въ лицо, Кацману и вышелъ изъ комнаты, испытывая тяжелое чувство брезгливости:

— Вотъ образецъ постыднаго флюгарства и паденія... — думалъ Суровъ о Мэри, поспѣшно спускаясь съ лѣстницы, съ твердымъ рѣшеніемъ никогда больше сюда не возвращаться.

XII.

Кацманъ, стараясь расширить политическій и экономическій кругозоръ Мэри, толковалъ ей о преимуществахъ большевистскихъ идей и, складывая пополамъ тонкіе ломтики хлѣба и сыра, отправлялъ ихъ одинъ за другимъ въ ротъ, пока не съѣлъ всѣ. Затѣмъ онъ круто оборвалъ разговоръ, сказавъ, что ему надо побывать на митингѣ у рабочихъ, всталъ и, тряхнувъ волосами, пожалъ руку Мэри. Высоко задернувшаяся штанина, изъ подъ которой неопрятно выглядывалъ порыжѣлый, нечищенный ботинокъ, съ грязноватыми, толстыми бѣлыми носками, дѣлали его долговязую, неловкую фигуру смѣшной и еще болѣе неуклюжей. Широкими шагами онъ направился въ переднюю, за-

ложивъ руки въ карманы панталонъ и небрежно окидывая взглядомъ громадныя зеркала и картины.

Послѣ его ухода Мэри думала о томъ, что Суровъ, явно показавшій короткостью визита и сухостью тона при прощаніи свое неудовольствіе относительно рѣчей и личности Кацмана, вѣроятно не захочетъ болѣе бывать у нея и, пожалуй, съ кѣмъ нибудь подѣлится впечатлѣніями своего визита къ ней. Раньше это испугало бы ее, теперь же она съ горькой улыбкой пожала плечами:

— Какое значеніе можетъ теперь имѣть мнѣніе общества? — подумала она. — И гдѣ это общество? Въ концѣ концовъ такой Кацманъ сейчасъ ей нужнѣе и полезнѣе, чѣмъ всѣ взятые вмѣстѣ прежніе высокопоставленные друзья.

Въ письмѣ своемъ Вероника сообщала Маріи Аполлоновнѣ, что уѣзжаетъ на юго-западный фронтъ и просила ее навѣстить свою молоденькую кузину, поступившую въ женскій ударный баталіонъ подъ начальство извѣстной своей отвагой Бочкаревой.

Несмотря на слабость, Марія Аполлоновна рѣшила не откладывая побывать въ женскомъ баталіонѣ, такъ какъ Вероника писала, что онѣ могутъ скоро выступить.

Видъ улицъ революціонной столицы дѣйствовалъ на Мэри самымъ угнетающимъ образомъ; въ особенности разстраивала ея чувства толпа солдатъ, шатающихся по городу безъ дѣла, переполняющихъ трамваи до того, что публика была лишена возможности пользоваться ими. Съ наглыми лицами и словами они чувствовали себя хозяевами революціонной столицы, совершившей переворотъ, опираясь на ихъ штыки. По

пыльнымъ и неопрятнымъ улицамъ, грохоча и гремя цѣпями, то и дѣло мчались грузовики съ вооруженными солдатами, пугая прохожихъ и извозчиковъ недопустимой для города скоростью. Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе чувствовалась ослабѣвающая власть временнаго правительства и укрѣплявшагося пролетаріата, который сильно взвинчивали зажигательныя рѣчи прибывшаго черезъ Германію въ зампломбированномъ вагонѣ анархиста-большевика. Онъ собиралъ вокругъ себя многолюдную толпу, ежедневно поучая ее съ крыльца особняка, покинутаго извѣстной балериной. Много лѣтъ экспатріированный, теперь на свободѣ онъ развивалъ крайнія, какъ пропасть головокружительныя идеи передъ народомъ, новые правители котораго, хотя и усматривали грозную опасность въ этихъ зажигательныхъ рѣчахъ, однако, не рѣшаясь нарушить новую декларацію о свободѣ слова, допускали эту игру съ огнемъ.

Мэри подъѣхала къ закрытымъ грязноватымъ воротамъ на Торговой улицѣ, подлѣ которыхъ стоялъ на караулѣ низкорослый, стройный солдатикъ, съ овальнымъ лицомъ и серьезными, умными глазами.

— Скажите, пожалуйста, — обратилась къ нему Мэри, сразу почувствовавъ довѣріе къ этимъ открыто-глядящимъ хорошимъ глазамъ, — здѣсь находится женскій баталіонъ?

— Такъ точно.

— Можно мнѣ пройти?

— Кого вамъ угодно?

— Мнѣ надо повидать дочь адмирала Скрыдлова: у меня есть къ ней порученье.

— Потрудитесь минутку подождать. — Часовой нажалъ подлѣ калитки кнопку звонка.

Мэри бросила случайный взглядъ на его руку съ тонкими пальцами и вдругъ поняла, что передъ ней стоитъ женщина. Она удивилась, какъ могла она не понять этого, слыша женственно-мягкій звукъ голоса.

Подлѣ воротъ, глазѣя на Мэри и на часового, остановился мальчишка изъ зеленной, а вслѣдъ за нимъ какой-то мастеровой съ закопченнымъ носомъ и тупымъ лицомъ. Ухмыляясь, онъ подталкивалъ мальчишку, видимо собираясь отпустить какую-то шутку.

— Проходите мимо, нечего у воротъ останавливаться, — сдвинувъ брови, строго обратился къ нимъ часовой. — Говорю вамъ, проходите. — Слегка возвышая голосъ, повторилъ онъ, и зѣваки взглянувъ на его серьезное лицо, пошли прочь.

Вскорѣ отворилась калитка, и появилась высокая фигура темноглазаго и темноброваго солдатика, съ миловиднымъ лицомъ и пухлыми, дѣвичьими, алыми губами.

Мэри повторила свою просьбу.

— Я проведу васъ; но вамъ придется немного подождать, — учтиво проговорила молоденькая дѣвушка въ солдатской формѣ. — У насъ сейчасъ, въ ожиданіи отправки на фронтъ, происходитъ медицинскій осмотръ. Скрыдлова только что отправилась туда со своей ротой.

— Ничего, я могу подождать, — отвѣтила Мэри, идя по небольшому двору, въ концѣ котораго виднѣлась довольно обширная огороженная площадка.

— Вѣроятно здѣсь происходятъ ваши ученья? — спросила Мэри.

— Да, какъ разъ недавно кончилось.

— Трудно?

— Первые дни трудно отъ непривычки къ ружью; да вотъ еще ноги болятъ отъ тяжелыхъ сапогъ, — натираются пятки, а потомъ ничего.

— А волосъ не жалко? — спросила Мэри, въ то время какъ дѣвушка, снявъ фуражку, провела бѣлой, пухлой рукой по вспотѣвшему лбу и густымъ, ежикомъ подстриженнымъ темнымъ волосамъ.

— Ничего. Надо будетъ, такъ отрастутъ, — съ безпечной улыбкой отвѣтила она.

Поднявшись по узкой каменной лѣстницѣ во второй этажъ, онѣ вошли въ длинное помѣщенiе, уставленное въ два ряда простыми деревянными столами и такими же скамейками.

— Это наша столовая. А вотъ направо — спальня первой роты. Присядьте, я сейчасъ узнаю, скоро ли кончится медицинскiй осмотръ. — Миловидный солдатикъ, у котораго пышный бюстъ ясно обрисовывался въ складкахъ широкой, защитнаго цвѣта, гимнастерки, перехваченной на поясѣ кожаннымъ кушакомъ, — легкой походкой направился въ другой конецъ столовой и скрылся за дверью.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь распахнулась, и толпа весело переговаривавшихся и пересмѣивавшихся женщинъ въ солдатскихъ гимнастеркахъ и высокихъ, стукающихъ по полу сапогахъ, влилась въ столовую. Худенькая, стройная фигурка съ очень нѣжнымъ цвѣтомъ лица, свѣтло-голубыми глазами и золотистыми коротко подстриженными волосами подошла къ Мэри.

Боже мой, Варенька, какъ васъ измѣнилъ этотъ костюмъ! — проговорила Мэри, протягивая ей руку.

Дѣвушка улыбнулась. Взявъ Марію Апполоновну подъ руку, она пошла съ ней вдоль столовой.

— Вы слишкомъ хрупки, Варенька, для этой затѣи, — говорила Мэри въ то время, какъ Варенька вела ее къ группѣ своихъ товарокъ, стоявшихъ, поодаль.

— Ничего подобнаго, — возразила Скрыдлова. — Только что на медицинскомъ осмотрѣ меня признали вполнѣ годной для отправки на фронтъ, и я страшно рада.

— Да развѣ у васъ есть сила, чтобы справляться съ ружьемъ?

— О, вполнѣ. Это совсѣмъ не такъ трудно.

Мэри, познакомившись съ группой молодыхъ женщинъ, веселыхъ и бодрыхъ, вмѣстѣ съ ними направилась въ спальню первой роты, интересуясь помѣщеніемъ, принадлежавшимъ раньше какому то духовному училищу. Онѣ проходили изъ одной роты въ другую, и въ нихъ Мэри видѣла повтореніе однѣхъ и тѣхъ же трогательныхъ, непохожихъ на жизнь, картинъ:

Большія, свѣтлыя, многооконныя комнаты были посрединѣ заставлены двумя рядами желѣзныхъ коекъ безъ матрацовъ: женщины-солдаты, подчиняясь суровой дисциплинѣ, спали на голыхъ доскахъ. Все ихъ имущество находилось подлѣ коекъ, въ небольшихъ ночныхъ столикахъ. По стѣнкѣ съ одной и другой стороны стояли ружья. Это были часы отдыха. Съ разстегнутыми воротами гимнастерокъ, сидя на койкахъ съ работой въ рукахъ или стоя группами, юные солдаты женщины пересмѣивались, переговаривались и переодѣвались.

Смѣшно и странно было видѣть солдатскую форму въ соединеніи съ тоненькими ножками въ черныхъ чул-

кахъ и туфелькахъ на французскомъ каблучкѣ. Сбросивъ тяжелую, утомительную обувь, дѣвушки давали отдыхъ ногамъ, пользуясь послѣдними днями льготы и послѣдними оставшимися у нихъ принадлежностями женскаго туалета, съ которыми имъ предстояло скоро разстаться. Также страненъ и непонятенъ былъ видъ нѣсколькихъ фигуръ въ высокихъ сапогахъ, солдатскихъ шароварахъ и въ грубой мужской рубашкѣ, изъ за распахнутаго ворота которой виднѣлась полная женская грудь и нѣжная тонкая шея, отъ коротко остриженныхъ волосъ казавшаяся еще тоньше.

Опять пришли въ столовую. Вскорѣ туда явилась Бочкарева.

Небольшого роста, коренастная, крѣпкая, съ маленькой головой, умнымъ, оживленнымъ простымъ лицомъ и простымъ говоромъ, Бочкарева съ первой же минуты располагала къ себѣ искренностью въ обращеніи и тонѣ рѣчи.

Узнавъ, что родственница Скрыдловой ѣдетъ на фронтъ, какъ гостья Верховнаго Главнокомандующаго, и увидится съ нимъ въ ближайшіе дни, она начала горячо настаивать на томъ, чтобы передать художницѣ ихъ общую просьбу, выхлопотать у Брусилова разрѣшеніе ихъ немедленной отправки на фронтъ.

— Помилуйте, — кипятилась Бочкарева, стоя передъ Мэри съ заложенными въ панталоны руками и горящими негодованьемъ карими глазами, — мы совершенно готовы, намъ тутъ дѣлать больше нечего, а насъ нарочно держатъ. Мы знаемъ, что петроградскій гарнизонъ насъ ненавидитъ, потому что у насъ введена прежняя дисциплина, недопускающая никакихъ

нововведеній. Отданіе чести у насъ обязательно. Я стою за желѣзную дисциплину, мой баталіонъ знаетъ это, довѣряетъ мнѣ, и я отвѣчаю, что мы не дрогнемъ передъ лицомъ непріятеля; онѣ пойдутъ за мною, а я стрѣлянный воробей. — Бочкарева ударила себя ладонью по груди, на которой красовалось три Георгія. — Я дважды ранена; пуля въ боку сидитъ и до сихъ поръ. Меня не запугаешь... У насъ тутъ, знаете ли, на дняхъ было происшествіе. Я имъ показала, что повадки отъ насъ не жди. Представьте себѣ, что передъ воротами собралась толпа рабочихъ и солдатъ, эдакъ человѣкъ въ триста, въ четыреста и ну галдѣть: — Къ черту, — кричатъ, — этихъ бабъ... Нашлись тоже защитники прежнихъ уставовъ!.. Чего онѣ наперекоръ идутъ и честь офицерамъ отдаютъ?.. Разнести казармы... вздуть бабъ... — Я, знаете ли, приказала всему баталіону быть на готовѣ, заложила руки вотъ этакъ въ карманы, фуражку сдвинула на затылокъ, выхожу за ворота и калитку на запоръ. Шагнула впередъ, да какъ крикну: — Вы чего это сюда собрались? Безпорядки затѣвать? Думаете, я васъ боюсь? Чорта съ два!.. Не даромъ три Георгія заслужила. У меня баталіонъ наготовѣ, и триста штыковъ всажу я въ васъ, черти, если осмѣлитесь хоть шагъ ступить впередъ. Тутъ я, знаете-ли, безъ стѣсненія, такое имъ словцо отпустила — военнаго образца, — что они рты раскрыли.

— Да, ужъ, — засмѣялась Скрыдлова, — на этотъ счетъ вы мастеръ!

— Конечно, за словомъ въ карманъ не полѣзу. И что бы вы думали? Какъ обругала ихъ по нашему, по военному, они поняли, что шутки съ ними шутить

тутъ не будутъ, а вздуютъ безъ пощады; хвосты поджали и, переругиваясь со мною, разбрелись. Нѣтъ, не на таковскую напали. Не сдамъ баталіона; да и онѣ всѣ молодцы! Умремъ коли судьба, а живыми не сдадимся. — Въ небольшихъ карихъ глазахъ загорѣлся огонь отваги, подвижное некрасивое лицо, покрытое загаромъ, вспыхнуло, круглая, маленькая голова съ коротко подстриженными волосами гордо откинулась назадъ. Для каждаго становилось ясно, что у Бочкаревой слово не расходится съ дѣломъ и что рука ея не дрогнетъ ни при какой опасности.

Вытянувшись и держа руку подъ козырекъ, совсѣмъ юная дѣвушка доложила Бочкаревой, что ее ждутъ въ лазаретѣ для начала освидѣтельствованія четвертой роты. Бочкарева спѣшно пожала обѣ руки Мэри, еще разъ повторяя свою просьбу:

— Голубушка, ужъ вы напишите, чтобы хорошенько попросила о насъ. Ей-Богу, вѣдь душу изъ насъ вымотали. Для какого чорта мы тутъ торчимъ? — Она энергичнымъ жестомъ провела сильной, пухлой рукой по волосамъ, щелкнула каблуками и крѣпкой, рѣшительной походкой быстро удалилась.

Мэри стала прощаться.

— Конечно, вы ѣдете на святое, патріотическое дѣло, — задерживаясь на порогѣ, говорила она, — но все-таки это дѣло жуткое и не наше, не женское... Ну, что будетъ съ вами, если вдругъ вы попадете въ плѣнъ?

— Въ плѣнъ? Ни за что!.. — выступила впередъ фигура съ картинно отважнымъ, ребячески-безпечнымъ и смѣлымъ выраженіемъ лица и выбивавшимися тем-

ными кудрями изъ подъ заломленной на бекрень фуражки. Изъ за растегнутой у ворота гимнастерки виднѣлась чистая линія нѣжной шеи. Заложивъ одну руку въ карманъ брюкъ, другой она теребила у затылка свои блестящіе, густые кудри, которыми, очевидно, гордилась. — Ни за что ни одна изъ насъ въ плѣнъ не попадется, — продолжала она, улыбаясь и показывая ровные и красивые зубы. — Мы дали клятву застрѣлиться или застрѣлить другъ друга, но живыми не дадимся...

Мэри промолчала, думая въ то же время, что Бочкарева, казачка изъ низшей среды, опасный соперникъ на полѣ брани, — явленіе исключительное. Нельзя силою одного желанія изгнать изъ своей природы женскую натуру, съ ея слабой организаціей, неприспособленной ни воспитаніемъ, ни опытомъ къ жестокимъ условіямъ войны.

— Пожалуйста не подумайте, Марія Аполлоновна, что мы надѣемся совершить какіе нибудь героическіе подвиги, — какъ бы отгадывая ея мысли, заговорила Скрыдлова, — мы далеки отъ этихъ мечтаній, мы только вѣримъ, что примѣромъ любви къ родинѣ намъ удастся вразумить отступающихъ солдатъ. Мы настаиваемъ, чтобы насъ пустили въ первую голову. Мы дружно бросимся впередъ, и за нами пойдутъ другіе.

— Богъ вамъ въ помощь, милыя Жанны Д'Аркъ! — сердечно проговорила Мэри, выходя на дворъ.

Весь день она была подъ впечатлѣніемъ видѣнныхъ ею въ баталіонѣ молодыхъ, веселыхъ женскихъ лицъ въ солдатскихъ формахъ, послѣ утомительнаго ученья съ ружьемъ, отдыхающихъ ночью на голыхъ доскахъ и выполняющихъ строжайшую дисциплину во имя любви

къ родинѣ и вѣры въ возможность успѣшнаго наступленія на фронтѣ, несмотря на общее, все возрастающее сомнѣніе въ силу патріотическаго духа революціонной арміи, которая, послѣ знаменитаго приказа номеръ первый, начала явно обнаруживать признаки разложенія.

XIII.

Быстро шагая по паркетному полу озаренному яркимъ солнцемъ зала, высокій, молодой адъютантъ князь Гагаринъ, съ красивымъ загорѣлымъ лицомъ и серьезными черными глазами, осторожно раздвинувъ тяжелыя бархатныя драпировки, вошелъ въ просторный кабинетъ Верховнаго Главнокомандующаго Брусилова, сплошь крытый темно-малиновымъ ковромъ и обставленный краснымъ деревомъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ остановился въ выжидательной позѣ.

— Узнайте, гдѣ остановилась художница Кампіони. Она пріѣхала вчера вечеромъ и звонила ко мнѣ, — раздался слегка охрипшій, строгій, отрывистый голосъ. Маленькая коротко-остриженная сѣдѣющая голова, съ очень открытымъ лбомъ, съ сѣдыми усами, худымъ оваломъ лица, мясистымъ длиннымъ носомъ и острыми умными глазами, оставалась склоненной надъ кипой бумагъ и свѣсившейся къ полу географической картой.

— Она остановилась, Ваше Высокопревосходительство, въ Европейской.

— Позвоните въ гостиницу. Передайте, что прошу ко мнѣ отобѣдать... къ семи часамъ, — падали отрывистыя, какъ отрѣзанныя, слова.

— Слушаюсь, Ваше Высокопревосходительство. — Адъютантъ шагнулъ къ двери.

— Постойте. — Взглядъ небольшихъ, узкихъ, сѣрыхъ глазъ устремился, поверхъ громадныхъ круглыхъ очковъ въ толстой свѣтлой роговой оправѣ, на адъютанта. Взглядъ этотъ былъ сухой, острый и проницательный. Костлявое лицо, съ сильно выдавшимся подвижнымъ подбородкомъ, выражало непоколебимую волю и суровость нрава. — Что этотъ помощникъ комиссара юга-западного фронта?.. Какъ его фамилія?

— Гобечіа, Ваше Высокопревосходительство.

— Да, Гобечіа... что онъ — проѣхалъ или нѣтъ?

— Вчера проѣхалъ. Узналъ, что Ваше Высокопревосходительство на фронтѣ и, не останавливаясь, проѣхалъ впередъ.

— Вы его видѣли?

— Такъ точно, Ваше Высокопревосходительство.

— Каковъ изъ себя? — отрывисто и рѣзко прозвучалъ вопросъ. Умные, стальные глаза совсѣмъ съузились.

— Похожъ на Тифлисскаго кинто.*) Мало интеллигентный.

— Гобечіа, вы говорите? Это не съ нимъ какой то скандалъ былъ? Писали что-то...

— Пока еще нѣтъ, не съ нимъ, — улыбнулся князь Гагаринъ.

— Ну да, знаю. — Сухой, костлявый подбородокъ зашевелился отъ нетерпѣливаго движенія рта. Узкія губы какъ будто что то пожевали. — Къ четыремъ часамъ автомобиль. Прикажите подать сводку западнаго фронта за вчерашнее число. Больше ничего, можете идти.

*) Мелкій уличный продавецъ.

Острый взглядъ еще разъ скользнулъ по лицу адъютанта и спрятался за громадныя, круглыя стекла очковъ.

Нѣсколько разъ занятія Верховнаго прерывались докладами о прибытіи делегацій и депутатовъ армейскихъ комитетовъ. Онъ справлялся по расписанію часовъ дня, коротко и отрывисто назначалъ время пріема и опять углублялся въ занятія. Въ четыре часа, отложивъ недоконченныя дѣла, онъ поднялся и прошелъ въ сосѣднюю комнату — спальню. Маленькая, сухая фигура, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовала типу лица.

На немъ былъ темно-коричневый, ловко сидѣвшій, „френчъ" съ двумя Георгіями — на шеѣ и на груди, обтянутые рейтузы безъ генеральскихъ лампасъ и, ниже колѣнъ, мягкіе въ родѣ гусарскихъ „ботики" почти безъ каблуковъ, что дѣлало его походку легкой и эластичной. Шпоръ онъ не носилъ, хотя и былъ одинъ изъ извѣстныхъ кавалеристовъ. Отъ всей его аккуратной, маленькой и сухой фигуры вѣяло бодростью, энергіей, суровостью и властностью. Неподвижное лицо не выдавало внутреннихъ переживаній, оставаясь всегда одинаково холодно и угрюмо-сурово.

Умывъ руки у большого мраморнаго умывальника и освѣживъ ихъ одеколономъ, Брусиловъ подошелъ къ туалетному зеркалу, разсѣянно глядя въ него, провелъ щеточкой по сѣдымъ усамъ, поправилъ на шеѣ Георгія и, о чемъ то напряженно думая, не глядя по сторонамъ, прошелъ черезъ кабинетъ и залъ въ вестибюль, гдѣ дежурили два ординарца, взялъ со стола фуражку и бѣлыя перчатки, спустился по вощеной

деревяной лѣстницѣ, крытой алымъ ковромъ, внизъ, гдѣ у подъѣзда ожидалъ автомобиль.

Оставивъ у французскаго военнаго аташе, котораго онъ не засталъ дома, визитную карточку, Брусиловъ вернулся домой. Такъ же сосредоточенно, ни на кого не глядя, онъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Выпивъ стаканъ жидкаго чая съ клюквеннымъ экстрактомъ и съ двумя галетками, онъ опять принялся за доклады, которыхъ накопилось много за двое сутокъ его отсутствія.

Хотя все вниманіе его и было сосредоточено на дѣлахъ, которыя онъ тщательно пересматривалъ, однако однѣ и тѣ же настойчивыя, упрямыя мысли, не покидая его, все болѣе и болѣе подчиняли себѣ весь его мозгъ и завладѣли имъ въ такой мѣрѣ, что только въ короткіе часы сна онъ освобождался отъ нихъ. Эти мысли, какъ когти хищника, впились и давили его, и всегда свободный господинъ своего „я“, за послѣднее время онъ сталъ ихъ рабомъ.

Умудренный опытомъ и знаніемъ жизни, онъ давно позналъ ея тщету, и ни блескъ, ни власть его не ослѣпляли и не манили. За три года, проведенныхъ на фронтѣ и создавшихъ ему блестящее имя талантливѣйшаго полководца, онъ позналъ мозгомъ и сердцемъ, что блестки славы и власти покупаются цѣной глубочайшаго разочарованія въ людяхъ: повелѣвать или быть прославленнымъ завистливой, продажной и пошлой толпой — не можетъ дать ни радости, ни удовлетворенія. Чѣмъ выше подымались ступени его славнаго пути, тѣмъ суровѣе глядѣли его глаза, тѣмъ, холоднѣе становилось у него на сердцѣ, отъ котораго отрывались послѣднія иллюзіи вѣры въ идеалы человѣчества.

Далеко за полночь, оставаясь совершенно одинъ въ этихъ большихъ аппартаментахъ, гдѣ ему часто мерещился Государь, еще такъ недавно занимавшій эти аппартаменты, онъ ощущалъ за послѣднее время полнѣйшее одиночество не только физическое, но и моральное; ему казалось, что онъ одинокъ, совершенно одинокъ во всемъ мірѣ, что ему на плечи навалили громадную тяжесть, которую онъ долженъ нести, нести до тѣхъ поръ, пока не донесеть ее до самой вышки, гдѣ чья-то благословляющая, благостная рука поможетъ наконецъ снять эту тяжелую ношу съ его плечъ. Онъ зналъ, что ношу эту онъ долженъ нести во что бы то ни стало. Что бы ни кричали, чтобы ни дѣлали вокругъ него люди, какъ бы ни былъ тернистъ и крутъ его путь, но онъ долженъ нести ее бережно, чтобы сдать не только въ полной цѣлости, но и въ славѣ Тому, Кто ждетъ его въ концѣ большого и труднаго пути.

— Да, да... я донесу тебя, я сберегу тебя, чего бы мнѣ это ни стоило... — часто шептали узкія, старческія губы въ тишинѣ ночи, когда навязчивыя мысли гнали сонъ, и картины и образы минувшаго дня не давали отдыха и мучили сознаніемъ чего-то непристалаго и искусственнаго въ его измѣнившемся, чрезмѣрнопопулярномъ отношеніи съ нижними чинами, что еще болѣе отягощало его душу.

Запершись въ просторной спальнѣ, потушивъ электричество, готовый отойти ко сну, суровый старикъ, котораго всѣ боялись, передъ которымъ всѣ вытягивались въ струнку, падалъ на колѣни передъ большимъ образомъ, озареннымъ немигающей лампадой и въ

одномъ бѣльѣ — маленькій и щуплый — взывалъ къ Господу, орошая слезами свои горячія молитвы:

— Ты повелѣлъ мнѣ, и я взялъ на свои слабыя плечи... дай силы, дай мудрости мнѣ, Господи, донести во славѣ къ Престолу Твоему... повелишь мнѣ унизиться — унижусь, Господи. Повелишь стать рабомъ рабовъ, — стану, Господи. Научи, какъ донести ношу мою, родину мою безъ позора, во славѣ къ Престолу Твоему. Научи, какъ вразумить этихъ темныхъ людей. Я рабъ Твой, послушный рабъ, Господи, и хочу творить волю Твою... — Слова молитвы вырывались какъ жгучее пламя изъ костлявой груди старика и звучали громче и громче, пока не стихали въ глубокомъ, тяжеломъ вздохѣ.

Разбитый, съ лицомъ, орошеннымъ слезами, старикъ, осѣняя себя широкимъ крестомъ, ложился въ кровать; закрывъ глаза, онъ силился заснуть, но въ полумракѣ комнаты, озаренной неяснымъ свѣтомъ лампады, вдругъ мерещился ему отчетливо и живо образъ того, кто передъ нимъ почивалъ въ этой комнатѣ, кто оскорбленный и униженный, томился съ семьей въ далекомъ изгнаніи. Въ устремленномъ на себя взглядѣ старикъ читалъ нѣмой упрекъ. Онъ открывалъ глаза и садился на постели.

— Не упрекай, не вини меня, Государь, — шепталъ старикъ, скрещивая на груди руки. — Я не измѣнилъ тебѣ, я не предалъ тебя и не отвернулся отъ тебя. Видитъ Богъ, сердце мое чисто... Но ты ушелъ, Государь, и я остался одинъ, чтобы спасти нашу родину. Тяжела ноша моя, и ты долженъ простить меня, если во имя спасенья ея я — присягавшій тебѣ, — сталъ во

главѣ измѣнившей тебѣ арміи. Я поведуэту армію на врага... въ моихъ силахъ, въ моей власти ея успѣхъ. Все подготовлено, все разсчитано. Если армія наша двинется въ наступленіе по всему фронту... я сказалъ — „если"... вотъ оно это страшное слово, этотъ ужасный червь, эта змѣя, которая сжимаетъ и гложетъ мое сердце. Если?... а если нѣтъ?.. если вся эта многомилліонная толпа людей не пойметъ, не услышитъ, во имя чего я зову ихъ двинуться впередъ и смять врага?.. если они уже не тѣ, какими я зналъ и понималъ ихъ? Что же тогда? тогда что же?... Россія, эта ноша моя... Что же будетъ съ ней?.. — Старикъ широко открытыми остановившимися глазами смотрѣлъ передъ собой, и тупой выдавшійся подбородокъ напряженно и нервно двигался взадъ и впередъ. — Не допусти, Господи, не погуби... — шепталъ онъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ и опуская голову на подушки. Сонъ бѣжалъ отъ глазъ, и долго онъ ворочался и вздыхалъ, отгоняя все тѣ же назойливыя, жуткія мысли. Утромъ, рано вставъ и усердно помолясь передъ образомъ съ догорѣвшей за ночь лампадой, онъ выходилъ въ кабинетъ съ тѣмъ непроницаемо — суровымъ лицомъ, которое не выдавало окружающимъ ни одной его тревожной мысли, ни одного сомнѣнія. „Желѣзный" генералъ ни на секунду не снималъ передъ толпой своей желѣзной маски.

Безъ пяти семь адъютантъ доложилъ Верховному Главнокомандующему, что пріѣхала художница Кампіони. Онъ снялъ очки, отложилъ бумаги, привычнымъ жестомъ поправилъ на шеѣ Георгія и пошелъ къ двери.

Передъ большими стеклянными дверями, распахнутыми настежь на деревянную террасу, спускавшуюся нѣсколькими ступенями въ большой густой садъ, стояла Вероника въ черной шолковой юбкѣ, высокихъ бѣлыхъ лайковыхъ ботинкахъ, ловко обтягивавшихъ узкую, стройную ногу, въ бѣлой батистовой блузкѣ и большой соломенной шляпѣ. Брусиловъ острымъ, сощуреннымъ взглядомъ окинулъ стройный, изящный силуэтъ художницы, и на его угрюмомъ неподвижномъ лицѣ скользнула едва замѣтная улыбка.

— Очень радъ васъ видѣть. Прошу ко мнѣ въ кабинетъ. — Онъ склонилъ сѣдѣющую голову съ большимъ открытымъ лбомъ, поцѣловалъ руку Вероники и жестомъ гостепріимнаго хозяина указалъ на дверь въ свой кабинетъ.

Сдерживая невольное волненіе отъ сознанія, что она находится въ покояхъ, въ которыхъ недавно жилъ Государь — теперь плѣнникъ своего народа, томящійся въ далекомъ изгнаніи, — Вероника отвѣчала любезной фразой на привѣтствіе Брусилова.

Войдя въ кабинетъ, она остановилась и, оглядывая большую, свѣтлую комнату, подавила вздохъ. „Желѣзный“ генералъ отгадалъ ея мысли, такъ хорошо знакомыя ему самому:

— Это бывшій кабинетъ Государя. Здѣсь ничего не измѣнено, какъ и въ остальныхъ комнатахъ . . . Прошу васъ, — онъ указалъ на кресло сбоку письменнаго стола.

— Я очень рада, Алексѣй Алексѣевичъ, что вижу васъ. Вчера, узнавъ, что васъ нѣтъ въ Могилевѣ, я была очень опечалена и рѣшилась дожидаться васъ.

— Я отлучался всего на двое сутокъ. Былъ на западномъ фронтѣ и, слышите, какъ охрипъ?!

— Вы простудились?

— Нѣтъ; это послѣдствіе моего новаго emploi: мы наканунѣ наступленія по всѣмъ линіямъ фронта; я говорилъ, все время говорилъ въ роли верховно-уговаривающаго ... — Глаза желѣзнаго генерала совсѣмъ съузились, и на одно мгновеніе изъ нихъ точно брызнули огоньки лукавства, которые сейчасъ же потухли.

— Хотя, я думаю, вы и очень утомляетесь, но видъ у васъ совсѣмъ хорошій, Алексѣй Алексѣевичъ.

— Я совсѣмъ не устаю, хоть и занятъ съ утра до ночи. Меня никогда не утомляетъ трудъ, потому что я сосредоточиваю всю силу моихъ мыслей на каждомъ данномъ моментѣ и не забѣгаю впередъ. Я счастливъ, что мнѣ дана способность находить безъ остраго напряженія мысли то выгодное положеніе, которое для каждаго даннаго военнаго момента наиболѣе цѣлесообразно. Такимъ образомъ я не растрачиваю излишней энергіи и сберегаю силу мысли.

— Да поможетъ вамъ Господь, Алексѣй Алексѣевичъ, — задушевно произнесла Вероника. — Мы молимся о васъ и вѣримъ, что Господь дастъ вамъ силы для предстоящаго важнаго момента.

— И я вѣрю въ это. — Брусиловъ на секунду умолкъ. Вероника прочла на лицѣ его выраженіе сосредоточенной, глубокой думы ... — Да, я вѣрю, что мнѣ надлежитъ выполнить до конца возложенное на меня свыше, и это сознаніе даетъ мнѣ силы и неутомимость въ работѣ.

Въ дверяхъ показалась фигура деньщика.

— Ваше высокопревосходительство, обѣдъ поданъ.

— Прошу васъ, Вероника Антоновна. — Брусиловъ поднялся.

Черезъ свѣтлый залъ прошли въ длинную, тоже свѣтлую, большую, столовую.

За скромно сервированнымъ столомъ, кромѣ Верховнаго Главнокомандующаго, обѣдало еще человѣкъ пять: два адъютанта, два генерала и полковникъ, состоявшіе лично при Верховномъ Главнокомандующемъ.

Брусиловъ стряхнулъ свой угрюмо-суровый видъ, былъ привѣтливъ и разговорчивъ, то слегка подтрунивая надъ однимъ изъ своихъ адъютантовъ, — очень скромнымъ человѣкомъ, очевидно извѣстнымъ своею застѣнчивостью по отношенію женщинъ, — то вызывая одного изъ генераловъ, съ которымъ онъ былъ въ давнишнихъ дружескихъ отношеніяхъ, на слегка игривый разговоръ, въ который онъ, полу-шутя въ границахъ полной корректности, втягивалъ свою гостью, визитъ которой, очевидно, былъ ему пріятенъ.

Вероника, стараясь занять и развлечь старика, разсказывала ему о своемъ путешествіи въ Румынію, о гостепріимномъ штабѣ генерала Щербачева, о пріемѣ у королевы Маріи, о томъ, что ей хотѣлось проѣхать на юго-западный фронтъ, чтобы набраться впечатлѣній и колоритовъ, которые, быть можетъ, когда-нибудь выльются въ творческихъ краскахъ.

— Чтожъ, поѣзжайте, — любезно отвѣтилъ Брусиловъ, — васъ пропустятъ и, что можно будетъ, покажутъ вамъ.

— У васъ тамъ есть кто-нибудь изъ родныхъ или знакомыхъ? — спросилъ Верховный, указывая подходившему къ нему съ блюдомъ деньщику на свою гостью, сидѣвшую рядомъ съ нимъ.

— Гдѣ-то недалеко отъ Тарнополя должна быть моя пріятельница, сестра милосердія, Вѣра Илларіоновна Быстрова — сестра бывшаго министра.

— Я знаю ее, — отвѣтилъ адъютантъ съ серьезными глазами, князь Гагаринъ, — очень милая и культурная личность. Если не ошибаюсь, онѣ теперь въ Тысменицѣ возлѣ Станиславова.

— А генералъ Кноррингъ гдѣ? Вы не знаете?

— Андрей Романовичъ? Онъ въ Тарнополѣ.

— Милѣйшій человѣкъ, большой мой другъ, — отозвался пріятель Брусилова, пожилой генералъ, очень высокій, худощавый и стройный, съ интереснымъ лицомъ породистаго коня, красивой военной выправкой и мягкими манерами.

— Это завѣдующій санитарной частью въ Галиціи? Я его, кажется, видѣлъ у тебя, — спросилъ Верховный.

— Да, этотъ самый.

— Такой же какъ и ты coureur des femmes?

— Qui se ressemble — s'assemble, — улыбнулся генералъ Жираръ.

— По крайней мѣрѣ, ты не отрицаешь этого.

— О нѣтъ, наоборотъ.

— А вы, Ростиславъ Николаевичъ, какихъ взглядовъ на этотъ счетъ? — обратился Верховный къ рыжеватому, сѣдѣющему адъютанту, упорно глядѣвшему все время въ тарелку и менѣе всего желавшему притягивать къ себѣ чье бы то ни было вниманіе. Онъ что

то забормоталъ, началъ тыкать вилкой въ пустую уже тарелку, покраснѣлъ и былъ доволенъ, что вниманіе Верховнаго вскорѣ отвлеклось отъ его скромной личности.

Послѣ обѣда изъ трехъ блюдъ съ краснымъ виномъ и чернымъ кофе, Верховный предложилъ Вероникѣ пройти въ садъ. Спустившись съ деревянной террасы, извилистой дорожкой прошли къ бесѣдкѣ, построенной надъ крутымъ спускомъ, съ высоты котораго былъ виденъ далеко убѣгающій Днѣпръ и пригородъ.

— Здѣсь Государь вѣроятно отдыхалъ, .. по этимъ дорожкамъ бѣгалъ и игралъ Наслѣдникъ, — бѣдный мальчикъ, теперь тоже заточенный въ Тобольскѣ, — невольно думалось Вероникѣ, пока она шла рядомъ съ Брусиловымъ къ бесѣдкѣ.

— Что же, собственно, вы хотѣли бы видѣть на фронтѣ? — обратился Брусиловъ къ Вероникѣ, опускаясь на скамейку круглой бесѣдки противъ нея.

— Я бы хотѣла видѣть какъ можно больше, — съ улыбкой отвѣтила Вероника.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ лучше всего прямо ѣхать къ генералу Гутору. Въ самомъ ближайшемъ будущемъ тамъ должно начаться наступленіе.

— Штабъ въ Каменецъ-Подольскѣ? — спросилъ генералъ Жираръ, закуривая сигару и удобно усаживаясь на скамьѣ. Заложивъ длинныя ноги одну на другую и облокотясь о край бесѣдки, въ свободной и непринужденной позѣ, Жираръ напоминалъ Вероникѣ большіе, старинные, стильные портреты, украшавшіе стѣны барскихъ кабинетовъ или галерей помѣщичьихъ усадебъ.

— Да, въ Каменцѣ. Оттуда генералъ Гуторъ можетъ направить васъ въ восьмую армію — поближе къ фронту.

— Благодарю васъ, Алексѣй Алексѣевичъ, за себя и беру смѣлость походатайствовать у васъ за другихъ. Вероника въ немногихъ словахъ передала Верховному просьбу женскаго баталіона.

Онъ внимательно выслушалъ ее.

— Конечно, пусть идутъ на фронтъ, разъ онѣ готовы. Пусть Бочкарева пришлетъ ко мнѣ делегатовъ. Напишите ей письмо и передайте моему адъютанту — князю Гагарину; онъ препроводитъ его въ Петроградъ.

— Какъ разъ туда ѣдетъ фельдъегеръ, — вставилъ Жираръ, съ видимымъ наслажденіемъ пуская легкія расплывающіеся завитки сигарнаго ароматнаго дыма и скользя взглядомъ знатока по строгой тонкой линіи ноги художницы, кокетливо выставленной изъ подъ мягкихъ складокъ черной шолковой юбки.

Въ это же время Вероника, взглянувъ на длинную фигуру Жирара, въ картинной позѣ наслаждавшагося послѣобѣденной „sièste“, — почувствовала тонкимъ чутьемъ женщины и художницы, что передъ ней одинъ изъ послѣднихъ представителей барства, умѣвшихъ безпечно выполнять свой долгъ, кутить, любить и умирать.

— Завтра я двинусь дальше, — продолжала Вероника разговоръ съ Верховнымъ.

— Прекрасно, я дамъ телеграмму генералу Гутору, чтобы онъ продвинулъ васъ впередъ. Поѣзжайте съ Богомъ.

— Ваше Высокопревосходительство, пріѣхала делегація отъ сестеръ милосердія, — доложилъ князь Гагаринъ, останавливаясь у порога бесѣдки.

— Сейчасъ иду. Прошу извинить меня, — обратился онъ къ Вероникѣ, — я долженъ съ вами

проститься. Не хотите ли еще отдохнуть здѣсь? Генералъ и князь составятъ вамъ компанію.

— Нѣтъ, Алексѣй Алексѣевичъ, я пойду къ себѣ, — мнѣ надо приготовить письмо для отправки завтра въ Петербургъ съ вашимъ фельдегеремъ.

Вероника простилась съ Жираромъ и Гагаринымъ и вмѣстѣ съ Верховнымъ направилась той же дорожкой черезъ садъ къ дому. Черезъ пустой залъ онъ проводилъ ее до порога лѣстницы. Вероника протянула ему руку и вдругъ почувствовала, что на этомъ человѣкѣ, съ угрюмымъ и строгимъ лицомъ, сосредоточены сейчасъ надежды Россіи, что въ его рукахъ слава и спасеніе ея, уже колѣблющейся, мощи. Ясновидѣніемъ художественной и творческой натуры она въ этотъ моментъ постигла всю сложную, трудную и одинокую внутреннюю жизнь этого замкнутаго въ себѣ, суроваго вождя многомилліонной арміи. Большое и сложное чувство уваженія, любви и преданной благодарности зажгло сердце Вероники:

— Алексѣй Алексѣевичъ, — звенящимъ отъ волненія голосомъ заговорила она, — пусть Господь благословитъ васъ и дастъ вамъ силы . . .

На неподвижно-строгомъ лицѣ Верховнаго что то дрогнуло. Онъ молча склонилъ голову. Охваченная горячимъ порывомъ, художница широкимъ, благоговѣйнымъ крестомъ осѣнила эту сѣдую, неутомимую голову. Съ глазами, наполнившимися слезами умиленія, склонилась къ ней и, обнявъ, поцѣловала въ лобъ.

— Благодарю . . . благодарю васъ . . . — взволнованно тихо промолвилъ „желѣзный генералъ", цѣлуя благословившую его руку. Вероника смахнула слезу и, перешагнувъ порогъ, быстро скрылась за дверью.

XIV.

За большимъ столомъ, покрытомъ бѣлой клеенкой, сидѣло нѣсколько сестеръ милосердія въ сѣрыхъ платьяхъ и бѣлыхъ косынкахъ, нѣжно обрамлявшихъ ихъ молодыя лица. Одна изъ нихъ, миніатюрная, черноглазая, живая княжня Ирина Сурова, собирала со стола тарелки и пустые судки. Высокая, тонкая, съ выпуклыми глазами и нѣжнымъ оваломъ лица, сестра Анастасія Андреевна Кузьмина доставала изъ буфета чашки и разставляла ихъ на подносѣ подлѣ большого эмалированнаго чайника съ кипяткомъ.

— Лиза, который часъ по вашимъ часамъ? — обратилась она къ сестрѣ, погруженной въ чтеніе книги.

— Мгм . . . — не отрываясь отъ книги и не подымая головы, опущенной на облокоченныя на столъ руки, промычала сестра Бутоянова.

— Лиза, да бросьте вы, наконецъ, вашу книгу, очнитесь! Который часъ? . . .

— Господи, Настя, что вамъ надо? Понимаете, тутъ теперь такая каша заварилась, до того интересно . . . Не мѣшайте мнѣ, ради Бога! . . Теперь три часа . . .

— Сейчасъ придетъ Андрей Романовичъ, вы обѣщали ему найти у себя кусочекъ чернаго шелка.

— Какой тамъ шелкъ? — смотря въ лицо сестрѣ Кузьминой отсутствующимъ взглядомъ, съ глазами окаймленными длинными загнутыми рѣсницами, отвѣтила Бутоянова. — Я теперь никого и ничего не знаю и не помню. Пока не дочитаю главы, я не существую, и, пожалуйста, не отрывайте меня. — Она опять склонила надъ книгой круглое лицо, съ розовыми щеками и пухлымъ ртомъ, съ выбившейся изъ-подъ косынки прядью

темныхъ волосъ. Заткнувъ уши указательными пальцами, она совершенно изолировала себя отъ окружающихъ.

— Глупо такъ зачитываться! — пожала плечами Кузьмина. — Точно ребенокъ!

Въ передней раздался звонокъ, и вслѣдъ за нимъ въ комнату вошла очень высокая, полная, интересная сестра милосердія съ продолговатыми, добрыми карими глазами и оживленнымъ, раскраснѣвшимся лицомъ.

— До чего я устала!.. Жарище дикое!.. Слава Богу всѣ покупки окончила. У васъ, я вижу, сейчасъ чай будетъ? Я умираю отъ жажды. — Она сложила на уголъ стола цѣлую гору пакетовъ и въ изнеможеніи опустилась на стулъ.

— Хотите обѣдать? Еще не простылъ. Я велю вамъ подать, — раскладывая на тарелку сухое печенье, проговорила Кузьмина.

— Мнѣ такъ жарко, что кромѣ чая я ничего не хочу; налейте мнѣ, милочка, — чуть-чуть шепелявя, отвѣтила Вѣра Илларіоновна Быстрова, смотрясь въ крошечное карманное зеркальце и пудря разгоряченное, раскраснѣвшееся лицо.

— Больше одной чашки я вамъ не дамъ, такъ какъ сейчасъ придетъ Андрей Романовичъ, и мы будемъ чай пить вмѣстѣ. Онъ обѣщалъ принести какой-то сюрпризъ къ чаю.

— Ну, конечно, конечно. Ахъ, какое блаженство! — Вѣра Илларіоновна отпила нѣсколько глотковъ чаю и откинулась на спинку стула, обмахиваясь платкомъ.

— Ирина, отгадайте, кого я встрѣтила? Только выхожу изъ аптекарскаго и вдругъ . . . — Быстрова разразилась звонкимъ, заразительнымъ смѣхомъ, — носъ

къ носу. Усы подкручены, шпоры звенятъ, пахнетъ végétal'емъ и одеколономъ, цвѣтъ лица прекрасный, très chic . . . засуетился, началъ щелкать шпорами и черезъ три минуты: „А какъ поживаетъ княжня Ирина?“. Вы отгадываете кто?

— Честное слово, не догадываюсь. — Княжня, съ полотенцемъ въ рукахъ, обтирая руки, присѣла рядомъ съ Быстровой.

— О неблагодарная! Коварная женщина! съ комическимъ ужасомъ всплеснула руками Быстрова. — Вы слишите, Настя? Она все забыла. А онъ то, несчастная жертва вашего кокетства!

— Да кто же, Вѣрочка? Ну, говорите.

— Какъ кто?.. Вашъ вѣрный поклонникъ „касторка“

— Ахъ. — Княжна Ирина съ хохотомъ сорвалась съ мѣста. — Ну, и что же онъ?

— Конечно, все то же. Узналъ, что вы здѣсь и такъ и просіялъ. Сегодня вечеромъ явится.

— Отлично. На безрыбьѣ и ракъ рыба.

— Помните, Настя, какъ мы его въ Черновицахъ изводили? — Быстрова опять залилась хохотомъ, и все въ ней смѣялось заразительнымъ, искреннимъ весельемъ. — Помните, какъ онъ жаловался, что у него животъ болитъ и боялся, что схватилъ дизентерію . . . вы ему подарили большую склянку касторки, а онъ . . . а онъ . . . — Вѣра Илларіоновна не могла продолжать отъ хохота и, зарывъ голову въ положенныя на столъ руки, хохотала, захлебываясь и охая.

— Да, да, вотъ чучело гороховое! . . — смѣялись княжна и Кузьмина. — Надо его разыграть сегодня.

— Какъ же, разыграешь такую „касторку“ . . . — сдѣлала презрительную минку Кузьмина. — Посмотрите, Вѣрочка, на нашу Лизу: она совсѣмъ съ ума сошла. Какъ вы ушли съ утра, такъ она до сихъ поръ сидитъ, уткнувшись носомъ въ книгу.

— Лиза, Лиза, — теребя ее за плечо, звала Вѣра Илларіоновна, — сегодня у насъ „касторка“ будетъ.

— Мгм... — отмахиваясь рукой, мычала Бухтоянова.

— Ну, теперь я чувствую себя лучше, — поднялась Быстрова. — Пойду немного освѣжиться. Настя, вотъ разверните, — къ чаю я принесла кусочекъ кэкса.

Только что Быстрова вышла изъ комнаты, какъ опять раздался въ передней звонокъ и, переговариваясь съ кѣмъ то громкимъ, яркимъ голосомъ, въ столовую вошелъ очень высокій, статный, гибкій генералъ баронъ Андрей Романовичъ Кноррингъ, съ тонкимъ оваломъ очень красиваго лица, съ сѣдѣющей головой и такой же маленькой остроконечной бородкой. Въ лицѣ, фигурѣ и жестахъ сказывалась порода. За нимъ слѣдовала тяжеловѣсная, грузная фигура Михайловскаго.

— Здравствуйте, мои милыя. Настенька, здравствуйте . . . Ириночка, . . . а это что за изваяніе? — Кноррингъ, смѣясь, указалъ на Бухтоянову.

— Вырвите у нея книгу, дядя Андрей: она совсѣмъ помѣшалась. — Кноррингъ накрылъ рукой книгу. Бухтоянова подняла голову:

— А, это вы, дядя Андрей! — еще не совсѣмъ очнувшись, съ разсѣянной улыбкой проговорила она.

— Конечно, это я. Довольно вамъ читать. Вотъ я привелъ вамъ интереснаго кавалера. Позвольте представить: Николай Николаевичъ Михайловскій.

Михайловскій, вытирая платкомъ влажный отъ жары лобъ, грузно раскланивался передъ сестрами.

— Вотъ вамъ, мои милыя принцессы, сюрпризъ. Николай Николаевичъ, гдѣ же остальное? — обернулся Кноррингъ къ Михайловскому, передавая сестрамъ большой четырехугольный пакетъ.

— А вотъ и остальное, извольте. — Михайловскій принесъ изъ передней такой-же второй пакетъ.

— Откуда такія рѣдкости?! Дядя Андрей, да это сказка изъ тысячи одной ночи! — говорили сестры, распаковывая ящики и вынимая изъ нихъ коробки со сластями, печеньями, шоколадными конфектами и засахаренными фруктами.

— Это доставилъ мнѣ изъ Кіева Николай Николаевичъ.

— Прошу васъ, господа, садитесь. — Кузьмина сѣла за столъ и начала наливать чай. — Лизанька, достаньте изъ буфета вино.

— Какъ, у васъ и вино есть? Браво, браво! — улыбнулся Михайловскій.

— Это все благодаря заботамъ нашего милаго дяди Андрея. Безъ него мы тутъ въ черномъ тѣлѣ содержались бы; онъ насъ очень балуетъ.

— Кого же мнѣ и баловать, какъ не васъ, мои дорогія принцессы . . . Безъ вашихъ ласковыхъ ручекъ чтобы тутъ дѣлали всѣ воины наши? Пока на полѣ брани — хорошо, а какъ расковыряетъ пулей или осколкомъ, — тутъ мы безъ васъ совсѣмъ погибли бы. Знаете, Николай Николаевичъ, — обратился Кноррингъ къ Михайловскому, — вотъ всѣ онѣ, эти самоотверженныя женщины, — онъ широкимъ жестомъ указалъ на

сестеръ, — и всѣ отсутствующія сейчасъ въ отпуску сестры этого отряда, клянусь вамъ, также дороги мнѣ, какъ самые мои близкіе родные. За эти три года войны я сжился съ ними и понялъ ихъ глубокія натуры... Да, да, это такъ. Россія ихъ будетъ помнить.

— Пожалуйста, не перехваливайте насъ, дядя Андрей, — отправляя въ ротъ одну конфекту за другой, прервала Кнорринга Бухтоянова.

— А кто съ жаромъ въ тридцать девять градусовъ въ лѣсистыхъ Карпатахъ среди мороза подбиралъ раненыхъ? Кто? Вы или нѣтъ?

— Что жъ тутъ удивительнаго?! — пожала плечами Бухтоянова. — Каждый то же самое сдѣлалъ бы.

— Нѣтъ-съ, извините, не каждый. — Кноррингъ, подвижной и горячій, сорвался съ мѣста и, по привычкѣ широко жестикулируя, началъ выкрикивать яркимъ, совсѣмъ молодымъ голосомъ:

— Война такъ ожесточаетъ людей, такъ притупляетъ, что смерть близкаго мало трогаетъ. Да вотъ, если хотите, я вамъ разскажу одинъ очень характерный эпизодъ, который мнѣ передавалъ самъ очевидецъ. Это было подъ Галичемъ . . .

— Не говорите Быстровой . . . — удерживая за руку княжну Ирину, которая встала, чтобы выйти изъ комнаты, и незамѣтно указывая глазами на Михайловскаго, прошептала Кузьмина.

— Отчего? — такимъ же шопотомъ удивленно спросила княжна.

— Я вамъ потомъ скажу. Если спроситъ, кто? — скажите, что не разслышали фамиліи.

Кнорррингъ докончилъ разсказъ, который сестры уже не разъ слышали, и принялся за остывшій стаканъ съ чаемъ.

— Вы куда направляетесь отсюда? — обратилась къ Михайловскому Кузьмина.

— Въ Тысменицу, это за Станиславовымъ. Я назначенъ начальникомъ передового N-ского отряда.

— Ахъ, вотъ какъ! — съ непонятной для Михайловскаго улыбкой произнесла Кузьмина. — И когда же вы собираетесь туда ѣхать?

— Какъ только автомобиль достану. Вѣдь теперь съ автомобилями у васъ возня. На нихъ катаются и нещадно портятъ солдаты. Приходится поджидать оказіи.

— Въ такомъ случаѣ, на завтра у васъ оказія будетъ: старшая сестра вашего отряда завтра возвращается въ Тысменицу.

— Это очень хорошо. Гдѣ же ее разыскать?

— Она у насъ остановилась; вы ее сейчасъ увидите.

— Очень кстати, такъ какъ я хотѣлъ бы не задерживаться здѣсь.

— Вы въ Тарнополѣ первый разъ?

— Нѣтъ, я бывалъ здѣсь раньше.

— Не правда ли, какая разница: Тарнополя теперь не узнать.

— Да, грязная сталъ яма, очень грязная.

— Мылый дядя Андрей, здравствуйте. — Вѣра Илларіоновна свѣжая и улыбающаяся входила въ столовую, не узнавая Михайловскаго, сидѣвшаго къ ней спиной.

— Здравствуйте, Вѣра Илларіоновна. Скорѣй подсаживайтесь къ намъ, а то мы тутъ съѣдимъ всѣ конфекты. — Кноррингъ всталъ и пошелъ ей навстрѣчу.

— Дядя Андрей, вамъ говорили, кого я сегодня встрѣ . . . — она вдругъ оборвалась на полусловѣ: передъ ней стоялъ Михайловскій.

— Вѣра Илларіоновна! . . . Вотъ сюрпризъ . . . Никакъ не ожидалъ, — спокойнымъ голосомъ проговорилъ онъ, глядя на нее сквозь пенснэ улыбающимися, слегка лукавыми, глазами.

— Вы?! . . . Николай Николаевичъ . . . Какъ это странно! . . Здравствуйте . . . я такъ поражена . . . — Быстрова сильно измѣнилась въ лицѣ и, растерянно глядя Михайловскому въ глаза, медленно протянула ему руку.

— Что-же тутъ страннаго, Вѣра Илларіоновна? Это только гора съ горой не сходится. — Улыбаясь, онъ поцѣловалъ протянутую ему руку.

— Вы давно здѣсь? — стараясь справиться съ собой, почти машинально проговорила Быстрова.

— Вчера вечеромъ пріѣхалъ и спѣшу къ мѣсту моего назначенія въ Тысменицу.

— Вы ѣдете къ намъ?

— Да, начальникомъ вашего отряда и, надѣюсь, что завтра вы разрѣшите мнѣ ѣхать съ вами.

— Конечно, Николай Николаевичъ.

— Какъ же иначе: теперь онъ ваше начальство. Смотрите, Вѣра Илларіоновна, онъ къ сестрамъ будетъ суровъ, — шутилъ Кноррингъ.

Кузьмина, слѣдившая все время за Быстровой, улыбаясь, вскидывала глаза то на нее, то на Михайловскаго.

— Вы изъ Петербурга сейчасъ?

— Да, этотъ мѣсяцъ я провелъ въ Петербургѣ.

— Разскажите, что тамъ дѣлается.

— Мало хорошаго. Всѣ говорятъ, говорятъ безъ конца, а порядка нѣтъ. Временное правительство сдаетъ, и я увѣренъ, что власти не удержитъ... Начинается партійная борьба за власть, а это послѣднее дѣло.

— Не знаете ли вы что-нибудь о моемъ несчастномъ братѣ?

— Сидитъ въ Петропавловской крѣпости. Караулъ очень недоброжелательно къ нимъ относится и стягиваетъ на ихъ шеѣ петлю.

— Ахъ, Господи!... — съ тоской вздохнула Быстрова.

— Да, Вѣра Илларіоновна, есть отъ чего вздыхать, — отставляя допитый стаканъ чая, внушительно проговорилъ Михайловскій.

— Помните наши разговоры, помните ваши упреки за мое враждебное отношеніе къ вашему брату?... Иначе быть не могло: друзья Россіи не могли быть друзьями Михаила Илларіоновича... Шутя и забавляясь неограниченнымъ довѣріемъ къ себѣ Царя и Царицы, онъ смахнулъ въ пропасть и Россію, и тронъ. Сколько разъ его предостерегали, сколько разъ просили прекратить эту опасную игру. И слышать не хотѣлъ. Ну вотъ, теперь расплачивается вся Россія и всѣ Романовы. Вѣдь это еще только начало...

— Вы незнаете, Николай Николаевичъ, братъ здоровъ?

— Доктора при слѣдственной комиссіи констатировали у него начало прогрессивнаго паралича; никого изъ насъ это не удивило.

— Можетъ быть ввиду болѣзни его и выпустятъ? — неувѣренно спросила Быстрова.

— Надежды мало, — ухмыльнулся Михайловскій.

— Къ нимъ доступъ есть?

— Никакого.

— Бѣдный, бѣдный Миша!... — скорбно покачала головой Быстрова.

— А вы здѣсь, Вѣра Илларіоновна, по дѣламъ или въ отпуску?

— Конечно, по дѣламъ. Я пріѣхала на нѣсколько дней для получки медикаментовъ. Сегодня закончила все и завтра возвращаюсь. Со дня на день ждемъ начала военныхъ дѣйствій.

— Они все еще ждутъ какихъ то военныхъ дѣйствій! — съ раздраженіемъ пожалъ плечами Кноррингъ. — Все равно, что отъ разряженнаго снаряда ждать разрыва. Это наивно! Деморализовали армію, убили въ ней въ корнѣ дисциплину, а теперь ожидаютъ, что кликушество господина Керенскаго возродитъ въ ней жажду героическихъ подвиговъ. — Кноррингъ порывисто всталъ и, шагая и жестикулируя, началъ доказывать. — А я вамъ говорю, что никакихъ военныхъ операцій не будетъ, потому, что солдата больше нѣтъ, а есть одинъ озорной мужикъ, который плюетъ и на Россію, и на врага, и на Начальство, и на этого Хлестакова — Керенскаго. Чорта съ два ему воевать, когда ему внушили, что онъ теперь правитъ Россіей, что онъ свободенъ и можетъ дѣлать, что угодно. Никакіе Керенскіе, никакіе „Главковерхи“ теперь спасти положенія дѣла не могутъ. Солдаты пошвыряютъ ружья и побѣгутъ съ позиціи, — за это я могу поручиться хоть своей головой.

— Кто знаетъ, кто знаетъ, Андрей Романовичъ?!... Россія это страна неограниченныхъ возможностей, насмѣшливо замѣтилъ Михайловскій.

— Только не въ сторону высокихъ полетовъ, а въ сторону мерзкихъ дѣлъ. Получатъ еще господа кадеты, это я вамъ предсказываю. Они всю эту кашу заварили.

— Ну, дядя Андрей, — полно вамъ горячиться. Все равно, что съ воза упало, то пропало. Не стоитъ! — Сестра Бухтоянова положила пухлую, загорѣлую руку на рукавъ генерала.

— Ну нѣтъ, душенька милая моя, не съ возу пропало, а Россія пропала. Наша Россія, дѣтище нашихъ прапрадѣдовъ, всѣ ихъ завѣты и традиціи . . .

Пока Кноррингъ горячился, доказывалъ, пока Михайловскій разспрашивалъ сестеръ о ихъ работѣ въ лѣсистыхъ Карпатахъ, и онѣ жаловались ему на скучное пребываніе въ Тарнополѣ, куда онѣ давно уже были переведены съ позицій изъ лѣсистыхъ Карпатъ, въ ожиданіи новаго назначенія, — въ это время Вѣра Илларіоновна Быстрова, вся взволнованная, машинально пила чай, чашку за чашкой, слышала, что вокругъ нея говорили, спорили, но не вникала въ смыслъ происходившаго: она вся была полна неожиданной встрѣчей съ человѣкомъ, съ которымъ, ей казалось, пути ея разошлись навсегда. Она чувствовала, что съ каждой минутой въ груди ея все больше и больше наростала душившая ее громадная радость. Мысленно она повторяла себѣ, что не должна придавать значенія этой случайной встрѣчѣ, не должна нарушать съ такимъ трудомъ пріобрѣтенное душевное спокойствіе. Она видѣла, что Михайловскій, съ присущей его натурѣ уравновѣшенностью, былъ совершенно спокоенъ и говорилъ съ нею, какъ будто видѣлся наканунѣ.

— Мнѣ пора, мои милыя душеньки; я долженъ въ пять часовъ проѣхать въ военный госпиталь, а оттуда къ генералъ-губернатору, гдѣ и обѣдаю сегодня, а вечеромъ прошу васъ всѣхъ къ себѣ чай пить. Николай Николаевичъ, вы со мной? Я вамъ покажу наши госпитали.

— Слушаюсь, я готовъ.

— Не прощайтесь съ сестрами: вечеромъ онѣ всѣ у меня будутъ. Вѣра Илларіоновна, вы всегда позже всѣхъ; пожалуйста, душенька, не опаздывайте.

— Милый дядя Андрей, вѣдь я не виновата: у меня тутъ гибель дѣла.

Андрей Романовичъ нѣжно, по-отечески распрощался съ сестрами.

— Господи, какъ же мы пойдемъ къ дядѣ Андрею, если у насъ сегодня вечеромъ будетъ „касторка"? — спохватилась княжна Ирина. Опять поднялся смѣхъ и шутки и рѣшено было „касторку" пригласить тоже.

Вѣра Илларіоновна, по уходѣ гостей, прошла въ сосѣднюю комнату, сѣла подлѣ открытаго окна, облокотилась о подоконникъ и, смотря передъ собой ничего не видящимъ взглядомъ, задумалась. Подошла Кузьмина. Молча, она положила ей руку на плечо:

— Вы очень взволнованы, Вѣрочка?

— Ахъ, очень, очень . . . и въ то же время я не хочу этого. Я не вѣрю ничему и ни во что не вѣрю больше, Настя.

— И не надо, не вѣрьте. А всетаки я очень рада, что вы съ нимъ встрѣтились и теперь, по волѣ судьбы, будете встрѣчаться ежедневно.

— Какъ это все странно и неожиданно! . . — вздохнула Быстрова.

Начало темнѣть. Въ общей комнатѣ стоялъ громоздкій кожаный диванъ, громадный столъ, заваленный всякими склянками, колбочками и коробками, большой шкафъ, изъ-за стеклянныхъ дверецъ котораго видны были шнуровыя книги, пакеты съ гигроскопической ватой и толстыя банки съ медикаментами. Сестра зажгла на углу стола большую спиртовую лампу, установленную на стаканѣ отъ тяжелой шрапнели. Лиза Бухтоянова, дочитавъ свой увлекательный романъ, лежала на диванѣ съ закинутыми подъ голову руками, ѣла принесенный барономъ Кноррингомъ шоколадъ и неистово зѣвала. Кузьмина подъ самой лампой вышивала полотняную скатертъ на столъ, обводя разноцвѣтными шелками безконечное количество автографовъ, сдѣланныхъ карандашомъ близкими друзьями и знакомыми на фронтѣ. Княжна Ирина, сидя на краю стола, какъ на жердочкѣ, и болтая маленькими ножками, хорошо обутыми въ открытыя туфли, подчищала ногти тоненькой металлической пилкой. Быстрова тутъ же дописывала длинное письмо для отправки въ Петроградъ.

— Вѣрочка, вы скоро? Надо собираться къ дядѣ Андрею.

— Я кончаю. Сейчасъ готово.

Въ передней раздался звонокъ.

— Кого это Богъ несетъ? Ужъ не „касторка“ ли? — Лиза Бухтоянова сорваласъ съ дивана и побѣжала отворить.

— C'est moi, toujours moi*) . . . я привезъ Вѣрѣ Илларіоновнѣ гостью, — раздался изъ передней хорошо знакомый сестрамъ громкій голосъ Андрея Романовича. — Сегодня день неожиданныхъ гостей.

*) Это я, опять я.

Въ комнату входилъ Кноррингъ и рядомъ съ нимъ въ суконномъ костюмѣ, рыжеватой цвѣта и маленькой автомобильной шляпѣ — художница Вероника Кампіони. Вѣра Илларіоновна, съ радостнымъ возгласомъ, бросилась къ ней:

— Вероника Антоновна! Какой сюрпризъ! Вотъ ужь никакъ не ожидала. Позвольте васъ познакомить.

— Мы здѣсь всѣ большія ваши поклонницы, и я очень рада наконецъ познакомиться съ вами, — радостно блестя глазами, заявила Ирина Сурова.

— Вообразите себѣ, вхожу въ генералъ-губернаторскую гостинную и вижу нашу „царицу“, любезно бесѣдующую съ Вероникой Антоновной. Я даже глаза протеръ отъ удивленія, — кладя на столъ фуражку и перчатки, оживленно докладывалъ „дядя Андрей“.

— Это вы Трепову называете царицей? — спросила Вероника, отвѣчая Быстровой пожатіемъ руки на ея ласковое пожатіе. Онѣ сѣли на диванъ, а Кноррингъ сѣлъ противъ на стулъ.

— Мы ее всѣ такъ называемъ. Развѣ вы не замѣтили, какъ она вся преисполнена величіемъ и властью.

— Она красива. Я люблю такую прочную, такую всю насквозь красоту. Ни одной линіи, бьющей на эффектъ. Все гармонично и просто, включительно до прически.

— Конечно, вы, какъ художница, по достоинству цѣните ея линіи. Въ свое время она не мало блистала въ салонахъ . . . Она умѣетъ быть или очень любезной или очень непріятной, — замѣтилъ Кноррингъ.

— Къ счастію, я видѣла сегодня образцы ея крайней любезности, — разсмѣялась Вероника.

— Нѣтъ, вы только вообразите себѣ, мои милыя, съ какимъ шикомъ сюда пріѣхала Вероника Антоновна, — продолжалъ Кноррингъ. — Была въ Могилевѣ у Верховнаго, обѣдала тамъ, конечно очаровала . . .

— Что за пустяки, Андрей Романовичъ! Никакого очарованія нѣтъ. Нѣкоторое, ну скажемъ, вниманіе къ моему имени.

— Ужь я знаю васъ, не отпирайтесь. Верховный далъ приказъ сопровождать ее на фронтъ, чтобы ей показали все, что возможно. Катитъ въ штабномъ вагонѣ, въ автомобилѣ, всѣ передъ ней разсыпаются...

— Кто же эти всѣ, Андрей Романовичъ? Ну что вы разсказываете!.. Конечно, если-бъ у меня не было имени, то никуда меня и не пустили бы. Отлично всѣ понимаютъ, что я пріѣхала не ради празднаго любопытства. Тутъ такой богатый матеріалъ для творческой работы . . .

— Когда же вы пріѣхали, милочка, и куда ѣдете? Разскажите все, — спросила Быстрова.

— Пріѣхала я сегодня часа въ четыре, получила приглашеніе отобѣдать у генералъ-губернатора и думала сейчасъ же ѣхать дальше на станцію „Велькій-Ходачковъ“, гдѣ стоитъ поѣздъ командующаго юго-западнымъ фронтомъ — генерала Гутора; но встрѣтила милаго Андрея Романовича, узнала, что вы случайно здѣсь и, конечно, соблазнилась провести вечеръ съ вами. Вѣдь мы не видѣлись съ вами, Вѣра Илларіоновна, больше полугода. Сколько перемѣнъ за это время, сколько новаго, неожиданнаго!..

— Однако уже девятый часъ. Душеньки мои, пора идти ко мнѣ, а то нашъ гость навѣрное уже у меня.

Кноррингъ поглядѣлъ на часы и поднялся съ мѣста.
— Вы встрѣтите сейчасъ у меня вашего Петроградскаго знакомаго Николая Николаевича Михайловскаго, — обратился онъ къ художницѣ.

— Какъ, и онъ здѣсь? — удивилась она и вскинула глаза на Быстрову. Та въ отвѣтъ выразительно подняла глаза къ небу.

— Вчера только пріѣхалъ и завтра уѣзжаетъ съ Вѣрой Илларіоновной подъ Станиславовъ.

— Да, и въ качествѣ моего начальства. Ну, можно ли было вообразить себѣ такую комбинацію полъ года тому назадъ, когда мы съ вами сидѣли въ моемъ будуарчикѣ на Фонтанкѣ, а потомъ поѣхали къ гадалкѣ.

— Тутъ, я вижу, какія то тайны. Интересно было бы узнать, что вамъ сказала гадалка? — лукаво заглядывая въ глаза Быстровой, спросилъ Кноррингъ.

— Милый дядя Андрей, очень прошу васъ, вы всѣ идите, а мы съ Вероникой Антоновной немного посидимъ здѣсь и поговоримъ о тѣхъ тайнахъ, что намъ нагадала гадалка. Вѣдь мы съ ней такъ давно не видались! — Вѣра Илларіоновна ласково взяла Кнорринга подъ руку.

— Милая, только не на долго. Вы обѣ наши гостьи, и мы безъ васъ соскучимся. Не правда ли, mesdames?..

— Ну хорошо, полчаса. Черезъ полчаса мы придемъ, даемъ вамъ честное слово, — пообѣщала Вероника.

Черезъ нѣсколько минутъ сестры, вмѣстѣ съ барономъ пересмѣиваясь и шутя, ушли. Въ ярко освѣщенной комнатѣ Вероника и Быстрова остались однѣ. Изъ открытаго окна доносился уличный шумъ и вливались сумерки.

— Я потушу лампу; отъ нея устаютъ глаза, — проговорила Быстрова. — Кромѣ того будетъ гораздо уютнѣе болтать въ полутьмѣ. — Она загасила лампу. Свѣтъ уличнаго фонаря легъ косой рѣзкой полосой черезъ всю комнату. Онѣ сѣли въ глубину громаднаго дивана. Послѣ быстрой ѣзды на автомобилѣ и многолюднаго обѣда у генералъ-губернатора, Вероника была очень довольна провести тихихъ полчаса въ бесѣдѣ съ Быстровой. Она чувствовала, что Вѣрѣ Илларіоновнѣ необходимо вылить ей то, что было на душѣ.

— Какъ я рада, что Господь послалъ мнѣ васъ именно сегодня, — порывисто заговорила Быстрова, держа руку Кампіони обѣими руками. — Такая неожиданность, просто чудо какое то. Я до того взволнована, до того . . . что сказать вамъ не могу . . . Вѣдь Михайловскій свалился сегодня, какъ снѣгъ на голову! Я такъ далека была отъ мысли о немъ. Пріѣхала запастись медикаментами, остановилась вотъ здѣсь, у своихъ пріятельницъ, и собиралась завтра ѣхать обратно и вдругъ сегодня, вернувшись изъ города, вхожу въ столовую и глазамъ своимъ не вѣрю: сидитъ этотъ исполинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, смотритъ сквозь пенснэ своими хитрыми глазами прямо мнѣ въ глаза и ни на іоту не смущается.

— А вы?

— У меня такое сердцебіеніе сдѣлалось, что я едва говорить могла. Вѣдь онъ завтра со мной ѣдетъ въ Тысменицу. Вы понимаете, милочка, что за прихоть судьбы: онъ — Михайловскій, начальникъ отряда, въ которомъ я работаю!.. Ну, не странно ли!.. Господи, для чего это? Что будетъ изъ этого?

— Я думаю, что будетъ все очень хорошо, — улыбнулась Кампіони.

— А я теперь боюсь этой новой встрѣчи. Вѣдь за полгода работы на фронтѣ я такъ ушла отъ прежней жизни, такъ измѣнилась внутри себя, навѣрное и наружно.

— Нѣтъ, вы совсѣмъ не измѣнились. Еще интереснѣе стали: вамъ очень къ лицу бѣлая косынка и весь этотъ костюмъ сестры милосердія. Онъ васъ молодитъ, и вообще вы очень посвѣжѣли и поправились. Послѣднее время въ Петербургѣ вы не важно выглядѣли.

— Еще бы! сколько я пережила изъ — за Михайловскаго. Никогда не забуду ему этого времени... Что же вы посовѣтуете мнѣ теперь? какъ мнѣ держать себя съ нимъ? Я чувствую, что совсѣмъ оглупѣла и боюсь за себя.

— Что за воображеніе! Это вамъ только кажется. Къ завтрему вы успокоитесь и будете себя съ нимъ держать какъ будто бы ничего и не было.

— Вы думаете?

— Разумѣется.

— Ахъ, зачѣмъ эта поѣздка завтра въ автомобилѣ! .. Нѣсколько часовъ полнаго tête à tête*).

— Ничего тутъ нѣтъ страшнаго. Держите себя съ нимъ просто, не вспоминайте ничего изъ прошлаго, ведите разговоръ на тему о войнѣ, о всемъ, что здѣсь пережили; заставьте его разсказывать о революціи, о политикѣ, и не замѣтите, какъ доѣдете. А тамъ въ Тисменицѣ вамъ будетъ совсѣмъ не трудно, такъ какъ вы войдете въ колею вашей нормальной жизни, и ваши

*) Съ глаза на глазъ.

встрѣчи съ нимъ будутъ въ служебной рамкѣ, въ компаніи сестеръ и служащихъ.

— Да, да, вы правы . . . Я буду стараться какъ можно меньше думать о томъ, что онъ близко подлѣ меня. Да . . . надо переломить себя, надо всѣ эти мысли опять отбросить.

— Значитъ, вы всетаки любите его?

— Нѣсколько часовъ тому назадъ я бы отвѣтила вамъ: нѣтъ, я уже разлюбила его; а вотъ пріѣхалъ, опять я увидѣла его, вспомнились наши дружескіе разговоры, мои пламенныя надежды, и опять все всколыхнулось во мнѣ, опять я чувствую, что съ нимъ, только съ нимъ я могла бы быть счастлива, могла бы имѣть тихій, домашній уютъ и большую жизненную цѣль.

— Вы же сами сознавались мнѣ, Вѣра Илларіоновна, что онъ эгоистиченъ и черствъ.

— Да, по отношенію меня онъ выказалъ себя такимъ, но, кто знаетъ, не измѣнила ли бы его семейная жизнь и мой ровный, веселый, привязчивый характеръ.

— Нѣтъ, женщины неисправимы . . — разсмѣялась Вероника. — Видно, что я сдѣлана изъ другого тѣста, чѣмъ вы. Я чувствую себя съ нѣкоторыхъ поръ совершенно свободной, и въ этой свободѣ такое счастье! .. Она потянулась всѣмъ тѣломъ, закинула руки подъ голову, сощурилась и, чему то улыбаясь, гладѣла на свѣтлую полосу, протянувшуюся отъ окна по всему полу. — Знаете, не такъ давно мнѣ еще казалось, что въ сердцѣ моемъ остались еще какія то искры, но однажды у моихъ ногъ лежала, похожая на эту, свѣтлая полоса отъ луннаго сіянія . . . Чьи то шаги,

исчезая въ отдаленіи, умирали въ ночной тишинѣ, и я одержала надъ собой послѣднюю побѣду и поняла, что отнынѣ я свободна какъ вѣтеръ, свободна отъ рабства сердца. Я и творчество! А все остальное — только какъ милый придатокъ жизни, какъ пышная роза на корсажѣ бальнаго платья, которую безъ сожалѣнія мы теряемъ въ турѣ вальса или, сбрасывая послѣ бала платье, разсѣянной и усталой рукой роняемъ на коверъ.

— Что вы говорите, Вероника Антоновна?! Я никогда не думала, чтобы вы могли такъ небрежно относиться къ любви . . .

— Прежде — нѣтъ, теперь да. Любовь, страсть, — это красивые цвѣты въ красивой вазѣ на углу моего письменнаго стола . . . они вливаютъ ароматъ въ атмосферу моего творчества, они горячатъ и радуютъ мою фантазію, создаютъ колориты, но завладѣть сердцемъ моимъ, чтобы рабски мучить его, — нѣтъ, этого больше имъ не дано. Я свободна, какъ звукъ, какъ ароматъ, какъ вѣтеръ, какъ волна . . . — Вероника засмѣялась тихимъ, почти беззвучнымъ смѣхомъ, поднялась, выгнулась, потянулась и подошла къ открытому окну:

— Какой мягкій, тихій вечеръ! Довольно вамъ мечтать, моя милая, и заглядывать впередъ: пора идти къ Андрею Романовичу, а то онъ будетъ недоволенъ. Какой онъ милый и добрый человѣкъ.

— Удивительный! Сестры его обожаютъ, да и есть за что; онъ ихъ ангелъ-хранитель. Съ начала войны онъ возится и опекаетъ этотъ Ксенинскій отрядъ, какъ самый нѣжный отецъ. Онъ готовъ на какія угодно мытарства, чтобы выхлопотать что-нибудь для сестеръ;

и это ему удается, такъ какъ всѣ безъ исключенія его любятъ и уважаютъ.

— Да, у него удивительно простая и ясная душа.

— Именно ясная. Всѣ жизненныя осложненія онъ воспринимаетъ необыкновенно просто. Послушаешь его, такъ стоитъ только куда то поѣхать, кому то что-то доказать, достать какую то сумму, и всѣ недоразумѣнія окажутся устранены.

— Что онъ собственно здѣсь дѣлаетъ? — спросила Вероника.

— Онъ состоитъ генераломъ для особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ и завѣдуетъ санитарной частью Галиціи.

Послышался хриплый, рахитичный звонокъ полевого телефона.

— Навѣрное это дядя Андрей, — поспѣшно идя къ аппарату, проговорила Быстрова. — Идемъ, идемъ, сію минуту выходимъ. Не сердитесь, милый . . . — Такъ и есть, это онъ. Говоритъ, что не садятся къ чаю, насъ ждутъ . . . Ахъ, какъ я волнуюсь! Господи, помоги мнѣ не выдать себя этому лукавому медвѣдю.

— Все это пустяки, Вѣра Илларіоновна. Въ концѣ концовъ онъ не стоитъ васъ, и это ему слѣдовало бы волноваться, а не вамъ.

— У него канаты, а не нервы, а я до болѣзни впечатлительна. Ну, будь, что будетъ!

Онѣ вышли на тихую улицу. Идя подъ руку, Быстрова до самыхъ дверей квартиры барона Кнорринга говорила о томъ, что хоть она и взволнована, но ничего новаго для себя отъ жизни не ждетъ и поставила крестъ надъ мечтами своей личной жизни. Она была

вполнѣ искренна; однако, если бы заглянула въ самый сокровенный уголокъ своего сердца, то созналась бы, что тамъ теплилась подъ грудой пепла жизненныхъ разочарованій и обидъ, искра надежды и вѣры въ возможность личнаго счастья.

XV.

Было за полночь, когда сестры и Вероника въ сопровожденіи Михайловскаго, послѣ оживленныхъ бесѣдъ и вкуснаго, уютно сервированнаго чая въ маленькой столовой радушнаго, суетящагося и ласковаго барона Кнорринга, — возвращались домой.

Вероника распрощалась съ сестрами у дверей лазаретнаго зданія, обѣщавъ на возвратномъ пути еще разъ повидаться съ ними. Вѣра Илларіоновна, горячо обнимая ее, незамѣтно шепнула ей, что она теряетъ почву подъ ногами и дала бы многое, чтобы судьба избавила ее отъ поѣздки съ Михайловскимъ въ Тысменицу.

— Вѣрьте, что все кончится очень хорошо, — многозначительно пожимая ей руку, отвѣтила Вероника и вмѣстѣ съ Михайловскимъ направилась въ гостиницу, гдѣ ей была отведена комната. Идя по загрязненнымъ улицамъ съ испорченной мостовой, она съ грустью вспоминала, какъ пять лѣтъ тому назадъ, проѣздомъ за границу, она останавливалась въ этой же самой гостинницѣ. Оживленный, чистенькій и изящный Тарнополь того времени совершенно не походилъ на заплеванный, изрытый, отвратительно грязный и полу-раззоренный городъ, по улицамъ котораго они шли теперь. То и дѣло попадались солдаты, неряшливо одѣтые, съ ухарски заломанными на бекрень или на затылокъ шапками,

грубо ругающіеся, нагло глядящіе въ глаза встрѣчныхъ. Чувствовалась расшатанность дисциплины, грозящая вотъ-вотъ перелиться за послѣднюю, еще слабо сдерживаемую, черту.

— Я поражена видомъ нашей арміи. Меньше года тому назадъ я была на фронтѣ и не ожидала, что въ такой короткій срокъ произойдетъ такая рѣзкая перемѣна, — осторожно, понижая голосъ, говорила Вероника.

Михайловскій болѣзненно улыбнулся:

— Перемѣна... Нѣтъ, это паденье, это начало грознаго конца, а не перемѣна. Если попадете въ гущу армій, то будете потрясены. Разложеніе идетъ гигантскими шагами. Преступно привитая гангрена уже залила всю армію, и она гибнетъ. Спасенія нѣтъ... генералъ Кноррингъ правъ.

— Что вы говорите, Николай Николаевичъ? — растерянно уставилась на него Вероника широко раскрытыми глазами. А взятіе Калуша? Вѣдь наступленіе продолжается. Газеты полны радостныхъ надеждъ.

— Все это взвинчено, — уныло махнулъ рукой Михайловскій. — Калушъ взятъ, но на долго ли? Какія побѣды можетъ одержать армія, лишенная дисциплины? Вѣдь солдаты дошли до того, что когда командующій юго-западнымъ фронтомъ входитъ въ окопы, то эти „свободные граждане“ продолжаютъ лежать брюхомъ кверху, курить и нарочно дѣлаютъ видъ, что не видятъ начальства. Да это что?!. Происходятъ еще болѣе возмутительные эпизоды. Ни въ наступленіе, ни во что я не вѣрю... Крушеніе Россіи очевидно. Я его предвидѣлъ въ памятное для меня утро послѣдняго свиданія съ безумцемъ Быстровымъ.

— Чего же вы ждете? Что грозитъ намъ еще? — спросила Вероника, чувствуя, что въ безнадежныхъ словахъ Михайловскаго таится грозная, надвигающаяся на Россію истина.

— Я жду для нашей родины полнаго позора, оплевыванія и разложенія всего государственнаго строя до крайнихъ предѣловъ. Я — человѣкъ безъ иллюзій. Мнѣ хорошо знакома психологія народныхъ массъ... Повторяю вамъ, Вероника Антоновна, Россію толкнули въ пропасть темныя силы и возврата нѣтъ. Завтра я ѣду на позицію; но далеко не увѣренъ доѣду ли еще...

— Господи, Николай Николаевичъ, что за черныя мысли у васъ! И многіе такъ думаютъ?

— Почти всѣ, — пожалъ плечами Михайловскій.

Войдя въ свой грязноватый, облѣзлый номеръ, Вероника, охваченная тоскливыми размышленіями, машинально остановилась у окна, мимо котораго, галдя и выкрикивая грубыя, циничныя слова, проходила партія солдатъ.

— Еще недавно такіе близкіе, родные... спасители, защитники родины... Неужели теперь страшные, далекіе?! — подумала она. Холодная тоска проползла въ сердце и что то дикое и грозное заглянуло ей въ глаза.

Въ это время Вѣра Илларіоновна, постеливъ себѣ постель на большомъ кожаномъ диванѣ, на которомъ нѣсколько часовъ тому назадъ она изливала свое сердце Вероникѣ, въ ночной сорочкѣ, съ высоко подхваченными на макушкѣ волосами, сидѣла въ темной комнатѣ на краю дивана и, забывъ о снѣ, смотрѣла передъ собой ничего не видящими, потемнѣвшими отъ возбужденія глазами.

— Онъ тутъ... онъ тутъ... я буду съ нимъ завтра и послѣзавтра, и каждый день... какъ? отчего? Откуда все это взялось? Вѣдь все было кончено!.. все похоронено!.. И вдругъ та же тревога въ сердцѣ; опять, какъ воздушныя облачка, зарождающіяся надежды сердца. Ахъ, не надо! не надо!.. я не хочу, я боюсь этихъ надеждъ... — неслись одна за другой разгоряченныя мысли въ склоненной на ладони головѣ. — Такой ли онъ, какъ тогда на вечерѣ, холодный и чужой, или жизнь за эти страшные мѣсяцы смягчила его?.. Жалѣетъ ли, что оттолкнулъ или нѣтъ? Господи, Господи, какъ отгадать?.. помоги мнѣ не выдать себя... вѣдь я по прежнему люблю его, по прежнему вѣрю въ него... онъ дорогъ мнѣ, что бы ни говорилъ, что бы ни дѣлалъ... вотъ увидѣла, и все воскресло съ той же силой. Зачѣмъ это, если мнѣ не суждено счастье его любви?... — Вѣра Илларіоновна закрыла лицо руками и беззвучно зарыдала. Она тихо и долго плакала о себѣ и своей безнадежной любви, о несчастномъ заточенномъ въ крѣпости братѣ. Плача, молилась и заснула поздно, разбитая отъ слезъ.

На утро ее не могли добудиться. Здоровая натура взяла свое: организмъ требовалъ возстановленія силъ и когда, наскоро умывшись, въ широкомъ шолковомъ халатѣ она вышла въ общую комнату, гдѣ сестры уже доканчивали пить чай, на лицѣ ея игралъ неизмѣнный здоровый румянецъ, и въ карихъ добрыхъ глазахъ свѣтилась обычная жизнерадостность.

— Однако, Вѣрочка, и спите же вы! Васъ пушками не поднять, — замѣтила княжна Ирина.

— Я очень поздно легла: подводила итоги всѣхъ счетовъ по закупкамъ, — слегка краснѣя, солгала она.

— А я думала, что на васъ имѣлъ такое снотворное дѣйствіе флертъ Михайловскаго, — пошутила Бухтоянова, не посвященная въ отношенія Вѣры Илларіоновны къ Михайловскому и не отгадывавшая ихъ.

— Флертъ?!. — Быстрова вспыхнула густымъ румянцемъ, залившимъ все ея добродушное, полное лицо и шею. — Съ чего это вы взяли, милочка? — Она разсмѣялась искреннимъ смѣхомъ, въ которомъ Кузьмина отгадала радостную надежду.

— Да вѣдь я не слѣпая, Вѣрочка. Хоть онъ, повидимому, и очень себѣ на умѣ, однако симпатій своихъ скрыть не умѣетъ. Сознайтесь, что онъ одинъ изъ вашихъ столичныхъ поклонниковъ.

— Ничуть. Мы съ нимъ въ пріятельскихъ, добрыхъ отношеніяхъ и ничего больше.

— Это вы скромничаете, а сами навѣрное очень рады, что предстоитъ долгій tête-à-tête въ автомобилѣ. Совѣтую вамъ хорошенько взвинтить ваше начальство, а въ Тысьменицахъ разыграть его окончательно. Это было бы шикарно. Вѣдь онъ не женатъ? пусть женится.

— Что вы выдумываете, Лиза?! Съ какой стати!.. — съ переливающимся на щекахъ румянцемъ, протестовала Вѣра Илларіоновна.

— А отчего же это невозможно? Онъ имѣетъ видъ очень солиднаго господина. Я бы не прочь... Нѣтъ, серьезно, я вамъ слегка завидую: тутъ скучище зеленая, а вамъ предстоитъ развитіе флерта. Можно хорошіе пары распустить. Ужь вы постарайтесь, Вѣ-

рочка, хоть отъ скуки за мое здоровье. А потомъ черкните по прiѣздѣ, какъ все было.

— Нечего будетъ и писать; все это ваши фантазiи.

Шутливыя поддразниванiя Лизы Бухтояновой влили въ сердце Вѣры Илларiоновны радостный лучъ надежды. Если другiе, совершенно непосвященные въ ихъ отношенiя, что то подмѣчаютъ съ его стороны, значитъ есть же что то, чего она сама не замѣчаетъ. Эта мысль, влившись въ мозгъ Вѣры Илларiоновны, заполнила все ея существо большой, свѣтящейся наружу радостью. Все вокругъ показалось ей веселымъ, легкимъ, что то обѣщающимъ. Послѣ завтрака она уложила дорожный чемоданчикъ, приготовила всѣ пакеты съ медикаментами и позвонила по телефону къ Михайловскому, который долженъ былъ заѣхать за ней. Черезъ полъ часа, вслѣдъ за трещанiемъ у подъѣзда мотора, раздался въ передней звонокъ, и Михайловскiй въ высокихъ сапогахъ и коричневомъ френчѣ, щуря сквозь пенснэ близорукiе глаза, тяжелой поступью вошелъ къ сестрамъ:

— Мое почтенье-съ. Я къ вашимъ услугамъ, Вѣра Илларiоновна. Какъ разъ во-время выѣзжаемъ.

— Я готова. Вотъ мой несложный багажъ.

Михайловсiй, обладавшiй атлетической силой, безъ всякаго усилiя взялъ въ одну руку чемоданъ и довольно увѣсистый ящикъ съ медикаментами.

— Въ такомъ случаѣ я спускаюсь внизъ. Мое почтенье, — онъ раскланялся съ сестрами и вышелъ на лѣстницу.

Вѣра Илларiоновна расцѣловалась съ прiятельницами и спустилась вслѣдъ за нимъ.

Неожиданно она почувствовала въ себѣ присутствіе полнаго покоя и увѣренности. Предстоящій переѣздъ въ автомобилѣ съ глазу на глазъ уже не смущалъ ее больше Что то окрѣпло въ ея сердцѣ и дало равновѣсіе.

Михайловскій, съ присущей емулѣнивой и отчетливой медлительностью въ движеніяхъ, укладывалъ багажъ Быстровой, помогалъ ей умоститься и усаживался самъ.

Автомобиль затрещалъ, сунулся взадъ, потомъ впередъ и наконецъ покатилъ черезъ загрязненную, небольшую площадь, заваленную сѣномъ и навозомъ, заставленную телѣгами и кишащую грязными, растрепанными солдатами.

Выѣхали на шоссе, сильно разбитое, съ тянувшимися военными обозами. Все тотъ же защитный цвѣтъ, все тѣ же неопрятные солдаты съ недоброжелательными глазами, остро и нагло глядящими на проѣзжавшихъ въ автомобилѣ.

Вѣра Илларіоновна, откинувшись въ уголъ сидѣнья, спокойно разсказывала о всемъ пережитомъ ею за эти мѣсяцы на фронтѣ, о составѣ красно-крестнаго отряда въ Тысменицахъ, о лазаретномъ докторѣ и сестрахъ милосердія.

Михайловскій, съ едва уловимымъ насмѣшливымъ огонькомъ въ прищуренныхъ глазахъ, то и дѣло вскидывалъ на нее настойчивый, чего то ищущій взглядъ. Вѣру Илларіоновну этотъ взглядъ не смущалъ, и она дѣлала видъ, что не замѣчаетъ его.

Въ Станиславовѣ — полуопустѣвшемъ, съ заколоченными магазинами, когда то опрятномъ городкѣ, они остановились по совѣту Быстровой подлѣ единственно

уцѣлѣвшей гостинницы, гдѣ въ большомъ раззоренномъ залѣ пили довольно вкусно поданный кофе съ пирожными.

Въ Тысменицу они въѣхали, когда начинало темнѣть. Крошечные домики съ деревянными крылечками и галлерейками, окруженные маленькими, незатѣйливыми садиками, замелькали темными квадратами, съ мигающими огоньками въ окнахъ, въ надвигавшихся теплыхъ и темныхъ сумеркахъ.

XVI.

Въ это же самое утро Вероника Кампіони, спѣшно одѣвшись и выпивъ кофе въ ближайшемъ отъ гостинницы кафе, выѣхала съ сопровождавшимъ ее причисленнымъ къ штабу юго-западнаго фронта военнымъ чиновникомъ — красивымъ шатеномъ, многорѣчивымъ, съ обсолютнымъ апломбомъ, съ вычурнымъ французскимъ говоромъ, которымъ онъ любилъ щеголять, и беззаппеляціонными, рѣзкими сужденьями.

До войны — столичный житель онъ, по Петербургу, былъ немного знакомъ съ художницей. Порученіе сопровождать ее льстило его самолюбію. Онъ много и шумно говорилъ, пересыпая свою рѣчь французскими, не всегда лишенными ошибокъ, фразами, выражалъ рѣзкія, часто не основательныя сужденія и мѣшалъ Вероникѣ въ ея желаніи спокойно сосредоточиться: ей приходилось за это время видѣть такое количество новыхъ лицъ, и такъ велика была смѣна впечатлѣній, что хотѣлось быть одной.

— Что это за сооруженія? — обратилась она къ своему спутнику.

— Вы не отгадываете? Это запасъ рафинада, консервовъ и муки для арміи.

— Вѣдь это цѣлыя горы! — изумилась Кампіони.

— Да, на милліоны рублей.

Послѣ недолгаго путешествія подъѣхали къ полотну дороги, на которомъ стоялъ длинный рядъ вагоновъ.

Небольшое сѣрое каменное, съ водокачкой, зданіе станціи одиноко высилось среди широкаго пространства зеленѣющихъ полей, убѣгающихъ далеко въ даль синевато-лиловой, сливающейся съ горизонтомъ, дымкой.

Увидавъ подъѣзжавшій къ станціи автомобиль, изъ вагона вышелъ комендантъ поѣзда — старый Ахтырскій гусаръ, извѣстный кутила, князь Крапоткинъ. Подойдя къ остановившемуся у рельсъ автомобилю, онъ изобразилъ на лицѣ комично-радостное изумленіе:

— Вотъ такъ фунтъ! Мать моя, кого я вижу?! Вероника Антоновна!..

— Князенька, какой сюрпризъ!.. — Вероника выпрыгнувъ на полотно дороги, улыбаясь, протягивала князю руку, которую тотъ многократно поцѣловалъ.

— Развѣ вы, князь, не получили мою телеграмму? Я вчера вечеромъ извѣщалъ васъ о прибытіи сегодня днемъ Вероники Антоновны.

— Ничего не получалъ. Да теперь самъ чортъ ничего не получитъ. Все вверхъ ногами пошло... чтобъ ихъ тутъ разорвало... pardon, что я такъ выражаюсь, но силъ не достаетъ съ этими чертями, всякими депутатами собачьими, телячьими, свинячьими... — князь хихикнулъ, и его лицо, сухое съ крючковатымъ носомъ и сѣрыми глазами, стало похоже на попугая. —Прой-

демте въ поѣздъ. Я сейчасъ васъ устрою: отведу вамъ хорошее купэ. Вы надолго къ намъ?

— Я надѣюсь отсюда проѣхать въ Калушъ къ генералу Черемисову, согласно разрѣшенію Брусилова.

— А нашего генерала вы знаете?

— Нѣтъ, съ генераломъ Гуторомъ я не знакома.

— Милый, милый человѣкъ. Ну-съ пожалуйте. Вотъ сюда. Эхъ, молодой человѣкъ, что же вы смотрите то? Вамъ бы прямо на руки даму да и подсадить, а вы что?! — пошутилъ князь, протягивая Вероникѣ руку, что бы помочь ей подняться въ вагонъ.

Вскорѣ Вероникѣ было отведено удобное купэ перваго класса. Весь поѣздъ былъ густо населенъ ближайшимъ составомъ штаба юго-западнаго фронта. Каждое купэ представляло изъ себя отдѣльный интимный мірокъ далеко заброшеннаго на одинокую станцію, оторваннаго отъ семьи, отъ привычной жизни, человѣка. И все же въ этомъ крошечномъ пространствѣ съ диваномъ, откиднымъ столикомъ и умывальникомъ съ полкой, сказывалась индивидуальная черта живущаго.

Въ нѣкоторыхъ купэ кромѣ чемодана съ вещами и туалетныхъ принадлежностей, разставленныхъ на умывальникѣ, лежали на столикѣ книги, стоялъ букетъ свѣжихъ цвѣтовъ, сорванныхъ съ разстилавшихся у полотна дороги полей, фотографія дорогого, далекаго друга сердца, лежало начатое письмо; чувствовалась, хоть и зажатая въ тѣсную рамку, но привычная къ извѣстному комфорту жизнь.

Вероника, заперевъ дверцы купэ, разложивъ несессеръ, принялась отмываться отъ пыли, которая густымъ облакомъ во время всего пути стояла на шоссе.

Сбросивъ дорожный костюмъ, она переодѣлась во все бѣлое и, когда князь постучалъ въ ея дверь, приглашая къ обѣду, явилась необычайно яркимъ и веселымъ пятномъ среди группы военныхъ, наполнявшихъ отдѣленіе вагона-ресторана.

У двери ее встрѣтилъ генералъ Гуторъ, пожилой, средняго роста, командующій юго-западнымъ фронтомъ, съ серьезными, задумчивыми и добрыми глазами, круглымъ лицомъ и слегка сѣдѣющими волосами.

— Прошу васъ къ моему столу. Очень пріятно, что пріѣхали къ намъ. Позвольте вамъ представить моего начальника штаба Николая Николаевича Духонина.

Генералъ Гуторъ сдѣлалъ легкое движеніе рукой въ сторону подошедшаго къ нему генерала. Вероника протянула руку; почувствовавъ сильное, энергичное пожатіе, она остановила внимательный взглядъ на представленномъ ей начальникѣ штаба. Это былъ очень красивый брюнетъ съ изсиня-черными блестящими волосами и усами, прекрасными полными жизни глазами, необычайно яркимъ, переливающимся румянцемъ на нѣжной кожѣ лица и алыми сочными губами. Весь обликъ генерала Духонина рѣзко запечатлѣвался въ памяти и поражалъ несоотвѣтствіемъ почти юношескихъ красокъ съ заслуженными генеральскими лампасами.

Прошли впередъ къ стоявшему въ самой глубинѣ столику, накрытому на три персоны. Генералъ Гуторъ указалъ Вероникѣ мѣсто противъ себя. Начальникъ штаба помѣстился рядомъ съ ней. Видя передъ собой усталыхъ, на короткій срокъ обѣда оторвавшихся отъ напряженной мозговой работы, людей, она, желая облегчить имъ задачу гостепріимства и быть пріятной

гостьей, сразу нашла тему для разговора, въ которомъ повѣствующую роль взяла на себя.

Въ сосредоточенномъ, устремленномъ на себя взглядѣ командующаго арміей, она читала не только озабоченность, но и грусть, причины которой поняла, едва заговорила о событіяхъ послѣднихъ дней: удачномъ наступленіи.

— Слишкомъ рано кричатъ о побѣдахъ, — тяжело вздохнулъ Гуторъ. — Газеты звонятъ о героическихъ подвигахъ арміи . . . все это взвинчено. Надо подождать. Калущъ взятъ, но его не удержать, мы это знаемъ. Солдаты не исполняютъ приказаній начальства и устраиваютъ въ моментъ наступленій митинги, на которыхъ обсуждаютъ вопросъ, надо ли наступать или нѣтъ.

Въ тонѣ говорившаго Вероника почувствовала ту же безнадежность, что и въ рѣчахъ Михайловскаго.

— Значитъ, Алексѣй Евгеньевичъ, вы считаете положеніе опаснымъ? — пытливо глядя въ усталые глаза главнокомандующаго, спросила она.

— Крайне. Да вотъ пусть вамъ разскажетъ Николай Николаевичъ, что у насъ вчера произошло. Изъ за чего мы потеряли важный стратегическій ключъ. — Гуторъ слабо махнулъ рукой и понурилъ голову.

— Солдаты блистательно выполнили задачу и въ нѣсколько часовъ взяли нужныя намъ высоты, — заговорилъ Духонинъ слишкомъ высокимъ, несоотвѣтствующимъ его мужественной наружности, голосомъ, отставляя кружку съ пивомъ. — Но къ вечеру они заявили, что желяютъ идти на отдыхъ и пить чай и, вопреки всѣмъ приказаніямъ, бросили позиціи и вернулись въ окопы, отдавъ

такимъ образомъ противнику все, что было взято. Во всякомъ случаѣ радоваться и кричать о доблести арміи, какъ это сейчасъ дѣлаютъ газеты, преждевременно.

Вероника поняла, что чѣмъ глубже къ фронту, о побѣдахъ котораго столько шумѣли эти послѣдніе дни въ тылахъ, тѣмъ пессимистичнѣе было настроеніе командного состава. Имя Керенскаго, ставшаго въ роль военнаго министра, объѣзжавшаго фронты и безъ конца говорившаго съ арміей, произносилось съ чувствомъ не только раздраженія, но нескрываемой злобы.

— Своими разговорами и уговорами арміи онъ только подрываетъ послѣднія крохи дисциплины и роняетъ достоинство всего начальства, — слышала Вероника со всѣхъ сторонъ и услышала еще разъ въ бесѣдѣ за обѣдомъ.

Послѣ простого, сытнаго обѣда оба генерала распрощались съ ней:

— Всѣ эти дни мы съ Николаемъ Николаевичемъ почти не спимъ, — устало улыбаясь, проговорилъ командующій арміей. — Весь нашъ отдыхъ — это полъ часа за завтракомъ и за обѣдомъ.

Къ Вероникѣ подошелъ князь Крапоткинъ, представилъ ей нѣсколькихъ служащихъ при штабѣ, и она вмѣстѣ съ ними спустилась на полотно дороги. Начинало вечерѣть.

Теплый, тихій вѣтерокъ обвѣвалъ благоухающія поля, постепенно темнѣющія подъ розовато-сиреневой дымкой послѣднихъ отблесковъ заката.

Вся компанія размѣстилась на сваленныхъ бревнахъ у откоса дороги. Живой, черноглазый адъютантъ, мелькая алымъ огонькомъ папиросы, очень довольный не-

ожиданному развлеченію въ видѣ появленія интересной женщины, позвякивая шпорами, умостился на качающемся бревнѣ подлѣ Вероники и сразу установилъ тотъ простой, легкій тонъ, который находятъ люди, имѣющіе общіе столичные интересы и вращающіеся въ томъ же столичномъ кругу.

— Какъ же это я васъ ни разу не встрѣчалъ на балахъ? Очень странно и очень жалѣю. Я былъ въ Петербургѣ зимой въ шестнадцатомъ году, много выѣзжалъ, но васъ не видалъ — это я знаю опредѣленно.

— А можетъ быть я и была, да вы не замѣтили.

Адъютантъ, въ сгущавшихся сумеркахъ, не могъ видѣть ея лица, но по звуку голоса уловилъ, что она улыбалась.

— Вотъ вы и сами смѣетесь надъ тѣмъ, что говорите. Во-первыхъ, я — гусарскій ротмистръ Константинъ Субботинъ не могу не замѣтить интересной женщины, а во вторыхъ я не слѣпой, а потому люблю и вижу яркія звѣзды.

— О, благодарю васъ. Я никогда не помню, да и не знаю, что я звѣзда.

— Мы это знаемъ... Слышали? Это снарядъ! Князь, какъ вы думаете, это отъ насъ къ нимъ или наоборотъ.

— Конечно, отъ нихъ къ намъ, — пробасилъ князь Крапоткинъ, потянувъ изъ сигары и освѣтивъ на секунду свое лицо. — Будутъ наши „товарищи" безпокоиться? Какъ же, шутъ ихъ дери! Они, навѣрное, чайку попили въ окопахъ и спать полегли, а завтра газеты въ тылу затрещатъ о томъ, что „наша героическая армія доблестно выдержала натискъ врага" — Князь хихикнулъ, и Вероника отгадала въ темнотѣ, что лицо его

при этомъ короткомъ привычномъ смѣшкѣ приняло необыкновенно добродушное и школьническое выраженіе.

— Это какъ будто бы со стороны Калуща, — отозвался чей то мягкій голосъ за спиной Вероники.

— Пожалуй, что такъ. Вотъ и зарево...

-- Далеко это?

— Верстъ пятьдесять будетъ.

— Князь!... Константинъ Сергѣевичь!... Молотовъ!... — вы здѣсь? — раздался совсѣмъ близко чей-то хриплый голосъ.

— Здѣсь. Идите къ намъ, господинъ эскулапъ. Вотъ вамъ мѣстечко подлѣ небеснаго свѣтила. Вы не знакомы? Позвольте вамъ представить нашего доктора: жестокій человѣкъ, хохолъ со звѣринымъ обликомъ и неукротимымъ аппетитомъ, — смѣясь, говорилъ Вероникѣ адъютантъ, очищая доктору мѣсто на балкѣ, гдѣ сидѣлъ самъ и подвигаясь ближе къ ней.

— Ну ужъ конечно, вы, господинъ адъютантъ, отрекомендуете, какъ никто. Гдѣ вы тутъ?

Адъютантъ пыхнулъ папиросой и протянулъ руку подошедшему вплотную къ балкамъ доктору.

— Какъ же, какъ же, госпожа Кампіони, любовался и я вашей мастерской кистью, не смотря на то, что, по выраженію господина адъютанта обликъ имѣю звѣриный. Мнѣ приходится чуть ли не двадцатьчетыре часа въ сутки возиться со всякими гнойными ранами и скоблить солдатскую грязь, а ихъ благородіе въ это время щелкаетъ шпорами и флертомъ занимается.

— Какая чушь! Какой же тутъ флертъ, докторъ, на пустой станціи?! — разсмѣялся адъютантъ, ударивъ носкомъ о землю и раскачивая свѣсившуюся балку.

— А вы думаете, я не видѣлъ сегодня изъ окна, какъ вы увивались передъ двумя хорошенькими сестрами, проѣзжавшими съ эшелономъ? Видѣлъ, батенька; ужъ вы даромъ времени не теряете, что и говорить. А я такъ вотъ и побриться не успѣваю четвертыя сутки: совсѣмъ щетиной весь обросъ.

Въ потьмахъ Вероника не видѣла лица доктора, но въ тонѣ его сиплаго голоса и въ манерѣ говорить чувствовалось добродушіе и душевная мягкость.

— Я собственно говоря, шелъ сюда за вами, господа. Пора чай пить.

— Вотъ такъ фунтъ! Чай пить?! Едва только отъ стола встали и чай пить. Экій у васъ желудокъ неугомонный, докторъ, — откуда то справа раздался басъ князя Крапоткина.

— Я живу, ваше сіятельство, по часамъ: половина девятого, значитъ, чай пить.

— Вѣ-ѣрно. Слышите, Вероника Антоновна, какія у насъ тутъ строгости: все по часамъ.

— А вы, барынька, спросите-ка князя, каковы его правила по части пунктуальнего общенія съ одеколонным флакончикомъ? Какъ часъ дня, такъ хоть умри, а подай ему этотъ флакончикъ.

— Что правильно, то правильно, господинъ докторъ. Безъ флакончика ни одного дня прожить не умѣю. Это вѣдь докторъ про водку, — подойдя къ Вероникѣ и вспыхивая огнемъ сигары, засмѣялся князь. — Онъ намъ по рецепту спиртъ выдаетъ на втиранье. Хорошо! Къ завтраку и обѣду обязательное втиранье, а иной разъ въ видѣ добавочной дозы и вечеркомъ въ случаѣ ужина.

— Ну, ладно. Прошу васъ, господа, выпить со мной чайку. Пирогъ сладкій готовъ и ждетъ насъ.

— Пирогъ? Это по случаю чего же? — ловко соскакивая съ высокой балки, спросилъ адъютантъ.

Да ужь что грѣха таить... Сознаюсь, что сегодня мнѣ стукнуло сорокъ пять лѣтъ, — отвѣтилъ докторъ, тоже подымаясь съ мѣста. — Прошу васъ, барынька, отвѣдать моего пирога. Не знаю, удался ли. Ну-ка, Константинъ Сергѣевичъ, давайте дамѣ руку и открывайте шествіе.

— А начальство тоже будетъ?

— Звалъ начальника штаба: онъ только рукой махнулъ; передохнуть, говоритъ, секунды нѣтъ. Очень озабочены наши генералы. Что то въ воздухѣ чуется неважное.

Небольшая группа, сидѣвшая на балкахъ, прошла въ ресторанъ-вагонъ, гдѣ были приготовлены стаканы съ чаемъ, и на большомъ эмалированномъ блюдѣ стоялъ круглый, подрумянившійся пирогъ съ вареньемъ. Всѣ размѣстились за двумя столиками и съ шутками приступили къ скромному празднованію годовщины дня рожденія всѣми любимаго въ штабѣ доктора. Это былъ добродушный, всегда взлохмаченный, небрежно одѣтый хохолъ, съ лѣнивой насмѣшливой рѣчью и острымъ критическимъ умомъ.

Около одиннадцати часовъ Вероника вошла въ свое купэ. Постель уже оказалась постланной и на откидномъ столикѣ красовался большой букетъ полевыхъ цвѣтовъ, кѣмъ то поставленный во время ея отсутствія.

Она быстро раздѣлась, умылась, накинула халатъ, потушила свѣтъ и отдернула темно-коричневую пыль-

ную занавѣску. Въ открытое окно влетѣлъ примчавшійся съ ночныхъ полей благовонный вѣтерокъ, и тихая, теплая, молчаливая ночь, полная загадочнаго значенія, влилась вмѣстѣ съ трепетомъ далекихъ звѣздныхъ лучей въ маленькое купэ, въ которомъ Вероника вдыхала и впивала въ себя эту лѣтнюю ночь, облокотясь о бортъ окна обѣими руками.

Полотно дороги было пусто, и кругомъ стояла полная тишина. Гдѣ то далеко на горизонтѣ зелеными огоньками подымались ракеты непріятеля, и чуть замѣтнымъ расплывчатымъ пятномъ слабо розовѣло во тьмѣ ночи догоравшее зарево.

Вероника вспомнила, что значитъ это зарево: картина соженной деревни и слитые съ этой картиной ужасы и скорбь человѣческихъ жизней отчетливо и властно встали въ ея воображеніи. Исчезла вся красота мирнаго покоя. Въ нѣдрахъ тьмы надъ землей почуялось что то грозное и неизбѣжно-близкое.

Вероника тяжело вздохнула и подняла глаза къ небу, гдѣ безстрастно и молитвенно-кротко сіяли все тѣ же вѣчныя лампады небесъ.

XVII.

Когда на слѣдующее утро 6-го Іюля въ девять часовъ она отдернула занавѣску окна, и маленькое уютное купэ наполнилось переливавшимся блескомъ горячаго лѣтняго солнца, запахомъ потной отъ ночной росы земли и тонкимъ смѣшаннымъ ароматомъ полевыхъ цвѣтовъ, все ея внутреннее „я“, какъ будто бы сорвалось навстрѣчу этимъ яркимъ краскамъ природы и, окрыленное радостью бытія, помчалось вмѣстѣ съ

лучами солнца къ далекому горизонту, голубѣвшему надъ выпуклой линіей полей.

Она спѣшила поскорѣй одѣться, но, то и дѣло вдыхая полной грудью теплый воздухъ, засматривалась въ окно, чувствуя, какъ съ каждой минутой въ душѣ ея наростало что то широкое, безбрежно-вмѣстительное куда вливались всѣ краски, отпечатлѣвался каждый штрихъ, каждая черточка всего, что ее окружало. Она знала въ себѣ богатый даръ, который, помимо ея самой, безъ малѣйшаго усилія воли или наблюденія, накоплялъ въ невѣдомыхъ глубинахъ ея фантазіи неисчерпаемый матеріалъ, который самъ собою проявлялся въ минуты творчества. Она знала, что все то, по чемъ разсѣянно скользилъ ея взглядъ или что задѣвало ея мысль, включалось цѣльно и нерушимо какой то тайной силой въ нѣдра ея фантазіи и въ нужную минуту само оживало и вставало яркой живой картиной передъ ея глазами.

— Вероника Антоновна... — раздался чей то голосъ и стукъ въ дверцу купэ. — Вы одѣты?

— Да, я сейчасъ выхожу.

Она поправила мягкій шарфъ на широкихъ поляхъ „панамы“, послѣдній разъ взглянула въ зеркало, отразившее ея свѣжій, легкій силуэтъ, и, вся вибрирующая, радостная вышла въ корридоръ вагона.

Передъ ней стоялъ въ щегольскомъ френчѣ, съ тщательно расчесанными на проборъ волосами и холеной бородой, многорѣчивый и порывистый шатенъ, сопровождавшій ее наканунѣ изъ Каменца-Подольскаго на эту станцію, — Владиміръ Александровичъ Либинъ.

— Я пришелъ сообщить вамъ, что прибылъ въ собственномъ вагонѣ Верховный Главнокомандующій. Сейчасъ онъ вышелъ на платформу. Я думаю, ему будетъ пріятно видѣть васъ здѣсь. Не выйдите-ли вы на платформу?

— Хорошо, я выйду. Развѣ его ждали сюда?

— Кажется, нѣтъ.

— Сейчасъ. Я только пройду въ ресторанъ-вагонъ выпить чашку чаю.

— Это можетъ быть слишкомъ поздно: онъ пріѣхалъ на самый короткій срокъ. Одновременно прибылъ и командующій 8-й арміей генералъ Корниловъ. Они всѣ на платформѣ. Какъ разъ идутъ въ эту сторону.

Не любившая выставляться и не придававшая значенія своему ореолу славы, Вероника нерѣшительно сошла изъ вагона на полотно дороги. Придерживая надъ стройной ногой, обутой въ вѣнскій бѣлый лайковый ботинокъ, край бѣлаго батистоваго платья, слегка щурясь отъ яркаго, волнами рѣющаго, горячаго свѣта, она медленно направилась къ платформѣ, гдѣ виднѣлись стоявшіе группами военные.

Не желая быть назойливой въ моментъ серьезныхъ и важныхъ событій, она мысленно рѣшила, не доходя до платформы, свернуть всторону. Какъ разъ въ эту минуту отъ группы генералитета отдѣлились двѣ фигуры, изъ которыхъ въ одной Вероника узнала Верховнаго Главнокомандующаго. Онъ увидѣлъ ее и шелъ ей навстрѣчу, оставляя немного позади себя сопровождавшаго его генерала.

— Очень радъ васъ видѣть здѣсь. Вы давно пріѣхали? подходя къ Вероникѣ и цѣлуя ея руку, спросилъ Брусиловъ.

Въ одно мгновеніе острая впечатлительность художницы уловила яркую колоритность всей картины: небольшая, сухая и худая фигура Верховнаго Главнокомандующаго съ умными и острыми глазами, въ ловко сидящемъ на немъ „френчѣ“, отрывистая рѣчь, точность и увѣренность каждаго движенія, каждаго жеста, сознаніе вложенной въ этого человѣка отвѣтственности и власти, — все это дѣлало его центральной фигурой настоящаго момента и вполнѣ гарморнировало съ рамкой, созданной природой и случаемъ. Группы военныхъ, стоявшихъ поодаль на платформѣ въ почтительно-сдержанныхъ позахъ, на фонѣ одинокаго сѣраго каменнаго зданія станціи, брошеннаго среди простора полей, убѣгающая въ безконечную даль линія полотна желѣзной дороги — говорили о необычайности положенія, выбросившаго людей въ силу какой то катастрофы изъ одной жизненной рамки въ другую. Раскинувшіяся подъ благодатными лучами солнца поля, пестрѣющія скромными головками цвѣтовъ, извилистая узкая протоптанная тропинка, бѣгущая вдоль канавы куда то далеко, и голубой, неподвижный и неизмѣримый воздушный просторъ небесъ говорили о непреложности какихъ то иныхъ, не человѣческихъ законовъ, которые незыблимо остаются и останутся все тѣ же, что бы ни переживало человѣчество, какъ бы ни потрясало свои вѣчно измѣнчивые, несовмѣстимые съ мудростью природы, устои.

Мысли эти, какъ молнія, пронеслись въ мозгу Вероники въ ту минуту, какъ она, отвѣчая на привѣтствіе Верховнаго, въ тоже время впитывала каждой клѣточкой своего „я“ все то, что совершалось на по-

верхности жизни, и то, что было заключено въ ея таинственныхъ глубинахъ.

— Разрѣшите представить вамъ генерала Корнилова, — продолжалъ Брусиловъ, слегка поворачивая голову въ сторону остановившагося въ нѣсколькихъ шагахъ генерала. — Онъ назначается командующимъ юго-западнымъ фронтомъ и, вѣроятно, не откажетъ показать вамъ возможно больше. Вы хотите, кажется, проѣхать въ Калушъ?

— Если это возможно, я была бы счастлива, — отвѣтила Вероника, протягивая руку подошедшему къ нимъ Корнилову, извѣстному боевому генералу, безстрашно бѣжавшему изъ плѣна, въ первые дни революціи командовавшему войсками Петроградскаго округа и вскорѣ ушедшему снова на фронтъ. Слава генерала Корнилова, какъ безстрашнаго бойца, суроваго воина и прямолинейнаго человѣка проникла и за предѣлы Россіи. Вероника съ чувствомъ глубокаго уваженія подняла глаза на стоявшаго передъ ней борца за честь родины.

Онъ былъ выше средняго роста, съ сильно выраженнымъ въ лицѣ типомъ монгольской расы, съ загорѣлымъ оливковымъ цвѣтомъ кожи, съ черными, настойчиво и упорно глядѣвшими въ глаза собесѣдника, разумными глазами, выражавшими громадную волю. Платье на немъ было сильно запылено и безо всякаго намека на франтовство. Движенія неторопливы и увѣренно-спокойны,

Верховный отошелъ въ сторону къ приблизившемуся съ какими то бумагами начальнику штаба Духонину, на красивомъ лицѣ котораго была озабоченность

и усталость. Вероника осталась съ генераломъ Корниловымъ вдвоемъ. Разговаривая, они медленно шли вдоль шпалъ, оставляя позади себя платформу станціи и штабной поѣздъ.

— Я всю ночь провелъ въ автомобилѣ и не сплю болѣе сутокъ, — говорилъ Корниловъ, идя рядомъ съ Вероникой по шпаламъ дороги, съ заложенными за спину руками. Его рѣчь, какъ и все въ немъ, была спокойна, увѣрена и нетороплива.

— А я думала, что вы, Лавръ Георгіевичъ, пріѣхали въ поѣздѣ Алексѣя Алексѣевича.

— Нѣтъ, я выѣхалъ вчера вечеромъ на автомобилѣ, вызванный телеграммой Верховнаго, и очень удачно съѣхался съ нимъ здѣсь: мы пріѣхали одновременно.

Заговорили объ арміи. Вероника передала свои впечатлѣнія о наболѣвшей въ послѣднее время душѣ команднаго состава.

— Да, — съ тяжелымъ вздохомъ отозвался Корниловъ, — все теперешнее офицерство, все начальство — это подвижники. Имъ очень тяжело и трудно.

Художница пристально посмотрѣла на говорившаго: по лицу его пробѣжала тѣнь грусти. Глаза, устремленные прямо передъ собой, не мигая, упорно глядѣли въ даль, залитую солнцемъ. Ей показалось, что кромѣ тѣхъ мыслей, которыми онъ съ нею обмѣнивался, у него были иныя, упорно владѣвшія имъ въ эту минуту. Ей хотѣлось сказать ему что нибудь хорошее и ласковое, хотѣлось дать почувствовать всю силу своего уваженія къ его боевымъ трудамъ за честь родины, но она не находила нужныхъ словъ и продолжала малозначительный разговоръ, чувствуя въ то же время всю

цѣнность и значительность момента. Внутреннее чутье подсказывало ей, что въ протекавшихъ часахъ и событiяхъ заложена цѣнность историческихъ страницъ.

Подошелъ Верховный и съ улыбкой указалъ движеньемъ руки, обтянутой въ замшевую бѣлую перчатку, въ сторону поѣзда, подлѣ котораго одинъ изъ причисленныхъ къ штабу чиновниковъ наводилъ на нихъ фотографическiй аппаратъ.

— Станьте вотъ здѣсь, между нами — обратился онъ къ художницѣ. — Хотя все равно, я не получу этой фотографiи: это моя участь. Сколько бы ни снимали, — я ни одной не имѣю.

Высокiй, красивый брюнетъ Базаровъ, съ длиннымъ лицомъ, черными глазами на изсиня-молочныхъ бѣлкахъ, наводилъ въ эту минуту фокусъ фотографическаго аппарата на Веронику и двухъ генераловъ, боевая слава которыхъ облетѣла всю Европу и проникла за ея предѣлы.

Опять быстрымъ шагомъ приближался начальникъ штаба. На лбу, въ той части, гдѣ кожа всегда, прикрытая фуражкой, была бѣлѣе по сравненiю съ темнымъ загаромъ всего лица, блѣстѣло нѣсколько крупныхъ, медленно скатывавшихся, капель пота. Вспомнивъ разговоры наканунѣ о томъ, что Духонинъ работаетъ чуть-ли не сутки на пролетъ и послѣднiе дни почти не спитъ, Вероника поняла, что эти капли пота — слѣдствiе усталости и переутомленiя.

Простившись съ генералами, она отошла всторону, перешла полотно дороги, перепрыгнула черезъ канаву и, выйдя въ поле, пошла впередъ, ступая по сочной травѣ, на которой кое гдѣ еще дрожали утреннiя ро-

синки. Штабной поѣздъ закрывалъ платформу станціи и ей казалось, что она совсѣмъ одна въ этомъ широкомъ пространствѣ полей подъ горячими лучами солнца. Хотѣлось во что бы то ни стало забыть суровую, неумолимо-настойчивую дѣйствительность грознаго момента и отдаться чистымъ и легкимъ сердцемъ этому чистому и ясному утру.

Вернувшись послѣ далекой прогулки съ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ въ рукахъ и на шляпѣ, Вероника, направляясь къ своему купэ, узнала, что Верховный и Корниловъ уѣхали и что настроеніе въ штабѣ очень пониженное: пришли тревожныя вѣсти, что непріятель наступаетъ, наша же армія отступаетъ безъ боя и въ виду того, что наступленіе идетъ по линіи къ Тарнополю, штабъ вечеромъ же долженъ уѣхать обратно въ Каменецъ.

Послѣ обѣда небольшая группа военныхъ вмѣстѣ съ художницей, тихо переговариваясь, опять сидѣла на длинныхъ балкахъ у полотна дороги. Тяжелыя сѣро-фіолетовыя тучи, низко нависнувъ надъ полями, сгущали душную наэлектризованную атмосферу. Далеко что то погромыхивало. На горизонтѣ опять начало розовѣть расплывающееся зарево пожара. Въ неподвижномъ воздухѣ, полномъ чуткой и жуткой тишины, какъ будто бы рѣяли черныя крылья страшнаго надвигающагося рока.

Говорили вполголоса, обмѣниваясь отрывочными фразами.

— Какъ душно! Вѣроятно, будетъ гроза, — проговорилъ адъютантъ, бросая на землю окурокъ папиросы и наступая на него каблукомъ.

— Да, я ясно чувствую приближеніе страшной грозы... „Ночная тьма бѣдой чревата“... — многозначительно съ разстановкой произнесла Вероника. Высоко закинувъ голову, она тревожнымъ взглядомъ смотрѣла наверхъ, гдѣ въ разорванныхъ промежуткахъ отяжелѣвшихъ, все сгущавшихся тучъ, кое гдѣ слабо и робко мигали одинокія звѣзды.

— Да, что то надвигается, это ясно, — произнесъ чей то низкій, сдержанный голосъ съ другого конца балокъ.

— Въ которомъ часу поѣздъ уйдетъ со станціи?

— Никто не знаетъ. Паровоза нѣтъ. Да вотъ князь... Князь, на минутку!...

Проходившій мимо быстрымъ, лихорадочнымъ шагомъ комендантъ поѣзда князь Крапоткинъ остановился.

— Скажите, какъ дѣла?

— Чортъ знаетъ, до чего мерзко! На Тарнополь ѣхать нельзя: тамъ паника и путь закупоренъ. Надо ѣхать на Проскуровъ. Не могу добитьса паровоза, не даютъ черти... ну, да я имъ еще покажу...

— Не очень то покажете теперь; могутъ нарочно не дать паровоза, чтобы отрѣзать насъ.

— Да я про это и говорю. Вотъ ужъ... — князь выругался крѣпкимъ словцомъ — бѣгутъ, говорятъ, что духу есть. Генералъ Эрдели отдалъ приказъ гренадерамъ заполнить прорывъ, — какое тамъ! Ни съ мѣста. Прорывъ увеличивается съ каждымъ часомъ. Одна телеграмма хуже другой; эдакъ, чего добраго, къ утру нѣмцы сюда пожалуютъ.

— Вотъ такъ наступленіе! Нечего сказать, доблестная армія!... — Горько и зло разсмѣялся адъютантъ.

— Стрѣлять по нимъ надо, всѣхъ перестрѣлять... измѣнники, подлецы!... — Князь, бурча проклятія и ругательства, быстро направился въ конецъ платформы и, звеня шпорами, исчезъ въ темнотѣ.

— Однако, положеніе, кажется, выходитъ пиковое. — Въ голосѣ Либина, стоявшаго подлѣ балокъ, послышалась тревожная нотка.

— А который часъ?

Либинъ, затянувшись сигарой, освѣтилъ циферблатъ, оправленныхъ въ кожаный браслетъ, часовъ. Красноватый пепелъ сигары освѣтилъ на секунду его красивое лицо съ холеной бородой и поднятыми кверху колечками усовъ.

— Половина одиннадцатаго. Очевидно, раньше ночи намъ не выкарабкаться отсюда.

— Если „товарищи“ соблаговолятъ паровозъ дать, — усмѣхнулся адъютантъ.

— Не дадутъ, пѣшкомъ уйдемъ.

— Не далеко уйдемъ. Эхъ, ошибку сдѣлали, что всѣ автомобили уже отправили. Надо было выждать, а то дѣйствительно какъ бы не пришлось пѣшкомъ удирать по полю.

— Мы то какъ нибудь удеремъ, а вотъ Вероникѣ Антоновнѣ плохо придется.

— Ничуть, — отозвалась художница, — гдѣ нибудь въ ближайшей деревушкѣ раздобуду лошадь и поѣду верхомъ.

— Какія тутъ лошади! Однѣ клячи остались: всѣ давно отобраны для арміи.

Опять кто то, невидимый въ темнотѣ, пробѣжалъ спѣшнымъ шагомъ изъ одного конца платформы въ другой.

— Что новаго? — окликнулъ адъютантъ. Но отвѣта не послѣдовало.

— Пойду въ вагонъ; можетъ быть узнаю что нибуть, — проговорилъ Либинъ, отходя отъ балокъ и исчезая, будто нырнувъ въ темноту.

Адъютантъ придвинулся вплотную къ Вероникѣ и осторожно дотронулся плечомъ до ея плеча.

— Вамъ страшно? — Онъ наклонился совсѣмъ близко къ самому ея уху, такъ что она почувствовала тонкій запахъ végétal'я, шедшаго отъ его гладко расчесанныхъ волосъ.

— Нисколько. Я совсѣмъ не изъ трусливыхъ и если бы въ данномъ случаѣ опасный моментъ не игралъ рокового значенія для Россіи, то меня занимала бы острота положенія.

— Вы, значитъ, любите сильныя ощущенія? — Адъютантъ говорилъ вполголоса, стараясь придать разговору интимный характеръ. Его плечо, коснувшись плеча Вероники, такъ и осталось въ этомъ положеніи: попытка отодвинуться оказалась безуспѣшной, благодаря близости сосѣдей съ другой стороны.

— Я люблю рискъ и края пропасти, — отвѣтила Вероника.

— А проиграть или слетѣть въ пропасть не боитесь?

— Нѣтъ, у меня всегда есть увѣренность, что я найду выходъ изъ какого угодно опаснаго положенія.

— Вы адски интересная женщина, Вероника Антоновна...

— Вѣсти скверныя, — взволнованнымъ голосомъ проговорилъ Либинъ, неожиданно выростая передъ балками. — Прорывъ увеличивается съ каждымъ часомъ,

армія бѣжитъ... генералъ Эрдели безсиленъ въ своихъ приказаніяхъ... нѣмцы спѣшно надвигаются къ Тарнополю...

— Чортъ возьми! дѣло дрянь! — раздался чей то басъ.

— И что всего хуже, паровоза до сихъ поръ нѣтъ... двѣнадцатый часъ. Князь рветъ и мечетъ... Изъ Тарнополя сообщаютъ, что вокзалъ уже забитъ десятками тысячъ бѣгущихъ, что положеніе трагическое.. Я васъ увѣряю, что мы окажемся въ рукахъ нѣмцевъ.

Обычная возбужденность Либина выражалась еще нагляднѣе въ повышенномъ тонѣ и срывающемся голосѣ, въ которомъ слышался и гнѣвъ, и волненіе.

— Труситъ... — едва уловимымъ шопотомъ бросилъ адъютантъ въ самое ухо Вероникѣ, почти коснувшись его губами. — Ну что-жъ, окажемся, такъ окажемся, — съ явнымъ намѣреніемъ подразнить Либина проговорилъ онъ вслухъ.

— Теперь не время шутить-съ, — отрѣзалъ Либинъ, очевидно понявъ его намѣреніе. — Моментъ слишкомъ серьезенъ.

— Никто этого и не отрицаетъ. Тѣмъ необходимѣе сохранять хладнокровіе, — насмѣшливо отвѣтилъ адъютантъ, затягиваясь дымомъ папироски.

— Вотъ вы и сохраняйте, зная, что армія бѣжитъ сломя голову.

— А самъ труситъ... — опять шепнулъ адъютантъ Вероникѣ.

— Въ Проскуровѣ тотъ же хаосъ. Эти подлецы рѣшительно оставляютъ безъ вниманія требованіе выслать сюда паровозъ. Я утверждаю, что если до пяти

часовъ утра мы не выѣдемъ съ этой станціи, то мы не выѣдемъ вовсе, — жестикулируя горячился Либинъ.

Неожиданно вынырнулъ изъ за водокачки громадный, неуклюжій грузовикъ. Прорѣзывая ослѣпительно-рѣзкой яркой полосой ночную тьму, онъ освѣтилъ наглымъ свѣтомъ часть станціи съ полотномъ дороги, нѣсколькими вагонами и балки съ сидящей на нихъ группой. Съ непрестаннымъ трескомъ мотора, какъ будто топчась на одномъ мѣстѣ, онъ началъ заворачивать къ дорогѣ по полю.

— Филаренко, эй, Филаренко! — окликнулъ шофера чей то зычный басъ изъ группы сидящихъ на балкахъ.

— Слышу . . . — донеслось сквозь трескъ мотора.

— По какому пути уѣзжаете?

— На Проскуровъ . . . — едва донеслось сквозь усиливавшійся грохотъ машины. Рѣзко обозначенная, больно бьющая въ глаза свѣтовая полоса фонарей, дрогнувъ, заколебалась на полотнѣ дороги и, быстро скользнувъ по всему пространству, сразу исчезла, погрузивъ станцію какъ будто въ болѣе непроглядную тьму. По черному полю далеко къ горизонту протянулись расходящіеся, быстро убѣгающіе, лучи.

Минуты бѣжали за минутами. Въ густой тьмѣ, окутавшей все пространство, на одинокой маленькой станціи, гдѣ безъ паровоза, среди полотна дороги черной массой едва чернѣли вагоны, было тихо и почти безмолвно. На балкахъ, среди группы сидѣвшихъ, разговоры умолкли. У каждаго наростала въ душѣ тревога. Тучи, обволакивавшія небо, недвижно и низко нависли надъ землею. На горизонтѣ, отодвигаясь все

дальше и дальше, вспыхивала слабая зарница. Было далеко за полночь, но никто не думалъ о снѣ.

Въ оперативномъ отдѣленіи штабного вагона было душно. Темныя шторы на окнахъ были спущены. Передъ большимъ, занимавшимъ почти все внутреннее пространство, столомъ съ разложенной громадной, свѣшивавшейся краями картой, сидѣлъ генералъ Гуторъ. Немолодое лицо, сразу состарившееся отъ усталости, тревоги и личныхъ переживаній въ связи съ утреннимъ пріѣздомъ Верховнаго и смѣщеніемъ его съ поста командующаго арміей, — было сосредоточено и строго. Одной рукой, облокоченной о столъ, съ пухлыми, короткими пальцами, онъ поддерживалъ голову, другой отмѣчалъ линію все болѣе и болѣе увеличивавшагося прорыва на фронтѣ.

Занося что то на листъ, онъ въ то же время негромкимъ, но отчетливымъ и яснымъ голосомъ отдавалъ приказанія начальнику штаба, сидѣвшему у небольшаго стола въ концѣ вагона. Съ телефонной трубкой въ рукахъ, Духонинъ передавалъ по аппарату краткія приказанія генерала Гутора, и выслушивалъ то, что ему доносили. Лицо его съ неизмѣннымъ румянцемъ на щекахъ и алыми, сочными губами, казалось обычно свѣжимъ, но глаза, всегда блестящіе, потускнѣли и выражали явную усталость. Небольшая, вновь появившаяся складка между бровей, придавала всему выраженію лица значительную черту труднаго внутренняго переживанія.

Генералъ Гуторъ, нажимая ступившійся синій карандашъ, отмѣчалъ толстой чертой линію сѣвернѣе Бржезанъ, гдѣ между Заложцами и Езерной увеличивался

прорывъ, благодаря отказу Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка, подъ командой штабсъ-капитана Дзевалтовскаго, исполнить приказъ генерала Эрдели.

Опять раздался въ тишинѣ вагона хриплый не то гудокъ, не то трескъ полевого телефона. Генералъ Духонинъ приложилъ аппаратъ къ уху:

— Я слушаю, — проговорилъ онъ высокимъ усталымъ голосомъ.

— Что такое?... Повторите... и двадцатая тоже?... Обозъ и артиллерія?... да... да... сейчасъ доложу... Ваше Превосходительство, — обернулся онъ къ Гутору, поднявшему голову и смотрѣвшему въ его сторону сосредоточенно-строгими глазами, — и двадцатая, и пятая дивизіи отказались взяться за оружіе. Обозъ и артиллерія въ рукахъ непріятеля, который быстро двигается впередъ.

— Который часъ?

— Безъ четверти часъ.

— Къ утру мы должны выѣхать отсюда, иначе... Велите позвать князя...

Въ это самое время князь Крапоткинъ, сидя на диванѣ своего купэ, нервно отшвыривая одну за другой недокуренныя папиросы, не выпуская изъ руки трубки телефоннаго аппарата, на всѣ лады ругался, проклиналъ, кричалъ и даже уговаривалъ, смотря по тому, къ кому относилась его рѣчь съ требованіемъ выслать паровозъ.

— Да, да, голубчикъ мой, ради Бога, позаботьтесь, чтобы два пулемета были установлены на паровозѣ... ахъ, чортъ, опять перебили!... Чтобъ имъ пусто было! Проскуровъ. Эй!... кто тамъ разъединяетъ

съ Проскуровымъ? Чего суетесь? Ну да, говорятъ съ Проскуровымъ... Комендантъ станціи?... Насъ разъединили... Ради Бога, поскорѣе... вѣдь нельзя больше терять ни минуты... А вы велите стрѣлять. Чтобъ имъ!... — Князь разразился отборной бранью и только хотѣлъ опустить трубку, какъ опять услышалъ голосъ.

— Да, да, я тутъ. Выслали? Ну слава Богу! Слава Богу! благодарю васъ, значитъ во время отвалимъ...

— Командующій арміей проситъ васъ, князь, — заглянулъ въ купэ адъютантъ — высокій, худой блондинъ.

— Иду, иду... Слава Богу, наконецъ добился: паровозъ выслали, — съ облегченіемъ вздыхая, проговорилъ князь.

Въ три часа ночи, прибывшій изъ Проскурова, паровозъ былъ прицѣпленъ къ штабнымъ вагонамъ.

Поѣздъ, громыхая колесами и цѣпями, медленно потянулся по шпаламъ въ тишинѣ и тьмѣ грозной ночи, памятной въ исторіи Россіи, 7-го Іюля 1917 года.

XVIII.

Темная ночь со всѣми ужасами, возможными среди океана взбунтовавшихся солдатъ, потерявшихъ сознаніе всякой дисциплины, спустилась надъ маленькимъ мѣстечкомъ. Съ утра и весь день толпы, бѣгущія съ поля сраженія, наводняли безпорядочнымъ, мутнымъ, бурливымъ потокомъ главную прямую уличку мѣстечка, взбивали по ней сѣро-желтоватую пыль, наполняли жаркій воздухъ криками, бранью и проклятіями. Мимоходомъ солдаты заглядывали въ опустѣвшія избы, изъ которыхъ лишь нѣсколько часовъ тому назадъ выѣхалъ

весь штабъ дивизіи и передовой N-скій Красно-Крестный отрядъ, оставивъ послѣ себя слѣды спѣшныхъ, тревожныхъ сборовъ.

Сгустившаяся надъ опустѣлымъ мѣстечкомъ тьма таила въ себѣ, полный грознаго значенья, ужасъ. Въ тишинѣ, нависшей надъ темными, опустѣлыми домишками и дворами, чуткому уху все еще чудились разнузданные озлобленные солдатскіе крики и ругань. Ни въ одномъ окнѣ не мелькалъ огонекъ: все казалось вымершимъ.

Въ небольшомъ домикѣ, съ крашенной деревянной галерейкой и маленькими тремя оконцами, выходившими на узкую улицу, тщательно завѣшанными чѣмъ то темнымъ, такъ что снаружи домикъ казался, какъ и всѣ, необитаемымъ, лихорадочно ожидали первыхъ пробесковъ зари двѣ сестры милосердія и два тяжело раненыхъ офицера, которыхъ невозможно было днемъ увезти на одноколкахъ, въ виду опаснаго состоянія ихъ здоровья. Къ вечеру прибылъ откуда то спасшійся отъ крушенія автомобиль и оставшемуся подлѣ раненыхъ фельдшеру удалось уломать шоффера, чтобы тотъ, за крупное вознагражденіе, согласился доставить ихъ раннимъ утромъ въ Тарнополь, куда направился эвакуированный передовой отрядъ.

Фельдшеръ, одѣтый, протянувшись во весь гигантскій ростъ на продавленномъ, засаленномъ, полусломанномъ диванѣ, спалъ въ узенькихъ сѣнцахъ подлѣ входной двери, крѣпко запертой и заставленной столомъ. Накрывъ шинелью голову и свѣсивъ, обутые въ высокіе сапоги, громадные ноги поверхъ ручки дивана, онъ храпѣлъ однообразнымъ храпомъ, монотонно повторявшимся черезъ одинаковые промежутки.

Въ комнатѣ рядомъ съ сѣнями, очевидно когда то столовой, съ неуклюжимъ рыночнымъ темнымъ буфетомъ въ углу, захолустнаго вида висячей лампой посреди комнаты надъ небольшимъ запятнаннымъ круглымъ столомъ и нѣсколькими столовыми стульями, у стѣны, обитой желто-розоватыми обоями съ разводами, стояли двѣ походныхъ узкихъ койки, на которыхъ въ забытьи тихо лежали два тяжело раненыхъ офицера. Свѣтъ падалъ черезъ дверь, наполовину открытую въ сосѣднюю маленькую комнату, гдѣ на большой деревянной кровати полудремали, лежа въ разныя стороны, двѣ сестры милосердія. Одна изъ нихъ тоненькая, небольшая, съ изящнымъ оваломъ блѣднаго лица, закутавшись поверхъ платья въ клѣтчатый шотландскій плэдъ съ бахромой, спала, поджавъ подъ себя ноги.

Другая — крупная полная шатенка — Вѣра Илларіоновна Быстрова, тоже одѣтая, съ бѣлымъ Оренбургскимъ платкомъ на плечахъ, высоко примостивъ голову на свернутое пальто, подложенное подъ подушку, полудремала легкой, почти бодрствующей дремотой. Ея большія, добрыя глаза съ тяжелыми вѣками часто открывались: она прислушивалась, глядя по направленію къ открытой въ сосѣднюю комнату двери.

Маленькая жестяная керосиновая лампа, стоявшая на комодѣ и заставленная небольшимъ кожанымъ ручнымъ сакомъ, освѣщала тусклымъ желтоватымъ свѣтомъ комнату, обставленную грязно и по мѣщански. Подлѣ кровати на деревянной скамейкѣ стояла громадная, облупившаяся эмалированная миска и рядомъ на полу металлическое старое ведро, наполненное

чистой водой. Небольшое оконце, выходившее въ полувысохшій садикъ, было завѣшано, посѣрѣвшей отъ пыли, тюлевой занавѣской, подобранной съ одного бока. На запыленной этажеркѣ противъ комода, въ аляповатой стеклянной вазѣ торчалъ выцвѣтшій букетъ изъ бумажныхъ цвѣтовъ. Тутъ же на стѣнѣ въ узенькихъ рамкахъ висѣли портреты какихъ то дегенеративнаго вида дѣтей и семейная группа сплошныхъ уродовъ, сидѣвшихъ и стоявшихъ въ неуклюжихъ, неловкихъ позахъ. Вся внутренность комнаты, съ тяжелой деревянной кроватью и унылой обстановкой, озаренная печальнымъ свѣтомъ лампы, издававшей керосиновый запахъ, наводила тоску. Не смотря на монотонный непрерывный храпъ, доносившійся изъ сѣней, казалось, что все было погружено въ давящую, что то предвѣщавшую, тишину.

Вѣра Илларіоновна открыла глаза. На стѣнѣ, выбѣленной известкой, подлѣ комода безформенная тѣнь отъ дорожнаго сака, заставлявшаго лампу, лежала темнымъ неподвижнымъ пятномъ.

Вѣра Илларіоновна, отгоняя сонъ, принялась пристально всматриваться въ тѣнь, стараясь въ непонятныхъ растянутыхъ очертаніяхъ отгадать части сака и стоявшихъ подлѣ мелкихъ вещей. Одновременно въ мозгу проносились обрывки картинъ и рѣчей протекшаго лихорадочнаго дня. Въ сердцѣ была тревога. Хотѣлось скорѣе дождаться утра, чтобы уѣхать изъ всѣми покинутаго опаснаго мѣста. Изъ сосѣдней комнаты донесся тихій протяжный стонъ. Вѣра Илларіоновна быстро поднялась на кровати, собираясь встать, но стонъ оборвался, и опять все погрузилось въ тишину,

нарушаемую назойливымъ монотоннымъ храпомъ. Быстрова поправила подушку, плотнѣе запахнула платокъ и, закрывъ глаза, опять опустила голову, но черезъ минуту она порывисто поднялась съ широко открытыми, испуганными глазами и стала напряженно прислушиваться къ тяжелому отдаленному шуму, похожему на грохотъ. Шумъ ясно увеличивался. Она поняла, что это военный грузовикъ. Все ближе и ближе. Въ ночной тишинѣ этотъ грохотъ казался нестерпимо оглушительнымъ, несущимъ съ собой нѣчто страшное.

— Наташа... Наташа, проснитесь!.. — спуская ноги съ кровати и осторожно дотрагиваясь до руки спящей сестры Иваницкой, позвала она.

— Что?.. что такое? — сразу просыпаясь и озираясь вокругъ сонными глазами, не своимъ голосомъ, испуганно, зашептала Иваницкая.

— Тише, тише... надо разбудить Драченко... вы слышите? Это съ той стороны. Вѣрно опять бѣгущіе съ фронта солдаты. Не наскочили бы на насъ!

— Который часъ? Поздно?

— Скоро три.

— Господи, скорѣй бы!.. — застегивая туфли и устало, нервно зѣвая, тоскливо произнесла Иваницкая. Ея поблѣднѣвшее лицо, съ тонкимъ профилемъ и большими темными зрачками на изсиня молочномъ бѣлкѣ, было красиво и трогательно-нѣжно въ бѣлой, плотно обрамлявшей его косынкѣ.

— Надо разбудить Драченко, — повторила Быстрова, выходя изъ комнаты

Тяжелый грохотъ, все ближе и ближе надвигавшійся, уже заполнялъ собой всю тишину ночи. На-

конецъ, достигнувъ крайнихъ предѣловъ, онъ неожиданно и рѣзко оборвался. Послышались грубые, хриплые голоса. Иваницкая шагнула къ комоду и быстрымъ движеньемъ затушила лампу. Кругомъ стало жутко и черно.

— Эй, кто тамъ есть?! — въ дверь изъ сѣней раздался сильный стукъ. — Кто есть? Отворяйте.

— Чего ломитесь . . . Потише, — тутъ раненые, — соннымъ ворчливымъ голосомъ отозвался фельдшеръ.

— Господи, что будетъ?! Зачѣмъ онъ отозвался? — ловя въ темнотѣ руку входившей ощупью Быстровой, дрожащими губами прошептала сестра Иваницкая.

— Такъ лучше... все равно вломились бы, — отвѣтила Вѣра Илларiоновна тоже шопотомъ, обнимая за плечи сильно взволнованную Иваницкую.

— Слышь, отворяй!.. — раздались снаружи нетерпѣливые окрики.

— Ладно, подождете. Огня не найду, — флегматично отвѣтилъ фельдшеръ.

Послышалась возня, что то металлическое упало на полъ и покатилось. Драченко, ругаясь крѣпкими, отборными словами, очевидно шаря въ потьмахъ, уронилъ еще что то и, тяжело ступая и не переставая ругаться, сталъ открывать наружную дверь. Обѣ сестры милосердiя, затаивъ дыханiе, прижавшись другъ къ другу, застыли въ напряженномъ ожиданiи.

— Ну, чего лазите по ночамъ?! Спать не даете, черти . . . — безстрашно распахивая дверь, гнѣвно обратился фельдшеръ къ кучкѣ солдатъ, стоявшихъ въ темнотѣ на порогѣ.

— А кто самъ будешь? Чего ругаешься?! — послышался хриплый голось, и кто то ввалился въ сѣни. За нимъ остальные.

— Говорю, черти, спать не даете. Сутки не спалъ. Шатаетесь по ночамъ!.. Чего не видали?..

Кто то чиркнулъ спичку, и уродливыя, гигантскія тѣни заметались по стѣнамъ комнаты, въ которой лежали раненые офицеры; одинъ изъ нихъ протяжно и жалобно застоналъ.

— Чего тамъ? Ктой-то стонетъ? — дѣлая шагъ черезъ порогъ, спросилъ одинъ изъ вошедшихъ.

— Кто помираетъ, тотъ и стонетъ, — зѣвая во весь ротъ, отвѣтилъ фельдшеръ. Его неуклюжая, гигантская фигура съ взлохмаченной головой, потянулась колеблящейся, перегибающейся тѣнью по всему потолку и стѣнѣ.

Обѣ сестры милосердія безшумно шарахнулись всторону къ углу комнаты.

— Офицеры аль солдаты? — спросилъ шагнувшій въ комнату.

— Солдаты.

— Значить, фершалъ самъ будешь?

— А то генералъ?! ну да ладно, проваливайте! Спать хочу. Тоже начальство выявилось съ допросами!..

— Ну ты, потише тамъ! — отозвался кто то изъ солдатъ грубымъ, угрожающимъ голосомъ.

— Еще чего! Видно не доглядѣлъ меня при огнѣ... — *со сдерживаемой насмѣшкой, спокойно от*вѣтилъ фельдшеръ. — Одинъ на десятерыхъ хаживалъ и цѣлъ возвращался. Толкомъ говорите: чего привалили ночью?

— Навозъ привезли.

— Какой навозъ?

— Самый что ни на есть офицерскій навозъ. По дорогѣ переловили. Свалимъ тутъ во дворѣ... ты смотри, не вздумай, коли кто живъ изъ этихъ чертей, сюда стащить. Живо голову раскроимъ.

— Ладно, слышалъ. Говорю, не до васъ мнѣ: спать охота. Проваливайте вы и со своимъ навозомъ.

Въ сѣняхъ опять затопали, хлопнула входная дверь, и въ комнатѣ стало тихо и непроглядно темно.

— Господи!... — дрожащей рукой осѣняя себя крестнымъ знаменьемъ, прошептала сестра Иваницкая, продолжая судорожно сжимать руку Быстровой. — Ушли?...

— Молодецъ Драченко! — съ облегченіемъ, тоже шопотомъ проговорила Вѣра Илларіоновна, ощупью идя къ двери.

— Драченко! — тихонько позвала она.

— Я здѣсь. Не зажигайте огня. Богъ дастъ пронесетъ мимо. Не люди, а звѣри... — подходя къ двери и просовывая въ нее голову, сдержаннымъ шопотомъ проговорилъ фельдшеръ.

Со стороны задней части дома послышались громкіе голоса. Фельдшеръ и сестры насторожились. Солдаты, очевидно, съ чѣмъ то возились возлѣ сарая, расположеннаго въ концѣ дворика съ той стороны дома, гдѣ находились сестры милосердія. Слышно было, что они уходили на улицу и возвращались вновь, таща что то тяжелое, что сваливали въ сарай.

— Убитыхъ офицеровъ волокутъ... звѣрье!... — негодующе прошепталъ фельдшеръ. Сестра Иваниц-

кая въ ужасѣ зажала ладонями виски. Въ сосѣдней комнатѣ опять раздался протяжный жалобный стонъ. Вѣра Илларіоновна скользнула въ темнотѣ къ кровати раненаго, склонилась надъ нимъ и, нащупавъ его голову, положила прохладную ладонь на горячій, сухой лобъ.

— Милый, что съ вами? Болитъ?

— Болитъ . . . ахъ, какая длинная ночь! . . . какая темень! . . . Дайте свѣтъ . . . невыносимая тоска, сестрица . . . Пить дайте . . .

— Сейчасъ дамъ. Скоро утро; осталось недолго потерпѣть. — Вѣра Илларіоновна ощупью нашла на столѣ стаканъ съ кипяченой водой.

— Драченко, зажгите спичку, а то я не могу напоить Михаила Сергѣевича.

— Вотъ это плохо! Кругомъ темно, какъ бы они не замѣтили свѣтъ. Ну, да ладно. Я чиркну тутъ у комода, а вы поскорѣе напойте. — Фельдшеръ, присѣвъ на корточки, чиркнулъ спичку. Еле замѣтный, мутный колеблющійся свѣтъ озарилъ непривѣтливую комнату и склоненную надъ раненымъ плотную фигуру Быстровой. Чуть мелькнуло изжелта блѣдное, худое, молодое лицо раненаго, приподнявшагося на локтѣ. Черезъ разстегнутый воротъ бѣлой сорочки видна была шея и часть груди.

— Зачѣмъ потушили? Тоска . . . — слабо простоналъ онъ.

— Не бунтуйте, Михаилъ Сергѣевичъ; никакъ нельзя больше зажигать, — шопотомъ отозвался фельдшеръ. — Тутъ такія дѣла идутъ! Развѣ не слышали: минуту тому назадъ гости у насъ были? Шутки

плохи. Лучше въ темнотѣ побыть, чѣмъ съ ними дѣло имѣть. Едва выпроводилъ.

— Драченко, голубчикъ, поверните меня на другой бокъ, — опять застоналъ раненый. — Болитъ невыносимо. Только бы утро! Скорѣе бы докторъ пришелъ!...

— И безъ доктора справимся, — мощной рукой приподнимая больного и осторожно перекладывая его, тихонько говорилъ фельдшеръ. — Удирать надо. Здѣсь оставаться опасно.

— А какъ же поѣдемъ?... Въ чемъ?... — кряхтя и стоная, спросилъ раненый.

— Могу порадовать васъ, Михаилъ Сергѣевичъ, — достали автомобиль. И скоро, и удобно доѣдемъ. До Тарнополя недалеко. Какъ утро забрежжетъ, такъ и тронемся.

— Ахъ, да... скорѣе бы только!... Ногу бы, сестрица, перевязать. Невыносимо стало... — никакъ не уложу ее... — жалобно-просительнымъ голосомъ обратился больной къ стоявшей подлѣ него Быстровой.

— Минутку подождите, дорогой. Пусть только эти звѣри уйдутъ съ нашего двора, и я зажгу лампу.

— Хоть разбинтуйте... ей Богу, не могу больше, — чуть не плача, настаивалъ больной.

— Ну, давайте, давайте... Я попробую...

— Экій вы, Михаилъ Сергѣевичъ, нетерпѣливый стали. А еще кавалеристъ!... Не одобряю я васъ, — добродушно выговаривалъ фельдшеръ, отходя въ сторону окна и прислушиваясь.

Вѣра Илларіоновна опустилась на колѣни передъ кроватью больного, осторожно выпростала изъ подъ

одѣяла замотанную ногу и, легко касаясь призычными ловкими пальцами, стала ее разбинтовывать.

— Уходятъ ... слышите, уходятъ ... — послышался шопотъ сестры Иваницкой. Всѣ на секунду затаили дыханіе, чутко прислушиваясь къ топоту тяжелыхъ солдатскихъ шаговъ, постепенно удалявшихся со стороны сарая черезъ садикъ къ улицѣ. Топотъ сталъ еще слышнѣе и явственнѣе со стороны деревянной галерейки, на которую выходила наружная дверь.

— Господи, пронеси мимо! ... — громко прошептала Иваницкая. Черезъ минуту затрещалъ моторъ, врываясь нестерпимо рѣзкимъ звукомъ, тяжело нарушавшимъ тишину глубокой ночи. Звуки эти спѣша и нагоняя другъ друга, какъ бы вырывались изъ какой то гигантской мощной глотки, силясь взорвать ее и разнести на части. Въ хаосѣ этихъ звуковъ тонули перебранивавшіеся, грубые голоса. Затѣмъ трескъ мотора оборвался и загромыхали тяжелыя колеса грузовика. Все слабѣе и слабѣе, какъ бы заволакиваясь, доносился грохотъ колесъ и, постепенно тая въ дали, совсѣмъ стихъ. Опять настала темная и глубокая тишина.

— Слава Богу ... Уѣхали ... Я зажгу лампу, — какъ бы боясь нарушить наступившую тишину, все еще шопотомъ произнесла Иваницкая.

— Погодите. Чортъ ихъ знаетъ, а вдругъ какъ не всѣ уѣхали. Я пойду на развѣдки. — Фельдшеръ направился къ дверямъ сѣней.

— Драченко, возьмите револьверъ, — остановила его Быстрова.

— Въ карманѣ. Безъ этого не ходимъ.

— Пройдите прямо на дворъ черезъ нашу комнату.

— Ладно.

Фельдшеръ, нащупывая передъ собой дорогу, прошелъ черезъ комнату сестеръ въ крошечную клѣтушку и оттуда, толкнувъ тяжелую маленькую дверцу, вышелъ на черный ходъ.

Черезъ нѣсколько минутъ напряженнаго, остраго ожиданія обѣихъ сестеръ, онъ вернулся:

— Всѣ уѣхали. Можно зажечь свѣтъ.

— Вы были у сарая? — спросила Быстрова.

— Былъ.

— Что тамъ?

Фельдшеръ помолчалъ.

— Плохо тамъ, — глухо проговорилъ онъ черезъ минуту, вправляя стекло въ зажигаемую имъ лампу на комодѣ.

— Дайте лампу сюда, Драченко. Надо хорошенько ногу перевязать, — обернула къ нему голову Быстрова, въ тоже время выразительно указывая на больного и давая понять, что при немъ не надо говорить о томъ, что онъ сейчасъ видѣлъ.

Драченко поставилъ лампу на круглый столъ посреди комнаты. Неуютный свѣтъ жестяной коптилки тускло озарилъ ее.

— Ишь, какъ спитъ! Даже не бредитъ. — Фельдшеръ подошелъ къ койкѣ, стоявшей подъ угломъ у другой стѣны. Повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, больной дышалъ ровно и глубоко.

— Жаръ есть? — спросила Иваницкая, тоже подходя къ кровати и поправляя сползшее сѣрое одѣяло.

— Пожалуй, что есть.

— Большую дозу вспрыснули съ вечера. Пусть отдохнетъ. Очень мучился, бѣдняга.

Фельдшеръ, громко зѣвая, прошелъ въ сѣни и сталъ снова укладываться на диванъ. Лопнувшія пружины и полусломанныя ножки громко трещали подъ тяжестью грузнаго тѣла.

— Драченко, что тамъ у сарая? — спросила Быстрова, прикрывая за собою дверь въ сосѣднюю комнату.

— Свалены убитые офицеры.

— Много?

— Кажется, много.

— Живыхъ нѣтъ?

— Стоялъ съ минуту и никто не отозвался. Навѣрное всѣхъ прикончили.

— Надо бы поглядѣть.

— Чего тамъ глядѣть? Неравно опять пріѣдутъ. Ложитесь лучше спать, сестрица; скоро свѣтать начнетъ ... Охо-хо-хо ...

Фельдшеръ протяжно зѣвнулъ, натянулъ на голову шинель и приготовился спать. Вѣра Илларіоновна постояла минутку въ раздумьи, вернулась въ большую комнату, поправила свѣтъ въ лампѣ и прошла въ спальню, гдѣ сестра Иваницкая, сидя на кровати, снимала туфли, собираясь лечь.

— Ложитесь, Вѣрочка; надо отдохнуть. Я совсѣмъ разбита.

— Спите, милая, а я сейчасъ приду.

— Куда вы?

— Я пойду къ сараю.

— Не ходите ... это безуміе!

— Да вѣдь они же уѣхали. А вдругъ тамъ естъ живые? Я не могу, я должна пойти.

— Тогда и я съ вами.

— Нѣтъ, Наташа, нельзя же оставлять раненыхъ безъ присмотра: Драченко спитъ, вы знаете, какъ его трудно добудиться. Пожалуйста, не волнуйтесь: со мною ничего не случится. Гдѣ электрическій фонарикъ?

— Вѣрочка, будьте осторожны, умоляю васъ. Прежде, чѣмъ идти къ сараю, хорошенько прислушайтесь и приглядитесь.

Быстрова достала электрическій фонарь, открыла низенькую дверьку въ клѣтушку, безшумно закрыла ее и, нащупавъ обитую облѣзлой клеенкой тяжелую и низкую дверь, ведущую на задворки, осторожно и безшумно пріоткрывъ ее, остановилась на порогѣ, зорко вглядываясь въ теплую, неподвижную темноту лѣтней ночи. Звѣздное небо было сине, глубоко и безоблачно. Ни одинъ звукъ не нарушалъ тишины. Постепенно привыкшіе къ темнотѣ глаза стали разбирать очертанія сперва близкихъ, потомъ отдаленныхъ предметовъ: сейчасъ за дверью стояла громадная, совсѣмъ почернѣвшая бочка, валялось смятое жестяное ведро и опрокинутое корыто. Дальше чернѣла боковая часть низкаго, крытаго черепицей, сарая.

Вѣра Илларіоновна медленно, поминутно прислушиваясь, начала подвигаться впередъ вдоль стѣны дома. За угломъ, передъ небольшой площадкой, зіяла пасть распахнутаго настежь низкаго сарая. На землѣ поодаль что то чернѣло возлѣ рѣденькой деревянной рѣшетки, отдѣлявшей чахлый, высохшій садикъ отъ двора. Быстрова, зорко оглядываясь вокругъ и продолжая при-

слушиваться, подошла къ чернѣвшему на землѣ пятну: раскинувъ руки и ноги, ничкомъ лежалъ человѣкъ безъ шапки и сапогъ. Склонившись, она дотронулась до его рукъ, лица и груди. Сердце не билось, руки и лицо были мертвенно-холодны. Подойдя къ распахнутымъ воротамъ сарая, она вдругъ тихонько ахнула: у порога внутри сарая въ кучу и порознь были свалены тѣла убитыхъ.

На одну секунду она, нажавъ кнопку фонаря, освѣтила внутренность сарая. Мелькнула стоявшая вглубинѣ телѣга, куча рогожъ. Прямо передъ ней мелькнули безпомощно раскинутые ноги безъ сапогъ, руки, изсиня-блѣдныя лица, иныя съ запекшеюся кровью, офицерскіе френчи со значками и орденами. Быстрова опустилась на колѣни и, съ безумно бьющимся отъ ужаса сердцемъ, стала проводить дрожащей рукой по тѣламъ убитыхъ, ища въ окоченѣлыхъ членахъ признаковъ жизненнаго тепла. Неожиданно, гдѣ то близко, чуть ни надъ самымъ ухомъ, хриплымъ голосомъ пропѣлъ пѣтухъ. Вѣра Илларіоновна вздрогнула. Опять все погрузилось въ полную тишину,и она, не замѣчая,. какъ въ лихорадкѣ стучали ея зубы, приблизилась къ другой кучѣ мертвыхъ и опять стала шарить. Подлѣ сада что то хрустнуло. Она застыла въ напряженномъ ожиданіи, повернувъ голову въ ту сторону. Но все было тихо и мертво. Прямо передъ ней на синемъ сводѣ сорвалась блестящая звѣзда и, оставляя за собой мгновенную огневую черту, канула въ темную ночь. Быстрова не успѣла отвести глазъ, какъ близко отъ нея раздался, похожій на шелестъ вѣтра, вздохъ. Она приложила обѣ руки къ учащенно бившемуся сердцу и

отпрянула назадъ. Но черезъ секунду, овладѣвъ собой, шагнула впередъ и стала прислушиваться. Опять все было тихо. Съ трудомъ она прикрыла тяжелыя ворота сарая, не рѣшаясь иначе зажечь фонарь. Подгибались колѣни и трепетали руки, когда, прикрывъ сарай, она очутилась среди груды мертвецовъ, на посинѣлыхъ лицахъ которыхъ, блуждая, остановилась яркая полоса электрическаго свѣта. Вѣра Илларіоновна начала тщательно вглядываться въ лицо каждаго и ощупывать сердце. Изъ подъ мертвыхъ тѣлъ выпросталась чья то большая, пухлая, блѣдная рука. Она дотронулась до руки; рука была теплая... Забывъ ужасъ своего одиночества, Быстрова, сунувъ фонарикъ въ карманъ, съ непонятной силой оттащила за ноги двухъ мертвецовъ, лежавшихъ на живомъ. Припавъ на колѣни, она нащупала сердце, которое чуть замѣтно, совсѣмъ слабо билось. Она опять зажгла фонарикъ. Яркій, рѣжущій свѣтъ вырвалъ изъ темноты обликъ полумертваго: съ закрытыми, впалыми глазами и запекшимся ртомъ передъ ней лежалъ Михайловскій.

Глухой стонъ вырвался изъ груди Вѣры Илларіоновны. Выронивъ фонаръ, обѣими ладонями схватившись за голову, она съ жестомъ отчаянія откинулась назадъ, потомъ упала головой на грудь Михайловскаго. Прошло нѣсколько секундъ. Тихій чуть внятный стонъ или вздохъ приподнялъ его грудь. Быстрова очнулась, подняла голову, нащупала упавшій на землю фонарь, опять зажгла его, подложила руку подъ голову Махайловскаго и тихонько позвала его. Ей показалось, что вѣки, опущенныя надъ блѣднымъ и строгимъ лицомъ, чуть-чуть дрогнули. Она стала

разстегивать коричневый фрэнчъ. Подъ трепетавшими пальцами большія роговыя пуговицы плохо поддавались. Наконецъ ей удалось разстегнуть ихъ. Вся сорочка была липкая буро-коричневатаго цвѣта отъ сочившейся крови изъ ранъ на груди и на боку. Она еще разъ приложила руку къ сердцу раненаго, удостовѣрилась, что онъ еще живетъ, рѣшительнымъ движеніемъ поднялась, скользнула за ворота сарая и бѣгомъ кинулась къ дому.

— Наташа... Наташа!.. — задыхаясь отъ волненія, стала она будить уже крѣпко спавшую, переутомленную за предъидущій день сестру Иваницкую. — Ради Бога, проснитесь... помогите...

— Кто?.. Что?.. — Недоумѣвающими, широко открытыми съпросонья глазами, Иваницкая смотрѣла на Вѣру Илларіоновну, ничего не понимая, не въ силахъ стряхнуть съ себя крѣпкаго сна.

— Да проснитесь же, Бога ради!.. Встаньте... вотъ ваши туфли.

— Что случилось? — приходя въ себя, спросила Иваницкая, проводя узкой рукой по соннымъ, отяжелѣвшимъ отъ сна, вѣкамъ.

— Наташа, тамъ въ сараѣ среди мертвыхъ лежитъ Михайловскій... онъ еле живъ... его надо спасти...

— Боже мой! Скорѣе разбудите Драченко...

— Ни за что! пусть спитъ. Онъ будетъ доказывать что опасно трогать. Наташа, мы сами потихоньку вытащимъ его.

— Вѣрочка, намъ не стащить: вѣдь Михайловскій дикой тяжести.

— Ничего, я сама потащу. Вы только чуточку помогите.

— Какъ вы блѣдны. Выпейте воды. Васъ бьетъ лихорадка.

— Ничего, лишь бы его спасти... Пойдемте скорѣе...

Онѣ вышли на дворъ. Начинало свѣтать. Синее небо стало прозрачнымъ, звѣзды блѣднѣли, повѣяло свѣжимъ предразсвѣтнымъ вѣтеркомъ. Рядомъ за заборомъ опять хрипло прокричалъ пѣтухъ, оборвался и затихъ.

Иваницкая передернула плечами: ей было зябко отъ прерваннаго глубокаго сна и жутко отъ сознанія, что сейчасъ она увидитъ нѣчто страшное. Быстрова, держа ее за руку, ввела въ сарай. Сквозь щель полуприкрытыхъ воротъ падалъ слабый тускло-сѣроватый свѣтъ занимавшейся зари и въ его мутномъ туманномъ освѣщеніи лица, сваленныхъ въ кучку и разбросанныхъ мертвыхъ людей казались ужасающимъ бредомъ изъ міра кошмарныхъ нежизненныхъ видѣній. Иваницкая отшатнулась въ ужасѣ.

— Здѣсь... онъ здѣсь... Наташа, возьмите себя въ руки... каждая секунда дорога... — Быстрова пріоткрыла шире одну половинку воротъ. Бѣлосоватый свѣтъ упалъ на грузную фигуру Михайловскаго, лежавшаго съ неловко запрокинутой головой, раскинутыми въ стороны руками и въ разстегнутомъ платьи, изъ подъ котораго виднѣлось окровавленное бѣлье и широкая могучая грудь.

— Мы должны его стащить къ себѣ. Я его спрячу въ клѣтушкѣ подлѣ нашей комнаты. Если и вернутся, то врядъ ли хватятся. Берите за ноги, Наташа.

— Охъ, не стащить...

— Я сильная... вы только крѣпко держите, — не выпустите.

Быстрова, съ непонятной для женщины силой, приподняла грузное, громадное тѣло Михайловскаго подъ мышки и потащила изъ сарая, осторожно идя спиной. Иваницкая съ трудомъ поддерживала обѣ ноги. Вѣра Илларіоновна, казалось, не чувствовала тяжести. Дотащивъ до дверей чернаго хода, она ногой оттолкнула тяжелую дверь и осторожно, чтобы не задѣть, стала втаскивать безжизненое тѣло въ маленькую темную клѣтушку.

— Осторожно опускайте... тише, тише... вотъ такъ... скорѣе принесите мою подушку, бинты для перевязки, лампу, и воды въ кувшинѣ... Боже мой, онъ, кажется, холодѣетъ... Скорѣе... Если я не спасу его, то я умру, — вырвался изъ груди Быстровой стонъ отчаянія.

Съ помощью Иваницкой, она подсунула раненому подъ плечи и голову свою подушку и, при свѣтѣ принесенной лампы, разрѣзавъ закорузлую отъ высохшей крови рубашку, быстрыми и умѣлыми пальцами обмыла и стала перевязывать обѣ сочившіяся глубокія раны. Михайловскій оставался все въ томъ же безсознательномъ состояніи. И сердце, и пульсъ были очень слабы. Быстрова, имѣвшая при себѣ аптечку, испробовала нѣсколько средствъ, чтобы привести его въ чувство; но всѣ усилія оказались тщетны.

Занималась заря и начинало свѣтать. Рѣдѣли ночныя тѣни, и розоватые отблески блѣднаго утра, проскользнувъ сквозь крошечное квадратное оконце

подъ навѣсомъ клѣтушки и слившись съ желтоватымъ свѣтомъ лампы, наполнили ее страннымъ мутно-опаловымъ свѣтомъ.

Лицо Михайловскаго въ застывшей блѣдной неподвижности казалось еще строже, еще болѣе непроницаемо.

Иваницкая убрала перевязочные принадлежности, унесла лампу и тазъ съ окровавленной водой.

— Идите, Наташа. Скоро пора собираться въ путь: уже свѣтаетъ. Позовете меня помочь собрать нашихъ раненыхъ. Свои вещи складывайте отдѣльно. Я останусь съ нимъ.

— Вѣрочка, въ умѣ ли вы?! — всплеснула Иваницкая руками.

— Наташа, вы ничего не знаете, — упавшимъ и въ то же время не допускающимъ возраженія голосомъ заговорила Быстрова. Поймите мои слова: его смерть — моя смерть . . . я готова идти на что угодно, лишь бы спасти его.

— Это случилось не здѣсь? — робко спросила Иваницкая.

— Нѣтъ, давно . . . въ Петербургѣ . . . — съ разстановкой, тихимъ полнымъ тоски голосомъ отвѣтила Быстрова. Лицо ея, съ громадными синими тѣнями, сразу окружившими глаза, казалось похудѣвшимъ и постарѣвшимъ. Въ безпомощно опущенныхъ вдоль тѣла рукахъ, во всей позѣ выражалось глухое, сосредоточенное отчаяніе. Бѣлая косынка и передникъ съ большимъ краснымъ крестомъ на высокой пышной груди придавали нѣчто трагически-картинное этому молчаливому, самоотверженному отчаянію.

— Я слышу шаги Драченко. Идите туда, Наташа. Разскажите ему все. Пусть торопится съ отъѣздомъ.

— Вѣрочка, у васъ достаточно съ собой денегъ? Возьмите у меня.

— На всякій случай оставьте, Наташа. Надо искать лошадь. Врядъ ли теперь автомобиль подвернется Да и опасно...

Иваницкая съ тяжелымъ сердцемъ вышла изъ клѣтушки. Она поняла, что никакіе уговоры не заставятъ Быстрову покинуть, по всемъ признакамъ, умиравшаго Михайловскаго.

Съ первыми, брызнувшими на прозрачно-палевомъ горизонтѣ, лучами солнца, заночевавшій проѣздомъ шофферъ, хорошо оплаченный сестрами и ранеными, подалъ машину къ деревянному крылечку. Съ помощью фельдшера и сестеръ, оба раненые были устроены возможно удобнѣе. Иваницкая сѣла рядомъ съ шофферомъ, фельдшеръ помѣстился на выступѣ съ наружной стороны машины.

Быстрова, съ каменнымъ, безчувственнымъ лицомъ, несмотря на безсонную вторую ночь, тщательно помогала въ сборахъ, не забывая ни одной мелочи, касавшейся раненыхъ. Драченко, питавшій къ Быстровой большое уваженіе и теплое расположеніе за громадную энергію и самоотверженную работу при лазаретѣ, съ негодованіемъ протестовалъ, узнавъ о ея рѣшеніи остаться при спасенномъ и умирающемъ Михайловскомъ. Не смотря на неожиданную грубость, съ которой онъ доказывалъ Быстровой безполезность и опасность ея рѣшенія, онъ, прикрывая этой грубостью товарищескую заботливость, не говоря ей ни слова, успѣлъ обѣгать

нѣсколько дворовъ и передъ самымъ отъѣздомъ, съ хмурымъ и недовольнымъ видомъ, сообщилъ, что нашелъ мужика, согласившагося, когда стемнѣетъ, везти ее на телѣгѣ, запряженной одной лошадью, въ Тарнополь. Выѣхать засвѣтло мужикъ не рѣшался, боясь встрѣчъ съ бѣгущими съ фронта солдатами.

— Лошаденка его совсѣмъ плохая, — добавилъ фельдшеръ, — дотащитъ ли васъ до Тарнополя? Ну, да выбирать не изъ чего. Коли до вечера не найдете ничего иного, надо вамъ ѣхать съ нимъ. Эхъ, затѣяли вы, сестрица, глупое и опасное дѣло. Тотъ умретъ, не доѣдетъ до мѣста, а вы рискуете зря погибнуть.

Вѣра Илларіоновна не возражала. Въ томъ, что такъ быстро нашелся человѣкъ, согласившійся везти ихъ, она видѣла доброе предзнаменованіе. Иваницкая съ влажными глазами прощалась съ Быстровой, обнимая и крестя ее.

— Съ какой тревогой я буду ждать васъ завтра, — говорила она, усаживаясь подлѣ шоффера, сильно торопившаго съ отъѣздомъ.

Раненый офицеръ, крѣпко, подъ вліяніемъ наркоза, спавшій всю ночь, стоналъ и охалъ, оставаясь совершенно безучастнымъ ко всему, что не имѣло связи съ его тупой, ноющей, безпрерывной болью въ бедрѣ. Онъ полулежалъ на правомъ боку, уткнувъ страдающее, искривленное отъ боли, лицо въ уголъ автомобиля, обитаго черной кожей. Другой раненый, съ забинтованной, протянутой на сидѣніи ногой, выступавшей какъ чурбанъ изъ подъ больничнаго халата, съ усталымъ изможденнымъ лицомъ былъ сравнительно покоенъ.

— Можно трогаться? — обернулъ шофферъ голову къ возившемуся подлѣ раненыхъ фельдшеру.

— Готово. Отваливай. Ладно, какъ нибудь доѣдемъ.

— Сестрица, милая, да неужели вы здѣсь останетесь однѣ? — слабымъ голосомъ проговорилъ раненый въ ногу офицеръ.

— Будьте покойны, Михаилъ Сергѣевичъ, завтра я опять буду съ вами. Сестра Иваницкая поухаживаетъ сегодня за вами не хуже меня. Будьте бодры. Христосъ съ вами. — Быстрова пожала его блѣдную, прозрачную руку и поцѣловала въ лобъ въ то время, какъ онъ поцѣловалъ ея руку.

— А вы, мой бѣдный Константинъ Ильичъ? Плохо вамъ, голубчикъ? — обратилась она къ другому раненому, не перестававшему тихо и протяжно стонать. Онъ повернулъ въ ея сторону искривленное некрасивое и немолодое лицо:

— Доѣду ли?.. Боль невиносимая.

— Доѣдете. У сестры Иваницкой взятъ съ собой шприцъ. Ну, съ Богомъ! — Она перекрестила его.

Моторъ затрещалъ, и машина безъ толчковъ медленно двинулась впередъ. Фельдшеръ снялъ шапку и перекрестился. За кузовомъ машины сейчасъ же поднялась рыже-сѣрая пыль и заволокла отъ глазъ Быстровой махавшую ей платкомъ, почти плачущую Иваницкую. Черезъ минуту автомобиль исчезъ за поворотомъ, оставивъ вдоль всей улицы медленно расплывавшееся облако пыли. Вѣра Илларіоновна вошла въ сѣни, плотно закрыла входную дверь и, черезъ опустѣвшія двѣ комнаты съ разбросанными оставленными вещами, клочками бумаги, ваты и кусками бинтовъ, съ

озабоченнымъ, блѣднымъ лицомъ, прошла въ клѣтушку, гдѣ неподвижно въ той же позѣ лежалъ на полу Михайловскій.

XIX.

Во мракѣ и неподвижности мертвой тишины, какъ будто кто то сквозь крошечную щель уронилъ слабую полосу свѣта, и сознаніе, уцѣпившись за этотъ чуть уловимый лучъ, проникло въ міръ живыхъ. До уха издалека и неясно донесся совершенно непонятный, странный звукъ. Сознаніе не силилось воспринять и понять его; оно только витало надъ то прерывающейся, то длительной волной тихихъ, ничего не говорящихъ, невѣдомо откуда несущихся, звуковъ. Такъ длилось безконечно много или минутъ, или часовъ, или дней, или годовъ. Жизнь, еще не вполнѣ угасшая, едва теплившаяся въ холодѣющей крови слабо бьющагося сердца, осторожно приподняла стѣнки грудной клѣтки и чуть уловимымъ для слуха вздохомъ соединила матерію тѣла съ внѣшнимъ міромъ. Вслѣдъ за вздохомъ медленно открылись тяжелыя, впавшія вѣки и въ сознаніи, какъ въ стоячей водѣ, отразился лучъ солнца, падавшій изъ оконца клѣтушки наискось и ударявшійся въ ея досчатый уголъ, гдѣ желтый паукъ плелъ раскидистую, отливавшуюся радугой, паутину. Въ этомъ солнечномъ лучѣ для сознанія больного было что то сложное, тонкое, запутанное, то неподвижное, то утомительно и однообразно вращавшееся. Оба воспріятія — и зрѣнія, и слуха сперва чуждыя и далекія для сознанія, мало по малу начали приближаться. Наконецъ, ставъ вплотную, они, медленно, капля за каплей влив-

шись въ него, создали нѣчто мучительное, неотступное и длительное. Хотѣлось вырваться изъ тѣснаго, туго сомкнутаго круга, сдавившаго, какъ въ тискахъ, трепетное, чуть тлѣющее сознаніе. Кругъ замкнувшій въ себѣ лучъ солнца съ чѣмъ-то непонятно тонкимъ и запутаннымъ, къ чему примѣшивались однообразные, тягучіе звуки, началъ впиваться и душить. Сильнѣе забившаяся въ сердцѣ жизнь вырвалась изъ груди тихимъ, жалобнымъ стономъ. Въ ту же минуту что то заслонило солнечный лучъ и съ нимъ вмѣстѣ ту мучительную запутанность, въ которой что то маленькое и желтое шмыгало или, притаившись, выжидало. Звуки тоже оборвались. Стало легче отъ того, что какая то мягкая и теплая масса приподняла что то тяжелое и громадное, какъ котелъ, что составляло неотъемлемую принадлежность сознанія.

Рыданія Вѣры Илларіоновны, стоявшей на колѣняхъ подлѣ лежавшаго на полу Михайловскаго, оборвались, уловивъ протяжный, жалобный стонъ, вырвавшійся изъ его запекшихся блѣдныхъ губъ; она стремительно отняла отъ своего лица плотно прижатые пальцы, сквозь которые струились слезы, и, вся склонившись надъ нимъ, искала жаднымъ, полнымъ отчаянія, взглядомъ признаковъ возврата къ жизни на его помертвѣломъ, обвѣянномъ тѣнями лицѣ. Увидѣвъ открытыми тусклые, почти безжизненные глаза, куда то безцѣльно устремленные, она осторожно подложила подъ его голову свою мягкую, теплую руку, приподняла ее и прижала мокрое отъ слезъ лицо къ его лбу.

— Милый, дорогой, вы узнаете меня? — тихонько спросила она.

Открытые глаза оставались неподвижны. Быстрова долго смотрѣла въ нихъ, продолжая поддерживать рукой отяжелѣвшую горячую голову. Протянувъ свободную руку къ стоявшему подлѣ табурету, она намочила въ мискѣ съ холодной водой край, перекинутаго черезъ плечо, полотенца и приложила его къ вискамъ раненаго.

Ощущенье прохладной влаги коснулось сознанія больного: ему показалось, что то тяжелое, громадное, какъ котелъ, что было его головой, стало легче, и онъ опять вздохнулъ.

— Вы слышите, вы видите меня, дорогой Николай Николаевичъ? Я здѣсь... я съ вами... вы не одинъ... — заговорила Быстрова и, не получивъ отвѣта, опять зарыдала.

Опять до сознанія больного долетѣли эти рыданья въ формѣ тягучихъ, непонятныхъ отдаленныхъ звуковъ, опять въ поле его зрѣнія попалъ освѣщенный лучемъ солнца досчатый уголъ клѣтушки, гдѣ желто-коричневый круглый паукъ то замиралъ въ срединѣ тонкой, искрящейся нитями, паутинѣ, то стремительно кружился по ея краямъ, укрѣпляя новыя нити въ своей воздушной ткани.

Ослабѣвшій на одно мгновеніе, въ своемъ тупомъ, мучительно-тяжеломъ давленіи, кругъ сдавилъ съ прежней силой, и сознаніе Михайловскаго заметалось въ смертельной тоскѣ: глухіе, тягучіе звуки и то, что творилось въ углу, залитомъ солнечнымъ лучемъ, переполнило границы сознанія отчаяніемъ и ужасомъ невыносимаго, остраго страданія... Михайловскій очнулся и услышалъ, что кто-то тихо подлѣ него рыдаетъ; увидѣлъ, что противъ него въ залитомъ солнцемъ

досчатомъ углу желто-коричневый паукъ плететъ громадную переливающуюся радугой паутину. Въ то же мгновеніе онъ почувствовалъ дикую, нестерпимую, рвущую острую боль въ боку и груди. Онъ метнулся головой и плечами. Жгучая, адская боль, какъ клещами, съ большой силой впилась въ грудь и правый бокъ, и опять онъ потерялъ сознаніе: настала беззвучная, бездонная мертвая тьма.

Вѣра Илларіоновна, съ необыкновенной ловкостью и проворствомъ, сняла повязку, сразу намокшую отъ внезапно полившейся крови, съизнова перевязала рану, долго терла виски спиртомъ и, убѣдившись, что ея попытки привести Михайловскаго въ чувство-тщетны, осторожно поправила его голову на подушкѣ и съ тяжелымъ вздохомъ сѣла подлѣ него на полу.

Не отрывая тоскующаго взгляда отъ его лица, забывъ о томъ, что съ вечера ничего не имѣла во рту, она терпѣливо ожидала, когда минетъ этотъ томительный, длинный день и настанетъ вечеръ.

Что-то большое и тяжелое однообразно покачивалось въ громадномъ пространствѣ темно-голубаго цвѣта со слабо мерцавшими блѣдными точками. Открытые глаза Михайловскаго уже давно отражали эти мигавшія точки и темнѣющій сводъ небесъ, но въ сознаніе они проникали безъ опредѣленной формы, безъ понятія, гдѣ и что это. То большое и тяжелое, что однообразно покачивалось въ застланной соломой телѣгѣ, было его громадное, ослабѣвшее тѣло, въ которомъ временно замерла жгучая, мучительная боль.

Телѣга, запряженная маленькой, мохнатой, рыжей кляченкой, понуро сѣменившей облѣзлыми ногами по

разбитой дорогѣ, медленно катилась среди невоздѣланныхъ буро-зеленыхъ полей. Въ быстро сгущавшихся сумеркахъ слабо бѣлѣла прямая, тонувшаяся въ темномъ пространствѣ, пыльная дорога. Мягкій вѣтеръ обвѣвалъ горячую голову раненаго. Но ничего этого онъ не зналъ и не ощущалъ. Его слабое, чуть всплывшее на поверхность жизни, сознаніе не соединяло отражаемаго внѣшняго міра съ собственной личностью. Хотя Вѣра Илларіоновна сидѣла съ нимъ рядомъ, стараясь занять въ телѣгѣ возможно меньше мѣста и поминутно склоняясь надъ нимъ, поддерживала его подъ плечи при ухабахъ и толчкахъ, однако онъ не понималъ значенія ни ея лица, ни близости ея тѣла, ни ея часто обращенныхъ къ нему словъ. Его сознаніе походило на затуманенную поверхность зеркала. Не было ни одного клочка мысли, не было знанія своего „я", не было ни радости покоя, ни страданья. Такъ длилось или очень долго, или одно мгновеніе. Послѣ этихъ мертвыхъ отраженій было что то смутно-кошмарное, страшное, ворвавщееся въ мертвый покой его сознанія какими то дикими звуками и грузными, навалившимися на что то, тяжестями. Что то мелькало назойливое, грохотало, громозилось безъ начала и конца и наконецъ вонзилось съ такой дикой болью, что пробудило омертвѣлое для тѣла „я". Это „я" застонало громкимъ стономъ мучительнаго страданія.

Топоча ногами по гулкимъ ступенямъ каменной лѣстницы лазарета, два санитара, переложивъ Михайловскаго изъ телѣги, несли его на носилкахъ во второй этажъ. Ихъ бѣлые халаты, голоса, топотъ ногъ, ни на минуту не покидавшее его, омраченное скорбью и

чрезмѣрной усталостью, лицо Вѣры Илларіоновны, тяжесть собственнаго, измученнаго болью, тѣла -- создавали тотъ непонятный, дикій кошмаръ видѣній и звуковъ, отъ котораго наконецъ онъ вырвался, благодаря нечеловѣческой боли, причиненной ему докторомъ, тщательно осматривавшимъ и зондировавшимъ его раны.

— Сейчасъ, сейчасъ, мой дорогой... потерпите еще полъ минуты, — ласково приговаривалъ докторъ, въ быстрыхъ и точныхъ движеніяхъ мелькая обнаженными до локтя руками.

-- Экъ, они васъ угодили! Ну и бычачій организмъ! Съ этакими пораненіями выдержать дорогу въ телѣгѣ!.. Сестра, подержите зондъ... іоду дайте... томпонъ... ничего, дорогой мой, постоните... сейчасъ конецъ. Теперь мы васъ уложимъ и будемъ отхаживать. Довольно, сестра, довольно, — обернулся докторъ къ Быстровой, продолжавшей суетиться подлѣ раненаго. — Посмотрите,на кого вы сами похожи!? Теперь мы безъ васъ справимся, идите отдыхать... вы еле на ногахъ держитесь. Пріймите ванну, подкрѣпитесь и ложитесь спать. Я пришлю вамъ сейчасъ рюмочку съ чѣмъ то, что подбодритъ васъ.

— Благодарю васъ, милый докторъ. Сейчасъ я уйду, только пригляжу, пока его со стола на кровать переложатъ.

— Нѣтъ, я протестую, — рѣшительно подошелъ къ ней докторъ. — Вы сдѣлали больше, чѣмъ были въ силахъ. Сестра Петрова присмотритъ, а вы, чтобы не слечь самой, должны пойти на отдыхъ. Идите, прошу васъ.

Вѣра Илларіоновна опустилась на стулъ, подлѣ котораго стояла. Силы сразу измѣнили ей. Блѣдное лицо, со впалыми глазами, осунулось, руки безсильно повисли. Она поникла головой и осталась неподвижной.

— Вамъ худо, сестра? — Докторъ отбросилъ полотенце, которымъ вытиралъ руки, и нагнулся къ Быстровой.

— Нѣтъ, ничего . . . я дѣйствительно очень устала и потомъ я, кажется, давно ничего не ѣла.

— Дайте вашу руку. Я сведу васъ и самъ поухаживаю за вами.

— Нѣтъ, ради Бога, будьте при немъ . . . умоляю васъ . . . — вдругъ вся встрепенулась Быстрова. — Скажите, онъ выживетъ? — Тихимъ упавшимъ голосомъ спросила она, поднявъ на доктора полные тоски, добрые каріе глаза.

— Съ его стальнымъ организмомъ, думаю, что выживетъ, — подумавъ отвѣтилъ докторъ.

Быстрова глубоко, тяжело вздохнула и съ усиліемъ поднялась. Докторъ взялъ ея руку, просунулъ себѣ подъ локоть и повелъ къ двери:

— Я устрою васъ и вернусь къ Михайловскому. Сейчасъ я ему не нуженъ.

Докторъ, всегда мягкій въ обращеніи, умѣлъ заставить повиноваться себѣ. Брюнетъ, съ густо-сѣдѣющими висками и маленькой бородкой, съ яркими, живыми, полными энергіи глазами, онъ былъ любимъ всемъ составомъ прибывшаго на-дняхъ въ Тарнополь N-скаго передового отряда, съ которымъ была на двое сутокъ раздѣлена Быстрова. Онъ глубоко уважалъ и любилъ

Вѣру Илларіоновну. Она была самая неутомимая, распорядительная и энергичная для него помощница.

— Вѣра Илларіоновна не въ братца пошла, — не разъ говорилъ докторъ. — Тотъ все ради фейерверка, а эта молча и ради настоящаго дѣла. Безъ такихъ помощницъ мы погибли бы . . .

Отъ сестры Иваницкой, прибывшей наканунѣ съ двумя ранеными офицерами, отрядъ уже зналъ о самоотверженномъ поступкѣ Быстровой и съ тревогой ожидалъ ея возвращенія. Михайловскаго, лишь недавно прибывшаго въ отрядъ въ роли начальства, знали очень мало; онъ еще не успѣлъ снискать симпатій, и потому всѣ волновались за ея участь, мало думая, удастся ли ей довезти живымъ спасеннаго Михайловскаго.

Переступивъ порогъ небольшой свѣтлой комнаты съ чисто выбѣленными стѣнами, большимъ окномъ и желѣзной кроватью со свѣжимъ бѣльемъ, Быстрова сразу поняла, что ни минуты не медля, ей надо лечь, иначе силы ей измѣнятъ.

— Милый докторъ, я чувствую, что кромѣ сна мнѣ сейчасъ ничего не надо, — проговорила она, садясь на кровать.

— И прекрасно. Ложитесь и спите, только выпейте стаканъ теплаго молока. Сейчасъ я его пришлю. Спите, хоть до утра.

Докторъ вышелъ. Вѣра Илларіоновна съ большимъ усиліемъ воли сбросила съ себя запыленное, смятое платье и косынку и только что покрылась свѣжей простыней и плэдомъ, какъ распахнулась дверь, и сестра Иваницкая вошла съ подносомъ, на

которомъ стоялъ кувшинъ съ горячимъ молокомъ и лежалъ кусокъ булки.

— Вѣрочка, милая, хорошая . . . докторъ приказалъ . . . Господи, на кого вы похожи? . . . На васъ лица нѣтъ! Вы совершенно больны.

— Я страшно устала, Наташа... — слабымъ голосомъ отвѣтила Быстрова, кладя голову на подушку и закрывая глаза.

— Пейте скорѣе молоко. Вы навѣрно ничего не ѣли.

— Кажется, ничего.

— Какое безуміе! Что вы сдѣлали съ собой!

— Это не отъ голода, Наташа.

— Кушайте булку. Докторъ просилъ, чтобы вы непремѣнно подкрѣпили себя.

— Наташа, скажите мнѣ правду, что говоритъ докторъ о Михайловскомъ: онъ очень плохъ?

— Докторъ оченъ встревоженъ вашимъ видомъ, а о Михайловскомъ онъ ничего не сказалъ, — значитъ не такъ ужь плохъ.

— У меня къ вамъ громадная просьба, Наташа, вы исполните? Я прошу васъ какъ друга, какъ сестру.

— Вѣрочка, можетъ ли быть рѣчь. Въ чемъ дѣло?

— Будьте все время возлѣ Николая Николаевича и, если ему станетъ совсѣмъ плохо, сейчасъ же разбудите меня: я должна быть съ нимъ.

— Будьте покойны: я не отойду отъ него и разбужу васъ, если будетъ надо. А теперь, давайте, я васъ хорошенько укрою и спите. — Иваницкая заботливо укутала плэдомъ вздрагивавшую отъ внутренняго, нервнаго озноба Быстрову и вышла, плотно прикрывъ за собой дверь.

Вѣра Илларіоновна закрыла глаза, изъ которыхъ помимо ея воли струились тихія, горькія слезы, медленно, одна за другой, капая на чистую наволочку, туго обтягивавшую подушку. Обрывки мыслей путались въ переутомленной и ослабѣвшей головѣ, рисуя картины минувшихъ сутокъ.

— Господи, Господи, спаси его жизнь . . . исцѣли его . . . — мысленно повторяла Быстрова, горячо вѣря, что Господь услышитъ ея мольбу. Прошло нѣсколько минутъ, и благотворный крѣпкій сонъ окуталъ забвеньемъ и покоемъ ея мозгъ и тѣло.

Былъ поздній вечеръ, когда она проснулась. На столѣ за ея спиной горѣла маленькая, кѣмъ то принесенная лампочка. Сразу очнувшись отъ крѣпкаго сна и вспомнивъ все происшедшее, она наскоро привела себя въ порядокъ, одѣлась и легкой походкой, неслышно ступая, прошла черезъ полуосвѣщенную палату съ койками раненыхъ въ комнату, гдѣ лежалъ Михайловскій.

Едва она вошла, какъ навстрѣчу ей поднялась, сидѣвшая подлѣ кровати Михайловскаго, сестра Иваницкая. Въ комнатѣ было полутемно отъ притушенной лампы и сильно пахло дезинфекціей.

— Ну что? . . . — тревожно спросила Быстрова.

— Въ забытьи. Докторъ былъ два раза. Говоритъ, что надежда есть, — шопотомъ отвѣтила Иваницкая, сдерживая сильную зѣвоту.

Быстрова перекрестилась большимъ, широкимъ крестомъ.

— Теперь идите спать, Наташа. Я останусь съ нимъ, — проговорила она, съ благодарностью обнимая Иваницкую. Ея лицо выглядѣло свѣжѣе, исчезли тем-

ные синяки подъ глазами, и въ прояснившемся взглядѣ отражалась обычная уравновѣшенность стойкой натуры и неисчерпаемая доброта и нѣжность женскаго сердца.

Она сѣла у изголовья раненаго, сложила на колѣняхъ руки и задумалась о томъ, что давно въ крошечной комнатѣ, гдѣ то на одной изъ отдаленныхъ улицъ Петербурга, гадала ей старая добродушная гадалка.

XX.

Поѣздъ главнокомандующаго юго-западнымъ фронтомъ стоялъ на запасномъ пути немного поодаль отъ вокзала Каменецъ-Подольска. Хорошенькій городокъ, отстоявшій довольно далеко отъ вокзала, тонулъ въ зелени своими миловидными, аккуратными особнячками, составлявшими новую, лучшую часть города. Та часть штаба, которая не имѣла помѣщеній въ городкѣ, размѣстилась въ вагонахъ поѣзда главнокомандующаго, куда къ завтраку и обѣду собиралась военная компанія.

Въ просторномъ вагонѣ, вмѣщавшемъ во всю длину большой обѣденный столъ, несмотря на открытыя окна, стояла удушливая жара. Завтракъ подходилъ къ концу. Комендантъ поѣзда, сидѣвшій на предсѣдательскомъ мѣстѣ, былъ сверхъ обыкновенія молчаливъ и задумчивъ. Несмотря на выпитое установленное количество рюмокъ водки, собственноручно изготовленной изъ спирта, и на бутылку пива, настроеніе всегда безпечнаго, балагурящаго стараго гусара и кутилы не улучшилось. Длинный, сухой носъ казался еще болѣе вытянутымъ, и отрывистыя, низкимъ басомъ изрѣдка

бросаемыя, приказанія прислуживавшему за столомъ солдату не сопровождались обычными, добродушными шутками. Настроеніе всей присутствовавшей за столомъ компаніи было такое же молчаливое, почти подавленное: недѣлю тому назадъ прибывшій въ Каменецъ-Подольскъ со станціи Велькій-Ходачковъ штабъ, въ силу грозно и быстро разроставшихся событій, долженъ былъ со дня на день эвакуироваться въ Бердичевъ, — всѣмъ надоѣвшій, пыльный, душный и осенью невыносимо грязный еврейскій городъ.

— А что, князь, вы были у главнокомандующаго? — обратился къ коменданту поѣзда сидѣвшій недалеко отъ него, полный, рослый среднихъ лѣтъ военный, съ широкимъ, простоватымъ энергичнымъ лицомъ и небольшой бородкой, — казакъ Родіоновъ, наканунѣ прибывшій съ позицій, предоставляемыхъ врагу бѣгущими солдатами.

— Былъ, — неохотно отвѣтилъ князь Крапоткинъ, закусивъ въ углу рта папиросу и морщась отъ попадавшаго въ глаза дыма.

— Ну что онъ? Не сдаетъ?

— Какъ же! Сдастъ этакій!... Онъ покажетъ этимъ подлецамъ и трусамъ, что такое власть. Вы слышали, какую телеграмму онъ послалъ на имя Керенскаго о немедленномъ введеніи смертной казни?

— Да, слышалъ. У васъ есть эта телеграмма?

— Есть, въ купэ. Потомъ покажу вамъ. Очень сильно составлена. Категорично заявляетъ, что, если правительство не утвердитъ введенія смертной казни и учрежденія полевыхъ судовъ, то онъ самовольно слагаетъ съ себя полномочія главнокомандующаго. Это я понимаю.

— Молодецъ Корниловъ! — отозвался Родіоновъ. — Казацкая душа: шутить не любитъ. На какой чертъ они отмѣнили смертную казнь, когда кровь неповинныхъ льется отъ рукъ этихъ негодяевъ цѣлыми рѣками. Вѣдь Россія летитъ въ пропасть, летитъ толкаемая кучкой темныхъ, потерявшихъ человѣческое достоинство людей, систематически разлагающихъ армію. Если не пресѣчь сейчасъ же этого позора и ужаса, то будетъ сметено все, и Россія погибнетъ. О, этотъ темный, звѣроподобный народъ нашъ!.. — Родіоновъ обѣими руками схватился за голову, и энергичнымъ, полнымъ гнѣва жестомъ, провелъ ладонями по волосамъ вплоть до затылка.

— Да ужь, дали себя знать! — сквозь зубы пробасилъ князь. — А вы знаете, что эти трусы — дезертиры прислали сообщить, что они не пропустятъ эшелона главнокомандующаго? Пусть, молъ, весь штабъ въ плѣнъ сдается, а мы не пропустимъ До чего дошли!

— Чтожь, вы докладывали Корнилову?

— Чего тутъ докладывать. Я имъ покажу Кузькину мать; пусть не пропустятъ: поставлю пулеметы на паровозѣ и буду жарить по нимъ.

— А помните, Федоръ Дмитріевичъ, какой газетной травлѣ подверглась моя книга, рисующая нашу деревню въ 1905 году и дающая полный фотографическій снимокъ ихъ темнаго быта, ихъ кощунственнаго, святотатственнаго озорства и темной жестокости, — обратился Родіоновъ къ сидѣвшему противъ него худому, блѣдному генералу Левшину съ матовымъ цвѣтомъ лица и мягко глядящими свѣтло-голубыми глазами, бывшему командиру лейбъ-гвардіи гусарскаго

полка, ярому монархисту и богатому помѣщику, любившему свои помѣстья и своихъ крестьянъ.

— Какъ же, помню. Ваша книга, признаться, не дала мнѣ спать много ночей, — отвѣтилъ Левшинъ слабымъ, какъ будто тусклымъ, голосомъ, который встрѣчается у слабогрудыхъ,

— И что же, развѣ я былъ не правъ? — горячо заговорилъ казакъ Родіоновъ, ударяя кулакомъ по столу. — Въ моей книгѣ нѣтъ ни на одну іоту вымысла: всѣ выведенные типы — живые, хорошо извѣстные мнѣ мужики Петры и Иваны. Всѣ описанные факты — не фантазія, а быль. Ну вотъ, пусть теперь защитники этихъ деревенскихъ героевъ убѣдятся сами, насколько я былъ правъ. Э, да вѣдь то, что сейчасъ происходитъ — лишь начало. Самое трагическое — впереди, это я предсказываю вамъ. Вотъ вамъ на лицо въ образѣ солдата, топчущаго честь родины, сметающаго, какъ саранча, все на своемъ пути, эта темная душа нашего темнаго народа, — съ горечью проговорилъ Родіоновъ.

— Знаете, полковникъ, я никогда не испытывалъ въ моемъ мозгу такой запутанности мыслей въ вопросѣ о нашемъ народѣ, какъ сейчасъ. Съ дѣтства я жилъ въ деревнѣ и, казалось, зналъ и понималъ мужика, а выходитъ, что я ровно ничего не понималъ въ его психологіи. А Тургеневъ? А Достоевскій? А Толстой? И они, слѣдовательно, ничего не знали. Это невѣроятно! — Горячо проговорилъ Левшинъ.

— Увлекались романтизмомъ и проглядѣли голую правду, — пожалъ плечами казакъ. — Если власть этой темной силы не будетъ пресѣчена сейчасъ же, то, по-

вторяю вамъ еще разъ, Россія потонетъ въ крови ихъ произвола и дикаго озорства.

— Я думаю, они опомнятся,— задумчиво проговорилъ Левшинъ, блуждая взглядомъ черезъ открытое окно вагона по разстилавшемуся вдали зеленому пространству рощъ и убѣгавшему къ горизонту сине-лиловому теплому колориту полей.

— Нѣтъ-съ, не опомнятся. Безъ палки ни за что не опомнятся. Не только царя, Господа Бога слопаютъ, а не опомнятся. Душа ихъ не воспринимаетъ ужасовъ творимаго. Вы поглядѣли бы, что дѣлалось возлѣ Тарнополя. Кошмаръ! Все шоссе, все что по бокамъ буквально усѣяно было брошенными изломанными повозками, изуродованными автомобилями, убитыми офицерами и жителями города. Солдаты насилуютъ дѣтей... Стоны... вопли... прикладами убиваютъ несчастныхъ офицеровъ, умоляющихъ ихъ остановиться. Калушъ, Галичъ, Станиславовъ и Тарнополь за эти нѣсколько дней покрыли несмываемымъ пятномъ позора и жестокости страницы русской военной исторіи... Да вотъ какъ разъ и полковникъ Филипповъ. Онъ вамъ разскажетъ про эти ужасы. Здравствуйте, полковникъ. Подсаживайтесь къ намъ.

Въ вагонъ вошелъ высокій, стройный, загорѣлый брюнетъ въ темно-коричневомъ френчѣ. По сильному блеску глазъ и порывистымъ движеньямъ сразу можно было признать въ этомъ человѣкѣ крайнюю нервность. Поздоровавшись съ присутствовавшими, полковникъ сѣлъ на свободный стулъ рядомъ съ генераломъ Левшинымъ.

— Вы завтракали? — обратился къ нему князь Крапоткинъ.

— Нѣтъ.

— А водку пили?

— Конечно, нѣтъ, — засмѣялся Филипповъ. — Это только у васъ тутъ рай.

— То-то же. Ладно, сейчасъ вамъ завтракъ подадутъ и водочкой попотчуемъ. Семенъ, принеси, пожалуйста, флакончикъ изъ моего купэ, — обратился князь къ прислуживавшему солдату.

— Ну, что новаго? Разскажите, — перегибаясь впередъ черезъ сосѣда, спросилъ прибывшаго все время сосредоточенно молчавшій, сильно уставшій, Мальскій. Онъ набирался во время завтрака новыхъ силъ для дальнѣйшей работы дня не иначе, какъ при условіи, чтобы передъ нимъ стояла обычная бутылка краснаго вина, неизмѣнно доставляемаго ему изъ его далекихъ Крымскихъ владѣній. Это былъ необыкновенно мягкій, уравновѣшенный, глубоко-культурный и чистый сердцемъ человѣкъ. Три года службы на войнѣ въ Штабѣ измучили его нервную впечатлительную натуру, совершенно неприспособленную къ воспріятію фактовъ военной атмосферы. Онъ усталъ до самой глубины души и ничего въ мірѣ не желалъ такъ, какъ вернуться къ своей семьѣ и безъ конца смотрѣть на море, подлѣ котораго родился.

— Каждый часъ несетъ новое, — яркимъ, громкимъ голосомъ отвѣтилъ Филипповъ. — Новое и отвратительное. Какъ разъ сегодня утромъ я разсказывалъ Александру Ивановичу.

— Вы когда пріѣхали съ позиціи?

— Вчера вечеромъ.

— Откуда?

— Изъ Станиславова.

— Говорятъ, ужасы тамъ были?

— Надо собственными глазами видѣть, чтобы понять и повѣрить. Станиславовъ разгромили до тла. Звѣрства нашихъ солдатъ покрываютъ собой все, что до сихъ поръ разсказывали о звѣрствахъ нѣмцевъ. Даю вамъ честное слово, что на двѣ версты отъ Станиславова были слышны вопли дѣтей и женщинъ. Жгутъ, рѣжутъ, громятъ, бросаютъ на пути ружья, пушки, провіантъ и бѣгутъ, какъ дикое стадо звѣрей.

— Вы черезъ Проскуровъ ѣхали?

— Я проскочилъ какимъ то чудомъ. Что тамъ творится! Тысячныя толпы забили всю станцію. Жгутъ багажъ отъѣзжающихъ жителей, отцѣпляютъ паровозы, убиваютъ поѣздную прислугу... Адъ, настоящій, я вамъ говорю, адъ. Нѣчто дико-стихійное.

— Надо благодарить нашего военнаго министра, разъѣзжающаго по фронтамъ и, вмѣсто приказовъ, занимающагося уговорами и подлаживаньемъ къ солдату. Вотъ и результаты.

— Какъ же эшелоны пойдутъ на Проскуровъ, если тамъ такое скопленіе дезертировъ? — спросилъ Левшинъ.

— Эшелоны пойдутъ на Ломницы, — угрюмо мѣшая ложечкой кофе, отвѣтилъ князь Крапоткинъ. — Думаю, что послѣ завтра тронемся. Здѣсь оставаться штабу больше нельзя.

— Безъ сомнѣнія Каменецъ-Подольскъ будетъ черезъ нѣсколько дней въ рукахъ нѣмцевъ, — проговорилъ полковникъ Филипповъ, накладывая себѣ на тарелку большую порцію гречневой каши. — Вамъ извѣстно, что Волочискъ и Гусятино уже заняты нѣмцами?

— Какую колоссальную добычу получилъ врагъ, захвативъ такое громадное пространство готоваго на поляхъ хлѣба, — съ сокрушеніемъ вздохнулъ Родіоновъ. — Эхъ, Матушка Русь, что сдѣлалось съ тобою?! Не думалъ я, что такъ скоро отдадимъ врагу все, что еще недавно завоевали.

— Я не очень то вѣрилъ въ наступленіе, — ни на кого не глядя, угрюмо отозвалзя князь Крапоткинъ. — Какого тутъ черта наступленіе и какихъ можно было ожидать побѣдъ отъ солдатъ, если ихъ науськивали и продолжаютъ науськивать противъ начальства, даютъ волю разсуждать и обсуждать приказы и въ минуты наступленій собирать митинги. Все это подвохи темныхъ силъ, исходящихъ отъ врага. Лично я считаю, что дѣло наше проиграно.

— Подождите, князь, наше казачество еще себя покажетъ. Долженъ вамъ сказать, что казаки здорово накалены. Я слышалъ на дняхъ ихъ разсужденія. Доберутся они и жестоко расправятся.

— До кого тутъ добираться, когда вся армія въ заразѣ, — фыркнулъ князь.

— А вы обманули меня, — обратился Филипповъ къ Родіонову. — Сказали, что я тутъ увижу художницу Кампіони. Гдѣ же она?

— А вотъ спросите князя: онъ увивается подлѣ нея. Князь, почему Кампіони сегодня нѣтъ?

— Автомобиль былъ занятъ. Я звонилъ, просилъ пріѣхать. Говоритъ, некого послать за извозчикомъ, а пѣшкомъ идти жарко.

— Избалованная, видно, дама?

— А вы думали, нѣтъ? И даже очень.

— Интересная?

— Прiѣзжайте къ обѣду и увидите. Къ обѣду я самъ за ней заѣду.

— Князь не можетъ безъ ухаживанья. Гдѣ дама, тамъ и онъ, — пошутилъ Родiоновъ.

— Да вѣдь я ее давнымъ-давно по Петербургу знаю. Старые знакомые.

— Не оправдывайтесь, князь: вы извѣстный волокита.

— Какое тутъ волокитство?! Кругомъ такое творится, что все изъ головы вышибетъ.

Подъ окнами вагона раздался трескъ подкатившаго къ полотну автомобиля.

— Это чья машина? — спросилъ Филипповъ.

— Моя, — отозвался Мальскiй, тщетно старавшiйся добиться нужнаго номера у телефоннаго аппарата, установленнаго въ углу вагона.

— Если вы сейчасъ ѣдете, Сергѣй Ивановичъ, то, пожалуйста, захватите и меня съ собой.

— Сдѣлайте одолженiе.

— Тогда и меня возьмите, если мѣсто есть; мнѣ надо побывать у Духонина, — присоединилъ свою просьбу казакъ Родiоновъ.

— Съ удовольствiемъ возьму и васъ. Кстати и я ѣду къ Духонину.

— А гдѣ генералъ Гуторъ? Здѣсь еще? — допивая пиво, спросилъ Родiоновъ.

— Третьяго дня уѣхалъ въ Москву. Верховный предлагалъ ему мѣсто у себя въ штабѣ, но старикъ очень обиженъ отчисленiемъ и подалъ въ отставку. Очень его жаль. Прекрасный работникъ и чистый, честный человѣкъ.

— Напрасно его смѣнили, — подымясь вмѣстѣ со всѣми отъ стола, замѣтилъ Левшинъ. — Кого теперь ни посади, толку выйдетъ, я думаю, мало. Всѣ приказы Гутора затягивались митингами солдатъ, на которыхъ они ихъ обсуждали. И это въ самые острые, критическіе моменты, когда дорога была каждая минута!

— Господа, ѣдемте, — пригласилъ Мальскій, отходя отъ аппарата и снимая со стѣнной вѣшалки свою фуражку.

— До свиданія, князь. Къ обѣду привезу двѣ бутылки краснаго. Случайно досталъ въ пути.

— Тащите ихъ сюда, тащите, — улыбнулся князь, отвѣчая на крѣпкое рукопожатіе казака.

Прошло два дня. Несмотря на раннее утро, маленькій городокъ былъ полонъ безпорядочной суматохи, автомобильныхъ гудковъ, грохота грузовиковъ и ругани и окриковъ солдатъ, сопровождавшихъ возы съ поклажей: штабъ юго-западнаго фронта спѣшно выѣзжалъ изъ Каменецъ-Подольска въ Бердичевъ. Главнокомандующій Корниловъ съ начальникомъ штаба Духонинымъ и ближайшими генералами выѣхалъ наканунѣ въ своемъ поѣздѣ.

На вокзалѣ, переполненномъ военными, спѣшно сновавшими съ платформы къ погружаемымъ эшелонамъ и обратно, царила сутолока съ самаго разсвѣта. Несмотря на точное росписаніе, отправки эшелоновъ затягивались.

На третьемъ пути, подлѣ готоваго къ отходу эшелона, стояла Вероника Кампіоны въ непринужденной, свободной позѣ, положивъ обтянутую вь узкую перчатку руку на бедро и постукивая носкомъ высокаго

желтаго ботинка по стали рельсовъ. Приподнявъ слегка голову, она съ мягкой улыбкой смотрѣла въ глаза стоявшему противъ нея Мальскому.

Изъ всего состава штаба онъ нравился ей больше всѣхъ, и ей пріятно было, что едва она пріѣхала на вокзалъ, онъ подошелъ къ ней и все время былъ подлѣ нея. Разговоръ ихъ совершенно не соотвѣтствовалъ обстановкѣ: они говорили объ искусствѣ, природѣ и красотѣ, которой съ начала войны Мальскій былъ лишенъ.

— Да, Вероника Антоновна, я чувствую, что увядаю въ этой удушливой атмосферѣ. Господи, что бы я далъ, чтобы, проснувшись утромъ, увидѣтъ въ открытое широкое окно мое глубокое безбрежное синее море. Какъ я стосковался по немъ и какъ я усталъ отъ безотрадныхъ для сердца впечатлѣній. Трудно себѣ представить человѣка и по воспитанію, и по убѣжденіямъ менѣе военнаго, чѣмъ я. Мнѣ нужны книги, искусство и природа, а вмѣсто нихъ вотъ что меня окружаетъ уже цѣлыхъ три года!.. Однако, Вероника Антоновна, я думаю, вамъ все таки надо найти ваше мѣсто. Пройдемте впередъ. Вотъ какъ разъ вагонъ второго класса. Вѣроятно ваше мѣсто здѣсь, такъ какъ всѣ остальные вагоны — третьяго класса.

На дверяхъ одного изъ купэ, на пришпиленномъ клочкѣ бумаги Мальскій прочелъ имя Кампіони.

— Вотъ ваше мѣсто. У васъ будутъ отличные компаніоны: генералъ Левашевъ и его другъ Ильенко. Генералъ — большой поклонникъ дамъ, а ротмистръ Ильенко очень остроумный и веселый собесѣдникъ. Вамъ будетъ весело ѣхать.

— Однако — уже половина перваго. Очевидно ранѣе трехъ часовъ вашъ поѣздъ не тронется. Колоссальное запозданіе. О чемъ думаетъ комендантъ станціи!

— А сколько всѣхъ эшелоновъ?

— Одиннадцать. По росписанію послѣдній долженъ былъ отойти въ семъ часовъ. Страшный безпорядокъ. Все пошло на выворотъ.

На станціи раздался второй звонокъ, и Мальскій, выглянувъ въ окно и узнавъ, что это звонокъ къ отходу третьего эшелона, сталъ поспѣшно прощаться съ Вероникой.

— Мы увидимся въ Бердичевѣ, Сергѣй Ивановичъ? — пожимая протянутую ей руку, полувопросительно сказала Вероника.

— Конечно, если вы не сейчасъ уѣдете. Но вѣдь вы знаете, до чего я занятъ. Сегодня, благодаря отъѣзду, единственный случай, что я могъ распоряжаться собой. Увидимся за столомъ въ штабномъ вагонѣ.

Мальскій ушелъ. Вероника осталась въ купэ, раскрыла книжку и принялась за чтеніе. Ей не хотѣлось выходить на вокзалъ, гдѣ толкались и сновали штабные, недовольные запозданіемъ.

Вскорѣ въ пустые вагоны начали собираться офицеры. Останавливались подлѣ двери купэ, читали кому предназначены мѣста и проходили дальше, ища своихъ мѣстъ.

На шумъ раскрываемой двери, Вероника подняла голову: на порогѣ стоялъ высокій, видный и моложавый генералъ съ свѣтло-голубыми глазами и низко надвинутымъ козырькомъ фуражки. Рядомъ съ нимъ —

средняго роста плотный, крѣпко сложенный пожилой гусаръ съ некрасивымъ, но сразу располагающимъ къ себѣ умнымъ лицомъ и смѣющимися глазами.

— Разрѣшите? — прикладывая руку къ козырьку, спросилъ генералъ, не переступая порога. — Здѣсь наши мѣста.

— Сдѣлайте одолженіе, — отвѣтила Вероника. Въ сдержанномъ и въ то же время непринужденномъ поклонѣ, въ неуловимой элегантности манеры генерала, Кампіони сразу признала въ немъ свѣтскаго человѣка.

— Разрѣшите представиться вамъ. — Генералъ отрекомендовался. — А это мой большой другъ, — указалъ онъ на Ильенко. Мы неразлучны съ нимъ.

— Мы очень благодарны судьбѣ, что она даетъ намъ случай путешествовать въ вашемъ миломъ обществѣ, — проговорилъ Ильенко, раскланиваясь передъ художницей. — Мой генералъ совсѣмъ расцвѣлъ, когда прочиталъ на двери вашу фамилію.

— Ну, конечно, я расцвѣлъ; да и у тебя глаза заблестѣли, — отвѣтилъ генералъ, снимая съ плечъ сѣрый плащъ и умашивая на сѣтку два аккуратныхъ чемодана желтой кожи и несессеръ, изъ котораго онъ предварительно досталъ газеты, журналъ, кожаную подушечку и флаконъ съ о-де-колономъ.

Багажъ Ильенко имѣлъ совершенно другой видъ, и Вероника невольно улыбнулась при мысли, что во внѣшнемъ видѣ обладателя было много сходства съ его багажомъ: чемоданы генерала были элегантны и аккуратны, какъ и самъ генералъ. Вещи же Ильенко были запакованы частью въ громадный брезентовый сакъ, переполненный до того, что его со всѣхъ сторонъ

выпирало, — частью увязаны толстой простой веревкой въ казеннаго вида простое сѣрое байковое одѣяло, изъ котораго торчали углы подушки и какіе то, завернутые въ газетную бумагу, пакеты. Какъ трудно было отгадать, что заключали въ себѣ эти неуклюжіе, тяжелые тюки, такъ же трудно было опредѣлить съ перваго вида, что таилось въ мысляхъ и душѣ этого тоже неуклюжаго, тяжеловатаго на видъ человѣка, съ насмѣшливо-добродушными и умными глазами и лѣнивой манерой покорнаго къ своимъ годамъ, приближающимся къ преклонному возрасту. Въ генералѣ чувствовалось сознаніе своей мужской силы; въ его другѣ — полное безразличіе къ этому сознанію и потому спокойная независимость къ обстановкѣ и равнодушіе къ своей внѣшности.

— А, ну-ка, генералъ, помоги мнѣ поднять эту исторію, — обратился Ильенко къ Левашову, съ трудомъ сдвигая съ мѣста громадный сѣрый тюкъ.

— Вотъ видишь, Иванъ Михаиловичъ, сколько съ нимъ возни. Я говорилъ тебѣ, что этакъ нельзя сваливать вещи.

— А Богъ съ ними! Такъ надоѣло укладываться и раскладываться, что мнѣ рѣшительно безразлично, какъ онѣ сложены.

— Тебѣ безразлично, а мнѣ нѣтъ, потому что ты загромоздилъ этимъ тюкомъ полъ купэ. Посмотри, что за безобразіе!

— Никакого безобразія нѣтъ. Очень удобно. Можно облокотиться. Вообще, генералъ, ты слишкомъ капризенъ и бѣлоручка для военнаго времени. Я сложилъ всѣ свои вещи ровно въ полъ часа, а генералъ

принялся за укладку со вчерашняго утра, — обратился Ильенко къ Вероникѣ, добродушно улыбаясь и стараясь притиснуть локтемъ торчащій уголъ тюка, положенный рядомъ съ нимъ на диванѣ.

— И потому я ничего не забылъ, а ты забылъ перчатки и потерялъ сапожную щетку, — обтирая о-деколономъ руки, невозмутимо, съ улыбкой глядя на друга, отвѣтиль Левашовъ.

— Ну, это меня мало трогаетъ, — разсмѣялся Ильенко.

— Но такимъ образомъ въ концѣ концовъ ты растеряешь все, что у тебя есть въ этомъ безобразномъ тюкѣ.

— И слава Богу. Будетъ легче переѣзжать съ мѣста на мѣсто.

— Вы, пожалуйста, не вѣрьте ему, — обратился къ Вероникѣ генералъ. — Вся эта философія испаряется, какъ только у него нѣтъ подъ рукой того, что ему надо. Тогда онъ ворчитъ и сердится.

— Пожалуйста, генералъ, не роняй моихъ акцій въ глазахъ Вероники Антоновны. Я ворчунъ, а ты педантъ. Обратите вниманіе, какъ онъ аккуратно завертываетъ этотъ флаконъ, и взгляните, что за скучный порядокъ у него въ чемоданѣ. Ну вотъ, теперь я тебя отрекомендовалъ, — расмѣялся Ильенко.

— Я этого не боюсь. Намъ придется ѣхать не менѣе полутора сутокъ, и Вероника Антоновна, со свойственной художественнымъ натурамъ, наблюдательностью сама произнесетъ свой судъ. Разрѣшите угостить васъ конфектами, на дняхъ привезенными мнѣ изъ Харькова. — Генералъ протянулъ Вероникѣ большую коробку съ шоколадомъ.

— Генералъ старается задобрить васъ, Вероника Антоновна, — поддразнивалъ Ильенко.

— Ахъ, Иванъ Михаиловичъ, какой ты несносный! Только мы познакомились, а ужь ты ревновать хочешь.

Всѣ разсмѣялись и сразу почувствовали, что установились милыя отношенія и что ѣхать вмѣстѣ будетъ пріятно и весело.

Левашовъ, бывшій кавалергардъ и богатый помѣщикъ Рязанской губерніи, недавно раззоренный крестьянами, разграбившими его большое, благоустроенное имѣніе, съ покорной горечью разсказывалъ Кампіони объ обидѣ, нанесенной ему крестьянами, къ которымъ онъ всегда относился съ чувствомъ искренней заботы.

— Что дѣлать! — закончилъ онъ со вздохомъ. — Очевидно, мы другъ друга не понимали: я не разглядѣлъ враговъ въ своихъ же крестьянахъ, а они не разглядѣли во мнѣ друга.

— Не ты одинъ. Это бѣдствіе стихійное. Оно только еще началось.

— Да, только началось, а вѣдь помѣщики Орловской, Тамбовской и Рязанской губерній совершенно сожжены и разгромлены. Если такъ пойдетъ и дальше...

— Конечно, пойдетъ.

— Судя по тому, что чувствовалось въ Петербургѣ весной, я склонна думать, что Иванъ Михаиловичъ правъ: Россію ждетъ еще много грознаго.

— И грязнаго, — прибавилъ Ильенко. Вотъ я, на старости лѣтъ, охваченный въ началѣ войны патріотическими чувствами, бросилъ жену и двухъ милыхъ дочерей, бросилъ мое любимое скаковое дѣло; — я страстный лошадникъ...

— И извѣстный скакунъ, — вставилъ Левашовъ.

— Да-съ, такъ вотъ во имя любви къ родинѣ я все это бросилъ и облекся въ военные доспѣхи. Спрашивается теперь, ради чего? Чтобы позорно бѣжать, оставляя врагу тучныя, спѣлыя поля, горы провіанту и цѣлыя батареи орудій. Ко всему этому еще и сознавать себя измѣнниками, нарушающими договоръ съ союзными державами. Мы не наступаемъ и этимъ мы измѣняемъ имъ въ моментъ, когда общимъ натискомъ врагъ могъ бы быть сломленъ.

Въ разговорѣ время шло незамѣтно, но проходилъ часъ за часомъ, а поѣздъ не трогался съ мѣста. Причиной замедленія оказывался или отцѣпляемый вагонъ, или отсутствіе смазчика, или вновь прицѣпляемый вагонъ. Публика, терпѣливо ждавшая нѣсколько часовъ сряду, начала негодовать:

— Вѣдь это чертъ знаетъ, что за безпорядокъ! — раздался подъ окномъ громкій, раздраженный голосъ. — Когда же придутъ остальные семь эшелоновъ? Гдѣ комендантъ поѣзда? Господа, кто знаетъ гдѣ комендантъ поѣзда?

— Кто это тамъ такъ волнуется? Знакомый голосъ. — Ильенко освободился отъ объятій своего тюка и высунулся въ окно. — А-а, это нашъ штабной „blagueur“ или, какъ его еще называютъ, — аппломбистъ Либинъ. Вы знакомы съ нимъ, Вероника Антоновна?

— Какъ же. Онъ сопровождалъ меня, по приказанію Верховнаго, въ Тарнополь и на станцію „Велькій Ходачковъ“.

— Красивый господинъ. Вы какъ его находите?

— Красивый, но утомительный несмолкаемостью и ненужной возбужденностью своей рѣчи. Онъ какъ то все бурлитъ и кипитъ по пустякамъ.

— Да, это вѣрно. Вотъ и сейчасъ онъ уже полонъ негодованія. Слышите, какъ кипятится? Владиміръ Александровичъ, на кого вы такъ гнѣваетесь? Что случилось? Здравствуйте.

— Да помилуйте, что это за шутки шутить вздумали! Мы ждемъ съ десяти часовъ отправки эшелона... Уже шестой часъ. Никто не можетъ добиться причины задержанія поѣзда. Никто не знаетъ, гдѣ комендантъ поѣзда... Видно не даромъ у него нѣмецкая фамилія. Кончится тѣмъ, что послѣдніе эшелоны окажутся въ рукахъ врага. Этого допустить невозможно.

— Что же вы будете дѣлать?

— А вотъ я сейчасъ поговорю съ генераломъ Кисловымъ: необходимо немедленно дать телеграмму начальнику штаба о безпричинномъ задержаніи эшелоновъ.

— Ну что-жъ, давайте телеграмму.

Черезъ нѣсколько минутъ въ купэ вошелъ Либинъ и, горячась и жестикулируя, сталъ пространно излагать, что коменданта поѣзда нашли спокойно ужинавшимъ на вокзалѣ, что вѣскихъ причинъ къ задержанію эшелоновъ не было, и что начальнику штаба послана по его совѣту телеграмма.

— А что говоритъ генералъ Кисловъ?

— То-то и дѣло, что слишкомъ мало говоритъ. Такъ нельзя.

— Вѣдь это не его дѣло.

— Но и не мое, однако я реагирую, — съ горячностью возразилъ Либинъ.

— Рискуете нажить непріятность и врага.

— Ну, этого я не боюсь...

— А вы слышали, ваше превосходительство, привезенную грустную новость съ бѣгущаго фронта? Будто бы солдаты ударомъ штыка въ спину убили генерала Эрдели.

— Какъ? Что? — всполошились Левашовъ и Ильенко.

Либинъ со всѣми подробностями сталъ передавать только что распространившуюся и впослѣдствіи оказавшуюся ложной, вѣсть объ убійствѣ солдатами храбраго и браваго командира корпуса.

Всѣ пассажиры вагона давно уже спали, тогда какъ въ купэ, гдѣ находилась Вероника, все еще звучалъ сочный, веселый смѣхъ и не смолкали повѣствованія генерала и мѣткія остроты Ильенко. Поѣздъ двигался черепашьимъ шагомъ, останавливался на каждомъ полустанкѣ и стоялъ на нихъ по часу.

— А вы знаете, что уже три часа ночи? — отозвался съ поднятаго кверху дивана Ильенко, гдѣ онъ удобно расположился ко сну, но увлекаемый веселой бесѣдой внизу, продолжалъ принимать въ ней участіе. — Вероника Антоновна, прикажите генералу спать, а то вѣдь онъ, кромѣ того, что поздно проснется, будетъ добрый часъ наводить на себя красоту.

На слѣдующее утро, когда Вероника открыла глаза, то купэ оказалось пусто, поѣздъ стоялъ, и, черезъ полуотогнутую штору окна, яркое солнце заливало часть противоположнаго дивана и на немъ раскрытый несессеръ генерала, съ аккуратно разставленными туалетными принадлежностями.

Вероника вглянула на часы, оправленные въ браслетъ: было половина двѣнадцатаго. Ей не хотѣлось вставать: легкая дремота еще смыкала отяжелѣвшія вѣки, и лѣнивая истома была разлита во всемъ тѣлѣ. Она вспомнила о своихъ двухъ милыхъ компаніонахъ, о предстоящихъ впереди суткахъ совмѣстнаго путешествія, съ улыбкой лѣниво потянулась, ясно увидѣла въ воображеніи добродушно-насмѣшливые глаза сдержаннаго, но очевидно еще не исжившаго всѣ сердечные порывы, Ильенко и краснорѣчиво-мягкіе, ласкáющіе голубые глаза генерала.

Дверь купэ осторожно отодвинулась, и вошелъ Левашовъ, неся въ одной рукѣ стаканъ съ молокомъ, въ другой — пирожки, завернутые въ кусочекъ бумаги. Онъ поставилъ это на столикъ, прикрытый чистой чайной салфеточкой, вынутой изъ бокового отдѣленія несессера, и, сѣвъ на диванъ, принялся приводить въ порядокъ аккуратно отточенные розоватые ногти. Вероника, сквозь полуприкрытыя вѣки, слѣдила за нимъ. Ее занимала спокойная увѣренность и систематичность въ каждомъ его движеніи. Чувствовалась привычка оставаться вѣрнымъ запросамъ комфорта и умѣнье, въ какихъ угодно рамкахъ жизни, быть европейцемъ.

Отъ времени до времени онъ вскидывалъ глаза въ сторону Вероники, думая, что она еще спитъ. Въ тишинѣ опустѣлаго вагона, изъ котораго вся веселая компанія высыпала на станцію къ буфету, раздалось назойливое жужжаніе мухи надъ ея головой. Генералъ поднялся съ мѣста, снялъ висѣвщій подлѣ художницы фіолетовый муслиновый шарфъ и осторожно прикрылъ имъ ея лицо.

Вероника съ трудомъ удержала шаловливое желаніе разсмѣяться. Левашовъ сѣлъ на прежнее мѣсто, досталъ изъ сака маленькую щетку, поднялъ съ пола ея легкія, лакированныя туфли, которыми она, сѣвъ въ вагонъ, замѣнила высокіе, утомившіе ноги, желтой кожи ботинки, и, тщательно счистивъ съ нихъ пыль, поставилъ на мѣсто; затѣмъ, сложивъ туалетныя принадлежности, досталъ изъ кармана только что купленную на станціи газету и, стараясь не шелестѣть ею, углубился въ чтеніе. Сквозь щель полуотдернутой темной шторы врывался легкій вѣтеръ и обдавалъ прохладой лицо Вероники. Дремота начала навѣвать какіе то неясные образы . . . стало чудиться что то яркое, свѣтлое и радостное . . . кто то, куда то манилъ и звалъ . . . она пошла на этотъ зовъ и опять заснула . . .

Только черезъ двое сутокъ эшелонъ пришелъ въ Бердичевъ. Было ранее утро, накрапывалъ дождикъ и хотѣлось спать

— Гдѣ васъ искать сегодня вечеромъ, Вероника Антоновна? — спрашивалъ генералъ, помогая ей сойти съ высокой приступки вагона.

— Понятія не имѣю. Узнайте у Либина. Ему поручена забота обо мнѣ. Вѣроятно, меня помѣстятъ въ вагонѣ главнокомандующаго.

— Это не желательно, такъ какъ станція далеко, и вамъ будетъ скучно за всякой мелочью ѣздить по пыльнымъ улицамъ въ городъ. Попросите, чтобы вамъ отвели номеръ въ гостинницѣ. А вотъ и Либинъ идетъ за вами.

— Пожалуйте, Вероника Антоновна. Я досталъ вамъ мѣсто въ автомобилѣ, — поспѣшно здороваясь

съ ней и беря ея чемоданчикъ, проговорилъ Либинъ. — Надо спѣшить. Безпорядокъ съ расквартированіемъ идетъ ужасный. Надо успѣть достать комнату для васъ поприличнѣе.

— Во всякомъ случаѣ, мы васъ разыщемъ и часамъ къ восьми придемъ за вами, чтобы ужинать у „Жоржа“.

— Что это за „Жоржъ“?

— Единственный ресторанчикъ, гдѣ можно сносно ѣсть, хотя видъ его очень мизерный.

Ильенко и генералъ распрощались съ Вероникой и, захвативъ ручной багажъ, поспѣшили къ выходу на маленькую площадь, гдѣ трещали моторы подъѣзжавшихъ военныхъ автомобилей, грохотали по мостовой колеса неряшливыхъ еврейскихъ пролетокъ, и раздавались громкія распоряженія пріѣхавшихъ съ эшелономъ штабныхъ офицеровъ.

XXI.

Было душно, пыльно и скучно. Начинало вечерѣть. По главной прямой улицѣ Бердичева, тянущейся съ одного конца города въ другой, то и дѣло мелькали военные автомобили, обдавая пылью и запахомъ бензина сидѣвшихъ у маленькихъ столиковъ снаружи подъ навѣсомъ посѣтителей единственнаго ресторана „Жоржа“, гдѣ съ утра до поздняго вечера толклась военная публика, изнывавшая отъ жары и скуки. Это былъ пунктъ, гдѣ сталкивались всѣ жители Бердичева, всѣ проѣзжавшіе съ фронта и на фронтъ, куда неслись всѣ новости военныя и политическія.

Въ тѣсномъ, грязноватомъ отдѣльномъ кабинетѣ, со скрипучими пружинами облѣзлаго дивана, скуднымъ

освѣщеніемъ единственной у самаго потолка горѣвшей электрической лампочки, генералъ Левашовъ, Ильенко и Вероника Кампіони только что заказали ужинъ. Въ ожиданіи его Ильенко велѣлъ подать холоднаго пива и, по обыкновенію, съ оттѣнкомъ добродушнаго юмора, поддразнивалъ своего друга генерала, слегка увлеченнаго художницей. Левашовъ, не обращая вниманія на его остроты, положивъ оба локтя на покрытый несвѣжей скатертью столъ и скрестивъ у подбородка пальцы, въ ловко сшитомъ „френчѣ" съ выпущеннымъ изъ подъ ворота крахмальнымъ воротничкомъ, съ моложавымъ цвѣтомъ лица, ласкалъ взглядомъ большихъ голубыхъ глазъ мягкія линіи фигуры художницы, сидѣвшей на диванѣ въ усталой позѣ, съ головой слегка закинутой на спинку.

— За это время вы немного похудѣли, Вероника Антоновна, — произнесъ Левашовъ, ища взглядомъ отвѣтнаго взгляда.

— Можетъ быть . . . отъ жары и безцѣльно проводимыхъ дней. Я терпѣть не могу такой спячки. Цѣлая недѣля прошла въ полнѣйшемъ бездѣйствіи.

— А мы такой жизнью третій годъ живемъ. Посмотрѣли бы вы каково тутъ осенью. Теперь тутъ — рай. Вотъ поглядите на нашего генерала, какъ онъ расцвѣлъ: глаза блестятъ, румянецъ играетъ . . .

— Конечно, мнѣ очень хорошо, я и не отрицаю. Ложась спать, я думаю о томъ, что на слѣдующее утро увижу одну очень интересную женщину, которая, можетъ быть, позволитъ мнѣ днемъ прити посидѣть съ ней, можетъ быть мы будемъ вмѣстѣ обѣдать или ужинать . . . она будетъ разсказывать намъ что нибудь

интересное и красочное, и мы на время забудемъ о войнѣ, о бѣгствѣ арміи... Развѣ это не хорошо? Развѣ я не правъ, Вероника Антоновна? А о чемъ думаете вы, ложась спать?

— Врядъ ли намъ это скажетъ Вероника Антоновна, — улыбнулся Ильенко.

— Отчего же... Я скажу: всю эту недѣлю, ложась спать, я думала о томъ, что если въ самые ближайшіе дни мнѣ не удасться проѣхать куда нибудь на фронтъ, то мнѣ пора уѣзжать отсюда, потому что, кромѣ того, что я тутъ ровно ничего не дѣлаю, но мнѣ становится невыносима эта атмосфера грязнаго городишки, грязной гостинницы, душнаго номера и безцѣльно убѣгающихъ дней.

— Куда же вы поѣдете отсюда?

— Домой въ Петроградъ, въ нашу революціонную столицу. Тамъ меня ждутъ кисти и краски. Но уѣхать, не побывавъ еще гдѣ нибудь на фронтѣ, было бы очень жаль.

— Что теперь можетъ быть тамъ интереснаго? Наступленіе немыслимо. Я бы на вашемъ мѣстѣ и не стремился на фронтъ: каждый часъ грозитъ катастрофой. Посидите еще нѣкоторое время съ нами, украсьте нашу монотонную жизнь въ этой скверной стоянкѣ. Улетите и забудете о нашемъ существованіи.

— Генералъ, только ты, пожалуйста, не заплачь, а то навѣрное сейчасъ войдетъ лакей съ готовымъ ужиномъ, — посмѣивался Ильенко, сидя въ полуоборотъ къ столу и раскуривая трубку.

Какъ разъ въ эту минуту постучали въ дверь, и вошелъ Либинъ.

— Я принесъ вамъ, Вероника Антоновна, пріятную вѣсть. Отгадайте? — Онъ поцѣловалъ протянутую ему художницей руку. — Мое почтеніе, ваше превосходительство... Здравствуйте, Иванъ Михайловичъ. Ну, и духота! Я чертовски усталъ. До сихъ поръ не добился, чтобы мнѣ отвели приличное помѣщеніе... Такой хаосъ, просто изъ рукъ вонъ... — швыряя на кресло въ углу комнаты запыленную фуражку и перчатки, въ обычно повышенномъ тонѣ, жестикулируя и горячась говорилъ Либинъ.

— А вы всегда въ состояніи кипѣнія. У васъ къ старости будетъ печень испорчена, — флегматично попыхивая трубкой, проговорилъ Ильенко.

— Да помилуйте... — началъ было Либинъ.

— А какую же новость вы мнѣ принесли? Я все жду, — перебила его Вероника.

— И не одну: цѣлыхъ двѣ.

— Такъ вы говорите, а не негодуйте. Я бы на мѣстѣ Вероники Антоновны прибилъ бы васъ за неумѣстное многословіе. Хотите пива? — Ильенко придвинулъ Либину чистый стаканъ.

— Во первыхъ, сейчасъ сюда придетъ баронъ Кноррингъ съ сестрой Быстровой.

— Какъ, она здѣсь? — оживилась Вероника.

— Десять минутъ тому назадъ я ихъ встрѣтилъ подлѣ штаба. Вѣра Илларіоновна Быстрова уѣзжаетъ въ Петербургъ и, кажется, совсѣмъ. Они оба были въ поискахъ за вами. Я зналъ, что вы здѣсь съ генераломъ и Иваномъ Михайловичемъ и указалъ имъ.

— А вы откуда знали? — спросилъ Левашовъ.

— Я знаю все, ваше превосходительство, — наливая въ стаканъ пива, улыбнулся Либинъ.

— Шерлокъ Хольмсъ. У васъ, батенька, всѣ задатки сыщика, — скосивъ въ его сторону смѣющіеся глаза, проговорилъ Ильенко, не выпуская изо рта трубки.

— А вторая новость? — спросила Кампіони.

— Кажется, вамъ удастся проѣхать въ одиннадцатую армію. Сегодня утромъ я видѣлъ генерала-квартирмейстера, и онъ спрашивалъ, здѣсь ли вы еще. Я передалъ ему о вашемъ желаніи проѣхать куда нибудь на фронтъ, и онъ сказалъ, что на дняхъ устроитъ вамъ эту поѣздку. Лучше всего онъ рекомендуетъ вамъ проѣхать въ одиннадцатую армію. Вся задержка изъ за автомобиля. Просто отчаяніе, что съ ними выдѣлываютъ.

— А кто командуетъ одиннадцатой арміей?

— Генералъ Рербергъ.

— Федоръ Сергѣевичъ?

— Да, кажется. Маленькаго роста, храбрый, очень подвижной.

— Ну да, это онъ. Я знакома съ нимъ по Петербургу.

— Тѣмъ лучше.

— Генералъ Рербергъ большой дамскій угодникъ, — засмѣялся Левашовъ.

— Очевидно это свойство многихъ генераловъ, — вставилъ Ильенко.

— Прекрасное свойство, — улыбнулась Вероника. Отъ вѣстей, принесенныхъ ей Либинымъ, она сразу оживилась. Съ лица сбѣжала тѣнь утомленія, и въ глазахъ заиграли искорки. Она придвинулась ближе къ столу и сѣла прямо.

— Ну, что же намъ не даютъ ужинъ и почему не идетъ милѣйшій баронъ съ Вѣрой Илларіоновной? Вы знаете ее, Александръ Александровичъ?

— Это сестра экс-министра Быстрова?

— Да.

— Слышалъ о ней. Очень хвалятъ: говорятъ, милѣйшая женщина.

— Pardon, mon général: c'est une vielle fille,*) — вставилъ Либинъ.

— Вотъ ужь, нисколько не похожа на старую дѣву. Ни наружностью, ни внутреннимъ содержаніемъ: всегда веселая, живая, энергичная.

— И влюбчивая, — добавилъ Либинъ.

— Это не вѣрно.

— Какъ не вѣрно? Я слышалъ, что она влюблена и, кажется, безнадежно въ Михайловскаго.

— Я замѣчаю, что у васъ, Владимиръ Александровичъ, есть нехорошая привычка отдѣльный фактъ вводить въ общее правило. Я не знаю, влюблена она въ Михайловскаго или нѣтъ, но изъ этого случая всетаки нельзя дѣлать выводъ, что она влюбчива.

— Однако, позвольте. Если она влюблена въ него давно, то...

— То это, во всякомъ случаѣ, насъ съ вами не касается, — съ оттѣнкомъ легкаго раздраженія перебила Кампіони.

— Браво, Вероника Антоновна! За ваше здоровье. — Левашовъ поднялъ свой стаканъ съ пивомъ.

За дверью послышались голоса. Вслѣдъ за лакеемъ, несшимъ большой подносъ съ ужиномъ, пока-

*) Извиняюсь, генералъ, она — старая дѣва

залась высокая фигура барона Кнорринга и рядомъ съ нимъ Вѣра Илларіоновна, въ черномъ платьѣ и такой же соломенной шляпкѣ. Похудѣвшее лицо сохраняло выраженіе присущей ея характеру живости, и лишъ въ глазахъ читалась не то усталость, не то затаенная печаль.

— Ну, вотъ мы васъ и разыскали! Здравствуйте. — Генералъ Кноррингъ широкимъ жестомъ протягивалъ присутствовавшимъ руку, и голось его, всегда яркій и громкій, звучалъ еще ярче въ маленькомъ кабинетѣ ресторана.

— Какая счастливая случайность, что вы здѣсь, Вероника Антоновна, и что я узнала объ этомъ! — Быстрова, говоря это, обняла художницу и сѣла рядомъ съ ней на диванъ.

— А намъ сообщилъ Владиміръ Александровичъ, что видѣлъ тебя и Ивана Михайловича, направлявшимися къ „Жоржу". По его словамъ, вы оба и наша знаменитость, — Кноррингъ поклонился въ сторону художницы, — составляете по вечерамъ неразлучное тріо.

— Ты когда же пріѣхалъ? — спросилъ Левашовъ, бывшій товарищемъ Кнорринга по кавалергардскому полку.

— Пріѣхалъ съ Вѣрой Илларіоновной часа три тому назадъ.

— Откуда?

— Какъ откуда? Бѣжимъ изъ Тарнополя. За нами вслѣдъ ѣдутъ раненые и сестры милосердія. То есть, я вамъ скажу, творится нѣчто непостижимое, нѣчто невообразимое!... — Кноррингъ, продолжая стоять, началъ съ возбужденіемъ разсказывать уже зна-

комые эпизоды бѣгства армій съ фронта и творимыя солдатами жестокости по отношенію жителей бросаемыхъ городовъ и своего начальства. Широко жестикулируя, необыкновенно сохранившій стройность фигуры, высокій, съ небольшой, красивой, слегка сѣдѣющей, головой, прекраснымъ профилемъ и съ той особенной неуловимой, никогда не измѣняющей элегантностью въ движеніяхъ, присущей людямъ хорошей породы, — Кноррингъ, волнуясь и топчасъ на мѣстѣ, срывающимся голосомъ доказывалъ, что, какъ и всегда, онъ предвидѣлъ и то, и другое и что, если бы его послушали, то вышло бы иначе.

Левашовъ и Ильенко, зная слабыя струнки всѣми любимаго и уважаемаго барона, снисходительно выслушивали его длинный разсказъ о томъ, какъ онъ „отбрилъ одного изъ этихъ типовъ", попробовавшихъ сунуть къ нему носъ.

— Я васъ не знаю и до вашихъ распоряженій мнѣ нѣтъ дѣла, сказалъ я ему, — вновь переживая негодованіе и дѣлая презрительный жестъ рукой, горячась продолжалъ свой разсказъ Кноррингъ. — А если вы посмѣете вмѣшиваться въ мои распоряженія, то я велю васъ разстрѣлять... Это говорю вамъ я — генералъ Кноррингъ... Я такъ и сказалъ ему.

Ильенко, опустивъ смѣющіеся глаза, стряхивалъ изъ трубки пепелъ. Левашовъ, отлично знавшій, что Кноррингъ въ эту минуту увлекался и передавалъ фактъ своего столкновенія съ „типомъ" въ очень преувеличенной формѣ, деликатно молчалъ.

— Вотъ какъ надо разговаривать съ этими господами. Я это тысячу разъ повторялъ. Ничего не смыс-

лятъ, дезорганизуютъ армію, мѣшаются не въ свое дѣло. Вотъ вамъ и результаты... Ни власти, ни правительства, ни арміи... Ты себѣ представить не можешь, — Кноррингъ на секунду положилъ руку на обшлагъ Левашова и для вразумительности прижалъ его, — какія безчинства творились солдатами въ Черновицахъ, Станиславовѣ и Тарнополѣ. Самосудъ надъ офицерами, разстрѣлы, грабительства, мородерство... Помнишь въ Станиславовѣ, на главной улицѣ, въ кафѣ сидѣла за кассой такая славная дѣвушка? Всѣ ее знали... Помнишь?

— Блондинка? Веселая и привѣтливая? — спросилъ Либинъ.

— Да, да. Такъ вотъ они ни за что изрубили ее шашками.

— Понимаете ли вы весь ужасъ нашего сознанія, что мы кончены, оплеваны, что у насъ отняли родину, потому что теперь стыдно называться русскимъ...

— Ради Бога тише, Андрей Романовичъ, — остановилъ Кнорринга Левашовъ. — Всюду уши, вездѣ подслушиваютъ, а ты такъ кричишь.

— Мы увѣрены, что придется отступить за Днѣпръ.

— Носятся слухи, что штабъ юго-западнаго фронта будетъ въ Нѣжинѣ, — понизивъ голосъ, проговорилъ Либинъ.

Баронъ Кноррингъ безнадежно махнулъ рукой:

— Штабъ... Нѣжинъ... Что будетъ еще со всей арміей и будетъ ли она?!... Ожидается голодъ и полная желѣзно-дорожная разруха... Ахъ да! Скажите, это правда, что Духонинъ уѣзжаетъ?

— Это вѣрно. Онъ назначенъ начальникомъ штаба западнаго фронта, и очень огорченъ, что разстается съ Корниловымъ.

— Да, но я отъ души привѣтствую назначеніе Корнилова на постъ Верховнаго.

— А Брусиловъ?

— Уѣзжаетъ въ Петроградъ.

Опасливо поглядывая на дверь, Либинъ щопотомъ началъ передавать присутствовавшимъ штабныя новости.

Въ это время Вѣра Илларіоновна, придвинувшись близко къ Вероникѣ, вполголоса разсказывала ей все, что произошло съ ней за тотъ короткій срокъ, что онѣ разстались.

— Да, судьба опять столкнула насъ. Я вырвала его изъ когтей смерти, — говорила Быстрова. — Я не надѣялась, что онъ будетъ жить, но ни за что не оставила бы его умирать одного въ Тысменицѣ. Когда я привезла его въ Тарнополь, онъ былъ безнадеженъ. Сколько ночей я молилась у его изголовья, вымаливая ему у Господа жизнь. И вымолила. Теперь ему гораздо лучше, онъ быстро поправляется, но еще очень слабъ.

— Онъ знаетъ, что это вы спасли ему жизнь?

— Да, знаетъ.

— Что же онъ?

— Онъ очень сдержанъ въ выраженіи своихъ чувствъ, но я вижу, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ поправляться, ему необходимо мое присутствіе и только мой уходъ. Онъ не хотѣлъ, чтобы я ѣхала сюда впередъ, но это было необходимо, чтобы приготовить ему удобное помѣщеніе: вѣдь онъ такъ слабъ еще. Мы

отдохнемъ здѣсь нѣсколько дней, и тогда я повезу его дальше въ Петроградъ.

— Надѣюсь, вы не вернетесь больше обратно?

— Пока онъ не встанетъ совсѣмъ на ноги я его не оставлю. Конечно, врядъ ли я вернусь. Надо пробовать какъ нибудь хлопотать о братѣ. Кто знаетъ: можетъ быть и удастся... Сколько свалилось на мою голову! И брата отняли, и чуть было этотъ не умеръ! — Быстрова тяжело вздохнула.

— Не горюйте, Вѣра Илларіоновна: можетъ быть всѣ эти испытанія приведутъ васъ къ счастью. Помните, что вамъ гадалка предсказала?

— Ахъ, не знаю!... не знаю!... Пусть будетъ, какъ Господу угодно, — прикладывая руку къ глазамъ и медленно качая головой, отвѣтила Быстрова. Въ ея словахъ и тонѣ звучала неувѣренность, тогда какъ въ глубины души она таила надежду и, боясь довѣриться ей, намѣренно заглушала ее словами сомнѣнія.

Послѣ ужина, приготовленнаго довольно вкусно, но по тогдашнему времени стоившему дорого, подали чай съ кускомъ сахару на каждую порцію.

Баронъ Кноррингъ и Быстрова, усталые послѣ пути, поднялись первые. Вероника сговорилась увидѣться съ ней на слѣдующій день послѣ завтрака, такъ какъ къ вечеру Вѣра Илларіоновна ожидала Михайловскаго, ѣхавшаго въ санитарномъ поѣздѣ, вмѣстѣ со всѣмъ лазаретомъ.

XXII.

Спустивъ бѣлыя, неопрятныя занавѣси на окна гостинничной комнаты, выходившей на шумный дворъ, откуда съ утра до поздней ночи доносился грохотъ

въѣзжавшихъ и отъѣзжавшихъ военныхъ автомобилей и гортанный выкрикивающій говоръ евреевъ, Вероника, на слѣдующій день послѣ полудня, томясь отъ жары и духоты, полулежа на кожанной кушеткѣ — единственный комфортъ маленькаго и неуютнаго номера — въ ожиданіи прихода Быстровой, читала англійскій нескончаемо-длинный романъ.

Осторожно постучали въ дверь.

— Войдите, — отвѣтила она, отбрасывая книгу и вскакивая съ кушетки, въ полной увѣренности, что это Быстрова.

Дверь пріоткрылась и показалась худая, съ крючковатымъ носомъ, физіономія еврея — хозяина гостинницы:

— Тамъ генералъ пріѣхали... васъ спрашиваютъ. — Онъ протянулъ визитную карточку.

— Просите генерала. Скажите, что я принимаю, — поспѣшно проговорила художница, съ радостью прочитавъ на поданной ей карточкѣ имя начальника штаба Духонина, котораго она послѣ отъѣзда со станціи „Велькій Ходачковъ“ видѣла лишь урывками и на нѣсколько секундъ. Не смотря на короткое знакомство, онъ сильно нравился ей. Ее притягивала та внутренняя сила, которую она отгадывала въ немъ подъ сдержанно-учтивой, почти застѣнчивой манерой и въ мягкомъ, но твердомъ взглядѣ юношески - блестящихъ темныхъ глазъ.

— Я пришелъ проститься съ вами. Послѣ завтра я уѣзжаю на мѣсто моего новаго назначенія въ — Минскъ, — войдя въ комнату Вероники, проговорилъ Духонинъ. Въ одной рукѣ, обтянутой въ свѣжую, бѣлую замшевую перчатку, онъ держалъ свою фуражку, другой вытиралъ

носовымъ платкомъ капли пота съ наискось загорѣлаго, низкаго лба. Онъ былъ очень красивъ въ темно-коричневомъ френчѣ, украшенномъ „Георгіемъ". Въ его крѣпко сложенной фигурѣ чувствовалась физическая сила, здоровье и энергія.

Отгадывая нѣкоторую врожденную застѣнчивость въ характерѣ своего гостя, Вероника поспѣшила придать разговору тотъ теплый и дружескій тонъ, который уничтожаетъ чувство неловкости и стѣсненія у людей застѣнчивыхъ. Говорили о совершающихся, полныхъ угрозъ, событіяхъ, о смѣнѣ Верховнаго Главнокомандующаго, причины которой крылись, какъ передавали, въ неумѣстномъ для даннаго момента уязвленномъ самолюбіи военнаго министра, чуждаго военному дѣлу. Постепенно разговоръ принялъ характеръ интимной бесѣды. Духонинъ съ охотой разсказывалъ художницѣ эпизоды, пережитые имъ на фронтѣ, когда онъ командовалъ полкомъ. Въ сжатой формѣ и яркихъ краскахъ онъ нарисовалъ картину моментовъ, когда, съ небольшой горстью людей отступавшаго полка, онъ выигралъ сраженіе, благодаря невозмутимому хладнокровію и полному презрѣнью опасности.

— Я знаю, что въ моменты смертельной опасности мой мозгъ пріобрѣтаетъ необыкновенную ясность, и я, дѣлаюсь абсолютно покоенъ и уравновѣшенъ — говорилъ Духонинъ странно-высокимъ тембромъ, скользя взглядомъ по раскрытому альбому съ эскизами, лежавшему на столѣ.

— Скажите мнѣ откровенно, Николай Николаевичъ, вы вѣрите еще въ нашу армію? — спросила Кампіони съ легкимъ біеніемъ сердца.

Духонинъ отвѣчалъ не сразу. Онъ опустилъ глаза, какъ бы разглядывая фуражку, которую во все время разговора перекладывалъ изъ руки въ руку.

— Видите ли что, Вероника Антоновна, еслибы я абсолютно потерялъ надежду въ оздоровленіе нашей арміи, то мнѣ ничего не оставалось бы иного, какъ застрѣлиться, — сказалъ Духонинъ слегка заглушеннымъ, но спокойнымъ увѣреннымъ голосомъ. — Во всякомъ случаѣ, пока мнѣ велитъ долгъ, я буду стоять на своемъ посту и никакая опасность меня не устрашитъ.

Вероника съ чувствомъ глубокаго уваженія смотрѣла на красиваго генерала, который былъ такъ простъ и такъ непоколебимо твердъ въ сознаніи своего долга передъ родиной.

— Съ такими вождями, какъ вы, армія не должна погибнуть.

— Армію взбунтовали, и она не хочетъ намъ вѣрить, — щурясь на подвигавшійся изъ за занавѣски лучъ солнца, отвѣтилъ Духонинъ.

— И я хочу вѣрить, что армія прозрѣетъ и пойметъ, что ее намѣренно толкаютъ на позоръ.

— Кто знаетъ, пойметъ ли она это? . . . — медленно и задумчиво проговорилъ Духонинъ.

Лучъ солнца, играя милліардами заключенныхъ въ его сіяніи пылинокъ, скользилъ отъ окна по спинкѣ кожаной чорной кушетки и, задѣвая лоснящійся влажный високъ и длинныя, загнутыя рѣсницы, слѣпилъ темно-каріе красивые глаза здумавшагося на минуту генерала.

— Мнѣ говорилъ вчера генералъ Раттель, что вамъ очень хочется еще куда нибудь проѣхать на фронтъ, — прервалъ Духонинъ минутное молчаніе.

— Да, мнѣ очень хочется, но я не рѣшаюсь надоѣдать своими просьбами въ такіе тяжелые моменты, — отвѣтила Кампіони, обрадованная, что Духонинъ заговорилъ самъ о томъ, о чемъ она хотѣла просить его.

— Если бы я не былъ такъ безумно занятъ, то устроилъ бы вамъ эту поѣздку раньше, но повѣрьте мнѣ, что за все это послѣднее время я сплю не больше четырехъ или пяти часовъ въ сутки. Если хотите проѣхать въ одиннадцатую армію, то завтра же вамъ будетъ поданъ автомобиль. Сопровождать васъ можетъ господинъ Либинъ, онъ сейчасъ свободенъ, какъ мнѣ говорилъ генералъ Раттель.

— Благодарю васъ; а я начинала бояться, что такъ и уѣду, нигдѣ больше не побывавъ.

— Эта поѣздка будетъ интересна для васъ: вы увидите не такъ давно взятые мѣста и сможете проѣхать совсѣмъ близко къ фронту. Вы увидите живописный Кременецъ и Дубно, отъ котораго остались однѣ развалины.

Духонинъ поднялся.

— Зачѣмъ вы такъ спѣшите? Просидите у меня еще, — попросила его Вероника, чувствуя все нароставщую къ нему симпатію.

— Я охотно остался бы у васъ: съ вами такъ хорошо говорится, — Духонинъ вынулъ изъ бокового кармана большой золотой хронометръ, — но я могу опоздать на комиссію. Всего хорошаго. Очень былъ радъ, что судьба дала мнѣ случай познакомиться съ вами.

— Жду васъ, Николай Николаевичъ, къ себѣ въ Петроградъ, непремѣнно жду.

— Когда это будетъ, Богу извѣстно?! — сомнительно покачалъ головой Духонинъ.

— Пусть Господь помогаетъ вамъ. Я вѣрю, что впереди васъ ждетъ многое. Вы сильный духомъ.

— Благодарю васъ за эти слова. — Духонинъ съ чувствомъ поцѣловалъ протянутую ему руку.

Выходя онъ посторонился, давая дорогу входившей Быстровой.

— Что это за красавецъ? — спросила она, едва закрылась дверь.

— Начальникъ штаба — Духонинъ.

— Такъ это онъ! Какъ жаль, что я опоздала. Я и не думала, что онъ такъ красивъ. И симпатиченъ?

— Въ высшей степени. Хорошо что онъ уѣзжаетъ въ Минскъ, а я уѣзжаю завтра въ Кременецъ, а то бы я влюбилась въ него и утеряла бы свой покой, — засмѣялась Вероника.

— Какъ вы до сихъ поръ не влюбились въ такого красавца?

— Не успѣла: я очень мало его видѣла. Только вчера я жаловаласъ, что сижу здѣсь безъ надежды проѣхать на фронтъ, а онъ какъ разъ устраиваетъ мнѣ завтра поѣздку въ одиннадцатую армію.

— Милая моя, такъ у меня къ вамъ будетъ большая просьба: свезите туда письмо двоюродному брату Михайловскаго, генералу Нотбеку; онъ очень будетъ вамъ благодаренъ. Нотбекъ командуетъ корпусомъ, кажется, шестымъ армейскимъ и находится сейчасъ, какъ говорили, гдѣ то недалеко отъ Кременца. До сихъ поръ Михайловскому не удалось переслать ему извѣстія

о постигшей его катастрофѣ. Если вы сами его увидите, то разскажите все подробно.

— Съ удовольствіемъ исполню ваше порученіе. А вы когда двинетесь въ путь?

Какъ только Николай Николаевичъ немного отдохнетъ. Я думаю, дня черезъ три или четыре. Возвращайтесь и вы поскорѣе въ Петроградъ: я знаю, что буду чувствовать себя тамъ очень скверно, — вздохнула Быстрова. — Меня очень угнетаетъ мысль о братѣ. Что ждетъ его?!

Вероника молчала, не находя отвѣта. Кто могъ предсказать судьбу грядущихъ дней во маракѣ хаоса, который сгущался надъ Россіей все больше и больше.

XXIII.

Залитый яркими и жаркими лучами полдня, небольшой двухмѣстный автомобиль, въ которомъ сидѣла Вероника и сопровождавшій ее военный чиновникъ Либинъ, стремительно вырвался изъ предмѣстья города на широкое шоссе и помчался среди простора полей, развѣвая по вѣтру длинные концы легкаго фіолетоваго шарфа, которымъ было покрыто лицо и маленькая соломенная шляпа Вероники. Послѣ душнаго и пыльнаго городка, было радостно дышать свѣжимъ воздухомъ просторныхъ полей. Широкое, ровное шоссе, гладкое какъ паркетъ, потянулось прямой безконечной полосой далеко впередъ, сливаясь на краю горизонта съ линіей полей. Путешествіе предстояло длинное — около трехсотъ верстъ, но шоссе было на протяженіи всего пути въ отличномъ видѣ, а потому расчитывали, что можно будетъ попасть въ Кременецъ безъ остановки къ ночи.

Машина шла легко, солдатъ-шофферъ попался привѣтливый и сговорчивый. Либинъ, надвинувъ на глаза огромный козырекъ фуражки, защищавшій отъ солнца всю верхнюю часть лица, удобно забившись въ уголъ автомобиля, положивъ ногу на ногу и скрестивъ на груди руки, говорилъ безъ умолку. Вероника слушала его однимъ ухомъ. Она испытывала наслажденіе, хорошо знакомое ей при близкомъ соприкосновеніи съ природой. Синее небо, зелень полей, ихъ ширь и просторъ, волны жаркаго воздуха, теплый шуршащій мимо ушей вѣтеръ, смѣшанные запахи травъ и испаренія разогрѣтой земли, зеленыя краски, то яркія, то темнѣющія, живописныя группы рощъ, синѣющая линія дальняго лѣса или темно-изумрудная полоса на громадное пространство разведеннаго хмѣля, — все это взятое вмѣстѣ создавало одинъ стройный, радостно и торжественно звучавшій аккордъ природы, который чуткая художественная душа Вероники воспринимала съ умиленіемъ и восторгомъ. Либинъ со своимъ многорѣчіемъ мѣшалъ ей. Она досадовала на его присутствіе въ эти минуты таинственнаго сліянія съ богомъ Паномъ.

— Вы не слушаете меня?... Это жаль! — донеслись до ея уха слова, произнесенныя съ оттѣнкомъ легкой обиды.

— Нѣтъ, я слушаю. — Вероника повернула къ нему лицо и впервые ей бросился въ глаза его красивый, строгій профиль, съ холоднымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ. Только теперь она увидѣла, что онъ оченъ красивъ, хотя красота эта была бездушная, почти черствая. Чувство досады смѣнилось интересомъ, и въ

сознанiи, что онъ не нарушаетъ красоты момента она, мысленно простила ему его докучливое многорѣчiе.

По прямому шоссе мчались изъ Бердичева черезъ Житомиръ, Новгородъ-Волынскъ, Ровно и Дубно. Въ Житомирѣ Либинъ предложилъ позавтракать. Городокъ показался Вероникѣ очень милымъ. Подъѣхали къ хорошему, чистому ресторану, гдѣ въ зальцѣ, съ большими зеркалами и чистымъ вощенымъ паркетомъ, съ аккуратно сервированными столиками, вкусно позавтракали и выпили холоднаго со льда пива. Рядомъ съ ресторанomъ помѣщалась отличная кондитерская, гдѣ Вероника запаслась леденцами для дальнѣйшаго пути.

Вечерѣло, когда подъѣхали къ Ровно, гдѣ рѣшено было пообѣдать. Хотя чувствовалась нѣкоторая усталость, однако, въ виду того, что шофферъ обѣщалъ до ночи поспѣть въ Кременецъ, Вероника отклонила предложенiе Либина переночевать въ маленькой гостинницѣ, съ колоритнымъ рестораннымъ зальцемъ во второмъ этажѣ, напоминающемъ итальянскiе trattorie въ маленькихъ городкахъ, гдѣ интернацiональная публика, проѣздомъ на автомобиляхъ, заѣзжаетъ подкрѣпиться и отдохнуть. Съ маленькой деревянной галерейки, для желающихъ кушать на воздухѣ, открывался видъ на узкiя улицы городка, полнаго шума и треска отъ военныхъ обозовъ и проѣзжавшихъ грузовиковъ.

Сѣли подлѣ стола, покрытаго не свѣжей скатертью съ большимъ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ посрединѣ. Возлѣ стойки, уставленной множествомъ разныхъ блюдъ съ холодными закусками, мясомъ и овощами, стоялъ маленькiй, опрятно одѣтый мальчикъ, съ живыми умными глазами и миловиднымъ, улыбавшимся нѣжнымъ лицомъ.

Весело и расторопно выполняя роль хозяина и лакея, онъ принималъ заказъ на обѣдъ и подавалъ на столъ холодныя блюда. Проголодались и все казалось вкуснымъ. Кромѣ нихъ въ залѣ обѣдалъ запыленный, небритый, среднихъ лѣтъ, армейскаго типа военный. Черезъ распахнутыя на галерею двери доносились назойливые, охрипшіе звуки граммофона, исполнявшаго утомившую слухъ марсельезу. Сквозь витражъ было видно двухъ посѣтителей, размѣстившихся у маленькихъ столиковъ на галереѣ.

По сравненію съ Бердичевымъ, цѣны были ниже и было гораздо больше разнообразія въ выборѣ блюдъ. Сахаръ продавался въ видѣ песку, но безъ опредѣленной порціи, бѣлый хлѣбъ и сухари продавались по низкой цѣнѣ и въ большомъ количествѣ.

— Сейчасъ же послѣ обѣда поѣхали дальше. Вечерній воздухъ теплый и ароматный, пронизанный розоватыми отблесками яркаго, безоблачнаго заката, лаская, обвѣвалъ разгоряченное лицо Вероники, то обтягивая, то морща на немъ наброшенный прозрачный шарфъ. Либинъ, хорошо знавшій эти мѣста, указывалъ ей виднѣвшіяся издалека помѣщичьи усадьбы, теперь раззоренныя и брошенныя, называя имена ихъ владѣльцевъ.

Къ Дубно вела вдоль шоссе длинная, тѣнистая аллея, сплетающихся верхушками громадныхъ, густолиственныхъ могучихъ деревъ. Послѣдніе угасавшіе лучи солнца окрашивали блѣдно розовымъ нѣжнымъ тономъ морщинистые темные стволы, скользя умиравщими свѣто-тѣнями поперекъ шоссе. Казалось, что автомобиль мчался подъ зеленымъ сводомъ фантастической декораціи.

— Изъ за этой живой, природой созданной, засады обстрѣливали Дубно то нѣмцы, то мы, то опять они. Это мѣстечко нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки, и вы увидите сейчасъ во что обратили его снаряды, — говорилъ Либинъ, указывая художницѣ на глубокія канавы, вырытыя вдоль аллеи и служившія засадой для обстрѣла.

Выѣхавъ изъ тѣнистаго таинственнаго свода, свернули влѣво и, проѣхавъ нѣсколько верстъ, стали подъѣзжать къ Дубно. Шофферу было приказано замедлить ходъ. Вероника ахнула: по обѣ стороны шоссе, постепенно переходящаго въ главную улицу мѣстечка, въ блѣдно розовыхъ лучахъ заката, безформенными грудами или живописно узорчатыми линіями тянулись развалины совершенно разрушенныхъ зданій. Было что то краснорѣчиво-трагичное въ этомъ мертвомъ покоѣ разрушенія, преданнаго запустѣнію.

— Боже мой, какая трагедія и какая странная красота, — прошептала Вероника, откидывая отъ лица шарфъ и глядя направо и налѣво широко открытыми глазами. — Посмотрите на эту одинокую стѣну, разрушенную зубцами и позади нее на груди каменьевъ... А эта труба... А тамъ... что тамъ такое? Мнѣ кажется, что я попала въ глубину отдаленныхъ вѣковъ... Развалины Помпеи... И это фантастическое освѣщеніе заката!...

— Да. разрушеніе ужасное, — вздохнулъ Либинъ. — И нѣмцы и наши имѣли отличный прицѣлъ на Дубно въ видѣ этого еще недавно великолѣпнаго строенія мельницы княжны Шаховской, имѣвшей по своей высотѣ доминирующее положеніе. Въ нее мѣтили и безъ промаху разрушали одно зданіе за другимъ.

— А это что за живописныя развалины?

— Это бывшая Коллегія. Тамъ внутри развалившагося двора было такое количество труповъ, что еще недавно пріѣзжавшіе съ фронта привозили на память черепа.

Вероника содрогнулась.

— Да, здѣсь сплошь все полито кровью и нашей, и нѣмецкой.

— Несчастное, глупое, пустое человѣчество, — вздохнула художница. Каждый любитъ жизнь и боится смерти и въ то же время толкаетъ другъ друга на смерть, убивая сотнями и тысячами. Въ отдѣльности человѣкъ уменъ и можетъ быть геніаленъ, но люди тупы, мѣщански пошлы и мелко злы.

— Я съ вами согласенъ: люди злы и глупы, а потому я ихъ терпѣть не могу, — холодно проговорилъ Либинъ, и на его мало выразительномъ лицѣ отразилось чувство презрѣнія.

— Но вѣдь и вы человѣкъ, значитъ и васъ надо нелюбить.

— Вѣроятно... этотъ вопросъ меня мало интересуетъ. Я совершенно безразличенъ, какъ ко мнѣ относятся люди... за рѣдкими исключеніями, впрочемъ, — добавилъ онъ, остановивъ на секунду взглядъ на лицѣ собесѣдницы.

— Ну, я совсѣмъ иначе отношусь къ людямъ, — возразила она, и въ мягкомъ тембрѣ ея низкаго голоса зазвучали теплыя нотки. — Я знаю, что люди маленькія, слабыя, часто пошленькія и мѣщански узко-мыслящія существа, и въ собирательномъ числѣ я, признаться, немного сторонюсь отъ нихъ, но къ каждому въ от-

дѣльности у меня доброжелательное и широкое братское чувство.

— Ну нѣтъ, слуга покорный. На такую расточительность я не способенъ. Я считаю, что люди необыкновенно подлы. Чуть ли ни каждый способенъ сдѣлать вамъ гадость, — съ оттѣнкомъ раздраженія говорилъ Либинъ.

— Это вамъ такъ кажется потому, что вы сами къ людямъ относитесь враждебно. Я не сомнѣваюсь, что въ мірѣ конкретномъ и отвлеченномъ преобладаетъ одинъ и тотъ же законъ: уголъ паденія равенъ углу отраженія. Что вы даете сами, то вы и получаете. То, что называютъ закономъ возмездія, есть слѣдствіе закона логики и равновѣсія, неуклонно управляющихъ и матеріей и міромъ абстрактнымъ. Если-бы люди давали себѣ трудъ поглубже вдумываться въ законы мірового строительства, абсолютно одинаково управляющіе всѣми явленіями нашей жизни физической и духовной, то они поняли бы, что Спаситель — величайшій мудрецъ — указывалъ намъ на тѣ простыя истины, которыя и есть законы равновѣсія.

— Это все философія, — проронилъ Либинъ.

— Никакой тутъ философіи нѣть. Все евангельское ученіе основано на простой до мудрости логикѣ и дало человѣку ключъ къ достиженію счастья именно этимъ путемъ. Вы только что сказали, что ненавидите людей; такихъ какъ вы, нелюбящихъ себѣ подобныхъ, очень много. А вотъ и результатъ этой ненависти. — Вероника указала направо и налѣво, на развалины и обгорѣвшіе остатки домовъ. — Въ этомъ явленіи страдающимъ лицомъ являетесь и вы, такъ какъ и вы рис-

куете жизнью, поддерживая то зло, которое, въ сущности, сами и исповѣдуете.

— Я никогда не былъ сторонникомъ войны.

— Но вы ненавидите людей, а война есть слѣдствіе человѣческой злобы. Крупицы зла или добра, посѣянныя въ сердцахъ каждаго человѣка, даютъ обильные всходы. Если продумать, то не трудно найти причины или послѣдствія всякому явленію; конечно для этого надо смотрѣть въ корень вещей, а не судить поверхностно На эти темы можно говорить безъ конца...

— Можетъ бытъ вы исповѣдуете заповѣдь всепрощенія. — Съ легкой ироніей спросилъ Либинъ. — Люди будутъ вамъ дѣлать всякія пакости, а вы будете покорно подставлять имъ шею.

— Шеи я не подставлю, но считаю мудрейшей истиной изрѣченіе: „отойди отъ зла и сотвориши благо". Впрочемъ, это въ случаяхъ, если дѣло касается лично меня, если же зло задѣваетъ слабѣйшаго, то я становлюсь на его защиту, причемъ и тутъ надо искать наиболѣе мягкихъ способовъ воздѣйствія, согласно индивидуальныхъ качествъ этого зла. Въ концѣ концовъ, чѣмъ мы добрѣе, тѣмъ намъ легче и радостнѣе живется, тѣмъ обрѣтается больше того внутренняго покоя, который составляетъ наибольшій комфортъ духа. Вражда, месть, ненависть — все это влечетъ къ большимъ внутреннимъ катастрофамъ, т. е. лишаетъ насъ душевнаго равновѣсія.

— Значитъ, вы никогда ни на кого не сердитесь.

— Я не совершенство, — разсмѣялась Кампіони. — Конечно я иногда сержусь, но не надолго, потому что это мѣшаетъ мнѣ воспринимать радость жизни, а я

жизнь люблю. Я отдаляюсь отъ тѣхъ людей, которые мнѣ непріятны почему либо, но ни вражды, ни даже дурныхъ чувствъ у меня къ нимъ нѣтъ. Я готова быть имъ полезной въ каждую минуту, но издали.

— А если близкій вамъ человѣкъ сердитъ васъ или причиняетъ вамъ горе, тогда какъ?

— Я отдаляюсь отъ него.

— А если вы его любите?

— Я его разлюблю и очень скоро, но разлюблю безъ злобы, безъ всякаго горькаго осадка. Надо отходить хотя бы отъ самыхъ близкихъ людей, портящихъ намъ жизнь, раньше чѣмъ появится чувство остраго раздраженія. Чтобы любить людей и быть спокойнымъ, т. е. счастливымъ, надо умѣть держать себя немного въ сторонѣ отъ нихъ и никогда ни за кого не цѣпляться. Чтобы наслаждаться жизнью, надо умѣть жить, не цѣпляясь за нее, не боясь завтрашняго дня.

— Я слышу въ вашихъ словахъ, Вероника Антоновна, продуманность, которая должна граничить съ холодной разсудительностью. Гдѣ же ваши восторги, гдѣ творческіе экстазы, если вы можете такъ холодно разсуждать?

— Разсудокъ — это одно, а темпераментъ — другое. Творчество имѣетъ дѣло съ темпераментомъ, а не съ разсудкомъ.

Вероника замолчала. Либинъ понялъ, что случайный разговоръ затронулъ область интимную, въ которую художница не хотѣла его посвящать. Онъ замолчалъ тоже, хотя именно въ этотъ моментъ ему казалось наиболѣе возможнымъ разгадать непонятную и очень интересовавшую его личность Вероники, съ которой

судьба вторично сталкивала его, связывая ихъ по нѣсколько дней то въ автомобилѣ, то по желѣзнымъ дорогамъ для тѣсной бесѣды.

XXIV.

Маленькаго роста, худенькій, щуплый генералъ Рербергъ, съ бритымъ подбородкомъ, сѣдѣющей, гладко, причесанной головой и веселыми живыми глазами, — временно командовавшій одиннадцатой арміей, только что вошелъ въ небольшую, узкую комнату, гдѣ былъ сервированъ къ завтраку столъ на четыре персоны, чтобы посмотрѣть все ли приготовлено согласно его указанію, какъ ординарецъ доложилъ ему, что пришли гости.

— Поставь, пожалуйста, букетъ посреди стола и можно подавать завтракатъ. — Генералъ провелъ рукой по волосамъ, раздѣленнымъ сбоку на проборъ, поправилъ усы, вытянулъ изъ подъ рукавовъ манжеты и, съ привѣтливо улыбавшимся лицомъ, вышелъ въ сосѣднюю комнату — кабинетъ, куда изъ противоположной двери входила Вероника, въ сопровожденіи Либина.

— Какъ я радъ былъ получить телеграмму о вашемъ пріѣздѣ, — протягивая обѣ руки и быстро идя ей навстрѣчу, весело проговорилъ Рербергъ — Вотъ ужь никакъ не ожидалъ такой гостьи. А-а, здраствуйте... простите, забылъ ваше имя и отчество...

— Владиміръ Александровичъ Либинъ, — подсказала ему Вероника.

— Что же вы стоите? Садитесь. Впрочемъ, вотъ и завтракъ намъ подали. Снимайте шляпку... у насъ тутъ адская жара, мы изнываемъ.

— Какой дивный видъ! Настоящая декорація, — воскликнула Вероника, останавливаясь у открытаго окна.

— Это гора Бона передъ нами, а на верхушкѣ ея развалины древняго замка королевы Боны. Теперь тамъ стоятъ пулеметы для обстрѣла аэроплановъ. Если хотите, то, послѣ завтрака, я велю подать автомобиль, и мы поѣдемъ туда. Тамъ очень хорошо. Это единственное мѣсто для моей прогулки. Вѣдь я сижу здѣсь какъ затворникъ. — Рербергъ понизилъ голосъ и огля нулся на дверь. — Положеніе создалось самое невоз можное. Я — командующій арміей — чувствую себя въ полной зависимости отъ налетѣвшихъ сюда, какъ стаи вороновъ, комиссаровъ и всякихъ депутатовъ. Солдаты стали полными хозяевами положенія и чтобы сохранять хотя бы тѣнь престижа, я сижу безвыходно въ этихъ четырехъ стѣнахъ; я даже въ свой садъ не могу выйти, потому что тамъ безпрепятственно прогуливаются солдаты. Ужасъ, что творится! — Рербергъ поднялъ обѣ руки, какъ бы желая схватиться за голову, но въ то же мгновеніе въ его глазахъ мелькнули веселые огоньки при взглядѣ на стоявшую рядомъ съ нимъ интересную и элегантную женщину. — Но довольно объ этомъ. Я такъ счастливъ вашему пріѣзду, что хочу забыть окружающій меня хаосъ и лишь наслаждаться вашимъ обществомъ. Позвольте представить вамъ моего адъютанта и единственнаго компаньона въ этомъ заточеніи. — Рербергъ указалъ на вошедшаго молодого человѣка съ очень умнымъ и серьезнымъ лицомъ и университетскимъ значкомъ на груди. — Завтра мы будемъ обѣдать въ офицерской столовой, а

сегодня изъ эгоизма я хочу одинъ побыть съ вами, чтобы безъ стѣсненія о чемъ угодно поболтать.

Сѣли къ столу. Сытный завтракъ изъ двухъ блюдъ, съ холоднымъ квасомъ, чернымъ кофе и сладкими сухарями, прошелъ очень оживленно. Сперва вспоминали Петроградъ и общихъ знакомыхъ, потомъ разговоръ перешелъ на текущія событія. Рербергъ и адъютантъ разсказывали печальные факты постепеннаго систематичнаго разложенія арміи.

— Поздно, поздно!... — говорилъ Рербергъ, — возврата нѣтъ, никто не въ силахъ помочь. Война окончится позорно: или армія будетъ бѣжать пока вся не разбѣжится, и мы будемъ въ лапахъ врага, или же будетъ заключенъ позорный миръ. Тамъ въ тылу вы и представить себѣ не можете, что творится здѣсь, и что мы переживаемъ. Корниловъ сказалъ великую истину, что душу офицера заплевали. — Въ голосѣ Рерберга прозвучала горькая нотка, и всегда живые глаза подернулись грустью. — Я не трусъ и готовъ грудью встрѣтить опасность, — онъ ударилъ себя въ грудь, на которой красовалось два Георгія, — но видѣть эту опасность не въ бою съ врагомъ, а въ толпѣ солдатской черни, глумящейся надъ мундиромъ, это больно... очень больно...

— Да, — замѣтила Вероника, — солдаты имѣютъ тутъ очень непріятный видъ. Какіе то трепаные, разнузданные, праздношатающіеся. Непріятно было идти изъ гостинницы къ вамъ, — столько ихъ на улицѣ и такой у нихъ вызывающій видъ.

— А стоитъ имъ издали увидѣть офицерскій или генеральскій погонъ, какъ они нарочно принимаютъ

наглый видъ или начинаютъ переругиваться самыми непристойными словами; если же вы сдѣлаете выговоръ, то рискуете попасть въ самое ужасное положеніе: онъ же вамъ надерзитъ, а затѣмъ подастъ на васъ жалобу въ свой судъ, и орава солдатъ судитъ офицера... Какое глумленіе!... — покачивая головой говорилъ генералъ, но въ рѣчахъ его не чувствовалось ни озлобленія, ни даже раздраженія, только горечь.

— Когда онъ вышелъ изъ комнаты къ пришедшему къ нему съ докладомъ офицеру, адъютантъ, указывая движеніемъ головы на скрывшагося за дверью генерала, заговорилъ шопотомъ:

— Даромъ, что маленькаго роста, а какой молодецъ! Абсолютное безстрашіе и масса такту. Я просто удивляюсь, какъ онъ справляется съ этимъ, дѣйствительно недопустимымъ, положеніемъ. Отлично лавируетъ, не роняя своего престижа ни на іоту. Присланный сюда комиссаръ не глупый человѣкъ и, если-бы ни всѣ остальные, то съ нимъ еще можно было-бы ладить.

Вскорѣ вернулся Рербергъ и предложилъ Вероникѣ проѣхать на гору Бону. Подали автомобиль. Либинъ раскланялся и ушелъ разыскивать знакомыхъ сестеръ милосердія.

Съ горы открывался прекрасный видъ на лежащій у подошвы зеленой горы Кременецъ, кажущійся издали хорошенькимъ городкомъ, въ дѣйствительности же невообразимо запущенный, грязный, переполненный неопрятными евреями.

— Здѣсь я отдыхаю душой и стараюсь уноситься мыслями подальше отъ настоящаго, — говорилъ Рербергъ, сидя на громадномъ камнѣ, среди живописныхъ

средневѣковыхъ развалинъ замка. — Посмотрите — какая ширь вокругъ и какъ легко дышится. А сколько тамъ внизу крови пролито! Кто подумаетъ это, глядя на мирно-разстилающіяся поля?! Видите, направо, вонъ ту полосу земли? Такъ вотъ, представте себѣ, что отъ этой полосы, гдѣ теперь растетъ высокая трава, тамъ была большая деревня; налѣво отъ столба, гдѣ два камня лежатъ, тоже была деревня. И, какъ видите, ни слѣда не осталось: ровное поле, поросшее травой.

— Какъ это жутко, — тихо вымолвила Вероника.

— Много, много крови пролито, и еще будетъ она литься отъ руки своихъ же...

Налетѣвшій порывъ вѣтра подхватилъ у Рерберга полы сѣрой накидки, застегнутой у ворота, взметнулъ концы длиннаго муслиноваго шарфа, наброшеннаго на шляпку Вероники и сталъ ихъ трепать и рвать изъ стороны въ сторону.

Пробывъ довольно долго на развалинахъ, медленно спустились по крутому спуску къ ожидавшему автомобилю. Генералъ подвезъ Кампіони къ крошечной гостинницѣ „Викторія“, гдѣ ей была отведена довольно чистая, свѣтлая комната въ бель-этажѣ, изъ оконъ которой была видна главная улица, узенькая и грязноватая и еврейскій базаръ съ массой лотковъ у маленькихъ темныхъ лавченокъ.

Попрощавшись съ Рербергомъ, повторившимъ просьбу быть у него къ семи часамъ къ обѣду, Вероника поднялась по деревянной вощеной лѣстницѣ. Подлѣ ея комнаты въ началѣ корридора на стѣнѣ висѣлъ большой отрывной календарь съ портретомъ наслѣдника. По краямъ рамки и подъ портретомъ мило-

виднаго мальчика, косымъ, неряшливымъ почеркомъ шли какія то надписи. Либинъ предупредилъ Веронику, чтобы она не останавливалась передъ этимъ календаремъ, такъ какъ надписи по адресу наслѣдника были самаго циничнаго содержанія. Каждый разъ, когда ей приходилось проходить мимо этого календаря, она отворачивалась съ чувствомъ брезгливости къ черни, которая во всѣ времена обливала грязью и глуменьемъ низвергнутыхъ ею, хотя бы и невиновныхъ, вождей.

Послѣ обѣда у Рерберга, долго сидѣли у открытаго окна и, окутанные сумерками, бесѣдовали на тѣ же нескончаемые острые темы. Въ трехъ комнатахъ громаднаго каменнаго зданія, отведенныхъ для командующаго арміей и отдѣленныхъ отъ общаго помѣщенія бывшей Коллегіи длиннымъ сводчатымъ корридоромъ, царила особенная, почти гнетущая тишина. Электричества не было, и зданіе освѣщалось лампами. Сидѣли въ кабинетѣ безъ свѣта и, несмотря на то, что дверь была прикрыта, говорили вполголоса. Адъютантъ нѣсколько разъ, осторожно ступая по ковру, подходилъ къ двери, провѣряя нѣтъ ли кого нибудь въ сосѣдней комнатѣ. Чувствовалась ненормальность и подавленность положенія.

Было рѣшено, что на слѣдующій день рано утромъ Вероника, въ сопровожденіи кого нибудь изъ служащихъ въ штабѣ, отправится въ шестой армейскій корпусъ, наиболѣе близко расположенный къ позиціямъ непріятеля.

— Буду ждать васъ завтра къ обѣду обратно, — говорилъ Рербергъ, прощаясь послѣ вечерняго чая съ Вероникой. — Командиръ корпуса — милый человѣкъ, и покажетъ все, что вамъ будетъ интересно.

— Я везу ему письмо отъ двоюроднаго брата, котораго чудомъ спасли отъ смерти.

— А мы тутъ слышали, что онъ убитъ солдатами.

Вероника разсказала исторію спасенія Михайловскаго.

Вышли изъ воротъ громаднаго, угрюмаго зданія, освѣщая путь карманнымъ электрическимъ фонаремъ. Улички маленькаго городка были пусты и тихи. Адъютантъ и Либинъ проводили Веронику къ гостинницѣ, гдѣ заспанная прислуга, съ огаркомъ свѣчи, вставленнымъ въ бутылку, провела ее по темному корридору въ ея комнату, пообѣщавъ рано разбудить и принести съ базара бутылку молока и какой нибудь булки.

XXV.

Было одиннадцать часовъ утра, когда подъѣзжая къ деревнѣ „Разношинцы" автомобиль, вынырнувъ изъ лѣса, гдѣ по кочковатой дорогѣ, съ переплетающимися узловатыми, выползшими изъ подъ почвы корнями, ѣхалъ медленно и толчками. Проѣхавъ покрытую еще росой полянку, на которой густо росла ромашка и кашка, круто свернулъ влѣво, обогнулъ низкую, крашенную бѣлой и зеленой краской ограду сада и, въѣхавъ на аллею, остановился передъ деревяннымъ некрашеннымъ маленькимъ, уютнаго вида домикомъ, съ терраской, мезониномъ и балкончикомъ, черезъ перила котораго свѣшивались гирлянды ползучаго плюща.

Едва Вероника успѣла выйти изъ автомобиля по приглашенію встрѣтившаго ихъ адъютанта, какъ на террасу вышелъ высокій, худой, сильно загорѣлый, некрасивый, но съ пріятнымъ лицомъ и привѣтливой ма-

нерой генералъ-командиръ шестого армейскаго корпуса — Владиміръ Владиміровичъ Нотбекъ.

— А я лишь полчаса тому назадъ получилъ отъ генерала Рерберга телеграмму о вашемъ пріѣздѣ, — обратился онъ къ Вероникѣ, цѣлуя протянутую ему руку и здороваясь съ сопровождавшими Кампіони — Либинымъ и начальникомъ связи одиннадцатой арміи Юрасовскимъ, высокимъ, красивымъ брюнетомъ, съ пылкими глазами и чувственнымъ ртомъ, отличнымъ піанистомъ и, до войны, начинавшимъ карьеру дирижера оркестра.

— Очень радъ, что надумали посѣтить насъ въ этой глуши. Мы живемъ здѣсь какъ пустынники. Милости прошу пока ко мнѣ на верхъ. — Онъ указалъ на узенькую, деревянную, крутую лѣстничку, ведущую въ его комнату.

— У меня тѣсновато и неуютно, но для меня достаточно, — говорилъ Нотбекъ, толкая тяжелую, осѣвшую, некрашенную дверь съ лѣстницы. — Я выбралъ для себя этотъ чердачекъ, такъ какъ тутъ тихо и мнѣ не мѣшаютъ заниматься штабные телефоны, отъ которыхъ въ нижнемъ этажѣ житья нѣтъ.

Вошли въ небольшую, низкую комнату со стѣнами, обмазанными бѣлой извѣсткой. Простой, деревянный столъ для занятій стоялъ подлѣ раскрытой на маленькій балконъ двери. На столѣ были бумаги и въ нарядной кожаной рамкѣ большой портретъ красивой женщины въ вечернемъ туалетѣ. Подлѣ портрета, въ стаканѣ съ водой, стоялъ букетъ скромныхъ нѣжныхъ незабудокъ. По другую сторону дверей тоже некрашенный столъ на козлахъ, съ простой миской и жестян-

нымъ ведромъ, шкапъ, потертый черный чемоданъ, съ порыжѣлыми ремнями, походная кровать, съ простымъ солдатскимъ одѣяломъ и крошечный столикъ съ туалетными принадлежностями — составляли все убранство комнаты. Кромѣ табурета и двухъ вѣнскихъ стульевъ иной мебели не было.

Юный адъютантъ, съ лицомъ отрока, поминутно вспыхивавшимъ густымъ румянцемъ, принесъ снизу еще два стула.

Кампіони вынула изъ сумочки и передала генералу Нотбеку письмо отъ Михайловскаго.

— Вашъ братъ живъ: вотъ вамъ отъ него письмо.

— Какая радостная вѣсть! А до меня дошли слухи, что онъ погибъ при бѣгствѣ арміи... Разрѣшите прочесть. — Онъ наскоро сталъ пробѣгать короткое, написанное размашистымъ почеркомъ письмо. — Сестра милосердія Быстрова . . . Это сестра бывшаго министра? . . . Направляется въ Петроградъ . . . очень еще слабъ . . . онъ пишетъ, что вы мнѣ разскажете подробно. Прошу васъ, не откажите.

Нотбекъ выслушалъ подробный разсказъ о катастрофѣ съ братомъ, съ очевиднымъ волненіемъ.

— Сколько жизней и нашихъ, и солдатскихъ спасли эти милыя сестры милосердія, — съ чувствомъ произнесъ онъ, — и какой грубой неблагодарностью платятъ имъ сейчасъ солдатскіе комитеты, урѣзывая ихъ во всемъ и заставляя, сверхъ ухода за ранеными, выполнять черную работу. Нехорошо это. Нѣтъ пониманія и нѣтъ сознанія уродливости неблагодарнаго чувства. Впрочемъ . . . за эти дни мы многое узнали новое и неожиданное. Я не могъ допустить, я не вѣрилъ, я не

хотѣлъ вѣрить, пока самъ не увидѣлъ на что оказался способенъ нашъ солдатъ, которому я всегда вѣрилъ и котораго высоко ставилъ. Слово „свобода“ отравила его мозгъ и обезобразила его душу, которую мы считали такой искренней и простой. Больно, это... очень больно! Они бѣжали, какъ стадо, какъ обезумѣвшее, дикое стадо... Втыкали въ землю винтовки штыками внизъ, какъ было имъ предписано агитаторами, бѣжали съ проклятіями и враждой къ каждому, кто силился ихъ образумить. Послѣ первыхъ дней удачнаго наступленія, въ голову не могло прійти, что такъ быстро и неожиданно произойдетъ переломъ. Ночью меня разбудили, сообщивъ, что творится нѣчто невѣроятное, что дивизія безъ видимой причины отступаетъ, отказывается выполнять приказъ. Я сѣлъ на коня. Была темная ночь. Все предвѣщало грозу. Я пришпорилъ коня и вдругъ вдали различилъ во тьмѣ громадную движущуюся массу... Я бросился туда... Никогда не забуду... — Голосъ разсказчика оборвался. Нижняя челюсть и рука, въ которой тлѣла недокуренная папироса, замѣтно дрожали.

— Оставимъ этотъ разговоръ, Владиміръ Владиміровичъ, — среди общаго воцарившагося молчанія проговорила Вероника. — Вамъ тяжело вспоминать...

— Видите до какой степени за это короткое время нервы обтрепались. До сихъ поръ не могу безъ волненія вспоминать эту ужасную ночь.

— Я тоже ее никогда не забуду: въ ней было что-то зловѣщее. Помните, Владиміръ Александровичъ, — обратилась Кампіони къ Либину. — Мы до трехъ часовъ ночи сидѣли на балкахъ.

— Какъ же... очень хорошо помню.

— Это гдѣ было? — раскуривая потухшую папиросу спросилъ корпусный командиръ.

— На станціи „Велькій Ходачковъ", въ штабномъ поѣздѣ генерала Гутора. Чуть было насъ ни оставили тамъ. „Товарищи" отказались подать изъ Проскурова паровозъ для главнокомандующаго.

— Да, да, это теперь явленіе нормальное.

— Ваше превосходительство, обѣдъ готовъ, — объявилъ юный адъютантъ, переступая порогъ двери и мгновенно вспыхивая густымъ румянцемъ.

— Отлично. Пожалуйста, прошу васъ внизъ. Мы обѣдаемъ и ужинаемъ въ хорошую погоду на полянкѣ позади дома. Господа кавалеры, будьте осторожны, — улыбаясь проговорилъ Нотбекъ, указывая на низкую притолоку двери, проходя черезъ которую онъ слегка пригнулся, чтобы не удариться головой.

Позади дома, на просторной зеленой лужайкѣ, окаймленной вокругъ рощей, былъ накрытъ длиннѣйшій столъ, къ которому собрался весь штабъ.

Такъ празднично, весело и мирно выглядѣлъ, на зеленой лужайкѣ, освѣщенной яркимъ солнцемъ, покрытый чистой скатертью столъ, такъ оживленно всѣ переговаривались межь собой, такъ чистъ и ароматенъ былъ воздухъ окружавшихъ полей и лѣсовъ, что не хотѣлось вѣрить, что люди, собравшіеся сюда, связаны межъ собой лишь однимъ общимъ интересомъ — уничтоженіемъ себѣ подобныхъ. Чувствовалось въ настроеніи и звучало въ отдѣльныхъ словахъ и фразахъ, что каждому въ отдѣльности хотѣлось бы возможно скорѣе покончить съ этимъ ненужнымъ лично для него дѣломъ,

чтобы вернуться домой къ своей семьѣ и своему брошенному дѣлу. Въ этой мирной обстановкѣ обѣда, похожаго на пикникъ, мысль о близости окоповъ и о сидящихъ въ нихъ людяхъ казалась чѣмъ то уродливымъ и безсмысленнымъ.

За столомъ, вмѣстѣ со штабомъ, завтракалъ хозяинъ этого веселаго, по всѣмъ признакамъ, раньше аккуратно содержаннаго имѣньица — австрійскій полякъ, красивый, еще молодой, плотный брюнетъ въ темно-коричневой бархатной курткѣ, ботфортахъ и бриджахъ цвѣта бэжъ. Вероника узнала, что отправивъ свою семью передъ занятіемъ этой области Галиціи нашими войсками, полякъ остался въ своемъ имѣніи, чтобы по возможности охранить его отъ разрушенія и разграбленія. Онъ держалъ себя съ большимъ тактомъ, жилъ въ этомъ же домѣ, гдѣ занималъ лишь одну комнату и весь день проводилъ въ компаніи временныхъ хозяевъ собственнаго имѣнія. За завтракомъ, случайно встрѣчаясь съ нимъ взглядомъ, Вероника испытывала чувство неловкости отъ мысли, что, подъ маской безразличія, этотъ человѣкъ со спокойнымъ и упорнымъ взглядомъ черныхъ глазъ, долженъ таить чувство враждебнаго раздраженія къ людямъ, ворвавшимся въ его мирный, взлелеянный собственнымъ трудомъ, уголокъ. Бѣгство и разложеніе нашей арміи, грозящіе намъ позоромъ и бѣдствіями, были для него предвѣстниками освобожденія отъ непрошенныхъ, ненавистныхъ гостей.

Донесся сверху сперва слабый, вскорѣ отчетливый шуршащій звукъ пропеллера: высоко на фонѣ безоблачно-голубого неба парилъ граціозный силуэтъ аэроплана. То передъ нимъ, то за нимъ, то сбоку мгновенно

всплывали матово-бѣлые дымчатые шары, медленно расплывавшіеся въ нѣжно-воздушныя облачка. Казалось, что въ голубомъ просторѣ небесъ легко и беззаботно паритъ большая птица, окруженная какими, то забавлявшимися вокругъ нея, воздушными существами.

— Экъ его наши обстрѣливаютъ! . . . жарятъ, жарятъ, а толку никакого, — замѣтилъ сидѣвшій подлѣ Вероники генералъ.

— Очень трудно попасть въ аэропланъ; хотя нѣмцы дѣлаютъ это гораздо успѣшнѣе, чѣмъ наши. — Корпусный командиръ, говоря это, наполнилъ стаканъ Вероники холоднымъ, только что поданнымъ, квасомъ. — Сейчасъ же послѣ завтрака мы поѣдемъ на наблюдательный пунктъ. Оттуда вы увидите расположеніе позицій нашихъ и непріятельскихъ. Вамъ уже приходилось это видѣть? — обратился онъ къ художницѣ.

— О, да! Я была въ шестнадцатомъ году на позиціяхъ подъ Галичемъ и Бжезанами. Была въ Бучачѣ въ седьмой арміи, тогда подъ начальствомъ генерала Щербачова; летала на „фарманѣ“ . . . Очень сильное и захватывающее чувство, но совсѣмъ не страшно.

— Я вижу, вы опытнѣе меня: я ни разу не леталъ, — улыбнулся Нотбекъ.

— А я никогда не командовала корпусомъ, — отвѣтила шуткой Вероника.

Въ два часа подали тройку прекрасныхъ вороныхъ коней, запряженныхъ въ небольшую двухмѣстную коляску, въ которую помѣстился Нотбекъ съ художницей. Позади ѣхали юный адъютантъ, Либинъ и Юрасовскій. Быстрые кони, туго натягивая возжи и круто сгибая сильныя, упругія, лоснящіяся шеи, быстро помчали эки-

пажъ по убитой пересохшей дорогѣ, окаймлявшей лѣсъ, а затѣмъ поперекъ поля, къ виднѣвшемуся вдали другому лѣсу. Надъ головой просвистали дра-три снаряда, выпущенные изъ нашихъ орудій.

— Да, это война, все еще война, — подавляя вздохъ, подумала Вероника.

— О чемъ вы такъ вздыхаете, можно узнать? — мягко обратился къ ней Нотбекъ.

— Я вздохнула оттого, что вашъ гостепріимный обѣдъ на веселой лужайкѣ и эта поѣздка на тройкѣ такъ похожи были на пикникъ, пока ни просвистали сейчась надъ нашими головами эти вѣстники несчастной, нескончаемой войны. Въ окружающей насъ горячей, пьяной, насыщенной свѣтомъ, ароматами и плодотворными соками природѣ чувствуется краснорѣчивый протестъ войнѣ, разрушающей счастіе человѣка.

— Да, хотѣлось бы отдохнуть, — задумчиво проговорилъ Нотбекъ, глядя вверхъ на медленно таявшіе на небѣ, какъ дымка воздушныя, облачка. — Я живу въ этой атмосферѣ уже три года... А тамъ далеко кто-то ждетъ меня и тоскуетъ по мнѣ...

Вероника вспомнила портретъ красивой женщины и букетикъ незабудокъ на столѣ въ комнатѣ генерала. Она поняла, что онъ говорилъ о ней и еще поняла тонкимъ женскимъ чутьемъ, что эта женщина была не его жена.

— Да, война неизбѣжно несетъ съ собой много катастрофъ не только на полѣ брани, но и въ интимной жизни отдѣльныхъ лицъ, — продолжалъ Нотбекъ, очевидно думая о своей личной жизни.

Наступило минутное молчаніе.

— Если-бы вы знали, Вероника Антоновна, какъ много я бы далъ, чтобы хоть на однѣ сутки улетѣть далеко отсюда къ тому существу, что ждетъ меня...

— И которому каждое утро вы приносите букетикъ свѣжихъ незабудокъ, — съ теплымъ дружескимъ сочувствіемъ докончила его фразу Вероника.

— Да, вы угадали, — быстро поворачиваясь къ ней всѣмъ корпусомъ и вскидывая на нее удивленный взглядъ, отвѣтилъ Нотбекъ. — Но... какъ вы догодались?... Какая чуткость...

— Ради Бога, простите — эту нескромность съ моей стороны.

— Ничуть! Я такъ радъ, что вы поняли, почувствовали мою потребность высказаться. Здѣсь, въ этой суровой обстановкѣ мы такъ черствѣемъ, такъ замыкаемся въ себѣ и въ то же время чувствуемъ, иной разъ, такую непреодолимую потребность общенія съ мягкой, отзывчивой душой женщины. Сразу вы мнѣ показались холодной, точно мраморъ, и я внутренно спрашивалъ себя, какъ могла эта холодная женщина писать такія яркія картины? А вотъ вы сказали одну лишь фразу, и я сейчасъ же почувствовалъ, что ошибался.

— Конечно, вы ошиблись.

— У васъ громадная выдержка, и это вводитъ въ заблужденіе. Я очень радъ, что разгадалъ васъ. Я думаю, вы должны хорошо понимать людей. Творческія натуры одарены особой проницательностью и чуткостью къ внутреннему міру переживаній своего ближняго.

— Вы правы, Владиміръ Владиміровичъ.

— А потому я хочу подѣлиться съ вами моими переживаньями, которыя приходится здѣсь глубоко запрятывать въ сердце, чтобы какъ можно меньше походить на человѣка и какъ можно больше — на военнаго манекена. Я вамъ разскажу странную исторію моей жизни за послѣдніе годы...

Война, съ ея ежеминутнымъ рискомъ смерти, выводитъ людей изъ рамокъ условностей и рушитъ искусственно созданныя преграды, мѣшающія возможности внезапнаго искренняго общенія между натурами, чувствующими эту потребность. То, что кажется страннымъ и даже смѣшнымъ въ салонѣ, то естественно и даже нужно въ обстановкѣ, гдѣ тѣнь смерти невидимо витаетъ надъ головой каждаго, а потому ни Вероникѣ, не генералу Нотбеку не показалась неудобной и неумѣстной откровенность, съ которой они подошли къ жизни личныхъ переживаній, не смотря на то, что познакомились лишь два часа тому назадъ. Она слушала его сложный и въ то же время все тотъ же, неизмѣнно повторяющійся, лейтъ-мотивъ жизни, безъ котораго существованіе человѣка сѣро, какъ сѣрыя скучныя будни въ осеннюю пору... Некрасивое лицо, съ сильно загорѣвшимъ цвѣтомъ кожи, оживилось, забылась война съ ея предвѣстниками грознаго будущаго, забылись пролетавшіе надъ головой снаряды изъ стоявшихъ позади на позиціяхъ — батерей, забылись въ пяти верстахъ расположенные окопы... Лилась горячая рѣчь, и повѣсть о любви развертывалась красивымъ узоромъ, созданнымъ двумя оторванными другъ отъ друга существами. Вероника, слушая внимательно неожиданную исповѣдь, въ то же время думала о томь, что ни война,

ни бѣдствія и крушенія государствъ, ничто не измѣнитъ законовъ природы, и вѣчно будетъ жить взаимное тяготѣніе двухъ началъ — мужского и женскаго.

Минуя поля, по шоссѣ въѣхали въ Галиційскій городокъ Сборажъ, безпрерывно обстрѣливавшійся гранатами и бомбами. Ѣхали по совершенно опустѣвшимъ улицамъ, съ разрушенными зданіями, мимо высокой, сильно пострадавшей красивой церкви. Спустились по разбитому шоссѣ внизъ и въѣхали въ громадный тѣнистый лѣсъ, представлявшій уродливое зрѣлище: подлѣ наскоро сколоченныхъ неопрятныхъ шалашей валялись неопрятныя группы солдатъ. Повсюду были лошади, привязанныя къ деревьямъ, дымились костры, валялись клочья бумаги, всякаго тряпья и мусора. Распростертые по землѣ и бродящіе грязные солдаты, изрытая копытами почва, сваленные кучами и обломанные сучья, костры, ржавыя ведра и котелки, подвѣшанные надъ огнемъ, — все это сѣрое и грязное нарушало гармонію величественной красоты благоухающаго лѣса. Ни одинъ солдатъ не отдалъ чести проѣзжавшему мимо командиру корпуса.

— Это наши резервы позади окоповъ, — пояснилъ онъ.

Проѣхавъ полянку, вышли изъ экипажа и долго шли узенькой лѣсной, часто терявшейся между кустовъ, извилистой тропинкой вдоль телефоннаго провода, ведущаго къ нашимъ батереямъ. Наконецъ остановились у берлоги вродѣ колодца, изъ которой, по приставленной переносной лѣстницѣ, влѣзли одинъ за другимъ на невысокій валъ, на которомъ были установлены трубки для наблюденія. Генералъ Нотбекъ, Юрасовскій и пол-

ковникъ наблюдательнаго пункта вмѣстѣ съ Вероникой пролезли къ самому краю вала. Сквозь искусственное загражденіе, въ видѣ кустовъ, были хорошо видны расположенные внизу на полѣ наши окопы. Впереди тянулась бѣлая линія шоссе — непріятельскій фронтъ, по которому было выпущено нѣсколько снарядовъ.

Не смотрю на то, что солнце, ударяя всѣми лучами, жарило очень сильно, Вероника съ удовольствіемъ, полулежа на соломѣ на крошечномъ пространствѣ вала, бесѣдовала съ размѣстившимися рядомъ съ ней генераломъ Нотбекомъ и полковникомъ, обливавшимся струями пота.

— Ужъ вы извините за неприглядный видъ нашихъ костюмовъ и лицъ. Я сижу въ этой берлогѣ третія сутки, а иногда приходится и больше. Отлучиться невозможно. Живу какъ звѣрь, — добродушно улыбаясь говорилъ полковникъ, съ небритымъ, почернѣвшимъ отъ загара лицомъ.

И здѣсь, передъ окопами, въ центрѣ главнаго механизма, откуда исходили результаты военныхъ дѣйствій, настроеніе было подавленное. Полковникъ, указывая внизъ на окопы, горестно и безнадежно махнулъ рукой.

Тѣмъ же путемъ вернулись обратно. Нотбекъ, не смотря на то, что Либинъ и Юрасовскій указывали ему, что получили предписаніе отъ командующаго арміей обратно доставить художницу къ ужину, горячо воспротивился, подчеркивая, что ея посѣщеніе дѣйствуетъ на нихъ какъ день благотворнаго отпуска на родину. Пришлось уступить просьбамъ генерала. Вероника была въ томъ слегка возбужденномъ настроеніи, кото-

рое отражается въ находчивости и красочности рѣчи, въ заразительномъ смѣхѣ и оживленіи. Этотъ подъемъ настроенія утончалъ и обострялъ ея воспріимчивую впечатлительность, и она, глядя вокругъ блестѣвщими глазами, сознавала, что каждый штрихъ, переживаемыхъ часовъ на фонѣ яркихъ красокъ жаркаго дня, гравируется въ ея памяти несмываемымъ оттискомъ.

Послѣ ужина небольшой компаніей сидѣли на деревянномъ балкончикѣ и, подъ косыми лучами спускавшагося къ горизонту солнца, пили изъ толстыхъ простыхъ стакановъ чай со свѣжимъ сотовымъ медомъ. Адъютантъ, съ лицомъ отрока и блестѣвшими юностью и здоровьемъ глазами, краснѣя и поминутно вскидывая на художницу взглядъ, исполнялъ роль хозяйки и усердно угощалъ. Какъ изъ стали вылитый, представительный, громаднаго роста, бельгійскій полковникъ, съ сѣдѣющими густыми волосами и вспыхивавшими въ черныхъ глазахъ искорками, опершись спиной о деревянныя перила балкончика, держа въ одной рукѣ папиросу, въ другой стаканъ съ крѣпкимъ горячимъ чаемъ, съ присущей французамъ любезностью, старался доказать Вероникѣ, что „ce brave soldat et ce bon peuple russe“ очнется, опомнится, и война будетъ закончена для Россіи побѣдоносно.

— N'en parlons pas, mon colonel, — съ горечью остановила его плавную, немного вычурную рѣчь Вероника. — Это слишкомъ больной для каждаго изъ насъ вопросъ. Мы всѣ такъ глубоко разочарованы въ нашихъ иллюзіяхъ по отношенію этого несчастнаго темнаго народа. Полное крушеніе всѣхъ надеждъ и вѣры въ него.

Генералъ Нотбекъ, задумчиво глядя вдаль поверхъ темнѣющаго сада, молчалъ.

Всегда широко мыслящій и либеральный, онъ чувствовалъ теперь нѣкоторую запутанность въ своихъ мысляхъ и ждалъ въ послѣдующихъ политическихъ событіяхъ разрѣшенія назрѣвшихъ сомнѣній. Съ дѣтства онъ привыкъ любить свой народъ и вѣрить въ его здравый смыслъ и добродушіе. Онъ боялся сознаться самому себѣ, что червь сомнѣнія уже вползъ въ его душу и подтачивалъ вѣрованія всей пройденной жизни.

Совсѣмъ вечерѣло. Прозрачныя, рѣющія надъ полями вечернія тѣни стали сгущаться. Звѣзда одна за другой зажигалась на потемнѣвшемъ небѣ. Вѣялъ прохладный, пахнувшій мятой, вѣтеръ. Автомобиль выѣхалъ изъ совсѣмъ стемнѣвшаго лѣса на широкую дорогу вдоль полей. Откинувъ съ лица газовый шарфъ, Вероника смотрѣла вверхъ, гдѣ таяли послѣдніе отблески дня. На душѣ вдругъ стало грустно... Среди покоя и тѣней надвигавшейся ночи, недремлющее око смерти и разрушенія сторожило по ту сторону лѣса уродливыя вырытыя въ землѣ ямы, гдѣ копошились несчастные люди, вѣчные рабы своихъ заблужденій.

XXVI.

— Ну вотъ и отлично! Вы оборудуйте это дѣльце, а тамъ видно будетъ дальнѣйшее, — говорилъ Кацманъ, всовывая ноги въ облипшія засохшей грязью неопрятныя галоши и поднимая воротъ толстаго драповаго пальто. Изъ подъ низко надвинутаго чернаго котелка сильнѣе выдѣлялись на бритомъ лицѣ длинный носъ и слегка оттопыренныя уши.

— Да, сегодня же я постараюсь переговорить и завтра сообщу вамъ по телефону, — отвѣтила Марія Апполоновна, продолжая въ передней недоконченный дѣловой разговоръ.

— Только вы поосторожнѣе съ телефономъ то...

— Этому учить меня, Семенъ Борисовичъ, не надо, — улыбнулась Мэри, искоса поглядывая на себя въ простѣночное зеркало, подлѣ котораго она стояла.

— Виноватъ: я на минуту упустилъ изъ виду, что вы всегда были дѣловой дамой, — не то одобрительно, не то насмѣшливо произнесъ Кацманъ.

— Дѣловой — нѣтъ, а умѣющей не растеряться и приспособиться, — это пожалуй.

— Ну, однако же весной вы совсѣмъ, что называется, расквасились: и охи, и ахи, и подай вамъ вашего раммолика министра, валялись цѣлыми днями на кушеткѣ и продолжали великосвѣтскія ломанья и миндальничанья со всякимъ тамъ вашимъ титулованнымъ, никому уже ненужнымъ, хламомъ.

— Съ какимъ хламомъ? — дѣланно разсмѣялась Мэри.

— Какъ же, я помню: приходилъ къ вамъ какой-то тамъ князь или графъ черномазый, похожій на дрессированнаго пуделя, — съ презрительной миной на скошенныхъ губахъ, продолжалъ Кацманъ.

— Господи, что у васъ за нелѣпыя сравненія! — пожала Мэри плечами. — Это вы про князя Сурова?...

— А чертъ его знаетъ, — Суровъ онъ или иначе! — буркнулъ Кацманъ, отлично зная, что предметомъ его нападокъ былъ именно князь Суровъ, противъ котораго онъ затаилъ глухое раздраженіе за холодную и кор-

ректную выдержку, помѣшавшую ему, какъ онъ выражался, „сцѣпиться и вздуть надменнаго аристократишку“.

— Ну, милый мой поклонникъ, дѣло не въ Суровѣ, а вотъ лучше...

— Какой я вамъ поклонникъ? — перебилъ Кацманъ. — Я съ удовольствіемъ посѣщаю васъ, такъ какъ вижу передъ собой толковаго человѣка, а вы сейчасъ на женскій манеръ переводите въ поклонники. Эхъ вы, барынька моя, крѣпко сидитъ во всѣхъ васъ эта великосвѣтская дурь. Подождите, со временемъ и это вывѣтрится.

Слишкомъ безцеремонный тонъ Кацмана заставилъ Марію Апполоновну чуть-чуть сдвинуть брови:

— Если вы будете говорить со мной такимъ тономъ, то, право же въ одинъ прекрасный день, я на васъ, Семенъ Борисовичъ, разсержусь.

— Не разсердитесь, милая барынька: я нужный человѣкъ и былъ, и буду. — Кацманъ, сощуривъ острые, лукавые глаза, криво ухмыльнулся.

— Однако я запоздалъ. Прощайте. Въ концѣ недѣли я зайду и, согласно результатамъ вашихъ переговоровъ, потолкуемъ о планахъ относительно кафэ. — Кацманъ самъ открылъ входную дверь и вышелъ, тяжело захлопнувъ ее за собой.

Марія Аполлоновна, выждавъ нѣсколько минутъ, подошла къ висѣвшему въ передней-же на стѣнкѣ телефону. Теперь этотъ телефонъ былъ единственный въ ея квартирѣ, сильно измѣнившей за послѣднее время свой наружный видъ, такъ какъ изъ восьми комнатъ она пользовалась лишь двумя, выходившими окнами

на дворъ и прилегавшими къ внутреннему коридору, гдѣ были расположены кухня, ванна и людскія. Шесть комнатъ она сдавала въ наемъ. Три изъ нихъ снималъ какой то темный типъ, называвшій себя бывшимъ офицеромъ и жившій съ молодой, хорошенькой, имѣвшей изнуренный и болѣзненный видъ, женщиной, которую онъ выдавалъ за свою сестру, при чемъ отношенія ихъ прямо противорѣчили такому заявленію. Они день обращали въ ночь, и ночь въ день. Очень часто уходили съ вечера и возвращались домой подъ утро. Такъ какъ они ничѣмъ не безпокоили Мэри, за помѣщеніе платили хорошо и аккуратно и давали щедрыя подачки единственной оставшейся у Мэри прислугѣ, то она не находила данныхъ быть ими недовольной.

Остальныя три комнаты занималъ богатый еврей, бывшій директоръ какого то банка. Мэри догадывалась, что онъ занимался крупной спекуляціей. По утрамъ у него были дѣловые визиты, затѣмъ онъ уходилъ и весь день его не было дома, при чемъ онъ неоднократно повторялъ Мэри, что въ его отсутствіе ея бывшая гостинная въ полномъ ея распоряженіи. Не торгуясь, онъ сразу согласился платить за свое помѣщеніе довольно высокую сумму, и Мэри во всѣхъ отношеніяхъ дорожила имъ какъ очень удобнымъ жильцомъ. Условія жизни такъ круто измѣнились, что Маріи Аполлоновнѣ достаточно было ея двухъ комнатъ: изъ прежнихъ друзей и знакомыхъ мало кто оставался въ Петроградѣ, а тѣ кто остался — былъ, какъ и она, озабочены все болѣе осложнявшимися условіями жизни, политическими событіями, грозящими новыми бѣдствіями и раззореніемъ странѣ и каждаго отдѣльнаго лица.

Съ наступленіемъ осени для всѣхъ стало ясно, что бездѣйствовавшая на линіяхъ фронта армія скоро разсыпется. Успѣшно проведенная агитаторами идея „братанія“ быстро привилась и въ конецъ задула послѣднія искры патріотизма въ солдатскихъ сердцахъ. Всѣ готовились къ началу страшнаго конца, когда армія, съ наступленіемъ зимы, побѣжитъ съ фронтовъ, сметая все на своемъ пути, и по ея пятамъ вторгнется врагъ въ глубину Россіи. Дороговизна возростала, продукты выдавались по карточкамъ, и на улицахъ дежурили длинные хвосты отъ дверей кооперативовъ. Приходилось въ хвостахъ выстаивать долгіе часы, занимая заранѣе очереди, которыя занимались съ самыхъ раннихъ часовъ утра. Зачастую дежурили, кромѣ прислуги, посмѣнно всѣ члены семьи, свободные отъ службы. Къ концу дня всѣ были утомлены до послѣдней крайности. Мало по малу общественная жизнь останавливалась, такъ какъ всѣ интересы стали сосредотачиваться на одной мысли добыванія продуктовъ.

Марія Апполоновна, остро переживъ удары судьбы, сбросившіе ее съ головокружительной вершины въ пропасть отчаянія и жизненныхъ невзгодъ, которыя она уже одинъ разъ въ своей жизни съ такимъ трудомъ и упорствомъ преодолѣла, — послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ нервнаго разстройства и полной апатіи къ жизни, наконецъ заставила себя встряхнуться и, взглянувъ въ глаза дѣйствительности, взвѣсить свои силы. Привычка приспособляться къ обстоятельствамъ и умѣніе пользоваться наиболѣе выгодными для себя моментами и людьми, подсказали Маріи Апполоновнѣ, что и на этотъ разъ она съумѣетъ выкарабкаться изъ когтей злого

рока. Осиливъ нервную апатію, она начала ликвидировать свое прошлое и налаживать жизнь по новому образцу. Распродавъ все, что было наиболѣе цѣннаго изъ обстановки, она сдала лучшія комнаты въ наемъ, оставивъ себѣ только спальню и рядомъ комнату, въ видѣ столовой и кабинетика Въ двухъ людскихъ она поселила даромъ семью своего бывшаго повара, призваннаго на военную службу. Такимъ образомъ въ лицѣ благодарной ей семьи она обезопасила квартиру отъ грабителей. Изъ прежней прислуги осталась одна, бывшая судомойкой, получавшая теперь широкое вознагражденіе отъ богатыхъ жильцовъ. Марія Апполоновна, сдавъ квартиру, не только оплачивала ея стоимость, но изъ этихъ же денегъ могла и существовать, прибавляя то, что было выручено изъ продажи цѣнной обстановки.

Прислушиваясь и приглядываясь къ посѣщавшему ее Кацману — прежнему комиссіонеру, теперь состоявшему на службѣ у правительства, и къ тому, что дѣлалось вокругъ, она рѣшила еще разъ осилить злой рокъ и опять подняться на ноги. Пришлось отбросить и самолюбіе и гордость, а подчасъ — и чувство собственнаго достоинства. Стиснувъ зубы, она рѣшила идти на все, лишь бы не очутиться одинокой, слабой и нищей на улицѣ. Къ ея удивленію и нѣкоторому удовольствію, между людьми, которыхъ по сорту ихъ дѣятельности она не впустила бы раньше дальше передней, оказались лица, встрѣчавшіяся раньше въ гостинныхъ, въ ложахъ оперы и балета. Подобно ей самой, они рѣшились приспособиться къ новымъ условіямъ жизни и плыть по теченію, чтобы не оказаться выброшен-

ными за бортъ. Въ короткій срокъ Марія Апполоновна, съ присущей ей ловкостью, овладѣла положеніемъ даннаго момента и оказалась опять въ роли дѣловой дамы, но въ средѣ и съ дѣлами, внушавшими ей въ первый моментъ чувство брезгливости. Она съумѣла осилить въ себѣ это чувство и стереть съ лица то выраженіе снисходительнаго высокомѣрія, которое было усвоено ею вмѣстѣ съ англійскимъ стилемъ въ манерахъ и покроѣ одежды въ послѣдній, счастливѣйшій годъ ея жизни.

— Прекрасно, — я жду васъ вечеромъ къ девяти часамъ. Пожалуйста, по обыкновенію, не запаздывайте, — докончила Мэри длинный, мало понятный для непосвященнаго лица, разговоръ по телефону. Она прошла по корридору въ свои комнаты, присѣла на прелестный диванчикъ — остатокъ отъ распроданной обстановки, — и, придвинувъ къ себѣ стулъ съ открытой кардонкой, стала выбирать изъ нея ленты и примѣрять ихъ къ черной бархатной шляпкѣ, которую рѣшила сама передѣлать. Укладывая на шляпкѣ бантъ и прикрѣпляя его иголкой, она погрузилась въ воспоминанія недавняго прошлаго, которыя безпрестанно ее осаждали: Въ этой самой шляпкѣ, купленной годъ тому навадъ за баснословно высокую цѣну у француженки модистки, получавшей модели изъ Парижа, она была съ визитомъ у близкой ко двору фрейлины . . . Сидѣли въ просторной шелковой гостинной цвѣта gris-perle, выходящей большими зеркальными окнами на набережную, съ громаднымъ, во всю комнату, ковромъ блѣднорозоватаго тона. За окнами мелькали пушинки снѣга. Кромѣ нее сидѣлъ частый посѣтитель этого дома, пропитанный

придворной атмосферой, завѣдывавшій царской библіотекой, пожилой, но прекрасно сохранившійся господинъ, всегда благоухавшій, свѣжій, съ неисчерпаемымъ запасомъ дешевыхъ bons-mots, очень любимый въ большомъ свѣтѣ старый холостякъ и поклонникъ женщинъ. Говорили о только что пріѣхавшемъ изъ ставки въ Могилевѣ царѣ съ наслѣдникомъ, о недавней болѣзни корью двухъ великихъ княженъ, о послѣднемъ дебютѣ балерины Кшесинской. Маріи Аполлоновнѣ тогда казалось, что всю жизнь она дышала этой придворной атмосферой, въ которую въ самый ближайшій срокъ должна была погрузиться еще глубже. Она поглядывала изрѣдка на часы, зная, что долженъ былъ заѣхать Быстровъ. Онъ вошелъ, съ чарующей привѣтливой улыбкой, красивый, безпечно - радостный, увѣренный въ каждомъ своемъ словѣ, въ каждомъ жестѣ.

— А я прямо отъ царицы . . . она была сегодня дивно хороша въ темно гранатовомъ бархатѣ, — говорилъ онъ, цѣлуя дамамъ руки. Мэри вспомнила, какое счастливое чувство гордости залило тогда ея сердце :

— . . . Этотъ „charmeur“, этотъ всесильный министръ, любимецъ царя и царицы — всецѣло принадлежитъ мнѣ, — подумала она тогда.

— . . . Ахъ . . . — простонала она, откладывая въ сторону недоконченную шляпку и закрывая ладонями лицо. — Забыть бы все это, чтобы не мучиться о безвозвратной потерѣ всего, что было дорого, для чего стоило жить . . . Въ тюрьмѣ, въ сыромъ казематѣ крѣпости этотъ избалованный, изнѣженный человѣкъ — ея другъ, ея женихъ, подъ унылый бой курантовъ, вла-

читъ теперь день за днемъ . . . Въ этой же шляпкѣ, — продолжала вспоминать Мэри, — она была въ Государственной Думѣ, когда онъ, неожиданно для всѣхъ, явился въ формѣ шефа жандармовъ. Она слышала отрывки негодующихъ по этому поводу замѣчанiй, улавливала явно недоброжелательный тонъ и даже насмѣшки по его адресу. На другой же день она предупредила его, совѣтуя быть на сторожѣ, но онъ былъ такъ великолѣпенъ въ сознанiи своей силы власти, такъ снисходительно, шутливо и небрежно выслушалъ ея предостереженiя, что она повѣрила ему и вѣрила до послѣдняго момента полнаго крушенiя власти и своихъ надеждъ . . .

Марiя Аполлоновна не замѣчала, что, сквозь плотно сжатые на лицѣ пальцы, струились слезы и капали на ея колѣни. Настоящее казалось ей чудовищнымъ, не укладывавшимся въ жизненныя рамки, кошмаромъ, который давилъ мозгъ и душу, отъ котораго, во что бы то ни стало, хотѣлось пробудиться. Но пробужденiя не было, и жизнь осложнялась все больше и больше, тянула, какъ тяжелый камень, къ мутному дну.

— Нѣтъ, такъ жить нельзя . . . лучше умереть! — шептала Мэри, и все таки жила.

— Пожалуйте сюда, барыня. Я принесла кой что изъ кооператива, — раздался изъ корридора голосъ прислуги. Мэри поспѣшно отерла заплаканное лицо и вышла въ кухню.

— Ну, хоть недаромъ стояла цѣлыхъ три часа. Выдали шесть фунтовъ картошки, по два фунта сахару, три фунта сухихъ кореньевъ и два фунта пшена. Ужъ и очередь сегодня! . . . Ругаются, грозятся, просто

силъ нѣту! Думала — такъ ни съ чѣмъ и уйду, промочивъ ноги насквозь... Экая жизнь стала!

— А хлѣбъ выдали? Вчера мы вѣдь не получили, Аннушка.

— Выдали два фунта на два дня. Это по полъ фунту на человѣка. Нешто будешь сытъ?! И то у меня судороги въ животѣ сдѣлались: вѣдь я съ утра, кромѣ чашки кофе, ничего не имѣла.

— Топите скорѣе печь: я тоже очень голодна.

— А чего готовить то будемъ? У меня окромя селедокъ и капусты кислой ничего нѣтъ.

— А у меня есть, — улыбнулась Мэри.

— Ну-у?!... — недовѣрчиво протянула Аннушка, пожилая женщина, разумная и ловкая, жившая у Мэри нѣсколько лѣтъ въ качествѣ судомойки и исполнявшая теперь всю работу по дому.

— Мнѣ принесъ Кацманъ кусокъ малороссійской колбасы и три фунта сала. Зажарьте колбасу съ кислой капустой, а на первое сдѣлайте размазню.

— Это преотлично! Даромъ что еврей, а очень любезный господинъ. Такому и дверь отворять пріятно, — выкладывая изъ корзинки провизію, одобряла Аннушка.

— А на счетъ хлѣба ничего не говорили? Какая ѣда безъ хлѣба! Сколько ни ѣшь, а черезъ два часа точно и не обѣдалъ.

— Насчетъ хлѣба вамъ надо вечеромъ зайти къ нему. Онъ обѣщалъ фунтовъ пять — шесть оставить.

— Опять идти! — вздохнула прислуга. — Ну, да ужь пойду, по крайней мѣрѣ дня три сыты будемъ. Народъ сталъ озорной до того, что хуже нехристей.

Постоишь въ очередяхъ, такъ наслушаешься такого, что тошно станетъ . . . — продолжала прислуга, растапливая печь, въ то время какъ Марія Аполлоновна отрѣзывала куски колбасы и отмѣривала кислую капусту изъ большого глинянаго горшка.

— Смотрите, Аннушка, такъ довольно?

— Ужъ, прибавьте еще, — не глядя отвѣчала та. — Ноне въ очередяхъ говорятъ, что солдаты какъ есть всѣ разбѣгутся и воевать не станутъ ни въ жисть. Къ Николину дню всѣ по деревнямъ разойдутся. Говорятъ, что нѣмецкій народъ тоже воевать не желаетъ и съ большимъ, значитъ, удовольствіемъ братается.

— Теперь братается, а потомъ Германія въ лапы насъ заберетъ, — отозвалась Мэри.

— А еще говорятъ, что безпримѣнно арестуютъ этого главнаго у насъ . . . какъ его ужь я опять позабыла . . . вотъ, что въ Думѣ сидѣлъ . . .

— Зарянко?

— Вотъ — вотъ онъ самый. Говорятъ, что его арестуютъ и Керенскаго, потому что за войну стоятъ, а народъ воевать больше не хочетъ. Опять же голодъ . . . Какая ужь тутъ война, коли хлѣба не поѣсть вволю! . . . Вонъ масло кухонное сегодня ужь фунтъ шесть рублей. Сунулась кофе покупать, ужь десять рублей . . . Нешто это жизнь? Что же министры смотрятъ?!

— Ну хорошо, Аннушка, вы поскорѣе приготовьте обѣдъ и сбѣгайте за хлѣбомъ. Вечеромъ у меня по дѣлу будетъ одинъ господинъ, и я пойду хоть сыру купить, а то подать будетъ нечего къ чаю.

— Сыръ сегодня уже восемь рублей фунтъ. Просто страсть одна!

— Какъ, уже восемъ? - ужаснулась Мэри. - Что же дальше будетъ? Этакъ мы совсѣмъ обнищаемъ, никакихъ денегъ не станетъ. Пока я уйду, вы, пожалуйста, Аннушка, послушайте телефонъ.

— Безпримѣнно, — охотно согласилась та, зная напередъ, что дверь изъ кухни она не откроетъ, чтобы спокойно выпить кофе съ тайно припрятаннымъ отъ вчерашняго обѣда кускомъ масла и мяса, а потому и телефоннаго звонка слышать не будетъ.

Вечеромъ она ушла за обѣщаннымъ хлѣбомъ къ Кацману, и Мэри сама открыла дверь, когда позвонили.

— И все таки вы не могли не опоздать, Антонъ Алексѣевичъ, — встрѣтила она гостя упрекомъ.

— Честное слово спѣшилъ ужасно! — какъ то сразу наполняя комнаты шумомъ, отвѣтилъ Дроговъ, настойчиво добивавшійся благосклонности Мэри въ прошломъ сезонѣ, когда звѣзда ея друга министра, Быстрова, такъ ярко горѣла и могла какимъ нибудь изъ своихъ лучей блеснуть и на его пути.

— Вы всегда спѣшите и всегда опаздываете, — пожала Мэри плечами.

— А вы всегда меня разносите. Это у васъ хронически.

— Значитъ, стоите.

— Ну, довольно сердиться. Дайте вашу ручку поцѣловать. Я былъ не въ духѣ, увидѣлъ васъ и сразу развеселился. — Дроговъ расхохотался съ захлебываніемъ. — Послушайте, дорогая, вы мнѣ дадите чашку чая? Я шелъ и мечталъ о немъ.

— Дамъ, хотя вы и не стоите.

— Ну вотъ, опять не стою! — со смѣхомъ какъ то взвизгнулъ Дроговъ.

Прошли длиннымъ корридоромъ въ бывшій кабинетъ Мэри, служившій теперь столовой и гостинной.

— Я тутъ ни разу не былъ. У васъ громадная квартира! — Дроговъ заглядывалъ въ двери направо и налѣво.

— Теперь это не моя квартира, — горько усмѣхнулась Мэри. — У меня только двѣ комнаты остались.

На небольшомъ столѣ былъ накрытъ чай подлѣ диванчика, на которомъ Мэри нѣсколько часовъ тому назадъ горько плакала.

— Если самоваръ простылъ, то сами виноваты.

— Вотъ вы какая! Я уже забылъ, а вы опять напоминаете.

— Очень жаль, что забыли. Садитесь.

Дроговъ опять разразился шумнымъ смѣхомъ и, садясь, толкнулъ колѣномъ ножку стола такъ, что на самоварѣ зашатался чайникъ.

— Мое угощеніе, Антонъ Алексѣевичъ, какъ видите, не блестящее. — Мэри придвинула къ нему тарелочку съ кускомъ масла и сыръ.

— А гдѣ вы сыръ достали? Я вчера искалъ и нигдѣ не нашелъ. Отличный сыръ по теперешнимъ временамъ. Въ слѣдующій разъ я вамъ принесу коробку компота-консервовъ. Очень вкусный.

— Вы лучше принесите мнѣ коробку голландскаго какао.

— Гдѣ же я его достану? У Жоржъ Бормана стоятъ на очереди по шести — семи часовъ изъ за фунта.

— Да, я знаю — и продаютъ по двадцать рублей за фунтъ. А хотите я вамъ достану сорокъ пудовъ луч-

шаго какао по двѣнадцать рублей и сорокъ пудовъ сахару по три пятьдесятъ?

— Какъ же вы достанете? Это не шутка?

— Я никогда не шучу въ дѣлахъ.

Дроговъ сразу сталъ серьезенъ, досталъ записную книжку и сталъ выщитывать.

— Сумма выходитъ солидная, — задумчиво проговорилъ онъ.

— И прибылъ солидная. Если возьмете это дѣло, то вѣроятно въ ближайшемъ будущемъ будетъ пятьдесятъ или больше пудовъ крупчатки.

— Это съ доставкой?

— Да, если хотите.

— Къ кому же надо обратиться?

— Ко мнѣ, разумѣется.

— Не потащите же вы сами эти восемьдесятъ пудовъ?! — разразился радостнымъ хохотомъ Дроговъ, успѣвъ прикинуть въ умѣ солидный кушъ барыша.

— Скажите куда доставить, и вамъ будетъ доставлено.

— Нѣтъ, честное слово, вы молодецъ, Марія Аппполоновна! Дайте поцѣловать вашу лапку.

— За комиссію вы должны мнѣ будете тысячу рублей, плюсъ фунтъ какао и пять фунтовъ сахару, — протягивая Дрогову руку, дѣловито проговорила Мэри.

— Съ меня тысячу и съ той стороны тоже тысяча? — безцеремонно освѣдомился Дроговъ.

— Это васъ не касается, мой любезный другъ, — наливая въ чашку чай и придерживая среднимъ пальцемъ крышку китайскаго чайника, спокойно отвѣтила Мэри.

— А когда же можно оформить это дѣло?

— Хотя бы сейчасъ. Дайте мнѣ подъ росписку двѣ тысячи задатку и завтра въ двѣнадцать часовъ утра пріѣзжайте ко мнѣ получить накладную.

— Извольте, я готовъ. Двѣ тысячи у меня съ собой, пожалуй, и наберется.

— Имѣйте въ виду, Антонъ Алексѣевичъ, что я смогу доставить вамъ, если захотите, большое количество березовыхъ дровъ; нѣсколько вагоновъ и по очень сходной цѣнѣ.

Докончили пить чай, ведя разговоръ исключительно на дѣловыя темы, изъ которыхъ Дроговъ понялъ, что у Мэри связей по этимъ вопросамъ гораздо больше, чѣмъ онъ предполагалъ.

— Мы затѣваемъ открыть кафэ на широкую ногу въ одной изъ центральныхъ частей города, — сказала Мэри послѣ того какъ Дроговъ, съ карандашемъ въ рукахъ, покончивъ вычисленія, вынулъ бумажникъ и отсчиталъ ей двѣ тысячи. — Если я не пущу въ оборотъ оставшіяся у меня въ банкѣ крохи, то въ, концѣ концовъ, сяду на мель.

— Вотъ это идея! — Дроговъ хлопнулъ ладонью по столу. — Совѣтую вамъ, чтобы пріучить къ себѣ публику, на первое время назначить цѣны поумѣреннѣе, а тамъ можно будетъ и повысить.

— Да, конечно. Жалающихъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ уже масса. И дамы, и барышни предлагаютъ на перебой свои услуги въ качествѣ продавщицъ и поставщицъ пирожного, шоколаду и булочекъ. Я ищу подходящаго помѣщенія.

— А я нашелъ... ей Богу нашелъ!... — сорвался съ мѣста Дроговъ. — Великолѣпный домъ, централь-

ное мѣсто... берите меня пайщикомъ, и я устрою вамъ это...

Дроговъ ушелъ поздно. Рѣшено было, что на слѣдующее утро онъ пріѣдетъ для окончательнаго разсчета и полученія накладной.

Послѣ его ухода Марія Апполоновна взяла счеты, большой листъ бумаги и углубилась въ длинныя вычисленія, которыми она за послѣднее время часто занималась. Эти были расчеты, по дѣлу открытія задуманнаго кафэ, крупнымъ пайщикомъ котораго долженъ былъ быть Кацманъ, при чемъ онъ бралъ на себя доставку провизіи и роль неоффиціальнаго контролера.

Въ этотъ день Марія Апполоновна легла спать успокоенная, такъ какъ удавшееся дѣло съ перепродажей Дрогову какао и сахара давало ей большія надежды на успѣшныя коммерческія сдѣлки съ Кацманомъ, дѣлавшимся съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе нужнымъ для нея человѣкомъ.

XXVII.

— Да, да, все это очень интересно, но и очень прискорбно, — медленно произнесъ Петръ Александровичъ — „патріархъ" сената, сидя въ креслѣ подлѣ полулежавшей на кушеткѣ жены и внимательно слушавшій длинные, красочные и возбужденные разсказы Вероники Кампіоны о своемъ путешествіи на фронтъ, изъ котораго она недавно вернулась.

Анастасія Ивановна неизмѣнно проводила весь день на кушеткѣ. Здоровье ея, по прежнему, было очень слабо.

— Я счастлива, Ника, что ты опять здѣсь, — тихо прошуршалъ ея голосъ, и усталое отъ болѣзни лицо

озарилось мягкой и нѣжной улыбкой. — Я думаю, ты все таки устала отъ этой кочевой жизни впродолженіи цѣлаго лѣта.

— Да, я немного утомилась, но замѣтила это лишь теперь; тамъ было столько острыхъ впечатлѣній, что личныя переживанія ускользали, — отвѣтила Вероника, мгновенно переносясь мыслью въ недавно покинутую ею военную атмосферу, гдѣ съ каждымъ днемъ назрѣвали все иныя волнующія событія.

Отсутствующимъ взглядомъ она обвела маленькую гостинную, гдѣ они находились.

— Пожалуйста не удивляйся безпорядку, — проговорила Анастасія Ивановна, уловивъ ея взглядъ. — Мы теперь живемъ по иному... пришлось двоихъ прислугъ отпустить. Осталось одна Марфуша. Она очень устаетъ съ очередями и, конечно, многое остается недодѣланнымъ, такъ какъ я плохой ей помощникъ.

— Откровенно говоря, тетя, я никакого безпорядка не замѣтила, пока вы мнѣ сами его не указали. Это меня не удивляетъ: жизнь сильно измѣнилась и всѣмъ трудновато.

— А въ особенности такимъ старикамъ какъ мы съ патріархомъ. Онъ еще бодръ, хоть и старъ, а вотъ я совсѣмъ инвалидъ. Анастасія Ивановна улыбнулась покорной, виноватой улыбкой. Слабѣющее сердце сильно затрудняло ея рѣчь, и она говорила съ очень большими паузами и передышками.

— Какъ обстоитъ дѣло съ арендой изъ имѣнія? Надежда есть? — спросила Вероника.

— Конечно, нѣтъ. Усадьба еще не раззорена, по словамъ управляющаго, но скотъ и лошадей крестьяне

забрали и платить ничего не желаютъ, такъ какъ считаютъ, что земля-ихъ и все имѣніе съ усадьбой тоже ихъ. — Сенаторъ разсмѣялся добродушнымъ короткимъ смѣхомъ.

— Однако, если съ имѣнія не будетъ ни копѣйки, и сенатъ сократитъ оклады, то чѣмъ же жить? — озабоченно проговорила Вероника.

— Въ налетѣвшемъ на страну шквалѣ все ломается: и государственный строй, и достоянія общественныя и личныя, и тысячи жизней... Счастливъ тотъ, кто уцѣлѣетъ. Задумываться объ обезпеченіи завтрашняго дня тутъ ужь не приходится. — Сенаторъ поднялъ на племянницу свѣтлый, ласковый взглядъ.

— Сколько въ васъ душевной ясности и удивительной кроткой мудрости, милый мой дядя! — Вероника положила руку на колѣни старика, сидѣвшаго, какъ всегда, прямо, не облокачиваясь о спинку кресла. Она любовно заглянула ему въ глаза.

— Не даромъ я несу за плечами багажъ безъ малаго со столѣтнимъ жизненнымъ опытомъ. Оттого все происходящее интересуетъ меня, быть можетъ, глубже, чѣмъ многихъ молодыхъ. Причины и ихъ послѣдствія какъ сѣмена и ихъ всходы, были брошены на моихъ глазахъ. Многое я предвидѣлъ и, когда могъ, остерегалъ. И Государя, въ свое время, остерегалъ. Не повѣрилъ и самъ не разглядѣлъ... Съ реформами необходимо поторопиться, сказалъ я ему, когда былъ у него въ послѣдній разъ съ докладомъ по дѣламъ ревизіи на Кавказѣ. — Это еще успѣется — отвѣтилъ онъ. — Какъ бы не опоздать, — невольно вырвалось у меня, когда, уже откланявшись, я выходилъ отъ него.

Вотъ и опоздали... Прискорбно это, такъ какъ Россіи придется пережить много скорбныхъ дней въ хаосѣ революціонныхъ исканій и смутъ. Сейчасъ самое главное это, конечно, вопросъ военныхъ событій. Всеобщій голосъ, что на фронтѣ совсѣмъ плохо... тоже самое я слышалъ и отъ графа Келлера.

— Гдѣ вы его видѣли, дядя?

— Въ Харьковѣ. Мы тамъ останавливались съ Анастасіей Ивановной на три дня, когда возвращались сюда изъ Крыма. Путешествіе было крайне утомительное и отдохнуть было необходимо.

— Я слышала о графѣ Келлерѣ самые восторженные отзывы его бывшихъ подчиненныхъ. Онъ командовалъ корпусомъ до революціи и отказался присягнуть временному правительству, заявивъ, чти измѣнить присягѣ онъ не можетъ. Ему предложили оставить фронтъ. Говорятъ, что это въ высшей степени безстрашный и всѣми любимый генералъ.

— Честнѣйшій и прямой человѣкъ, — подтвердилъ „патріархъ". — Думаю, что роль его еще не окончена.

— Скажите, дядя, вы пріѣхали сюда послѣ Корниловской исторіи?

— Да, послѣ.

— Мнѣ очень больно и очень жаль Корнилова. Это чистый и сильный человѣкъ.

— Я думаю, онъ поступилъ неосмотрительно, предпринявъ походъ на Петроградъ. Слишкомъ острый моментъ переживается въ арміи, и внутреннюю политику пока надо оставить всторонѣ. Впрочемъ, ходятъ упорные слухи, что въ этой исторіи Керенскій сыгралъ не хорошую роль. Жаль застрѣлившагося генерала Кры-

мова, жаль арестованныхъ въ Быховѣ доблестныхъ генераловъ, какъ Деникинъ, Эрдели, и самъ Корниловъ . . . Да, крови льется много. Въ Балтійскомъ флотѣ матросы убили не мало своихъ офицеровъ . . .

— А вы слышали, что Керенскій живетъ теперь въ Зимнемъ Дворцѣ и устроился въ аппартаментахъ Александра III?

— Какъ же, — слышалъ . . . — „патріархъ" весело разсмѣялся. — Онъ сдѣлалъ быстро и блестяще свою карьеру. Изъ присяжнаго повѣреннаго шагнулъ въ военные министры, потомъ въ роль верховнаго главнокомандующаго и наконецъ въ диктаторы. Конечно, съ непривычки къ высотѣ голова закружилась.

— Я слышала сегодня, что островъ Эзель уже въ рукахъ нѣмцевъ и что Петроградъ рѣшено сдать.

— Врядъ ли раньше весны возьмутъ его, — еле слышно промолвила Анастасія Ивановна, протягивая слабую, блѣдную руку къ портсигару, лежавшему у нея на колѣняхъ.

— Тетя, вы стали много курить, — замѣтила Вероника, подавая со стола спички.

— Да, дуся, гораздо больше: это нервное . . . Ты уже видѣла здѣсь кого нибудь изъ своихъ знакомыхъ? Разскажи. Куда дѣвалась эта вертихвостка Марія Аполлоновна? То ѣздила къ намъ раньше на поклонъ, а теперь и носу не покажетъ. Не сбѣжала ли за границу?

— Она здѣсь. Я была у нея и, признаться, впечатлѣніе послѣ этого визита осталось непріятное: какія то у нея все дѣла странныя . . .

— Аферистка она, — медленно выпуская струю дыма, замѣтила Анастасія Ивановна. — Не удалось

попасть въ роль жены министра, такъ она не побрезгуетъ ролью спекулянтши... Нѣтъ, нѣтъ, я ее никогда не любила... А князь Суровъ здѣсь?

— Князь здѣсь.

— Ты видѣлась съ нимъ?

— По телефону говорила. Онъ страшно занятъ... говоритъ, что въ десятомъ часу вечера садится за обѣдъ.

— Вы говорите про князя Сергѣя Сурова? — спросилъ сенаторъ. — Недавно я столкнулся съ нимъ на одномъ засѣданіи въ Технологическомъ Институтѣ. Онъ предсѣдатель въ организаціи союзовъ служащихъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Вырабатывался уставъ Союза Союзовъ, и въ Москву на Государственное совѣщаніе представителемъ Союза Союзовъ ѣздилъ князь Суровъ. Онъ въ очень возбужденно-дѣятельномъ настроеніи и дѣйствительно работаетъ на совѣсть.

— А этотъ... какъ его фамилія? Я забыла... этотъ богачъ съ оригинальными наклонностями? Гдѣ онъ, дуся? Ты видѣлась съ нимъ?

— Вы спрашиваете, тетя, про Асташева?

— Да, да, Асташевъ.

— Я его не видѣла и даже не знаю здѣсь ли онъ.

— Охладѣла, значитъ, къ нему?

— Давно охладѣла, — улыбнулась Вероника.

— И Асташевъ здѣсь, — какъ бы пробуждаясь отъ глубокой задумчивости, отозвался сенаторъ. — Я заходилъ какъ то въ эрмитажъ для справки и видѣлъ его тамъ. Мы перекинулись двумя-тремя словами. Собирается проѣхать какъ нибудь за границу. Говоритъ, что хотѣлъ бы здѣсь ликвидировать свой домъ и навсегда распрощаться съ Россіей.

— Да, могу себѣ представить какъ онъ реагируетъ на все совершающееся теперь! Вѣдь онъ ярый монархистъ, сторонникъ деспотическаго правленія. Онъ доказывалъ, что Россіи нужна палка Императора Николая Павловича, иначе она пойдетъ къ уклону своего могущества.

— Я думаю, что это онъ говорилъ изъ желанія быть исключительнымъ въ своемъ мнѣніи. У него есть стремленіе къ подраженію „Доріану Грей". Онъ рѣдко бываетъ самимъ собой, но въ общемъ онъ довольно интересный малый. Хорошо образованъ, начитанъ и понимаетъ толкъ въ искусствѣ.

— Что ему не мѣшаетъ отзываться о нашихъ классикахъ съ большимъ неуваженіемъ.

— Ну, это тоже ради фиглярства, — усмѣхнулся сенаторъ.

— А я забыла, дуся, сказать тебѣ, что на дняхъ меня навѣщала сестра Быстрова — Вѣра Апполоновна. Я не видѣла ее годъ. Она очень похудѣла, но выглядитъ вполнѣ счастливой. Говорила, что Михайловскій совсѣмъ поправляется. Я предвижу, что онъ скоро на ней женится. Дай ей Богъ счастія; она хорошій человѣкъ. Ты, дуся, поѣзжай къ ней поскорѣй: она очень о тебѣ спрашивала.

— Завтра же буду у нея. — Вероника поднялась.

— Нѣтъ, дуся, я не отпущу тебя. Оставайся обѣдать, хотя обѣды у насъ теперь болѣе чѣмъ скромные.

— Какъ разъ сегодня обѣдъ будетъ роскошный, — вмѣшался сенаторъ. — Намъ подарили три фунта гречневой крупы, и потому сегодня будутъ щи и каша. У меня припрятано роскошное угощеніе, и если ты останешься, то я его подамъ: цѣлая баночка меду.

— Конечно, милый дядя, останусь, хотя мнѣ непремѣнно надо было побывать у однихъ друзей. Ничего, поѣду завтра.

— Я пойду потороплю съ обѣдомъ, чтобы тебѣ не поздно было домой возвращаться. Теперь у насъ опасно быть вечеромъ на улицѣ: снимаютъ не только пальто, шубы и платье, но даже и ботинки. Грабежи на улицѣ очень участились. — Старикъ всталъ и ровной, прямой походкой вышелъ изъ комнаты.

— Какъ ты его нашла, Ника, не очень постарѣлъ? — спросила Анастасія Ивановна, когда онѣ остались однѣ.

— Нисколько. Удивительно бодръ! Сколько въ немъ душевной силы! Какъ спокойно и просто онъ переноситъ всѣ передряги.

— Да, духъ у него стальной. Теперь такихъ немного, — задумчиво произнесла Анастасія Ивановна. — Мы мало кого видимъ, а тѣ что приходятъ, всѣ очень упали духомъ и ничего свѣтлаго впереди не видятъ.

— А дядя что говоритъ?

— Онъ смотритъ на все происходящее съ точки зрѣнія исторической логики и думаетъ, что передряги еще будутъ. Какъ то война окончится? Это теперь самое тревожное. — Анастасія Ивановна тяжело вздохнула, закрыла глаза и задумалась.

Вероника тоже задумалась, вспоминая недавно пережитыя впечатлѣнія на фронтѣ.

— Ты какъ думаешь, дуся, окончимъ войну или нѣтъ? — помолчавъ спросила Анастасія Ивановна. Вероника пожала плечами:

— Не знаю, тетя. Боюсь, что армія наша . . . кончена. Воинскій духъ въ ней угасъ и нѣтъ больше вѣры

въ побѣду. Мы стоимъ надъ пропастью. — Вероника тяжело вздохнула. Обѣ долго хранили молчаніе, думая объ одномъ и томъ же: о гибнущей родинѣ, о ея увядающей чести, славѣ и мощи.

XXVIII.

Былъ десятый часъ вечера, когда князь Сергѣй Суровъ вернулся домой. Мать вышла изъ своей угловой маленькой гостинной, заслышавъ его голосъ въ передней.

— А я уже начинала тревожиться. Здравствуй, дружокъ мой. Отчего такъ поздно?

— Затянулось засѣданіе.

— Я поручала звонить тебѣ часъ тому назадъ въ Министерство, мнѣ отвѣтили, что ты уже вышелъ. Теперь такъ часты нападенія на улицахъ, что когда ты долго не возвращаешся, — невольно приходятъ въ голову всякія непріятныя мысли. Къ тебѣ звонилъ кто то, пріѣхавшій съ Румынскаго фронта и очень желалъ тебя видѣть именно сегодня. Я велѣла сказать, что къ десяти ты вѣроятно будешь дома. Ai-je bien dit?

— Parfaitement! А кто этотъ пріѣзшій изъ Румыніи? Онъ не назвалъ себя?

— Нѣтъ, какой то генералъ.

Пока князь Сергѣй обѣдалъ, мать, сидя у стола на своемъ обычномъ мѣстѣ въ глубокомъ мягкомъ креслѣ, съ ногами, покоившимися на плюшевой скамеечкѣ, пользовалась единственными свободными отъ дѣлъ минутами сына и бесѣдовала съ нимъ, любовно вглядываясь въ его усталое, сильно похудѣвшее лицо.

— Какая невѣроятная косность царитъ въ нашемъ обществѣ, какъ трудно сговориться о чемъ бы то ни

было, съорганизоваться, — говорилъ Сергѣй, съ аппетитомъ утоляя голодъ. Большая столовая изъ темнаго, массивнаго bois sculpté выглядѣла мрачно, озаренная низко висѣвшей, громадной лампой подъ темно-малиновымъ абажуромъ. Яркій кругъ свѣта падалъ лишь на небольшую площадь скатерти, оставляя все остальное пространство въ тѣни. На темно-орѣховомъ фонѣ стѣнъ неясно выдѣлялись ряды тарелокъ великолѣпнаго саксонскаго фарфора, большой гобелэнъ, высокія китайскія вазы „cloisonné“, горки съ севрскимъ сервизомъ и хрусталемъ. Во всей обстановкѣ чувствовалось умѣніе, намѣренность и утонченный вкусъ цѣлаго поколѣнія, собиравшаго вещь за вещью и передавшаго ихъ по завѣщанію слѣдующему поколѣнію.

— Ты о чемъ говоришь, Сережа? Косность гдѣ? — спросила мать, перекладывая на скамейкѣ ноги и слегка морщась отъ боли.

— Опять ноги болятъ? — озабоченно спросилъ Сергѣй, замѣтивъ страдальческое выраженіе въ лицѣ княгини.

— Да, сегодня хуже. Придется опять попросить къ себѣ Ивана Ивановича.

— Я говорю объ обществѣ интеллигентныхъ тружениковъ. Дебаты безъ конца, а результатовъ никакихъ. Ужасно много времени у насъ тратится на разговоры. Сегодня я чуть ни охрипъ, доказывая необходимость отбросить всякія пренія о второстепенныхъ пунктахъ, которые выяснятся сами собой и заняться основными вопросами. Въ общемъ, надо сознаться, что у насъ много инертности и полное неумѣніе организоваться.

— Ты невѣроятно похудѣлъ за эти мѣсяцы. Я гляжу на тебя и положительно пугаюсь такому исху-

данію, — очевидно не слушая того, что говорилъ сынъ, перебила княгиня.

— Это не бѣда. Меня хватитъ еще на многое.

Въ передней раздался звонокъ.

— Генералъ Головинъ. Я провелъ ихъ въ кабинетъ, — доложилъ старый лакей Илья, ставшій еще болѣе молчаливымъ и замкнутымъ. Обострявшаяся съ каждымъ днемъ вражда между нимъ и горничной княгини-Лизой, жившей въ домѣ, также какъ и самъ Илья, третій десятокъ лѣтъ " взявшей на себя всѣ обязанности кухарки, экономки и горничной, еще болѣе увеличивала пасмурный видъ старика. Для князя и княгини была особенно непріятна эта обостренность отношеній, такъ какъ они равно дорожили обоими слугами, единственно оставшимися въ домѣ изъ всей многочисленной челяди. Илья былъ глухъ и слѣпъ ко всему революціонному движенію и только скорбѣлъ о невозможности вернуться въ раззоренное нѣмцами, насиженное княжеское родовое гнѣздо. Горничная Лиза, пылко воспринимавшая революціонное движеніе, незамѣтно становилась на противоположный берегъ и, продолжая жить на старомъ мѣстѣ, во многомъ начинала отчуждаться отъ прошлыхъ традицій дома и не разъ подсмѣивалась надъ Ильей за его неизмѣнную, глубоко вкоренившуюся преданнссть къ княжескому дому. На этой почвѣ ихъ отношенія начали выливаться во вражду.

— Очень ужь отсталый вы человѣкъ, Илья Ивановичъ, — все чаще и чаще говорила Лиза.

— Какъ хотите можете называть, — хмуро отвѣчалъ Илья. — Я остаюсь вѣрнымъ и передъ Богомъ сердцемъ чистъ, а вотъ вы, Лизавета Степановна, этимъ

похвастать не можете. Вамъ нипочемъ будетъ и отъ князей нашихъ отречься.

— Я присяги не принимала и ни въ какой вѣрности н. клялась; не отъ чего мнѣ и отрекаться, — сердито повышала голосъ благообразная, всегда степенно державшаяся Лиза, умѣвшая даже и у плиты сохранить манеры камеристки, прожившей четверть вѣка въ барскихъ покояхъ. — Я бы могла бросить это мѣсто, а значитъ совѣсть есть, коли взялась за стряпню и уборку комнатъ. А что касается моихъ мнѣній, то пора и низшему классу на свѣтъ Божій взглянуть... пора поубавить барскую власть... народъ не хуже князей и графовъ Россіей управлять можетъ.

— Экую ахинею повели!

— А почему бы нѣтъ! Вонъ въ нашей волости былъ староста Демьянъ, такого ума былъ человѣкъ, что не хуже всякого министра могъ разсудить.

— То Демьянъ — одинъ единственный за вашъ вѣкъ умный мужикъ, а то народъ... Эхъ вы, Лизавета Степановна!... На такихъ то какъ вы людяхъ и сковырнется вся Россія. Это я говорю вамъ вѣрно. Вѣрность внутри себя, — великое дѣло, а ее у васъ то и нѣтъ.

— Съ такими тупоумными какъ вы, Россія тоже не далеко уйдетъ, — злобно отвѣчала Лиза.

Князь Сергѣй поспѣшно допилъ красное вино и поцѣловалъ руку матери.

— Представить его тебѣ, мама? Онъ очень умный и интересный человѣкъ.

— Пожалуйста. Я буду въ угловой гостинной.

— Очень, очень, 'гадъ видѣть васъ у себя, Николай Николаевичъ. Благода'гю, что вспомнили меня, — радушно протягивая руку Головину, говорилъ Суровъ, войдя въ свой кабинетъ, гдѣ, по обыкновенію, горѣлъ каминъ и подлѣ, на небольшомъ столикѣ приготовленъ былъ послѣобѣденный кофе.

— Я не помѣшалъ вамъ, князь? — Головинъ сѣлъ на указанное ему княземъ кресло подлѣ сервированнаго кофе.

— Нисколько. Я только что вернулся со службы, и это часы моего короткаго отдыха.

— На дняхъ я уѣзжаю въ Парижъ.

— Какъ? Что? Я ничего не знаю, — удивился Суровъ. — А Штабъ Румынскаго фронта какъ же безъ васъ?

— Я получилъ предписаніе оставить штабъ фронта и ѣхать на конференцію въ Парижъ. Отъ этой миссіи, какъ вамъ извѣстно, генералъ Алексѣевъ рѣшительно отказался. Что можемъ мы сказать на конференціи, когда наша армія частью бѣжитъ, частью братается?! Положеніе наше передъ союзниками отвратительное.

— Да, вы правы.

— Въ то же время я не увѣренъ, что имѣю право отказаться отъ этого порученія.

— Конечно, конечно поѣзжайте. Это надо сдѣлать для Россіи.

— Для Россіи?! — Головинъ горько усмѣхнулся. — Отъ нея осталась одна тѣнь. Я знаю, что эта поѣздка принесетъ мнѣ не мало страданія, такъ какъ кромѣ обидныхъ ударовъ для самолюбія, мы ничего не можемъ ожидать отъ обманутыхъ нами союзниковъ.

Вѣдь я долженъ буду имъ лгать или дипломатично лавировать, такъ какъ въ душѣ я совершенно увѣренъ что никакихъ надеждъ на нашу армію возлагать нельзя она не тронется съ мѣста, не выпуститъ ни одного заряда, а если и тронется, то только для того, чтобы покинуть фронтъ. Какое же участіе можетъ принимать представитель русской арміи на военномъ совѣщаніи? Генералъ Алексѣевъ, по чести, былъ правъ въ своемъ отказѣ ѣхать въ Парижъ.

Послѣ получасовой бесѣды у горящаго камина, Суровъ предложилъ генералу перейти на половину княгини.

Въ тонувшей въ полусвѣтѣ небольшой уютной гостинной, княгиня сидѣла въ низкомъ мягкомъ креслѣ передъ крытымъ пестрой плюшевой скатертью столомъ, просматривая большую, красиво изданную англійскую книгу съ иллюстраціями „King's Albert book". Изъ подъ темнаго, задрапированнаго настоящимъ кружевомъ, абажура, свѣтъ падалъ на голову княгини, картинно обрамленную серебряной сѣдиной.

При входѣ гостя и сына, она неторопливо отложила на столъ лупу, слегка прищурила, вглядываясь въ полусвѣтъ, голубые, какъ у сына Олега, глаза и съ привѣтливой улыбкой наклонила голову:

— Очень рада познакомиться съ вами, генералъ. Мой сынъ много разсказывалъ мнѣ о вашемъ гостепріимномъ штабѣ, и помимо сына я не разъ слышала похвалы вашему уму и такту.

Головинъ сѣлъ на кресло рядомъ съ княгиней. Узнавъ, что онъ ѣдетъ въ Парижъ, княгиня просила его передать письма своимъ родственникамъ, жившимъ тамъ.

— Я думаю, вы завидуете имъ, княгиня? — спросилъ Головинъ. — Очевидно каша, заварившаяся теперь въ Россіи не скоро сварится и надолго нарушитъ нормальное теченіе нашей жизни.

— Нѣтъ, генералъ, я не завидую имъ. Я — русская и должна въ годину народной смуты быть дома и переживать ея невзгоды со всѣми вмѣстѣ.

— У моей мате'ги, несмот'гя на ея годы, духъ бод'гѣе, чѣмъ у многихъ молодыхъ, — съ обычной яркостью въ звукѣ голоса, проговорилъ Суровъ. — Не будь недуга ногъ, и я бы не угнался за мамой.

— Да, ноги во многомъ мнѣ мѣшаютъ. — Княгиня подавила вздохъ. — Скажите, генералъ, вы знаете моего старшаго сына Олега, находящагося на вашемъ Румынскомъ фронтѣ?

— Какъ-же: отлично знаю. Мы его любимъ и очень цѣнимъ. Храбрый и пылкій человѣкъ.

— О да. Олегъ бываетъ неудержимъ въ своихъ порывахъ. Натура отца.

— Вы слышали, князь, о трагической кончинѣ графа Сангушко? — обратился къ Сурову Головинъ.

— Ничего не знаю, — что случилось?

— Мнѣ только что сообщилъ прибывшій изъ Волыни офицеръ, что онъ звѣрски убитъ солдатами.

— Боже мой, какой ужасъ! Сангушко?... восьмидесятилѣтній старикъ!... за что? Я его отлично знала: это былъ высокихъ душевныхъ качествъ человѣкъ, много дѣлавшій добра, съ широкой гуманностью и пользовавшійся всеобщей любовью. — Княгиня съ сокрушеніемъ покачивала головой.

— Да, его всѣ любили и уважали. Банда, грабившихъ и раззорявшихъ помѣстья, солдатъ ворвалась въ его замокъ, и, не давъ ему опомниться, потащила его на какой-то свой судъ. По дорогѣ ему было нанесено тридцать четыре штыковыхъ раны, отъ которыхъ несчастный старикъ конечно погибъ. Его великолѣпный замокъ, заключавшій музейныя цѣнности и историческая библіотека обращены въ груду развалинъ.

— Прискорбныя, ужасныя явленія, неизбѣжные сопутники революціи! — Задумчиво произнесла княгиня. Привѣтливая улыбка, придававшая лицу мягкое выраженіе, исчезла, и оно сдѣлалось строго, съ рѣзко обозначенной въ углахъ рта надменной складкой.

— Что дѣлать! — продолжала она. — Очевидно это нашъ удѣлъ пережить и перестрадать грозный недугъ, охватившій Россію.

— Да, великій пожаръ сожжетъ много жизней и много культурныхъ памятниковъ нашей страны, но я вѣрю, вѣрю, что на пеплѣ его воскреснетъ фениксъ. — Голосъ князя прозвучалъ какъ яркій металлъ.

— Если-бы это было такъ! — въ раздумьи проговорилъ Головинъ.

На минуту воцарилось молчаніе, неизбѣжное во всѣхъ случаяхъ, когда затрагивался больной и острый вопросъ о событіяхъ въ Россіи.

— Не знаете-ли вы, князь, гдѣ находится въ данное время художница Кампіони, бывшая въ Яссахъ одновременно съ вами? У меня есть къ ней порученіе, — прервалъ Головинъ молчаніе.

— Она недавно вернулась въ Петроградъ и не далѣе какъ вчера я звонилъ къ ней и бесѣдовалъ по телефону.

— Я съ удовольствіемъ заѣду къ ней, если успѣю. Она произвела на меня очень яркое впечатлѣніе.

— Да, она интересна. Очень сильная натура и много индивидуальности. Я люблю бесѣдовать съ ней.

— On dit qu'elle est très fantasque, — отозвалась княгиня.

— On a raison de le dire, comme elle a raison de l'être: творчество имѣетъ свои привиллегіи. Не правда-ли, генералъ?

— Разумѣется, а тѣмъ болѣе творчество интересной женщины... Что слышно у васъ здѣсь въ революціонной столицѣ? — помолчавъ спросилъ Головинъ.

— На дняхъ я мелькомъ видѣлъ начальника Петроградскаго гарнизона и слегка интервьюировалъ его. Онъ, какъ показалось мнѣ, предвидитъ возможность взрыва и не имѣетъ вида увѣреннаго въ своихъ силахъ человѣка. Лично я жду этого взрыва со дня на день. Временное правительство фактически власть изъ рукъ выпустило, и, конечно, эту власть захватитъ въ свои руки одна изъ крайнихъ партій.

Былъ одиннадцатый часъ, когда Илья доложилъ, что чай поданъ. Головинъ, не смотря на просьбу княгини остаться, поспѣшилъ распрощаться, отговариваясь тѣмъ, что съ утра онъ не былъ дома, гдѣ его ждутъ срочныя дѣла въ связи съ отъѣздомъ. Проводивъ его въ переднюю, Суровъ только что собирался пройти въ столовую, какъ изъ кабинета раздался настойчивый звонокъ телефона.

— Да... я у телефона. Кто говоритъ?

— Здравствуйте, князь. Узнаете?

— Конечно. Здравствуйте, Вероника Антоновна.

— У меня къ вамъ просьба. Вы исполните?

— Не знаю.

— Прошу васъ, придите сейчасъ ко мнѣ.

— Сейчасъ? Нѣтъ, это невозможно. Я адски усталъ, вернувшись въ десятомъ часу со службы, только что проводилъ гостя и долженъ засѣсть за дѣла.

— Я васъ прошу, Сергѣй Львовичъ... очень прошу. — Въ голосѣ Вероники звучала какая-то туго натянутая струна. Сурову вспомнились его бесѣды съ ней годъ тому назадъ, когда голосъ ея звучалъ такой же звенящей, натянутой струной.

— Увѣряю васъ, я не могу. Я долженъ завтра въ восемъ часовъ быть на ногахъ, а работы у меня еще часа на два — на три.

— Какъ жаль... Я огорчена... Мнѣ такъ хотѣлось, мнѣ такъ надо было, чтобы вы пришли.

— Можно узнать — почему?

— Дѣло въ томъ, что сегодня совершенно неожиданно ко мнѣ пришелъ человѣкъ, который въ прошломъ году во многомъ помогъ мнѣ отогнать мысли о васъ. Тогда все было такъ остро, такъ необыкновенно и странно. Сегодня онъ пришелъ, я говорила съ нимъ и не вѣрила себѣ, что это тотъ самый человѣкъ, который съумѣлъ отвлечь мои мысли отъ васъ. Едва онъ ушелъ, я достала ваши немногія письма и стала ихъ перечитывать. Прошлое встало какъ на яву: была такая-же поздняя осень, такой же одинокій тихій вечеръ, когда, годъ тому назадъ, съ такимъ волненіемъ и трепетомъ я ждала васъ къ себѣ. Какую страшную боль вы оставили тогда послѣ себя! Все это воскресло во

мнѣ такъ ярко, что я не могла удержаться, чтобы не позвонить къ вамъ.

— И вы зовете меня къ себѣ, чтобы провѣрить себя?

— Да.

— Но вѣдь послѣ этого мы видѣлись съ вами! Четыре мѣсяца тому назадъ мы встрѣтились съ вами въ Яссахъ, и въ лунный поздній вечеръ долго бесѣдовали на вашемъ балконѣ. Вы забыли? Мнѣ кажется, вы тогда многое провѣрили въ себѣ. Развѣ я не правъ?

— Тамъ была иная обстановка. А здѣсь, вотъ въ этой самой комнатѣ я хотѣла-бы сейчасъ видѣть и слышать васъ... чтобы вы сидѣли на этомъ-же креслѣ и чтобы между нами стоялъ-бы тотъ-же круглый чайный столикъ съ серебрянымъ спиртовымъ чайникомъ, чтобы опять вы говорили, а я прислушивалась-бы къ тому, что творится во мнѣ.

Суровъ засмѣялся:

— Dicidément vous êtes très fantasque.

— C'est vrai, je le suis. Est-ce un défaut?

— C'est votre privilège, — повторилъ князь слова, только что произнесенныя имъ въ гостинной матери. — Нѣтъ, Вероника Антоновна, провѣрять вамъ себя нечего: вашъ порывъ прошелъ, и осталось одно любопытство къ непонятному для васъ самой чувству. Любопытство и, можетъ-быть, нѣкоторая нѣжность. „Что прошло то будетъ мило"...

Суровъ уловилъ по телефону вздохъ.

— Итакъ, вы не хотите прійти ко мнѣ?... Богъ съ вами!... Спокойной ночи.

Телефонъ разъединился.

— Позвонила она отъ скуки или дѣйствительно ея фантазія разгорѣлась, и ее потянуло ко мнѣ? — спрашивалъ себя Суровъ, входя въ столовую, гдѣ наливъ чай, его ждала княгиня. О чемъ-то сосредоточенно думая, она разсѣянной рукой тасовала карты для обычнаго пасьянса во время вечерняго чая.

Въ эти самыя минуты Вероника, повѣсивъ трубку телефона и оставшись одинокой со своимъ порывомъ, неожиданно вспыхнувшимъ послѣ нежданнаго визита къ ней Асташева, постояла секунду около умолкнувшаго телефона и затѣмъ, быстро пройдя въ гостинную, откинула крышку рояля и ударила съ силой по клавишамъ. Изъ подъ пальцевъ рванулись бурные аккорды, и могучей, перегоняющей въ звукахъ, волной потекли, наростая и наполняя собою всѣ углы полутемной гостинной. Изъ сосѣдней комнаты - рабочаго кабинета, гдѣ сильно пахло масляной краской и лаками, свѣтъ падалъ наискось, освѣщая клавиши и быстро мелькавшіе длинные пальцы. Лицо Вероники оставалось въ тѣни. Глаза были полузакрыты, между сдвинутыхъ бровей лежала складка, въ углахъ рта обрисовалась черточка горечи. Въ бурныхъ звукахъ „Порыва“ Скрябина она выливала тѣ накопившіеся звуки душевныхъ струнъ, которые оставались непонятными для окружавшихъ ее людей. Впервые она начинала постигать, что порывамъ ея творческихъ силъ, накоплявшимся подъ давленіемъ капризовъ фантазіи, не должно изливаться въ исканіи отвѣтныхъ чувствъ. Сотканные изъ нитей высшаго порядка, они должны облекать собой иныя, болѣе возвышенныя формы переживаній, принадлежащія не міру сердечному, а духовному, т. е. міру чистаго искусства.

XXIX.

Вѣра Илларіоновна сняля промокщее отъ дождя пальто и шляпку, поправила у зеркала прическу и, съ пакетами въ рукахъ, направилась по корридору лечебницы въ комнату, гдѣ лежалъ выздоравливавшій Михайловскій.

— Что нашъ больной? — обратилась она къ сестрѣ милосердія, встрѣтившейся ей подлѣ дверей комнаты.

— Отлично. Докторъ разрѣшилъ ему сидѣть въ креслѣ и говоритъ, что черезъ недѣли полторы онъ можетъ уѣхать отъ насъ.

— Слава Богу. Благодарствуйте, сестрица, за радостную вѣсть. — Съ просіявшимъ лицомъ, Быстрова вошла въ свѣтлую, высокую комнату Михайловскаго, съ большимъ, выходящимъ въ садъ окномъ, изъ котораго были видны обнаженные осенью деревья и почернѣвшая, усѣянная желтымъ листомъ земля.

Въ креслѣ, съ высокой спинкой, сидѣлъ подлѣ кровати Михайловскій и что-то писалъ передъ небольшимъ столикомъ. На немъ былъ темно-синій теплый халатъ, съ выпущеннымъ отложнымъ воротничкомъ сорочки. Онъ сильно похудѣлъ и осунулся, но глаза его были ясны, и въ лицѣ появилось что-то новое, что придавало выраженію, несвойственную до этихъ поръ его характеру, мягкость.

Онъ отложилъ перо и привѣтливо улыбнулся входившей Быстровой:

— А я уже начиналъ нетерпѣливиться. Скоро три. Думалъ, что васъ что-нибудь задержало, и вы совсѣмъ не прійдете.

— Развѣ это можетъ быть! . . . Вы знаете, что никто и ничто не можетъ помѣшать мнѣ быть у васъ. Трамвай не шелъ, — что-то произошло съ проводомъ, и я прибѣжала пѣшкомъ. Вотъ всѣ ваши порученія, — извольте.

Быстрова придвинула стулъ и сѣла къ столику.

— Посмотрите, угодила-ли?

— Навѣрное. Вы всегдо во всемъ мнѣ угождаете, — покрывая своей большой рукой лежавшую на столѣ руку Вѣры Илларіоновны, съ оттѣнкомъ нѣжности, которой до сихъ поръ не знала за нимъ Быстрова, произнесъ Михайловскій. Она вскинула ни него удивленные глаза.

— Да, да . . . вы избаловали меня вашей заботой. Я много думалъ о васъ . . . вы необычайно добрая и чуткая женщина.

— Полноте, Николай Николаевичъ . . . Вы заставляете меня краснѣть. Я не умѣю выслушивать похвалъ. Поглядите лучше мои покупки. А вотъ это превкусныя печенья; вамъ навѣрное понравятся.

Михайловскій притянулъ къ себѣ руку Быстровой и молча поцѣловалъ.

— Какъ дѣла относительно брата?

— Безнадежны. — Вѣра Илларіоновна съ видомъ отчаянія сложила на колѣняхъ руки. — Вчера вечеромъ я была у его пріятельницы и бывшей невѣсты — Маріи Аполлоновны. Она говоритъ, что испробовала все, и никакой надежды на освобожденіе нѣтъ. А между тѣмъ онъ боленъ . . . зачѣмъ онъ имъ нуженъ, больной, ни на что уже неспособный человѣкъ?

— Да, его судьба очень тяжелая: такъ высоко взлетѣть и такъ низко упасть!

— Несчастный братъ! Не даромъ я чувствовала какой-то страхъ къ его блестящему полету въ высь. Я слишкомъ хорошо знала его характеръ, а потому понимала, что у него не было никакой твердой почвы подъ ногами. Все это былъ одинъ фейерверкъ, одна игра пышными фразами, рисовка и фатовство передъ людьми и передъ самимъ собой. Кромѣ меня его хорошо понималъ профессоръ Карпинскій.

— Онъ его лечилъ?

— Карпинскій былъ у него раза три, и говорилъ мнѣ теперь, что тогда же братъ произвелъ на него опредѣленное впечатлѣніе человѣка ненормальнаго. Впечатлѣніе это подтверждалось его дальнѣйшими безтактными поступками, удивлявшими все общество. Во многомъ я виню Марію Аполлоновну. Она его взвинчивала и толкала къ пропасти, вмѣсто того, чтобы охлаждать его. Да, что ужь говорить! дѣло сдѣлано и братъ погибъ.

— А что-же теперь дѣлаетъ эта его подруга Марія Аполлоновна? Кого въ женихи ловитъ? — съ насмѣшливой улыбкой спросилъ Михайловскій.

— Она не пропадеть! Я видѣлась съ ней мало. Душа къ ней не лежитъ. Она почти не измѣнилась, хотя жаловалась, что ей трудно живется, но я не очень ей вѣрю. Отъ нея я узнала, что Кампіони пріѣхала. Этому я очень рада: съ ней можно душу отвести.

— На что вамъ душу отводить? Какія у васъ тайныя горести? — глядя смѣющимися глазами въ упоръ на Быстрову спросилъ Михайловскій.

— Мало-ли что у меня можетъ быть. У каждаго человѣка есть что-нибудь глубоко запрятанное въ сердцѣ.

— А мнѣ развѣ вы не можете открыть ваше сердце? — Глаза Михайловскаго совсѣмъ смѣялись.

— Вамъ?!...

— Ну, да — мнѣ. Отчего вы такъ удивлены?

— Потому что съ вами, Николай Николаевичъ, я не умѣю быть откровенной.

— Мнѣ помнится, что вы умѣли. Развѣ я не правъ?

— Это было давно... — Вѣра Илларіоновна густо покраснѣла.

— А мнѣ кажется, что это должно быть опять. Развѣ вы это не чувствуете?

— Я перестала довѣрять своимъ чувствамъ, Николай Николаевичъ и виной этому вы. — Быстрова подняла на него свои добрые, прямо-глядящіе глаза.

— Ну, а моимъ чувствамъ вы вѣрите? Какъ разъ передъ вашимъ приходомъ я думалъ о томъ, что мнѣ необходимо подѣлиться съ вами моими мыслями и чувствами. Вы мнѣ разрѣшите быть съ вами вполнѣ откровеннымъ?

— Если ваши слова могутъ мнѣ сдѣлать больно, то я очень прошу васъ, Николай Николаевичъ, лучше ничего не говорить. — Вѣра Илларіоновна, желая скрыть охватившее ее волненіе, встала и подошла къ окну. Косой, холодный осенній дождь ударялъ по стекламъ, стекая по нимъ извилистыми неправильными ручейками. Оголенная вѣтка ближайшаго дерева, низко сгибаясь отъ порывовъ вѣтра, задѣвая по стеклу, то и дѣло ударяла по немъ. Казалось, что кто-то осторожно

стучался въ окно. Невыразимая тоска внезапно охватила все существо Вѣры Илларіоновны. Ей показалось, что сейчасъ должно произойти что-то непоправимое, что погаситъ послѣдній лучъ свѣта, жившій въ ея сердцѣ. Ей стало жутко и хотѣлось какъ можно скорѣе уйти, чтобы не слышать того, что хотѣлъ сказать Михайловскій. Она стояла у окна, напряженно сдвинувъ брови и сжимая пальцы.

— Вѣра Илларіоновна, зачѣмъ вы ушли? Что съ вами? — Голосъ Михайловскаго звучалъ необычно мягко, и потому страхъ потерять что-то послѣднее, чѣмъ она жила все это время, сталъ такъ великъ, что Быстрова, не смотря на свою выдержку, схватилась за голову:

— Я васъ умоляю, Николай Николаевичъ, не говорите, ничего не говорите . . . — не надо . . . однажды вы сказали все . . . и больше не надо.

— Что съ вами, Вѣра Илларіоновна? — Михайловскій сдѣлалъ попытку встать, но слабость заставила его остаться въ креслѣ.

— Я очень устала за это время и физически, и морально . . . у меня ослабѣли нервы. Это пройдетъ . . . а теперь мнѣ надо . . . — она не докончила и закрыла лицо руками.

Михайловскій понялъ, что она плакала.

— Вѣра Илларіоновна, я знаю, что вамъ надо. Прошу васъ, подойдите сюда и сядьте поближе ко мнѣ. Я не могу встать, — голова еще кружится.

— Ради Бога сидите. — Быстрова мгновенно справилась съ собой. Она подошла къ столику и опять сѣла противъ Михайловскаго. Глаза ея были влажны.

Онъ прочелъ въ ихъ взглядѣ столько тоски, что невольно потянулся къ ней:

— Дайте мнѣ вашу руку... вотъ такъ... Дайте мнѣ ее совсѣмъ... на всегда... Вы не договорили, что вамъ надо, такъ я доскажу: вамъ надо счастья. Вы достойны его, и я обязанъ его вамъ дать.

— Обязаны? Нѣтъ, Николай Николаевичъ, я снимаю съ васъ всякое обязательство, такъ какъ признаю только свободныя отъ всякихъ обязательствъ чувства.

— Вы меня не такъ поняли. Мои обязательства идутъ не отъ мозга, а отъ сердца. Я плохой ораторъ и не умѣю въ словахъ изливаться, но внутри себя я полонъ неисчерпаемой къ вамъ благодарности за все, что вы сдѣлали. Вы спасли мнѣ жизнь, вы почти дали мнѣ ее, я — дамъ вамъ счастіе.

— Мнѣ нужна только ваша любовь, Николай Николаевичъ...

— Какъ и мнѣ — ваша, — улыбнулся онъ. — Какъ только окрѣпну, сейчасъ же примусь за хлопоты о нашемъ будущемъ гнѣздѣ. Въ бурное время намъ приходится свивать его, но авось съумѣемъ укрѣпить его на вѣткѣ, чтобы не снесло непогодой. Видите, моя хорошая, что значитъ — судьба! Разошлись мы съ вами, казалось, навсегда, а судьба свое сдѣлала: отдала меня негоднымъ, полумертвымъ, почти трупомъ въ ваши ласковыя, заботливыя руки. Я понялъ и оцѣнилъ васъ. Теперь я и представить себѣ не могу, какъ бы я могъ жить, не видя васъ подлѣ себя.

Вѣра Илларіоновна какъ будто застыла. Переходъ отъ страха къ счастію былъ такъ быстръ и неожиданъ,

что она не могла прійти въ себя. Въ широко открытыхъ карихъ глазахъ застыло выраженіе какъ будто-бы недоумѣнія или недовѣрія. Одной рукой она сжимала руку Михайловскаго, другой рукой, облокоченной объ столъ, поддерживала все время нервно вздрагивавшій подбородокъ. Она чувствовала, какъ громадная волна горячаго, неожиданнаго счастья все полнѣе и полнѣе заливала ея сознаніе.

— Боже мой, неужели это не сонъ?! — вдругъ вырвалось у нея шопотомъ.

— Нѣтъ, милая, это не сонъ... это жизнь, это наша съ вами жизнь... моя и... твоя жизнь. — Михайловскій нагнулся къ самому столу и горячо прильнулъ къ рукѣ Быстровой.

— Милый, дорогой!... какое счастье!... — Она ıоложила другую руку на склоненную передъ ней ·олову и закрыла глаза. Изъ нихъ медленно струиıись слезы свѣтлаго, нежданнаго, давно желаннаго частья.

XXX.

Было 7-го Ноября 1917 года. Пасмурный осенній ень не проникалъ сквозь тяжелыя спущенныя драппиэвки въ столовую особняка Асташева, гдѣ небольшая, ı позднимъ завтракомъ, компанія продолжала оживннную, неистощимую бесѣду на тему современной ıутренней политики.

Валерій Романовичъ Асташевъ собралъ у себя изкихъ друзей и знакомыхъ, такъ какъ рѣшилъ на опредѣленное время уѣхать черезъ Финляндію за грацу. Казалось ничто не измѣнилось ни въ атмосферѣ

его барскаго особняка, ни въ немъ самомъ. Ярко горѣвшая всѣми свѣчами громадная хрустальная люстра освѣщала, какъ и въ былое время, роскошно сервированный столъ. Искрились и переливали радугой граненные стаканы, бокалы и рюмки богемскаго хрусталя. Съ краевъ высокой, старинной, на витой ножкѣ хрустальной вазы свѣшивались гроздья янтарно-зеленоватаго винограда подлѣ розовато-палевыхъ яблокъ и маслянично-желтыхъ дюшессовъ. Красное вино, какъ сказочные громадные рубины,переливалось и играло въ многогранныхъ стопкахъ. Кристаллически чистый топазъ шампанскаго отражалъ въ своей ледяной влагѣ всѣ искры, сыпавшіяся изъ хрусталя люстры. Хозяинъ, какъ и всегда, щегольски одѣтый въ тончайшее сукно и лакированныя туфли, изъ подъ которыхъ виднѣлся блестящій тонкій шелковый носокъ, поддерживалъ оживленіе и щедро подливалъ вино въ рюмки и бокалы. Все съ той же надменностью глядѣли холодные, циничные, какъ будто пустые глаза, похожіе на бездонную пустую пропасть. На бритомъ лицѣ съ матовой кожей выдѣлялся сухой, слегка выдавшійся, подбородокъ. Рѣдѣющіе волосы были аккуратно расчесаны на проборъ рукой парикмахера. Его спокойныя размѣренныя движенія были все такъ же медлительны и увѣренны.

Раздвинулаcъ тяжелая портьера, и въ столовую вошелъ пожилой, средняго роста, человѣкъ, съ умными глазами. Взглядъ ихъ былъ полонъ добродушнаго, веселаго и тонкаго юмора. Одѣтъ онъ былъ съ небрежной, доходящей почти до неряшливости манерой, обличавшей крайне разсѣяннаго человѣка, мозгъ кото-

раго работаетъ въ сферѣ отвлеченной, не замѣчая мелочей реальной жизни. Все надѣтое на немъ было хорошаго качества и хорошаго покроя, но весь костюмъ, благодаря небрежной манерѣ, производилъ впечатлѣніе снятаго съ чужого плеча. Тонкій правильный носъ, большой открытый лобъ, длинные отвислые усы и, главное, неисчерпаемый юморъ въ лукаво-улыбавшихся глазахъ, дѣлали лицо его характернымъ и привлекательнымъ.

— Возможно-ли такъ опаздывать?! — отбрасывая салфетку и подымаясь на встрѣчу новому гостю, воскликнулъ Асташевъ.

— Не могъ, никакъ не могъ, мой милый. Я же звонилъ вашему тѣлохранителю и велѣлъ передать вамъ, что...

— Все это было, и все таки такъ опаздывать непростительно, — перебилъ его Асташевъ. — Садитесь, вотъ ваше мѣсто.

— Господа, здравствуйте... Все — своя компанія! Вероника Антоновна, цѣлую издали вашу талантливую ручку. Сергѣй Вячеславовичъ, здравствуйте! Какъ ваше здоровье? Слышалъ, что нервы расшатались. Милый художникъ, я не узналъ васъ: давно не видѣлись. И докторъ здѣсь! Очень радъ! Слышу все время о вашихъ трудахъ въ крѣпости, — пожимая направо и налѣво руки, говорилъ сенаторъ Григорій Вячеславовичъ Глинковъ, бывшій товарищъ министра до февральскаго переворота, очень бывалый, съ государственнымъ складомъ ума человѣкъ, живой и энергичный, любившій трудъ, знавшій Россію и умѣвшій оцѣнивать по достоинству происходящія въ ней событія.

Онъ сѣлъ на указанное ему хозяиномъ мѣсто и, разговаривая и отвѣчая на вопросы, принялся какъ-то безалаберно и разсѣянно ѣсть на одной и той-же тарелкѣ придвинутыя къ его прибору закуски.

— Пріѣхалъ сынъ съ фронта, — съ сокрушеніемъ продолжалъ разсказывать Глинковъ, — говоритъ, что въ арміи творится нѣчто невообразимое. Братаніе съ нѣмцами идетъ во всю, причемъ, конечно, это братаніе идетъ только со стороны нашихъ солдатъ, нѣмцы-же продолжаютъ вести свою линію: опаиваютъ нашихъ дураковъ, вывѣдываютъ военныя распоряженія, снимаютъ планы и фотографіи. Солдаты твердятъ, что только до Николина дня будутъ на фронтѣ, а потомъ пойдутъ по домамъ... Валерій Романовичъ, да что-жь это у васъ тутъ за пиръ? — обратился онъ къ Асташову, только теперь замѣтивъ изобиліе вина, лакомствъ и фруктовъ на столѣ, что въ данное время составляло очень большую роскошь и рѣдкость.

— Я же говорилъ вамъ, что это мой прощальный завтракъ. Я рѣшилъ уѣхать изъ Россіи.

Глинковъ насмѣшливо поднялъ плечи и сдѣлалъ безнадежный жестъ рукой:

— Милый мой, никуда вы сейчасъ не уѣдете, вспомните мое слово. Вотъ вы тутъ заперлись, позавѣшивались вашими драппировками, кутите съ утра и ничего не знаете: въ городѣ сильное броженіе. Я еще вчера кой-что слышалъ... большевики очень угрожаютъ опять поднять бунтъ.

— Это одни слухи, — съ увѣренностью въ голосѣ заявила Марія Апполоновна, не измѣнившая привычкѣ прежняго времени прихвастнуть особенной освѣдомлен-

ностью въ вопросахъ внутренней политики. Она всегда все знала „изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ“ и отъ лицъ, имени которыхъ она не могла назвать.

— Какъ разъ вчера я говорила съ однимъ лицомъ, — я не могу назвать его фамиліи, — продолжала Марія Апполоновна, — онъ категорично заявилъ, что въ данное время никакихъ выступленій со стороны большевиковъ быть не можетъ.

— Мало ли что онъ вамъ сказалъ! Возможно, что онъ самъ плохо освѣдомленъ.

— Я повторяю, что это свѣдѣнія изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, — подчеркнула она послѣднія слова.

— Могу васъ увѣрить, что на этотъ разъ ваши достовѣрные источники окажутся мало освѣдомленными, — продолжалъ Глинковъ. — У меня есть глаза и уши. Я предрекаю, что мы стоимъ надъ пропастью... И армія... и внутренняя смута!... Господи, до чего дожили!...

— А вотъ вы спросите доктора — онъ вамъ подтвердитъ, — слышался съ другого конца стола мягкій, какъ будто-бы заглушенный голосъ Завидковскаго, крупнаго, широкоплечаго, пожилого человѣка, съ густыми какъ шетка бровями, острой сѣдѣющей бородкой и маленькими, не соотвѣтствовавшими фигурѣ, бѣлыми и мягкими руками. — Если у меня истрепались нервы, если я нервно боленъ, то только благодаря участію въ этой слѣдственной комиссіи, не признающей законовъ правосудія. Они хотятъ, чтобы мы подтасовывали преступное дѣяніе подъ предрѣшенную ими заранѣе форму наказанія. Какой-же это судъ? Тогда не

надо было привлекать насъ въ эту комедію правосудія, а раздѣлаться съ заключенными по собственному усмотрѣнію. Я выросъ, созрѣлъ и состарился на принципахъ чистѣйшаго, законнаго суда... Они хотятъ устроить Пилатовъ судъ: въ угоду черни осудить неповинныхъ... Я не могу участвовать въ этомъ грязномъ дѣлѣ... — голосъ говорившаго звучалъ все громче и громче. Въ немъ слышалась до крайнихъ предѣловъ нервно-напряженная струна.

— Вы правы, Сергѣй Владиславовичъ, но съ другой стороны нельзя въ такой острый моментъ идти революціонному началу поперекъ волѣ народа, считающаго заключенныхъ въ крѣпости сановниковъ виновниками ихъ бѣдствій. Если ихъ оправдать, то это можетъ повлечь къ народному возмущенію, — возразилъ другъ Асташева — блондинъ съ красивымъ лицомъ, напоминавшимъ лица современной иконописи: всѣ черты были строго правильны, но казались обвѣянными холодомъ и отсутсвіемъ жизни. Этотъ человѣкъ съ чистыми, какъ будто непорочными, глазами, былъ извѣстенъ своей утонченной порочностью и цинизмомъ.

— Во первыхъ, оставимъ говорить о волѣ народа, — съ замѣтно наростающимъ раздраженіемъ опять заговорилъ сенаторъ Завидковскій, бывшій прокуроръ судебной палаты, извѣстный своей исключительной лояльностью и громадной эрудиціей. — Не въ народѣ тутъ дѣло, а въ кучкѣ жестокой черни, охраняющей казематы Петропавловской крѣпости. При чемъ тутъ народъ, которому совершенно навѣдомы даже имена заключенныхъ?! А во вторыхъ, если главари этой слѣдственной комиссіи, какъ я и говорю, предрѣшили осу-

дить заключенныхъ, не считаясь съ этикой правосудія, то не для чего приклеивать къ этому дѣлу насъ. Пусть разстрѣливаютъ или вѣшаютъ безъ оскорбленія закона правосудіи. Я не вѣрилъ въ пышныя фразы о безкровной революціи. Все это чушь! Кровь будетъ литься потоками, потому что у насъ нѣтъ ни этическихъ, ни культурныхъ началъ, ни справедливой оцѣнки. Славянинъ или не въ мѣру жалостливъ и мягкотѣлъ, или грубъ, жестокъ и грабитель. Повторяю вамъ, спросите нашего милѣйшаго доктора, посвятившаго себя заключеннымъ съ первыхъ дней революціи, спросите-ка его, каково тамъ въ крѣпости обстоитъ вопросъ примитивной гуманности!? Завидковскій, затронутый въ самомъ для него остромъ и наболѣвшемъ за это время вопросѣ, машинальнымъ жестомъ раздраженія отодвигалъ отъ себя то тарелку, то ножъ и вилку, то переставлялъ съ мѣста на мѣсто стаканъ съ недопитымъ краснымъ виномъ. Онъ вынулъ изъ кармана пахнувшій о-де-колономъ носовой платокъ, также машинально обтеръ имъ лобъ и, замѣтно поблѣднѣвшій, тяжело дыша, протянулъ руку къ тяжелому хрустальному графину съ водой.

— Не волнуйтесь такъ, Сергѣй Владиславовичъ, вамъ это очень вредно, — подвигая къ нему графинъ и острымъ взглядомъ опытнаго врача внимательно посмотрѣвъ въ лицо своего друга, проговорилъ докторъ Иванъ Ивановичъ Манухинъ, какъ жердь худой и высокій блондинъ въ пенснэ, съ острымъ взглядомъ близорукихъ глазъ на продолговатомъ блѣдномъ лицѣ. Онъ былъ такъ высокъ, что почти всегда ему приходилось смотрѣть на собесѣдника сверху внизъ, причемъ

во взглядѣ сверху смотрящихъ глазъ и въ самой позѣ сказывалось желаніе излить на собесѣдника ту ласку и душевную теплоту, которыхъ въ сердцѣ доктора былъ неисчерпаемый источникъ для всего человѣчества и для каждаго лица въ отдѣльности.

— Какъ можно не волноваться, когда чуть ни къ концу жизни васъ ставятъ въ положеніе, въ которомъ можно потерять уваженіе къ самому себѣ. Если я еще выдерживаю и сижу въ этой комиссіи, то только ради того, чтобы протестовать и защищать попираемое правосудіе.

— Что дѣлать, Сергѣй Владиславовичъ! Будемъ бороться: вы — во имя законовъ правосудія, я — во имя законовъ человѣчества, но все-же надо и себя немного побоpечь.

— Не вамъ это говорить, мой другъ, — посмотрите на себя, до чего вы исхудали за это время. Вѣдь онъ совсѣмъ не спитъ, — обратился Завидковскій къ сидѣвшей рядомъ съ нимъ Вероникѣ Кампіони.

— Да, Иванъ Ивановичъ очень похудѣлъ, — отозвалась она.

Вскорѣ послѣ неожиданнаго къ ней визита Асташева, о которомъ она говорила по телефону съ княземъ Суровымъ нѣсколько дней тому назадъ, Асташевъ объявилъ ей о своемъ рѣшеніи уѣхать изъ Россію и настоятельно просилъ быть у него въ числѣ приглашенныхъ къ прощальному завтраку друзей. Вероника дала согласіе. Ее подталкивало любопытство видѣть Асташева въ той рамкѣ, которая еще не такъ давно дѣйствовала на нее головокружительно. Краски оказались вылинявшими и то, что такъ сильно било по

нервамъ и будило фантазію, теперь не давало никакого отзвука, какъ будто ударялось по мертвымъ клавишамъ. Та же нарядная, выдержанная въ строгомъ стилѣ столовая, тотъ же каскадъ радужныхъ отражавшихся искръ въ хрусталѣ люстры, вазъ, бокаловъ и вина, тотъ же гибкій силуетъ, казавшагося ей еще недавно такимъ страннымъ и загадочнымъ, хозяина дома, тѣ же пустые свѣтлые, жуткіе, какъ бездна пропасти — глаза, — тотъ же высокомѣрно-циничный ротъ, та же насмѣшливая рѣчь... но обаянія нѣтъ, нѣтъ манящей загадочности, нѣтъ притяженія неразгаданной тайны. Все кажется обыденно-красивымъ, знакомымъ, не вызывающимъ полета фантазій. Мысли Вороники были гдѣ то далеко, и взглядъ ея сѣро-зеленыхъ глазъ скользилъ по лицамъ присутствовавшихъ, не отражая въ себѣ присущаго ей приподнятаго оживленія.

— Отчего вы такъ мечтательны сегодня, Вероника Антоновна? Какіе образы и мысли отвлекаютъ васъ отъ нашей компаніи? — обратился къ ней Глинковъ, съ которымъ они были большіе друзья.

— Нѣтъ, я совсѣмъ не въ мечтательномъ настроеніи, — отозвалась Кампіони. — Мнѣ жаль красокъ прошлаго...

— Развѣ они настолько вылиняли?! — Асташевъ понялъ о чемъ думала художница.

— Конечно, вся красочность жизни начинаетъ выцвѣтать, — отозвался Глинковъ, по натурѣ большой романтикъ, идеалистъ и поклонникъ красоты въ ея реальныхъ и отвлеченныхъ формахъ. — Война оборвала не мало тонко-вибрировавшихъ струнъ сердца и огрубила его, а революція уничтожитъ запросы красоты.

Культура пойдетъ назадъ, если идеи соціализма сведутся къ повторнымъ въ исторіи Россіи смутамъ и подкупамъ черни для поддержанія этихъ смутъ.

— Россія — это страна исключительнаго озорства и грабительства. Русскій человѣкъ по натурѣ своей воръ и грабитель; этого мнѣнія о русскомъ народѣ были иностранцы, жившіе въ Россіи еще при Петрѣ Великомъ.

Завидковскій обстоятельно и интересно началъ цитировать выдержки изъ историческихъ документовъ.

— Есть очень цѣнныя историческія указанія на то, что вся Пугачевская смута была дѣломъ подкупа, — продолжалъ онъ. — Орловъ, желавшій отомстить Императрицѣ Екатеринѣ, субсидировалъ Пугачева, какъ Германія субсидируетъ большевиковъ для уничтоженія арміи...

Асташевъ поднялся отъ стола и попросилъ гостей перейти пить кофе въ комнату хризантемъ.

Все такъ же вились и ползли по потолку и стѣнамъ разныхъ тоновъ нарядные и пышные хризантемы, такъ же бѣлѣли подлѣ креселъ и дивановъ бѣлыя шкуры мѣховъ, и круглая, свѣшивавшаяся съ потолка лампа, подъ круглымъ, туго натянутымъ абажуромъ, казалось готова была уронить на полъ гирлянды этихъ нѣжныхъ цвѣтовъ.

Вероника вспомнила вечеръ, когда, вмѣсто матоваго свѣта висячей лампы, комнату озарялъ таинственный огонь свѣтильника. Въ розовато-опаловыхъ волнахъ свѣта, темно-зеленая чешуя взвившейся на хвостѣ бронзовой змѣи отливала неясными колебавшимися свѣто-тѣнями. На полу, въ прянно-благоухавшей атмо-

сферѣ, умирали живые, разбросанные по всему ковру хризантемы... Все это вспомнилось, какъ далекій красивый сонъ.

На бѣлой мраморной колонкѣ подлѣ бюста Вольтера, съ цинично-сатанинской улыбкой на тонкихъ губахъ, лежалъ небольшой стилетъ съ агатовой рукояткой. Вероника скользнула по немъ взглядомъ и поймала на себѣ упорный и внимательный взглядъ Асташева.

— Васъ притягиваетъ острое лезвіе этого стилета? — спросилъ онъ подходя къ художницѣ.

— Кажется нѣтъ... Меня больше притягиваетъ злая улыбка Вольтера.

— Вы говорите неправду, — вполголоса возразилъ Асташевъ. — Я не повѣрю, чтобы вы могли такъ скоро забыть.

— Я не забыла, но я не ищу воспоминаній. — Вероника пожала плечами. Въ черномъ шелковомъ платьѣ безъ всякихъ отдѣлокъ и украшеній, съ ниткой жемчуга на шеѣ и тонкимъ, настойчивымъ запахомъ своихъ нѣизмѣнныхъ духовъ, она воскресила въ Асташевѣ рой острыхъ воспоминаній.

— Vous êtes très séduisante aujourd'hui... Vous me tappez sur les nerfs... — проговорилъ онъ, не спуская настойчиваго взгляда съ ея лица.

Она пожала плечами:

— Que m'importe!...

— Я уѣзжаю, — продолжалъ Асташевъ, стараясь проникнуть взглядомъ въ глубину ея сѣро-зеленыхъ глазъ, — и хочу думать, что вами не все забыто.

— Dites donc, quelle mouche vous a piqué? — улыбнулась художница. — Мнѣ чудится, что какая-то мертмая зыбь хочетъ нарушить тотъ мертвый покой, которымъ вы всегда такъ гордились.

— Зыбь минутной прихоти, que sais-je! — небрежно уронилъ Асташевъ. — Какъ бы то ни было, прошу васъ, возьмите этотъ стилетъ. Пусть онъ всегда лежитъ на вашемъ ночномъ столѣ.

— Нѣтъ, я не возьму. — Вероника отстранила руку Асташева.

— Почему?

— Я не хочу, чтобы вы навязывали мнѣ какую то свою волю, — отвѣтила она и мгновенно вспомнила, какъ что-то похожее на эту фразу сказалъ ей князь Суровъ, когда она, подъѣзжая къ Петербургу, въ вагонѣ протянула ему маленькую эмальевую коробочку.

— Пусть будетъ такъ, но воля моя не измѣнится, и этого стилета вы никогда не забудете. Воспоминаніе обо мнѣ будетъ неизмѣнно связано съ нимъ...

— Какой интересный стилетъ! — Къ Асташеву и Вероникѣ, стоявшимъ поодаль въ глубинѣ комнаты, подошелъ докторъ Манухинъ.

— Вы находите, Иванъ Ивановичъ?! Вглядитесь въ него попристальнѣе,.. Онъ не разъ видѣлъ кровь...

— Да, видно, что прожилъ не одинъ вѣкъ, — вертя стилетъ длинными тонкими, чисто докторскими, пальцами, продолжалъ Манухинъ. — Какой онъ національности?

— Мнѣ привезли его изъ Индіи, но, по всѣмъ даннымъ, онъ попалъ туда съ Востока.

— Забавная вещь!... И опасная...

— Очень давно мнѣ было предсказано, что я умру отъ ножа. Почему-то я увѣренъ, что смерть моя таится въ стали именно этого клинка, — задумчиво произнесъ Асташевъ.

— Такъ вы отдайте его кому нибудь, — сказалъ докторъ.

— Та, которой я его даю — не беретъ.

— Отчего?

— Вѣроятно инстинктивно чувствуетъ присутствіе смерти на его лезвіѣ.

— Это вздоръ! — проговорила Вероника, усаживаясь въ низкое кресло и протягивая обутыя въ лакированныя туфли ноги на брошенную подлѣ на коврѣ шкуру бѣлаго медвѣдя. — Разскажите мнѣ, милый докторъ, что-нибудь о той трагедіи, что творится за стѣнами крѣпости, — обратилась она къ Манухину, давая понять, что хочетъ перемѣнить тему разговора.

Въ другомъ концѣ комнаты Марія Аполлоновна, стоя съ маленькой китайской чашкой кофе въ рукѣ, вполголоса обмѣнивалась двусмысленными шутками съ другомъ Асташева — блондиномъ съ лицомъ снятымъ съ иконописи. Заложивъ руки за спину, разставивъ ноги, покачиваясь на нихъ взадъ и впередъ, блондинъ, откинувъ назадъ курчавую голову, старался сдержать порывъ веселаго смѣха.

— Увѣряю васъ, что я не поняла... объясните.

Онъ слегка нагнулся къ ней и повторилъ только-что сказанное.

— Dieu, que vous êtes cochon!... — Марія Аполлоновна разразилась громкимъ, заразительнымъ смѣхомъ.

Изъ сосѣдней комнаты раздался звонокъ телефона.

— Кто-то васъ настойчиво проситъ къ телефону, Григорій Вячеславовичъ, — подошелъ къ гостю Асташевъ.

— Это вѣроятно сынъ, — съ радостнымъ молодымъ блескомъ въ глазахъ, идя къ двери, проговорилъ Глинковъ. — Я обѣщалъ ему рано быть дома. Вѣдь мы не видѣлись три года.

Въ ту минуту, какъ Асташевъ, присоединившись къ Маріи Аполлоновнѣ и своему другу, началъ что-то разсказывать, въ дверяхъ показалась фигура Глинкова. Поблѣднѣвшее лицо выражало не то испугъ, не то отчаяніе. Переступивъ порогъ, онъ остановился, держась рукой за притолоку двери:

— Господа... власть захвачена большевиками... временное правительство арестовано... Керенскій скрылся... Ленинъ — премьеръ министръ...

— Что такое?!... — Господи, какой ужасъ!... Кто вамъ это сказалъ?! Со всѣхъ сторонъ послышались возгласы. Всѣ всполошились и взволнованно обступили Глинкова.

— Кончено, все кончено!... Господи, зачѣмъ Ты допустилъ?!... Россія погибла!... — Глинковъ съ жестомъ отчаянія взъерошилъ и безъ того безпорядочно лежавшіе волосы, хотѣлъ еще что-то сказать, и вдругъ, весь ослабѣвшій, опустился на близь стоявшій стулъ и судорожно зарыдалъ

— Да, Россія погибла... Все кончено... — Какъ это тихо отозвался Завидковскій и весь блѣдный, съ растеряннымъ взглядомъ, безпомощно развелъ руками.

XXXI.

Большой залъ, слабо освѣщенный одной стѣнной лампой, былъ пустъ. На гладко вычищенномъ паркетномъ полу какъ будто-бы скользили и колебались тѣни. За большими окнами, выходившими въ садъ, вѣтеръ гнулъ, скрипя, оголенныя вѣтки деревъ большого сада, разстилавшагося отъ ступеней террасы внизъ къ обрыву надъ рѣкой. Во тьмѣ сырого осенняго вечера чуялось присутствіе грозныхъ, темныхъ, злобныхъ и неотвратимыхъ силъ рока. Онѣ глядѣли сквозь затуманенныя отъ сырости окна большого зала, онѣ толпились скользящими, шмыгающими тѣнями въ углахъ потемнѣвшихъ и опустѣвшихъ аппартаментовъ, въ которыхъ годъ тому назадъ въ это время жилъ царь съ мальчикомъ наслѣдникомъ, гдѣ, послѣ его низложенія, верховный главнокомандующій Брусиловъ, твердо вѣря въ мощь русской арміи, подготовилъ съ математическимъ разсчетомъ ея боеспособность. Идя навстрѣчу революціонному духу, въ роли революціоннаго вождя онъ двинулъ полки въ наступленіе. Всѣ его расчеты были точны и вѣрны: съ точки зрѣнія тактической и стратегической успѣхъ долженъ былъ быть несомнѣннымъ, но въ русской арміи произошелъ переломъ, и стотысячныя полчища, потерявъ сознаніе долга и дисциплины, подъ давленіемъ деморализовавшихъ ее элементовъ, обратились въ разнузданныя толпы темныхъ силъ, которыя, услышавъ кличъ о землѣ и волѣ, о братаніи съ врагомъ, о призывѣ вернуться къ своимъ избамъ, бросили оружіе и, смѣтая на своемъ пути свои-же угодья, ринулись мутнымъ, разрушительнымъ потокомъ съ линій фронта во всѣ концы Россіи.

Прапорщикъ Крыленко, командовавшій арміей принявшей лозунгъ большевизма и требовавшей немедленнаго заключенія мира, безъ труда взялъ Могилевъ, гдѣ еще держалась горсточка преданныхъ патріотической идеѣ людей и низложилъ ставку верховнаго главнокомандующаго. Генералъ Духонинъ, мужественно взявшій на себя, послѣ исчезновенія Керенскаго, роль исполняющаго должность верховнаго главнокомандующаго, былъ арестованъ въ своихъ аппартаментахъ. Телефонный проводъ былъ оборванъ, у дверей стояли часовые, кругомъ царила зловѣщая тишина и тьма.

Въ просторномъ, краснаго дерева, обитомъ малиновымъ бархатомъ кабинетѣ, съ такимъ же натянутымъ на весь полъ ковромъ и спущенными на окнахъ и дверяхъ портьерахъ, въ креслѣ сбоку подлѣ стола, гдѣ подъ зеленымъ колпакомъ горѣла одинокая электрическая лампа, сидѣлъ Духонинъ, облокотясь о ручку кресла и опустивъ голову на ладонь руки. Погруженный въ глубокую, тяжелую задумчивость, онъ сидѣлъ такъ давно, не замѣчая какъ бѣжало время. Онъ не слышалъ какъ ударяли вѣтви оголенныхъ деревъ о стекла оконъ, какъ свистѣлъ и завывалъ вѣтеръ въ трубѣ мраморнаго камина.

Всегда спокойный, рѣшительный и безстрашный, Духонинъ никогда не терялъ сознанія чувства долга и отвѣтственности передъ Россіей въ грозный моментъ надвигавшейся на него опасности. Онъ могъ наканунѣ вмѣстѣ со штабомъ покинуть ставку, но ни на минуту эта мысль не владѣла его мозгомъ. Онъ зналъ, что останется на своемъ посту до послѣдней минуты.

Что могло ждать его впереди? Къ чему онъ долженъ былъ быть готовъ? Ему было объявлено, что вечеромъ будетъ поданъ поѣздъ и его повезутъ въ Петербургъ. Для чего? Очевидно ему предстояло раздѣлить участь временнаго правительства, заточеннаго въ казематахъ Петропавловской крѣпости... Будетъ-ли это послѣдней страницей его жизни?!... Физическая и моральная усталость послѣднихъ мѣсяцевъ парализовала въ немъ любовь къ жизни: хотѣлось полнаго и конечнаго покоя, хотя бы покоя смерти.

Молодой по годамъ, сильный, здоровый и полный воли человѣкъ, онъ въ послѣдніе дни чувствовалъ на душѣ гнетъ зловѣщей тоски. Она давила душу какъ тяжелый камень и оплетала всегда ясный и бодрый мозгъ паутиной черныхъ мыслей. Предчувствія начали сбываться... Духонинъ тяжело вздохнулъ и, не отрывая невидящаго взгляда оть ковра, продолжалъ сидѣть все въ той-же позѣ, съ откинутой на спинку кресла красивой головой.

Передъ нимъ, какъ въ волшебномъ фонарѣ, одна за другой вставали картины его далекой и недавней боевой жизни. Не будучи карьеристомъ, онъ съ радостью воспринималъ удачи по службѣ и, заслуженный по совѣсти, Георгій и генеральскій чинъ носилъ съ гордостью удовлетвореннаго честолюбія. Передъ нимъ мелькали лица такихъ же какъ онъ храбрыхъ борцовъ за честь Россіи, съ которыми онъ былъ связанъ узами неразрывной лихорадочной работы. За послѣднее время точно пропасть раскрывалась подъ ихъ ногами, и они, одинъ за другимъ сметались съ пути: Корниловъ, Деникинъ, Эльснеръ, Эрдели и другіе второй мѣсяцъ

томились въ Быховской тюрьмѣ, гдѣ темная чернь, непризнающая заслугъ низверженныхъ, еще наканунѣ любимыхъ ею, героевъ, глумилась надъ ними сквозь желѣзныя рѣшетчатыя окна.

Передъ глазами Духонина отчетливо, какъ на яву, всталъ образъ любимаго генерала Корнилова. Вспомнились тревожные дни лихорадочной работы въ Бердичевѣ, куда послѣ бѣгства армій былъ переведенъ штабъ юго-западнаго фронта. Сосредоточенный и упорный взглядъ небольшихъ, полныхъ воли черныхъ глазъ, чудилось въ эти минуты Духонину, былъ устремленъ на него съ какой-то затаенной думой. Въ этомъ взглядѣ читалъ онъ ту же неотвязчивую, гнетущую душу, тоску.

— ... Узникъ!... несчастный затворникъ... храбрый герой, беззавѣтный слуга своей родины!... — со скорбью мысленно обратился Духонинъ къ любимому генералу.

— Туда, сквозь тюремные затворы до тебя долетитъ вѣсть о томъ, что я остался вѣренъ нашей родинѣ и не бѣжалъ со своего поста. Ты будешь томиться здѣсь, я — въ стѣнахъ величественной крѣпости залитаго кровью Петрограда ... Жизнь уплываетъ ... Къ чему эти отличія? ... Къ чему былъ весь этотъ трудъ безсонныхъ ночей? ... Арміи нѣтъ, Россія гибнетъ, низверженная въ пропасть позора. Зачѣмъ весь этотъ океанъ пролитой крови на поляхъ сраженій за честь Россіи? Послѣдній актъ трагедіи ... или впереди еще позоръ и гибель? — Духонинъ тяжело вздохнулъ и закрылъ глаза. Давящая тишина, которой онъ не замѣчалъ, поразила его.

— Такъ будетъ въ казематѣ крѣпости, — подумалъ онъ и еще ниже склонилъ голову. — Господи, да неужели все это не кошмаръ?!... — вдругъ встрепенулся онъ весь. — Неужели все сломано, все кончено?!... нѣтъ, я не уступлю, я еще буду бороться... я не хочу гибнуть... У меня еще много силъ и энергіи. Господи, прошу Тебя, молю Тебя, помоги мнѣ!... — съ внезапнымъ подъемомъ духа зашепталъ Духонинъ.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались тяжелые приближавшіеся шаги нѣсколькихъ человѣкъ. Онъ быстро поднялся съ кресла, перекрестился широкимъ, медленнымъ крестомъ, сдѣлалъ шагъ впередъ и, со спокойнымъ холоднымъ лицомъ, слегка приподнявъ голову, встрѣтилъ вооруженныхъ людей, съ шумомъ раскрывшихъ дверь его кабинета.

— Поѣздъ поданъ. Вы должны немедля ѣхать на вокзалъ, — обратился къ нему молодой, въ солдатской формѣ человѣкъ, съ вызывающимъ, непріятнымъ лицомъ.

— Я готовъ, — спокойно отвѣтилъ Духонинъ.

— Ваши вещи?

— Они отправлены внизъ въ переднюю.

— Въ такомъ случаѣ — идемте.

Духонинъ прошелъ черезъ полутемный залъ, спустился по вощеной деревянной лѣстницѣ, крытой алымъ бархатнымъ ковромъ, надѣлъ генеральское на красной подкладкѣ пальто и сѣлъ, съ совершенно ясной, спокойной головой, отъ которой сразу отхлынули всѣ мысли, въ ожидавшій его крытый автомобиль.

Кто-то сѣлъ рядомъ съ нимъ, двое-напротивъ. Съ шумомъ захлопнулись дверцы, и автомобиль, выѣхавъ

за желѣзную рѣшетку просторной передъ домомъ пло щадки, бысто помчался по прямой улицѣ, тускло освѣ щенной рѣдкими фонарями. Ничего не думая, Духонинъ машинально смотрѣлъ въ окно. Весь остатокъ дня послѣ ареста онъ провелъ на креслѣ въ своемъ каби нетѣ, забывъ о ѣдѣ. Теперь онъ впервые почувствовалъ голодъ и отъ голода и усталости предыдущей безсонной ночи пронизывающую дрожь. Онъ плотно засунулъ руки въ обшлага рукавовъ и зябко передернулъ плечами. Возможность выспаться ночью въ вагонѣ показалась ему пріятной. Подъѣхали къ вокзалу. Едва онъ вышелъ изъ автомобиля, какъ его окружили, присоединившіеся къ сопровождавшимъ его, вооруженные солдаты. На вокз лѣ толпились, кричали и ругались снующіе, толкавшіеся солдаты. Духонинъ шелъ, не глядя по сторонамъ и, по прежнему, ровно ни о чемъ не думалъ. Онъ ощущалъ въ мозгу странную пустоту какъ будто бы все, что происходило переживалъ не онъ, а кто-то другой, за которымъ онъ только наблюдалъ. Быстро прошли по тускло освѣщенной платформѣ въ дальній конецъ. Холодный вѣтеръ налеталъ порывами, задувая мигающее пламя фонарей. Подошли къ предпослѣднему вагону перваго класса. Духонина провели въ среднее купэ и задвинули дверцу. Онъ снялъ фуражку, бросилъ ее на загрязненный коричневаго плюша диванъ и, держа руки въ карманахъ пальто, остался стоять, машинально глядя передъ собой въ окно. Свѣча, вставленная въ фонарѣ за его спиной надъ дверью купэ, озаряла ровнымъ неяркимъ свѣтомъ его крѣпкую фигуру, въ которой отгадывалось присутствіе физической силы. Не смотря на усталость отъ

безсонной ночи и пережитыя тревоги послѣднихъ дней, на его красивомъ лицѣ, какъ всегда, игралъ и переливался здоровый румянецъ, губы были алы и на изсиня бѣломъ бѣлкѣ, въ слегка расширенныхъ карихъ зрачкахъ горѣли искорки.

Съ шумомъ отодвинулась дверь. Онъ неспѣша повернулся: солдатъ внесъ два чемодана и несессеръ. За дверью онъ увидѣлъ двухъ часовыхъ съ винтовками.

— Нельзя ли мнѣ принести изъ буфета чего нибудь поѣсть? Я не обѣдалъ сегодня, — обратился Духонинъ къ солдату.

— Должно быть, что можно, — отвѣтилъ тотъ, бросая вопросительный взглядъ въ сторону часовыхъ.

— Разрѣшено, — сквозь зубы процѣдилъ одинъ изъ нихъ, сплевывая себѣ подъ ноги. Духонинъ вынулъ изъ кармана первую попавшуюся бумажку въ сто рублей:

— Обѣдъ, чай, хлѣбъ и, если есть, сухарей.

— Ладно, принесемъ.

Дверца захлопнулась, и солдатъ вышелъ.

Духонинъ снялъ пальто, повѣсилъ его на крюкъ подлѣ двери, досталъ изъ чемодана подушку и плэдъ, умостилъ ихъ въ уголъ дивана, удобно сѣлъ, заложивъ нога на ногу и хотѣлъ думать, но мысли, какъ то непонятно для него и странно, разлетались какъ отъ порывовъ ударявшаго въ окно вагона вѣтра. Онѣ мелькали, рисуя на мгновеніе цѣлый калейдоскопъ картинъ, то изъ давнишней жизни, то изъ недавняго прошлаго. Страннѣе всего казалось ему то, что еще сутки тому назадъ онъ занималъ громадный постъ въ русской арміи, которая съ сегодняшняго дня была добита въ

конецъ. Но въ эти минуты онъ не ощущалъ ни боли, ни тоски при всплывшей на мгновеніе мысли о конечномъ развалѣ арміи: въ душѣ его воцарилась неподвижная мертвая тишина, похожая на тотъ покой, о которомъ онъ мечталъ въ своемъ кабинетѣ. То, что казалось недопустимымъ, катастрофичнымъ и полнымъ ужасной угрозы, свершилось безъ подготовки, просто, быстро и естественно. Въ томъ, что онъ сидитъ въ запертомъ купэ, охраняемомъ враждебными ему часовыми, въ томъ, что его везутъ какіе то люди въ Петербургъ, гдѣ посадятъ навѣрное въ заточеніе — въ этомъ его усталый мозгъ не находилъ ничего страннаго: это казалось ему простымъ и не неожиданнымъ.

Прошло довольно много времени, когда опять съ шумомъ отодвинулась дверь и, уже другой солдатъ, принесъ ему на подносѣ обѣдъ, поставилъ на откинутый подлѣ окна столикъ и вышелъ. Духонинъ съ удовольствіемъ принялся за ѣду. Сахару въ чаѣ не было. Онъ досталъ изъ несессера коробочку съ сахаромъ и леденцами. Не смотря на то, что за весь день онъ почти ничего не ѣлъ, обѣдъ онъ не докушалъ и чай не допилъ: его охватила непонятная не то слабость, не то апатія. Онъ прислонился головой къ подушкѣ въ уголъ дивана и хотѣлъ дремать, но несмолкаемый гомонъ, крики и руготня солдатской толпы, снующей мимо вагона, мѣшали ему. Онъ приподнялся и сталъ тянуть за шнурокъ сбоку окна, желая опустить занавѣску. Стоявшая напротивъ кучка солдатъ и матросовъ, что то выкрикивая, приблизилась къ его окну. Онъ, замедливъ отпускать штору, смотрѣлъ на нихъ, не сразу понявъ, что выкрики и угрожающіе жесты

относились къ нему. Понялъ онъ это лишь тогда, когда широкоплечій, громадный человѣкъ въ формѣ матроса, подойдя вплотную къ вагону, ударилъ кулакомъ въ стекло. Духонинъ скользнулъ взглядомъ по немъ и по увеличивавшейся вокругъ него кучкѣ что то жестикулирующихъ и кричащихъ людей и, медленно спустивъ штору, опять сѣлъ въ уголъ дивана, сразу забывъ о томъ, что дѣлалось за окномъ. Прошло нѣсколько минутъ. Онъ услышалъ крики и топотъ ввалившейся въ вагонъ толпы. Затѣмъ раздался многоголосный крикъ, ругань и угрозы у самой его двери, о которую ударялись ружья, шаркали ногами, толкались локтями. Послышалось короткое препирательство часовыхъ съ толпой, и черезъ минуту дверь его съ грохотомъ отодвинулась и на порогѣ появилась толпа солдатъ; за ними, толкаясь и напирая, лѣзли другіе.

— Генералъ Духонинъ?.. Главнокомандующій?.. — насмѣшливо обратился къ нему матросъ, котораго онъ видѣлъ черезъ окно.

— Что вамъ надо? — строго спросилъ Духонинъ, слегка сдвигая брови и не трогаясь съ мѣста.

— Что надо? Тебя надо! — заламывая шапку на затылокъ, отвѣчалъ матросъ.

— Онъ насупротивъ насъ шелъ, потому что на миръ не соглашался... значитъ за войну стоялъ, — выкрикнулъ одинъ изъ напиравшихъ сзади солдатъ и грубо выругался.

— Мало значитъ нашей крови пролито... ишь изверги! Имъ бы весь народъ христіанскій перебить, чтобы, значить, по своему жить... Ладно! Довольно! Натѣшились, кровушки нашей попили... теперь, братъ,

на нашей улицѣ праздникъ... долой анараловъ!... Сами управимся!... — перебивая другъ друга и пересыпая руганью, кричала толпа, все больше и больше возбуждаясь.

— Куда его везутъ? — крикнулъ кто-то сзади.

— Въ Петроградъ... судить будутъ за измѣну... народу, значитъ, измѣнилъ... насупротивъ народной воли пошелъ... крышка ему, окоянному!...

— Зачѣмъ вы всѣ кричите? Замолчите и выслушайте меня, — подымаясь съ дивана и дѣлая повелительный жестъ рукой, строго и спокойно произнесъ Духонинъ. Сразу наступило молчаніе.

— Я не измѣнникъ народу, такъ какъ я не измѣнялъ клятвѣ воевать съ врагомъ, пока мы его не побѣдимъ, пока не вернемъ Россіи ея славу и честь...

— Ишь куда загнулъ! — насмѣшливо перебилъ его матросъ. — Россіи вернуть славу захотѣлъ, проливая народную кровь. Кому же слава то эта нужна, коли народъ перебитъ будетъ? О себѣ небось хлопочите, господинъ Духонинъ, о буржуяхъ и капиталистахъ! Эти пѣсни ваши о Россіи мы хорошо знаемъ! Съ ними полъ Россіи народу перебито, а вамъ все еще мало. Вотъ васъ народный судъ допроситъ въ Петроградѣ... Всѣхъ васъ засудитъ...

— Вѣстимо засудитъ!.. Народъ судить будетъ... всѣхъ васъ перевѣшаемъ... черти этакіе! — опять заорала толпа.

Духонинъ, желая говорить, опять поднялъ руку.

— Да что его слушать, товарищи! Кровопійца онъ и измѣнникъ. Одинъ идетъ напротивъ міра... Долой его!... Нечего съ нимъ тутъ разговоры разво-

дить... Сами судить будемъ... Тащи его, товарищи, на плацформу... тащи его!... тамъ виднѣе будетъ... — заоралъ солдать, съ громадной всклокоченной головой, тупымъ лицомъ звѣря и необычайно выдавшимися скулами и губами. Въ глазахъ его, исподлобья устремленныхъ на Духонина, горѣла злобная кровожадность.

— Вѣстимо, стащить его на плацформу!... Эй, товарищи, ну-ка его... пропустите меня... — расталкивая толпу, зычно заоралъ одинъ изъ стоявшихъ сзади солдатъ.

— Сами, съумѣемъ... чего напираешь?... Ташите его, братцы... Вотъ такъ!... за шиворотъ его... тащите...

Въ одно мгновеніе произошло нѣчто дикое и кошмарное: нѣсколько грубыхъ, закорузлыхъ рукъ схватили выпрямившагося во весь ростъ, съ откинутой назадъ головой, генерала. Его взглядъ со скорбной отвагой встрѣтилъ взгляды, горящіе дикимъ огнемъ ненависти. Чей-то мощный кулакъ со всего размаха опустился на голову Духонина. Мирріады искръ посыпались изъ его глазъ. Онъ закрылъ ихъ и тихо, тягуче простоналъ, когда удары прикладами одинъ за другимъ начали сыпаться на его спину и плечи. Его толкали и душили, протискивая изъ дверей площадки на платформу. Въ давившей его свалкѣ онъ запутался, споткнулся и сталъ падать. Чья-то жестокая рука со всей силы схватила его за ухо и стала тащить. Его выволокли, почти выбросили изъ дверей вагона Собравшаяся на крики толпа, дико загоготала и ринулась къ кучѣ, въ которой вскидывались и безпомощно падали то двѣ руки, то мотавшаяся голова, съ помертвѣлымъ

лицомъ, по которому отъ виска и носа струилась кровь. Ни воплей, ни стоновъ не было слышно.

— Эй, товарищи, дайте мѣста... на середку его... пусть отвѣтъ держитъ передъ судомъ, — заоралъ солдатъ со звѣроподобной наружностью.

— Правильно, товарищи, правильно!... судить его, мерзавца, кровопійцу...

Толпа подалась слегка назадъ. Пиньками и толчками Духонина подняли съ земли. Мертвенно-блѣдный, съ окровавленнымъ лицомъ, въ ободранномъ, висѣвшемъ клочьями, фрэнчѣ, изъ подъ котораго виднѣлась сорочка въ пятнахъ крови, — онъ былъ страшенъ. Въ помутившихся глазахъ стоялъ кровавый туманъ. Въ ушахъ что-то гремѣло и звенѣло; сознаніе клочьями то всплывало, то ускользало. Мгновеньями ему чудилось, что тысячные пуды придавили все его тѣло, и онъ безсильно пытался высвободиться изъ подъ ихъ ужасающей тяжести. Смертельная, разрывающая, какъ когтями, тоска впилась въ его душу. Въ мерцавшемъ искорками сознаніи рвалось желаніе что-то выкрикнуть, что-то сдѣлать. Но зубы его были тѣсно сжаты; онъ потерялъ волю и сознаніе своихъ членовъ. Все его я казалось ему однимъ запутаннымъ катящимся клубкомъ. Нить сознанія ускользала. Онъ пошатнулся отъ дикой боли въ переломанной ногѣ и сталъ тяжело валиться на бокъ.

— На подпорки его, товарищи... эка какой слабосильный сталъ, а еще анаралъ! — Съ дикимъ хохотомъ заоралъ близь стоявшій солдатъ и ткнулъ ему въ бокъ штыкомъ. Брызнула кровь.

— Такъ, такъ его измѣнника!... Коли его... бей... по башкѣ его...

Люди, какъ исчадія ада, съ перекошенными отъ злобы лицами, искаженными жаждой преступленія, съ горящими тупымъ и дикимъ огнемъ глазами, толкая и давя другъ друга, лѣзли впередъ, молча взмахивали судорожно сжатыми кулаками и опускали глухіе удары на безформенную массу, трепавшуюся, какъ тяжелый теплый мѣшокъ подъ ихъ ногами. По громадной лужѣ крови скользили ихъ тяжелые, облипшіе грязью сапоги.

— Ладно, товарищи. Разступись. Засудили мерзавца, пусть всѣ видятъ каковъ народный судъ, — произнесъ матросъ, расталкивая и разгоняя сбившуюся, неиствовавшую толпу надъ тѣломъ мученика. — Волоките его, товарищи, на товарную станцію. Пусть постоитъ тамъ въ примѣръ и назиданіе такимъ-же какъ онъ измѣнникамъ волѣ народной.

Тѣло Духонина, окровавленное и обезображенное, нѣсколько человѣкъ потащили черезъ полотно дороги къ товарной станціи....

Настала ночь, и на небѣ, покрытомъ быстро мчавшимися, гонимыми вѣтромъ, облаками, выплыла полная луна. Она озарила холоднымъ зеленовато-голубымъ свѣтомъ товарную станцію, гдѣ люди, озлобленные и жестокіе въ своей темнотѣ, выставили на судъ далекаго и молчаливаго неба, озареннаго сіяніемъ мѣсяца, свое страшное и темное дѣяніе: прислоненный къ стѣнкѣ, одиноко выдвинутаго на рельсы, товарнаго вагона, совершенно нагой и обезформенный штыковыми ранами и ударами прикладовъ, стоялъ трупъ генерала Духонина.

На голову была надѣта его генеральская фуражка, ухарски сдвинутая на затылокъ. Было что-то невыразимо гнусное и святотатственное въ этой, съ явной цѣлью, сдвинутой фуражкѣ и въ папиросѣ, всунутой въ запекшіяся, посинѣлыя губы, сквозь которыя виднѣлся рядъ прекрасныхъ бѣлыхъ зубовъ. Одинъ глазъ, неестественно большой, глядѣлъ омѣртвѣлымъ, неподвижно упорнымъ взоромъ на небеса, вмѣсто другого глаза была страшная сизо-багровая опухоль. Двое часовыхъ, шагая взадъ и впередъ, стерегли выставленныя для глумленія черни останки героя, честно выполнившаго до послѣдней минуты свой долгъ передъ Родиной.

Конецъ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГЛАГОЛЪ», БЕРЛИНЪ

«GLAGOL», VERLAGSGESELLSCHAFT m. b. H.
BERLIN - CHARLOTTENBURG, Witzlebenstr. 20

Поступили въ продажу слѣдующія книги:

Н. А. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАЯ:

Романъ изъ жизни придворныхъ круговъ послѣдн. времени царствованія Николая II

РАЗВАЛЪ 1916-17 г.

КРУШЕНІЕ (Армія)

Цѣна каждой книги М. 33.—

Для странъ съ валютой выше герм. установл. надбавка

А. УЛИЦЪ: Араратъ

Перев. съ нѣм. В. О. Шмидтъ. Печатается

Отдѣлъ учебниковъ для русской средней школы:

УЧЕБНИКЪ АЛГЕБРЫ

Состав. Инжен. Техн. Г. П. Фарскій

УЧЕБНИКЪ АРИѲМЕТИКИ

Состав. Магистръ матем. Б. К. Егоровъ

УЧЕБНИКЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

Состав. Д-ръ фил. Пражск. Унив. М. А. Форштетеръ

Печатаются

Общедоступная библіотека прикладныхъ знаній.

ОТДѢЛЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

ПРОМЫСЛОВОЕ ПЧЕЛОВОДСТВО

со мног. рисунками въ текстѣ. Состав. А. Ф. Кунаховичъ

МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

А. КУПРИНЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВЪ 12-ти ТОМАХЪ

Вступительная статья Е. Аничкова
Обложка работы М. Соломонова

Заканчивается печатан. и поступаетъ въ продажу

Вышли изъ печати:

ТОМЪ I-ый МОЛОХЪ
ТОМЪ II-ой ПОЕДИНОКЪ
ТОМЪ V-ый НА ПЕРЕЛОМѢ
ТОМЪ XII-ый ЯМА, ч. I-ая
ТОМЪ XII-ый, ч. 2 и 3: ЯМА окончаніе

Цѣна каждой книги М. 22.—

М. АРЦЫБАШЕВЪ. Санинъ

Цѣна М. 25.—

Для странъ съ высшей, противъ Германіи, валютой установленная надбавка

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГЛАГОЛЪ», БЕРЛИНЪ

«GLAGOL», VERLAGSGESELLSCHAFT m. b. H.
BERLIN-CHARLOTTENBURG, Witzlebenstrasse 20

Типографія Отто Древицъ, Berlin SW 61, Gitschinerstr. 106

N. A LAPPO-DANILEWSKA — LA CATASTROPHE

EDITEURS: SOCIÉTÉ „GLAGOL“
BERLIN, WITZLEBENSTR. 20